Н. Павлищева
А. Владимирский
Роксолана и Сулейман
Возлюбленные «Великолепного века»

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Впервые! Два бестселлера одним томом! Двойной портрет самой прекрасной и верной супружеской пары Блистательной Порты. История великой любви и жестокой борьбы за власть, обжигающей страсти и дворцовых интриг, счастливого брака и разбитых сердец.

Нет сейчас более популярного женского сериала, чем «ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ВЕК». Невероятная судьба славянской пленницы Роксоланы, ставшей законной женой султана Сулеймана Великолепного, покорила многие миллионы телезрительниц. Ни до Роксоланы, ни после нее султаны Османской империи не женились на бывших рабынях по законам шариата и не жили в моногамном браке – они вообще предпочитали официально не жениться, владея огромными гаремами с сотнями наложниц. А Сулейман не только возвел любимую на престол Блистательной Порты, но и хранил ей верность до гроба – и после кончины Роксоланы написал такие стихи: «А если и в раю тебя не будет – не надо рая!..»

- Наталья Павлищева, Александр Владимирский
  -
  - Наталья Павлищева
    - Ведьмы на троне
    - Великолепная пара…
    - О бедном султане
    - Кто она, женщина, сумевшая околдовать султана?
    - Гарем – место запретное…
    - Валиде
    - Соперницы и враги
    - Как стать незаменимой советчицей
    - На пир к султану
    - Одежда турецких женщин в гареме и вне него
    - «Пьяное потомство», или Как быть виноватой в том, что произойдет через сто лет
    - Они были вдвоем… всегда и вопреки всему
  - Александр Владимирский
    - Предисловие
    - Взлет и упадок Османской империи
    - Наследие Селима Грозного
    - Восшествие на престол
    - Войны и завоевания. Первый поход против

Венгрии
- Первая война против ордена иоаннитов (госпитальеров). Осада Родоса
- Единственный союзник
- Вторая война с Венгрией. Битва при Мохаче. Войны с Габсбургами
- Победы на Средиземном море
- Война с Персией (Ираном)
- Войны в Персидском заливе и Индийском океане
- Сулейман Законодатель
- Частная жизнь и интриги
- Неудача на Мальте
- Последний поход
- Наследие. Кризис Османской империи
- Библиография

Наталья Павлищева, Александр Владимирский
Роксолана и Сулейман. Возлюбленные «Великолепного века» (сборник)

© Павлищева Н.П., 2014
© Владимирский А.В., 2014
© ООО «Издательство «Яуза», 2014
© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Наталья Павлищева
Роксолана-Хуррем и ее «Великолепный век». Тайны гарема и Стамбульского двора

Ведьмы на троне

Имя жены султана Сулеймана Великолепного Роксоланы окутано тайнами и овеяно легендами, причем вовсе не воспевающими ее, а больше похожими на дешевые базарные сплетни. Не повезло султанше, даже в роскошном сериале «Великолепный век», заставляющем который сезон приникать к телевизорам любительниц красивых страданий, ее превратили в злобную фурию, каким-то колдовством завоевавшую (да что там, захватившую!) сердце Великолепного Сулеймана. И непонятно, кого больше жаль – страдальца султана или оболганную Роксолану-Хуррем.

Она далеко не одинока; наверное, любая женщина у власти, которая хоть чего-то стоила, обязательно была облита грязью (о правителях-мужчинах не говорю, у нас женский вопрос).

Кем у нас числится Клеопатра? Роковой красавицей, требовавшей за ночь с собой расплачиваться жизнью (и ведь находились столь жадные до царских ласк, что платили! Жизней у них, как у кошек, по девять, что ли?). Велика же должна быть гора трупов под царскими окнами! Куда она трупы девала: сушила, на солнышке вялила, сжигала, бальзамировала?

Глупость? Но чем лучше басни о сотнях любовников-гвардейцев Екатерины Великой?

А огромные бутыли с ядом у Екатерины Медичи? Если поверить во все отравления, которые ей приписывают, то цианид надо было держать в ведрах. Или в мешках из-под картошки.

Или сумасшедшая любвеобильность королевы Елизаветы I, тайно рожавшей младенцев и подбрасывавшей их подданным?

Все они просто ведьмы на троне, не иначе.

Но археологи раскапывают монеты с профилем Клеопатры, а потом находится бюст царицы Египта, выполненный пусть не прижизненно, но по заказу дочери (уж она-то должна помнить, какой была мать), и все, кто это видят, испытывают потрясение. Роковая красавица, за ночь с которой не жаль жизни, имела внешность… Бабы Яги в молодости: крючковатый нос, выступающий вперед подбородок, реденькие волосы… потом добавляются прижизненные описания, подтверждающие, что царица была невысокого роста, имела кривые ноги и некрасивые зубы, в общем, только грудь хороша и глаза умом светились…

Зато владела, по одним данным, пятью, по другим – девятью языками, разбиралась в философии, географии, написала трактат

по математике, прекрасно пела, умела вести беседу с любым на любую тему и обладала таким обаянием, что попавший под чары ее серебряного голоса просто забывал о внешности. Обаятельная умница, прекрасно разбиравшаяся в экономике и политике, не менее прекрасная мать (судя по отзывам ее детей и современников, недаром египтяне почитают ее как богиню Изиду, которая сродни Деве Марии).

Изучала действие различных ядов на людей? Да, прикидывала, какой действует быстро, для себя старалась, потому что знания потом применила на практике, а испытания проводила на приговоренных к смерти.

Откуда тогда бред о роковой красоте и дорогой цене за нее?

Понадобился Октавиану Августу, чтобы получить от Сената Рима деньги на войну с Египтом, вернее, со своим соперником на пути к единовластию в Риме Марком Антонием, который женился на царице Египта. А еще чтобы оправдать безумное увлечение Клеопатрой самого Юлия Цезаря, мол, такая эта Клеопатра роковая, что если с ней не расправиться, непременно погубит всех стоящих мужчин Рима, притянув своей красотой, как венерина мухоловка – насекомых. Сенат поверил и денег дал, а байка о роковой красавице осталась жить.

Две тысячи лет верили, что Клеопатра была красива настолько, что из-за ее внешности умные мужчины совершенно теряли головы, а глупые – и жизни.

А «Великой отравительнице» Екатерине Медичи не было никакой необходимости дарить возможной сопернице в борьбе за власть отравленные перчатки, Жанна д'Альбре давно и безнадежно болела туберкулезом, пребывание даже в гостях в Париже в сыром климате Сены для нее было смерти подобно. Отравление тем более нелогично, что Екатерина как раз обсуждала с будущей сватьей замужество своей дочери Маргариты (королевы Марго) с сыном Жанны Генрихом (будущим королем Генрихом IV). Но настроенным против Екатерины Медичи было удобно поверить – и поверили…

Не лучше сплетни о других правительницах, при ближайшем рассмотрении ни одна из них не выдерживает критики, рассыпаются в прах. Но никто не рассматривает, ни к чему. Гораздо легче поверить, что египетская красавица штабелями складывала казненных, что через спальню императрицы строем проходили полки гвардейцев, а Екатерина Медичи подавала на стол отраву фужерами и разрезала яблоки исключительно смазанными с одной стороны ядом ножичками.

Было, наверняка все было, но не в таких же объемах! Глупости заслонили от нас математические способности Клеопатры, долготерпение Екатерины Медичи (кто бы вынес многолетнюю любовницу рядом с мужем, не отравив ее?), организаторский талант Екатерины Великой, дипломатические успехи королевы Елизаветы, столько лет ради блага своей страны водившей за носы многочисленных женихов всех стран и мастей…

Бредни о колдовстве, которым Роксолана присушила к себе Сулеймана, ради прихода к власти отравила или хотя бы собиралась отравить всех мешавших ее возвышению, подвела под ятаган сонм врагов и так далее… из той же копилки. Не самая красивая, не самая стройная смогла завоевать сердце султана, имевшего под рукой сотни великолепных образцов женской красоты, причем завоевать раз и навсегда, даже после ее смерти султан писал посвященные своей Хуррем стихи и тосковал о ней. Что это, как не колдовство?

Приговор ясен: ведьма! Причем злющая, кого только ни извела: валиде, Ибрагима-пашу, шех-заде Мустафу, даже собственного сына Баязида! Заговор против всей вселенной, не иначе. Хорошо, что яда не хватило, чтобы отравить весь Стамбул скопом.

Если верить бредням, Роксолана в свободное от постельных обязанностей время только и делала, что ловила скорпионов, пауков и прочую гадость, чтобы сварить приворотное зелье. Почему-то забывают о том, что Сулейман месяцами отсутствовал в Стамбуле, находясь за тысячи километров в походах, и оттуда писал своей Хуррем полные любви и тоски по ней письма. Она отвечала тем же.

И травить всех подряд у нее не было никакой необходимости, султан все равно любил ее одну, любил даже тогда, когда ей было за пятьдесят (старушка для XVI века).

Но компания, в которую попала Роксолана, хороша! Каждая из этих оклеветанных женщин стоит того, чтобы пытаться дорасти до них, понять силу их обаяния, а также истинную причину любви к ним великих мужчин.

Почему же люди поверили сплетникам, а, например, не Пушкину, который видел у своей Натальи Николаевны душу, а не красивую обертку, любил ее за умение сострадать, сочувствовать, отдать всю себя тем, кого любит? Почему не поверили в искренность увлечения Клеопатрой великого Юлия Цезаря?

Почему не поверили султану Сулейману, писавшему любимой прекрасные письма и стихи даже посмертно?

Зато поверили сценаристам сериала, у которых вся эволюция образа Хуррем только от хитрой истерички с улыбкой аспида до ловкой и безжалостной интриганки вовсе без улыбки? Конечно, любовь зла, полюбить можно хоть крокодилицу, но как бы ни старались актеры, поверить в любовь Сулеймана Великолепного к этой фурии просто невозможно.

Человека нельзя всю жизнь поить приворотным зельем, к тому же Сулейман пережил свою Хуррем на целых восемь лет, и его любовь тоже пережила, без зелья никуда не делась, не рассеялась, как дым, не растворилась без остатка.

Любовь на всю жизнь и даже после нее не бывает приворотной, она настоящая.

Давайте попробуем поверить в искренность чувств настоящего, а не экранного султана Сулеймана, в то, что женщина, к которой он эти чувства испытывал, была их достойна, что у его Хуррем вовсе не такая черная душа, как нам показывают в красивых декорациях талантливые актеры. Пусть настоящее будет выше грязных выдумок, растиражированных ради привлечения зрительской аудитории.

Клеопатра не была бездумной убийцей, Екатерина Медичи – безжалостной отравительницей, Елизавета не рожала детей от любовников ежегодно, а Наталья Николаевна ежевечерне не крутила романы. И Роксолана не заготавливала приворотное зелье для Сулеймана Великолепного ведрами.

Они все были настоящими и заслуживали настоящей любви великих мужчин.

Великолепная пара…

Султан Сулейман Великолепный и его супруга Хуррем, именуемая в Европе Роксоланой, – одни из известнейших (и интереснейших) личностей в истории Османской империи. Причем репутации у них абсолютно разные.

Сулеймана в Европе назвали Великолепным, в Турции почитали как Кануни – «Законника», правителя, поступавшего только по закону, во всяком случае старавшегося поступать именно так, великого завоевателя, значительно расширившего владения Османов за время своего долгого – 46 лет – правления, совершившего то, что не удалось его воинственным предкам, грозу Европы и заботливого султана для своих подданных, независимо от их национальной принадлежности и вероисповедания. При этом султан Сулейман был истинным мусульманином, свято чтившим все заповеди Корана и щедро жертвовавшим на нужды мечетей и бедных.

Роксолана-Хуррем вызывала и у своих современников, и у потомков двоякое чувство. Европейцы отзывались о ней как об умной, очень приятной в общении, прекрасно образованной и щедрой к нуждам малоимущих правительнице.

Туркам же и прежде, и ныне ненавистно само имя супруги своего любимца султана. Роксолану называли жестокой ведьмой, колдовством подчинившей себе Сулеймана, обвиняли в казни всех, кто был казнен за время правления Кануни, в том числе и тех, кого казнили после ее смерти, обвиняли в попытке посадить на трон одного из своих сыновей… Проще сказать, в чем не обвиняли Роксолану – разве что в наводнении в Америке или снегопаде на Чукотке, и то только потому, что о них не знали.

Эта необычная не только для Османской империи, но и для XVI века вообще семейная пара сыграла большую роль в международной политике Европы и особенно в становлении самой империи.

К сожалению, талантливо снятый и очень популярный сейчас сериал «Великолепный век» грешит тем же, чем грешили базарные сплетни времен самой Роксоланы: огульно обвиняет во всех бедах и неприятностях ее времени.

Конечно, выжить в гареме вообще непросто, а выйти замуж за султана и стать для него единственной, имея такое количество соперниц, более красивых и страстно желающих занять место на султанском ложе, и того трудней.

Она все смогла. Девчонкой привезенная издалека, не самая

красивая и стройная, невысокого роста, далеко не первая у Сулеймана, уже имевшего и жен-красавиц, и нескольких сыновей – наследников престола, Роксолана, как звали ее европейцы, сумела стать для Сулеймана единственной женщиной, которую султан желал видеть рядом с собой, с которой заключил брак по шариату, нарушив полуторавековой обычай османских султанов не жениться. Рабыня, ставшая законной султаншей… разве это возможно без колдовства? И по Стамбулу ползли сплетни одна другой хуже и нелепей.

Но Сулейман оказался выше всех нашептываний и наветов, выше любых сплетен, он верил сердцу и своей Хуррем, как звали Роксолану в гареме.

И все же не тем примечательна Роксолана, что из рабынь стала любимой женой, даже не тем, что законной, и не тем, что, не самая красивая, легко затмила самых. А тем что встала рядом с мужем, стала правительницей огромной империи, а не гаремной наушницей, давала советы мужу не в постели, а во время приемов послов, а многих принимала и сама.

На султанов их наложницы влияли и до, и после Роксоланы, но все влияние сводилось к протежированию собственного сына, чтобы стать валиде – матерью следующего султана после смерти нынешнего. Обычно матерям наследников нынешний султан даже мешал, ведь с его смертью новая валиде получала власть в гареме.

Роксолану обвиняли в том, что старалась добиться наследования престола одним из своих сыновей. Но разве остальные добивались не того же для своих?

Почему-то никто не замечал, что у Роксоланы уже есть реальная власть, вернее, замечали те, кто пытался этим воспользоваться, кто подносил богатые подарки именно султанше, кто старался заручиться ее поддержкой. Прежде всего это были послы европейских монархов, они раньше других поняли, кто имеет самое большое влияние на султана, к кому обращаться за посредничеством.

Европа уже просыпалась от средневекового сна, ее женщины уже превращались из красивых кукол и машин для рождения наследников в полноправных членов общества. Конечно, до полноправия было еще очень далеко, но женщина эпохи Возрождения уже заявила о себе.

Такой была и Роксолана, именно поэтому современникам и, особенно, современницам было так трудно понять ее поведение и ее силу, а все, что непонятно, немедленно приписывается колдовским чарам. Роксолана прожила почти 53 года, в таком

возрасте она уже не могла составить конкуренцию более молодым и красивым, но и тогда Сулейман любил только свою «старушку». Более того, даже после смерти оставался верен ей душой, тосковал и писал прекрасные стихи в память о возлюбленной…

Наверное, она того стоила.

Что же это за мир – Османская империя, Стамбул, гарем султана Сулеймана, в который попала Настя Лисовская и где, названная Роксоланой-Хуррем, сумела не просто выжить, но стать правительницей, повелительницей, запомниться на века?

Что за султан, решившийся жениться на любимой рабыне, презрев обычай и людское мнение?

Что это за Роксолана, ради которой стоило нарушать неписаные законы империи и которой даже после ее смерти стоило посвящать стихи?

О бедном султане
Замолвите слово…

Султан Сулейман бедным не был, он был сказочно богат, причем не в последнюю очередь – своими собственными стараниями.

Судя по многочисленным отзывам (оставленным, конечно, зависевшими от него людьми), Сулейман был не просто Кануни, то есть «Законник», «Справедливый», он истинный образец правителя. С одной стороны – настоящий воин, полководец, крепко сидевший в седле и завоевывавший города и страны, с другой – заботливый правитель, который пекся о благосостоянии простых подданных, при котором были отменены многие налоги, а оставшиеся не возрастали, хранитель исламских и османских традиций. А еще поэт с очень неплохими стихами, заботливый и любящий отец, сын и муж.

Высокий, красивый, с орлиным профилем, умный, заботливый, и к тому же султан. Как такого не полюбить что близким, что подданным вообще? Один минус – столько лет верен одной-единственной женщине! Попал под ее чары и никак не мог от них освободиться.

Проклятая «роксоланка» («русская»)!

Колдовством влюбила в себя султана, небось подсыпала ему в еду зелье…

Не имела доступа к султанской пище?

Не важно, значит, по-другому колдовала, привороты разные применяла.

Разве может мужчина быть верен одной женщине? Нет, простой мужчина может – но султан, у которого вокруг сотни гурий?..

И всех, кто мешал, кто стоял на пути, извела – внушила султану одних (Ибрагима и Мустафу) казнить, других (Гритти) отправить подальше, третьих (валиде) сама отравила. Собственную дочь не пожалела – совсем ребенком старику в жены отдала – и сына (Баязида) тоже не пощадила, султан по ее наущению казнил, не иначе…

А сорок отпрысков Сулеймана, которых кровожадная гадина уничтожила (наверное, тайно, потому что сам султан об этом не подозревал, отпрыски, кстати, тоже)?!

А сын Селим, ставший следующим султаном, которого мамаша непонятно из каких соображений поила алкоголем вместо молока практически с младенчества?! Это и сгубило

Османскую империю, потому что Селим вырос алкоголиком, за что и был прозван Пьяницей. А Пьяница не мог не загубить порученное дело, то бишь руководство огромной империей.

А несчастные евнухи, которым по приказу султанши (по чьему же еще?) отрезали все, что только можно, выдавая взамен серебряные трубочки, чтобы мочиться сподручней?!

А несчастная Османская империя, которую Роксолана умудрилась развалить уже после своей смерти?!

Ну что можно сказать?..

Османская империя прекратила свое существование через 364 года после смерти Роксоланы. Получается мина слишком уж замедленного действия.

Пьяницей был не один Селим; например, двое сыновей султана Баязида даже умерли от пьянства, а империя при сыне Роксоланы не только не распалась, но и увеличилась в размерах. И Селима споили сознательно в куда более зрелом возрасте, чем тот, в котором потребляют материнское молоко.

Евнухи попадали в гарем уже кастрированными и с серебряными трубочками для личной гигиены, султанша могла о таком и не знать.

Никаких сорока отпрысков, даже тайных: у Сулеймана было восемь сыновей, пятерых из которых родила сама Роксолана, двое умерли еще до ее фавора, третьего – Мустафу – Сулейман казнил за настоящую измену, об этом речь впереди. Дочери известны две – Михримах и Разие, и обе спокойно дожили до старости.

Ничего, кто ищет, тот всегда найдет, потому найти сорок отпрысков для желающих не проблема.

Баязид был казнен из-за выступления против отца через четыре года после смерти Роксоланы? Не важно, все равно она виновата!

Ее дочь Михримах вышла замуж за Рустема-пашу в семнадцать, когда этому «старику» шел тридцать девятый год, что для того времени было вполне обычно? Все равно непорядок!

Гритти поспешно уносил ноги из Стамбула и был рад назначению в Венгрию, потому что им уже интересовались чиновники из-за многих финансовых нарушений? Чья же вина, как не Роксоланы? В махинациях Гритти или в интересе чиновников? Во всем!

Мустафу отец казнил во время похода, находясь далеко и от Стамбула, и от Роксоланы? А она и на расстоянии влиять умела, когда султан размышлял, где поставить запятую в предложении «Казнить нельзя помиловать!» – мысленно за две тысячи километров ему подсказывала, где именно.

А вот с Ибрагимом все не так ясно… Была взаимная ненависть, была… Боролись они за внимание султана и за влияние на него, смертельная схватка получилась. Жить осталась Роксолана, но это не означает, что именно она нанесла решающий удар, у Ибрагима-паши было так много грехов, что меч давно висел над его головой, вернее, шеей, не одному Гритти стоило уносить ноги…

И все же в удалении Ибрагима Роксолана могла быть виновной, если не прямо, то косвенно.

Однако винили-то ее совсем не в этом, а в том, что пыталась извести всех на корню, на сам гарем замахнулась. Такие слухи ходили по Стамбулу, хорошо, что султан на них не обращал внимания, не столько потому, что не слышал, сколько потому, что не верил, видно зная о своей Хуррем что-то такое, чего не знал никто.

О персонаже под именем Хуррем в сериале такого не скажешь. Злое, в лучшем случае озабоченное лицо у той, которую зовут «Дарящая радость», «Смеющаяся». У киношной Хуррем не то что радости – и улыбки на лице не видно, напротив, написано: «Не подходи, убью!». Невольно веришь, что вот эта могла отравить или подставить под ятаган кого угодно. Кажется, ей чего-то не досталось после стояния в длиннющей очереди, радость эта особа дарить точно не могла.

Если Хуррем и впрямь была как в сериале – злой и ненавидевшей всех вокруг, то можно поверить стамбульцам, убежденным, что без колдовства не обошлось.

Как султан мог полюбить такую? Только после пары литров приворотного зелья с утра или, наоборот, на ночь. Удивительно, что он и во время долгих походов о своей Хуррем не забывал, писал любовные письма, присылал стихи… То ли зелье было долгодействующее, то ли с собой давала, наказывая принимать по столовой ложке три раза в день перед едой. А может, просто любил?

Так будем жалеть султана Сулеймана Хазрет Лери Хана или сначала попробуем разобраться, какова же в действительности была эта Роксолана-Хуррем, так ли страшна, как ее в сериале малюют, и что мог и чего не стал бы совершать ради настоящей Хуррем настоящий султан Сулейман Великолепный?

Сначала о самом Сулеймане Великолепном.

Сулейман, которому «не светило» стать не только султаном, но и вообще наследником престола, родился осенью 1494 года у младшего сына правящего султана Баязида II принца Селима и

его жены Хафсы Айше в Трапезунде (ныне Трабзон), где Селим был правителем по воле отца.

По поводу «воли отца» стоит упомянуть отдельно.

Султаны Османской империи словно чередовались: Мехмед II, прозванный Фатихом, то есть Воинственным, сумел захватить Константинополь и сделал его своей столицей, переименовав в Стамбул; его сын Баязид предпочитал проводить время в садах гарема в обществе обожаемой жены Гюльбехар и красивых наложниц. Однако, когда против него восстали сыновья, сбросил гаремную негу и расправился с двумя, третьему – Селиму – удалось бежать в Кафу, под защиту крымского хана Менгли-Гирея.

Вот там голубчика и оженили на дочери Менгли-Гирея четырнадцатилетней красавице Хафсе Айше. То ли Менгли-Гирей поручился за зятя, то ли сам султан Баязид остыл, но отец простил мятежного сына и даже доверил ему Трапезунд.

В Трапезунде Хафса родила мужу первенца, названного Сулейманом. Сын взял у обоих родителей лучшее и, что называется, удался. Единственный недостаток, которым попрекали современники Сулеймана, – скрытность, но сама жизнь отнюдь не располагала к откровенности, тем более в его положении.

Довольно скоро выяснилось, что Баязид простил Селима зря, а уж Трапезунд ему доверил и вовсе себе в убыток. Селим, понимая, что отец уже готов уступить трон любимому сыну Ахмеду, решился на новое выступление. Можно сказать, что выбора у него просто не было, потому что новый султан обязательно применил бы закон Фатиха – страшилку османских принцев на много-много лет.

Чтобы объяснить, что это такое, придется вернуться к прапрадеду Сулеймана Мехмеду Фатиху. Озаботившись проблемой передачи власти после смерти султана и возможностью возникновения гражданской войны в стране, что неминуемо привело бы ее к развалу, султан Мехмед принял соломоново решение и даже получил на него согласие высшего духовенства. Дабы никто не посмел претендовать на власть, кроме того, кто получил ее по наследству, новый султан имел право казнить всех мужчин, чье родство позволяло на эту власть претендовать.

Проще говоря, новый султан безо всякой жалости уничтожал всех братьев, племянников и дядей с их родней мужского рода, оставаясь единственным, кроме собственных сыновей, кто мог называть себя султаном. Знаменито выражение Мехмеда Фатиха: «Лучше потерять принца, чем провинцию». Собственно, закон

Фатиха можно сформулировать кратко: любой, кто посмеет посягнуть на власть султана, должен быть казнен, независимо даже от степени родства с самим султаном.

Нет человека – нет проблемы, так было всегда. Сын Мехмеда султан Баязид так и поступил, ему, правда, не удалось добраться до брата Джема, тот сбежал в Европу и долго подвизался у папы римского Александра Борджиа. Видно не желая смерти брата, Баязид даже платил папе немалые суммы на содержание именитого нежеланного гостя. Но в конце концов расправились и с султаном Джемом. Оставались где-то затерянными его сын и внук…

Для Селима и его сыновей, в том числе подросшего Сулеймана, закон Фатиха означал, что, как только Ахмед придет к власти, они будут уничтожены, как и все остальные родственники. Селима совершенно не устраивало такое развитие событий, и он принял превентивные меры. Заручившись поддержкой и деньгами тестя, снова поднял мятеж против отца, на сей раз куда более успешный – деньги помогли подкупить янычар и многих воинов из армий остальных претендующих на престол братьев (того же Ахмеда).

Мятеж удался и привел к взятию без боя Стамбула и отречению Баязида от трона в пользу Селима. Баязид попросил отпустить его в родовое имение под Эдирной (прежней столицей Османов) на покой, но, конечно, туда не доехал. Приступы разных болезней частенько случаются очень кстати, так произошло и с Баязидом: скрутила бедолагу непонятная хворь в Чорлу, там и отправился к праотцам.

Следом Селим поодиночке расправился с двумя братьями, казнив заодно все их потомство, вплоть до младенцев в люльках.

А потом пришлось так же поступить и с собственными сыновьями, в свою очередь поднявшими мятеж против отца, – их тоже казнили вместе с потомством. Остался один Сулейман, правивший во время всех этих разборок между родственниками в Кафе.

К 1512 году, когда Селим наконец стал султаном (его, кстати, прозвали Явуз – «Грозный») родственников, способных помешать его власти, кроме Сулеймана, не осталось. Единственного наследника новый султан перевел из Кафы в Манису, чтобы там осваивал премудрости правления. Никто не может знать своей судьбы заранее, Селим был младшим сыном Баязида, а Сулейман – младшим сыном самого Селима. Хафса рожала еще сыновей, но они не выживали. Власть передается старшим, но вот поди ж ты…

Сулейман правил Манисой восемь лет – те самые, что у власти в Стамбуле находился его отец, султан Селим. Хафса Айше всегда была рядом с сыном, как и полагалось хорошей матери. Сам Сулейман уже получил прекрасное образование, завоевал любовь приближенных, завел себе друга – раба по имени Ибрагим – и даже обзавелся потомством. Наложница Фюлане еще в Кафе родила ему сына Махмуда, в Манисе еще две наложницы – Гульфем и Махидевран – тоже подарили по сыну.

Жизнь складывалась удачно: в Манисе Сулеймана любили, рядом разумная мать, красивые возлюбленные, трое сыновей – Махмуд, Мурад и Мустафа – и верный друг Ибрагим. Соперников в борьбе за трон нет – отец постарался, уничтожив всех; того, что родится еще кто-то из сыновей, можно не опасаться – султан Селим потерял интерес к женщинам, а юноши, как известно, сыновей не рожают…

В 1520 году, когда Сулейману шел двадцать шестой год, султан Селим, отложив поход на Белград на следующее лето, решил отправиться на отдых в то самое имение под Эдирной, куда не доехал его отец Баязид. Но добраться тоже не смог, внезапная болезнь скрутила султана… в Чорлу. Промучившись несколько недель, Селим последовал за отцом. Соперничать с Сулейманом за престол было просто некому, но смерть султана Селима все же скрывали, пока не известили Сулеймана.

Началось сорокашестилетнее правление султана Сулеймана, прозванного европейцами Великолепным, а подданными Кануни, – эпоха наивысшего расцвета Османской империи.

Это вообще была удивительная эпоха, когда в Европе, очнувшейся после многовекового сна, правили молодые честолюбивые монархи:

– Габсбурги – императоры Великой Римской империи Карл V (справедливо претендующий на звание «Великий» подобно его предку Карлу Великому) и его брат Фердинанд I Габсбург;

– сын Карла Филипп Испанский (это его детище – Эскориал, и его помощник – герцог Альба, и аутодофе с кострами инквизиции тоже его);

– постоянные соперники Габсбургов французская династия Валуа: «король-рыцарь» Франциск I (на его руках умер великий Леонардо да Винчи) и его сын Генрих II, женатый на знаменитой Екатерине Медичи;

– английские Тюдоры – Генрих VIII, с легкостью отправлявший на эшафот неугодных жен, и его дети: неприметный король Эдуард, королева Мария, прозванная

Кровавой, и знаменитая королева-девственница Елизавета I, за посягательство на свой трон казнившая свою родственницу шотландскую королеву Марию Стюарт;

– царь Московии Иван IV Васильевич Грозный, в представлении не нуждающийся;

Европейским современником Сулеймана был Мартин Лютер, с которого началась Реформация.

Творили или только что закончили свой жизненный путь великие Леонардо да Винчи, Сандро Боттичелли, Иероним Босх, Альбрехт Дюрер, Рафаэль Санти, Андреа Верроккьо, Микеланджело Буонарроти, Вечеллио Тициан…

В Персии еще правил шах Исмаил, а в Индии – Великий Могол Акбар…

Как видите, компания у Сулеймана подобралась блестящая, да и сама Европа жила полной, хотя и не всегда праведной жизнью. Осваивался Новый Свет – недавно открытая Америка, оттуда привозили не только золото, но и новые продукты, прежде всего табак, без которого Турция со своими знаменитыми кальянами уже немыслима.

Начался период Реформации, когда идеи Мартина Лютера захватили умы европейцев и инквизиции приходилось попросту выжигать «ересь» на кострах.

Шел активный передел мира, вернее, торговых путей, и не принять в нем участие огромная империя, лежащая между Западом и Востоком, просто не могла, а такой султан, как Сулейман, стремившийся в Европу и считавший себя европейским монархом, тем более.

Европейцы восшествию на престол Османов Сулеймана обрадовались. Его отец Селим имел прозвище Явуз – Грозный, которое вполне оправдывал, начав расширять владения османов в Европе, для Европы Селим был «Страшным турком».

О Сулеймане венецианский посланник доносил своему дожу:

«…Он всего двадцати пяти лет от роду, высокий, стройный, но плотный, с тонким и худощавым лицом… Султан выглядит дружелюбным и обладает хорошим чувством юмора. Ходят слухи, что Сулейман вполне соответствует своему имени, обожает читать, весьма умен и проявляет здравомыслие…»

Имя Сулейман – это вариант имени Соломон.

Европа радовалась, что после хищного волка на османский престол взошел мирный ягненок. Знать бы ей, как скоро одно имя

этого «ягненка» будет повергать в трепет добрую половину европейцев!

Сулейману удавалось все: и завоевательные походы (пока не столкнулся в лоб с объединенной Европой в лице императора Карла), и законодательная деятельность в своей стране, и мудрое правление, и поэзия, и любовь… Все, за что бы ни брался Сулейман, действительно выходило великолепно: огромная империя, одна из самых больших в свое время, мощный флот, владычествовавший на Средиземном море, строительство, поражавшее современников своим размахом и блеском, недаром появилось название «Блестящая Порта». Даже его стихи под именем Мухибби и ювелирные изделия выходили прекрасными…

Единственное, чего так и не смог добиться от своих европейских современников Сулейман Великолепный, – принятия в этакий клуб европейских монархов. С ним заключали союзы, когда этого требовала ситуация, например, французский король Франциск, но с легкостью об этих договорах забывали, если надобность в союзе отпадала. Так же короли поступали и между собой, но для них всех Сулейман все равно оставался «этим турком».

Сулеймана не зря называют Великолепным и Кануни, эти два эпитета словно подчеркивают разное восприятие правления султана европейцами и самими турками, а также две части его правления.

Первая часть будто внешняя – султан ходил в завоевательные походы, большинство из которых блестяще удались, вел жизнь, словно выставленную напоказ, с роскошными приемами, праздниками, парадными выездами, что дало повод назвать его Великолепным, а Порту Блестящей. Блеск во всем – вот что отличало первые шестнадцать лет правления Сулеймана, до самой казни его любимца Ибрагима Паргалы.

Вторая – без Ибрагима – стала иной. Следующие тридцать лет султан вел спокойную жизнь законодателя, правителя, который больше печется о благополучии простого крестьянина или горожанина, чем о впечатлении, которое произведет на иностранных послов. Блеск завоеваний и приемов был оставлен в прошлом, пришло время трудиться для своей страны.

Какая из частей лучше и полезней? Ответить нельзя, многие последующие успехи и спокойствие тоже были заложены при Ибрагиме, но, продолжай Сулейман дальше попытки завоевать весь мир, не потерпел бы он крах вообще, утащив за собой на дно и империю? Не случилось, блеска и военных завоеваний хватило и тех, что были при Ибрагиме, а развернувшееся вместо военных

походов строительство породило новый, такой узнаваемый стиль с взметнувшимися вверх шпилями минаретов. Многочисленные школы и больницы, мечети и рынки, каналы, фонтаны, дворцы, дома для паломников прославили Сулеймана не меньше, чем завоевания в Европе, которые в конце концов Турция все равно потеряла.

В первой части правления на планы и помыслы султана влиял Ибрагим-паша, во второй – Роксолана. Что лучше, а что хуже? Бог весть… Без первой половины не было бы второй и эпитета «Великолепный», без второй – доброй славы в собственной стране и эпитета «Кануни».

В свой первый поход Сулейман ушел уже летом следующего года, как и планировал отец, – на Белград. И ему удалось свершить то, что не получилось у грозного отца и воинственного деда: Белград был взят, к вящему ужасу всей Европы. Османы получили контроль над большей частью Дуная.

Европа притихла, не зная, чего ждать от «ягненка», который оказался волком. Дунайские владения Сулеймана создавали прекрасный плацдарм для нападения на Австрию, никто не сомневался, что следующими будут Буда и Вена. Правда, тут же раздались голоса проповедников, возопивших: «Ага! Вот и пришли турки – возмездие Божье за грехи наши!» Христиане разделились на тех, кто полагал, что от возмездия тоже не мешало бы обороняться, и тех, кто призывал покорно принять кару Господню. Но в приходе этой «кары» следующим летом не сомневался никто.

Но Сулейман удивил всех, он не стал вести новый завоевательный поход против Венгрии (Белград тогда входил в ее состав), а отправился захватывать… Родос. Крепость рыцарей-госпитальеров считалась неприступной, корабли родосских рыцарей не давали покоя турецким судам, направлявшимся в Аравию.

Осада была долгой и тяжелой, но Родос взят. Сулейман предложил рыцарям почетную капитуляцию и отпустил всех, даже не отобрав оружия. Казнили всего двоих: сына султана Джема (брата султана Баязида, сбежавшего в Европу и жившего у папы римского) и его малолетнего сынишку. Сулейман выполнил закон Фатиха – уничтожил последних возможных претендентов на трон.

Госпитальеры восхищенно рассказывали, что султан твердо держал свое слово. Казнь маленького мальчика их не касалась, это были внутренние разборки Османов.

Первые же военные кампании султана Сулеймана показали Европе, что «ягненок» умеет и воевать, и просчитывать ситуацию куда лучше прежних «волков». Сулейман показал себя умелым полководцем.

За это время в гареме эпидемия оспы унесла жизни двух старших сыновей – Махмуда и Мурада, остался только сын Махидевран Мустафа и новорожденный малыш Роксоланы Мехмед. Обоих отец назвал Vali Ahad – наследниками престола, как и полагалось.

Весной следующего года Роксолана родила дочь Михримах, принцессу, на всю жизнь ставшую отцовской любимицей и помощницей обоих родителей.

Осенью того же года издал свой первый крик сынишка Роксоланы Абдулла, проживший всего четыре года, его тоже унесла страшная оспа. Роксолана рожала детей одного за другим, чем приводила остальной гарем в отчаянье.

В следующем году Стамбул потряс бунт янычар.

Дело в том, что янычары всегда играли большую роль в государстве османов, дворцовая гвардия могла сажать султанов на трон и считала себя вправе свергать их. Именно янычары сказали последнее слово в споре Селима с его отцом Баязидом, привели Селима к власти и теперь полагали, что его сын просто обязан всячески задабривать грозных воинов. Но сам Сулейман так не считал и предусмотрительно набрал новую гвардию – бостанжиев, которые формально считались садовниками, то есть охраной султанских садов. По сути, Сулейман передал охрану своей семьи именно бостанжиям.

Это было последней каплей для янычар, те «перевернули котелки». Был у янычар такой действенный прием: когда пара тысяч мужчин разом начинают стучать ложками о днища своих котелков и большими черпаками по днищам больших котлов, такой грохот вводит в состояние паники даже самых стойких. Стамбул запаниковал сразу, но самого султана в городе не было, он охотился, потому, не получив выхода своей энергии, янычары отправились… что обычно делают те, у кого некуда девать лишние силы? Янычары принялись громить рынки Стамбула и дома богатых жителей.

Больше всего досталось огромному дворцу Ибрагима-паши на площади Ипподром, этот дворец Сулейман подарил другу в честь их свадьбы с султанской сестрой Хатидже-султан. Самого Ибрагима-паши в Стамбуле тоже не было, он усмирял решившего отделиться правителя Египта, вернее, правителя уже усмирили без Ибрагима, а тот только проводил необходимые репрессии и

собирал недоданную дань.

И снова Сулейман поступил мудро: он не стал штурмом брать фактически захваченный янычарами город, позволив им излить свое раздражение и немного остыть, потом появился в Стамбуле как ни в чем не бывало, пришел к янычарам почти без охраны, без долгих разговор просто отсек мечом голову первому, кто попробовал сказать хоть слово, и… все восстание сдулось, как дырявый воздушный шарик.

Сулейман разобрался с бунтовщиками достаточно жестко, казнив большую часть офицеров, но выводы сделал: если есть армия – она должна воевать, от безделья большое количество вооруженных людей превращается в угрожающую массу, способную разрушить все вокруг. Пока армия не преобразована, нужен новый поход. Естественно, в Европу.

К этому решению Сулеймана подтолкнули события в самой Европе.

Очередное столкновение постоянно воевавших между собой Карла Габсбурга и Франциска Валуа привело к полному разгрому французов под Павией и пленению самого Франциска. Интересно, что это событие произошло в двадцать пятый день рождения Карла Габсбурга. Но пленив короля Франции, Карл сам себе организовал головную боль, осложнившую жизнь надолго.

Царственного пленника до его выкупа полагалось держать в соответствующих условиях. Пришлось Карлу забирать неудачника Франциска в Мадрид, о чем он позже не раз пожалел. Франциск не зря называл сам себя королем-рыцарем, он действительно был по-рыцарски бесстрашен (в плен попал только потому, что под ним убили одну за другой двух лошадей), красив и по-рыцарски же галантен и любвеобилен.

Неотразимое обаяние французского короля оказало ему услугу, в царственного пленника влюбилась вдовствующая сестра императора Карла Элеонора. Отвергнув запланированное братом замужество с другим, Элеонора добилась освобождения Франциска взамен на обещание жениться на ней. Французский король к тому времени как раз овдовел, его супруга Клод Французская, женитьба на которой и принесла в свое время Франциску корону, умерла (не вынеся разлуки с мужем?).

Страстно желая выбраться из не слишком обременительного, но все же плена, Франциск был готов обещать что угодно, но Карл оказался более практичным, он потребовал от французского короля жестких обязательств: жениться на Элеоноре, выплатить огромный выкуп за себя и до выполнения этих условия прислать в качестве пленников сыновей. Король-рыцарь «подмахнул»

договор, не вчитываясь в него, но стоило оказаться в Париже, заявил, что он недействителен, так как заключен под давлением. То, что в плену у Карла остались двое маленьких сыновей, Франциска волновало мало.

Несчастная Элеонора оказалась в крайне неловком положении: жених, освобождения которого она так рьяно добивалась, становиться мужем не желал, это был позор на всю Европу. Карл взъярился не на шутку и пообещал лично кастрировать Франциска, если тот не выполнит данное обещание.

Но галантный король обманул не только своего победителя. Еще находясь в плену, он исхитрился через мать переправить письмо султану Сулейману с просьбой о помощи, приложив в качестве подтверждения серьезности своего положения большущий перстень.

Однако посольство пленного короля отправилось к османскому султану через владения Габсбургов, было задержано и уничтожено (возможно, даже на границе Венгрии турками), однако письмо и перстень попали в руки Ибрагиму-паше. Паша перстень надел на палец, а письмо… Никто не знает, где оно.

К османскому султану отправилась еще одна делегация с криком о помощи, теперь уже от имени матери французского короля. Она оказалась хитрей, и на сей раз письмо до Стамбула добралось зашитым в подошву сапога синьора Франжипани, представителя флорентийской банкирской семьи. Итальянский банкир подозрения у противников французского короля не вызвал, письмо сумел передать, правда, было уже поздно. Нет-нет, король остался жив и даже все еще не женился, но он уже вернулся в Париж и в помощи не нуждался.

Однако для султана Сулеймана это письмо оказалось весьма кстати, османские войска в то же лето отправились наказывать… Венгрию за плен короля Франциска.

Вообще-то юный король Венгрии Лайош имел некоторое отношение к Габсбургам: он был женат на сестре Карла, а брат Карла Фердинанд Габсбург, в свою очередь, был женат на сестре Лайоша. Такая тесная родственная связь с могущественными Габсбургами не помогла бедному Лайошу, родственники не пришли на помощь Венгрии.

А потому был Мохач и поле под Мохачем, на котором погибла почти вся сборная армия венгров и цвет венгерской аристократии, и болото, в котором утонул сам король Лайош, храбро сражавшийся, но слишком неопытный. Битва под Мохачем была выиграна буквально за полтора часа, хотя венгры сопротивлялись отважно.

После этого столица Венгрии Буда сдалась без боя. Страна была разорена, погиб каждый десятый житель. Во власти Фердинанда Габсбурга осталась лишь узкая полоска вдоль границы с Австрией.

Среди захваченных ценностей дворца венгерских правителей оказалась богатейшая (тогда она была второй по величине в Европе после библиотеки Ватикана) библиотека короля Матиаша Корвина. Собрание Матиаша Корвина отличалось от ватиканского тем, что было светским и содержало много работ античных авторов.

Султан не аннексировал Венгрию, предпочитая посадить там Яноша Запольяи, который на поле под Мохачем «опоздал» и потому остался цел. Повинуясь указанию османского султана, венгры выбрали королем Запольяи, который обязался платить Османской империи большую дань.

После гибели короля Лайоша на его трон имели право супруга Мария Габсбург и сестра Анна Ягеллонская, жена Фердинанда Габсбурга. Часть земель, королем которых был Лайош, например Моравия, признали права Анны Ягеллонской и ее мужа Фердинанда, а часть решили, что турки страшней, и выбрали Яноша Запольяи. Началось долгое противостояние Габсбургов и Османов, страдала от него территория, которую делили, – Венгрия.

Конечно, Фердинанд не собирался сидеть на окраинах Венгрии, он жаждал получить то, что считал своим. Но и Сулейман уступать не собирался. Предстояла схватка за Вену.

Но схватки не получилось, в 1526 году Сулейман выступил в поход на Вену, потому что весна была поздней и мокрой, разлившиеся от дождей реки никак не могли войти в свои берега, округа подсыхала очень медленно. К Вене добрались только в сентябре, но город запер ворота, приготовившись к длительной осаде. Шли день за днем, неделя за неделей, приближались холода, а взять Вену не удавалось. Крепостные стены европейских городов были приспособлены к длительным осадам, а времени у Сулеймана не было, и он принял решение вернуться домой.

Разграбили все, что смогли, военная добыча оказалась огромной, войско было довольно, а сам султан нет, потому что главное, за чем приходили, не выполнено: он не смог взять Вену, как когда-то его отец не взял Белград.

Сулейман не знал одного: осада Вены османами вызвала в Европе такую панику, с какой мог сравниться только конец света. Габсбурги не сомневались, что Сулейман придет на следующее

лето и этого никак нельзя допустить. В Стамбул отправилось посольство Фердинанда, но вместо замирения умудрилось нахамить Великому визирю Ибрагиму-паше.

Фердинанд, решивший, что Габсбургам все можно и погода будет помогать вечно, надменно потребовал от султана вернуть все завоеванные ранее города, выплатить материальный и моральный ущерб и обещать впредь вести себя прилично. А в качестве конфетки против горечи пилюли обещал… выплачивать Сулейману некое пособие от Габсбургов, так, на карманные расходы… но все же.

Посланников принимал Ибрагим, у которого хватило чувства юмора поинтересоваться: где же был «хозяин Венгрии» Фердинанд Габсбург, когда они приходили в его земли? Разве не должен сюзерен защищать своих подданных?

Наглецов отправили обратно ни с чем.

Однако результат был в пользу Габсбургов – на следующий год Сулейман на Вену не пошел.

Он занялся флотом, справедливо рассудив, что захваченные земли нужно постоянно охранять или отбивать у противника. Османская армия не могла ходить в походы в любое время года, прежде всего потому, что зимой нечем кормить лошадей. Это справедливо не только для турок, но и для любой армии того времени, все военные операции ограничивались периодами хорошей погоды – и потому, что через снега не пробиться, и потому, что нечем кормить лошадей, и потому, что ночевать в сугробах людям тоже не слишком комфортно.

Султаны уводили в походы на север, в Европу, свои армии весной и возвращались к осени. Потому и ждать их нужно было тоже в это время года.

По морям в любое время тоже не походишь, Средиземное море очень капризно в периоды штормов, даже имея подробную карту ветров, лезть на рожон опасно. Но все остальное время нужно просто довлеть на море, после взятия Родоса в южной части османским судам стало много проще, но в восточной части вовсю хозяйничали венецианцы, а по всему морю – пираты всех мастей и национальностей.

И Сулейман решил поставить пиратов себе на службу. Это была инициатива Ибрагима, которую султан одобрил. И они добились своего, постепенно построили мощный флот, признанного главу большого пиратского сообщества Хайраддина Барбароссу Сулейман сделал своим капудан-пашой, доверив пирату новый флот, и добился того, чтобы Средиземное море стали называть Османским озером. Конечно, не скоро, конечно,

понадобилось много денег и сил, много упорства, но ведь удалось же! Турки долго хозяйничали на большей части акватории Средиземного моря, наводя ужас на всех, кто рисковал пуститься в дальнее плаванье, и на тех, кто жил на побережье.

А на Вену Сулейман все же пошел, вернее, не на саму Вену, а в земли Фердинанда.

Угроза нового османского нападения так испугала европейцев, что они… сплотились, чего раньше никогда не бывало! Нет, сплотились не короли, хотя Карл уже добился своего и заставил-таки Франциска жениться на Элеоноре, о чем несчастная женщина очень быстро пожалела. Король-рыцарь вел себя по-рыцарски со всеми, кроме нее, не считая нужным порвать со своими двумя любовницами.

Но французский король вовсе не намеревался помогать новым родственникам в их противостоянии с османами, напротив, использовал его, чтобы ослабить Карла Габсбурга. А тут еще Мартин Лютер со своими проповедями!..

Но Карл сумел наступить себе на горло, чтобы не приказать попросту сжечь на костре строптивого монаха, нет, ему было нужно спокойствие в немецких городах в тылу, потому все обвинения с Мартина Лютера были сняты. Прочувствовав важность момента, строптивый монах принялся призывать своих сторонников встать плечом к плечу против турок. Удалось, оружие в руки взяли даже те, кто недавно желал погибели самим Габсбургам.

А потом было непонятное многим, но великое по сути противостояние войска императора Великой Римской империи Карла V Габсбурга и султана Османской империи Сулеймана. Сулейман до Вены не дошел, прекрасно сознавая, что на долгую осаду у него ни времени, ни ресурсов нет, а растянувшись кольцом вокруг города, он тут же подставит свои позиции под удар, поскольку Карл со своим войском находился вне Вены.

Император пытался приманить султана к стенам Вены, чтобы ударить со стороны. Султан пытался выманить императора на равнину для открытого боя, осаждая мелкие крепости. Не удалось осуществить свои планы ни тому ни другому, оба прекрасно поняли замысел противника и на поводу не пошли. Обойдя Вену с запада, основательно разорив округу и милостиво оставив в покое крошечные крепости, которые якобы осаждал, Сулейман отправился обратно, чтобы его армию в горах не застали октябрьские дожди и на равнине – непролазная осенняя грязь.

Европа несколько месяцев не могла выдохнуть, но не от страха, а от изумления. Собранная огромная армия Карла, так и

простояв без действия, тоже разбрелась по домам. Ощущения победы не осталось ни у тех, ни у других, что позволило обеим сторонам приписать ее себе.

Фердинанд и Карл прислали каждый от себя послов, теперь уже безо всякого хамства и нелепых требований. Более того, Фердинанд просил… принять его в большую семью султана и называл себя его сыном, в витиеватых выражениях заверяя, что просто не подозревал о присутствии Сулеймана в своих владениях, иначе лично встретил его со всем почетом и так же лично передал ключи от всех городов, каких тот ни пожелает. И это не было насмешкой или ерничеством, Европа действительно была напугана напором с Востока и действительно боялась турок.

Сулейман обещал мир Фердинанду, как владельцу земель рядом с «дружественной» Венгрией, с насмешкой напоминал, что второй раз не застает «сына» в Вене, которая якобы принадлежит ему, но гарантирует мир до тех пор, «пока его будет соблюдать сам король Фердинанд». В общем, стоило Фердинанду хоть глазом косо повести в сторону Венгрии, у султана появлялся повод предпринять новый поход, причем весьма неожиданно.

Карлу в мире Сулейман отказал, мотивируя обидами, нанесенными своему союзнику – французскому королю. Это было непонятно сразу, но прояснилось потом. В Венгрии Карл Сулейману более не был опасен, тем более султан решил прекратить сухопутную экспансию в Европе, а обещав мир вообще, он лишал себя возможности воевать совсем в другом месте – на море и в северной Африке.

Все время, пока султан ходил в походы и занимался внешней политикой, в его собственном доме текла жизнь не менее бурная, чем вне гаремных стен.

После первого блистательного похода на Белград дома его ждала черная весть: от оспы умерли два старших сына – Махмуд и Мурад. И светлая: его любимица Хуррем родила сына Мехмеда.

Теперь Роксолану следовало удалить от султана, вернее, оставить во дворце с ребенком жить на правах кадины. Это, конечно, был невиданный взлет – из рабынь прямо в икбал и сразу в кадины. Везет же некоторым!

Но оказалось, везение не закончилось, потому что султан не собирался удалять от себя зеленоглазую славянку, он снова взял Роксолану на ложе. Скандал! Тем более эта везучая снова забеременела, чего не удавалось никому другому, словно всего себя Сулейман берег только для нее.

Он ушел на Родос, она в день весеннего равноденствия родила дочь Михримах. Раньше срока, крошечную, но живучую.

Гарем радовался: ну, теперь-то все! Ничто не радует так, как неприятность соседа, особенно если тот везучий. Никто же не считает чужое везение заслуженным, другое дело – свое, оно всегда заработано честным… пусть не трудом, так хоть существованием. А чужое – всегда по ошибке фортуны. Эта дама ошибается слишком часто, вы не находите?

Когда и после рождения дочери султан оставил Роксолану при себе, гарем убедился в слепоте фортуны вполне. А она в том же году родила очередного сына.

Будь фортуна досягаема, ее непременно поколотили бы в гареме Сулеймана, но за неимением такой возможности оставалось шипеть на везучую выскочку. Чем больше Сулейман Роксолану любил, тем сильней гарем ее ненавидел.

В гареме Сулейман ничем помочь возлюбленной не мог, султан, конечно, хозяин и правитель, и все в гареме его рабы, но не всегда рабы подчиняются воле властелина. На то гарем и гарем, чтобы лишать своего хозяина разума.

Сулеймана не лишили, он продолжал жить как жил, – любить свою Хуррем и рожденных ею детей (особенно очаровательную принцессу Михримах, Мехмед сильную отцовскую любовь завоюет позже, когда покажет свои способности), ходить в походы, охотиться, писать стихи и вести дневник.

Давно махнув рукой на Франциска как на союзника, Сулейман занялся восточной проблемой – Персией.

С Сефевидами воевали все Османы, в том числе и отец Сулеймана султан Селим. Ему достался самый неудобный противник – шах Исмаил, не менее грозный, чем сам Селим. Но почти одновременно с Сулейманом на престол взошел шах Тахмасп. Тахмасп был совсем юн – всего десяти лет от роду, но его поддерживали кызылбаши – красношапочники. И правили за Тахмаспа сначала тоже они.

Сефевиды боролись с Османами за южные и юго-восточные территории империи, прежде всего за Багдад (Персия и без Багдада?! Непорядок!), который частенько переходил из рук в руки.

Военная стратегия Тахмаспа приводила Сулеймана и его верного Ибрагима в бешенство, сефевидский шах не принимал открытого сражения, норовил что-то захватить, обобрать до нитки, а при малейшем намеке на подход сильной османской армии исчезнуть из поля зрения. Прими он бой, наверняка был бы побит, с тогдашней османской армией мало что могло сравниться, турки чалмами могли закидать.

Хуже всего, что кызылбаши – шииты и без зазрения совести разрушали суннитские святыни (впрочем, сами шииты в том же обвиняли суннитов). Сулейман как защитник веры и по велению совести допустить этого не мог. Багдад нужно было вернуть не только ради правления и налогов, но и ради спасения суннитских святынь.

В первый поход Сулейман отправил Ибрагима-пашу, который перед тем крайне неудачно дважды возглавлял армию в походах на Вену. Султан давал другу возможность реабилитироваться как полководцу. И почти сразу об этом пожалел, потому что Ибрагим вместо того, чтобы, как было поручено, идти на Багдад и навести порядок там, послушал вредный совет дефтердара (главного казначея) – своего бывшего тестя и нынешнего почти врага Скандера Челеби – и отправился на восток, чтобы захватить сефевидского шаха в его собственной вотчине Тебризе.

Самонадеянность Ибрагима на сей раз подвела, шах применил ту же тактику, что и прежде: бросил столицу, зато сохранил армию. Разорение Тебриза Ибрагиму ничего не дало, зато снабжение армии было нарушено (или не организовано все тем же Челеби), что привело к голоду, многочисленным потерям людей и животных. А шах времени зря не терял, отдельные отряды его армии постоянно наносили точечные удары по противнику, не давая покоя. Партизанская война, даже в исполнении шахов, штука весьма действенная.

Разъяренный неудачей, Ибрагим обвинил во всем Челеби, нашел доказательства его воровства (интересно, бывают не ворующие интенданты?) и своей властью казнил дефтердара. Главный казначей перед смертью решил отомстить визирю и написал на имя султана письмо, в котором признавался в содеянном, но утверждал, что Ибрагим был с ним заодно. Грехов перечислял много, слишком много, чтобы быть правдой, однако считалось, что человек перед смертью лгать не может, а о самом письме узнали слишком многие, чтобы султан мог от него отмахнуться.

И четверти обвинений вполне хватило, чтобы отправить самого Ибрагима вслед за Челеби, не говоря уж о трудном положении, в которое визирь поставил армию, и нелепом, в которое загнал самого Сулеймана.

Пришлось султану садиться в седло и отправляться самому возвращать Багдад и суннитские святыни, а потом идти к Тебризу на выручку Ибрагиму. А тут еще письмо Челеби и приказы, которые во время похода Ибрагим подписывал как… султан!

К последнему можно относиться двояко. На Востоке султан

каждый второй – у кого есть маленькие владения, независимые (не очень зависимые) от других, тот и султан, потому ничего страшного в подписи не было… бы, подписывай Ибрагим таким образом что-то, не будучи на службе у Сулеймана.

Даже освобожденный раб (а Ибрагим был именно таким) на службе у султана все равно раб и ставить свою подпись, называясь султаном, – это посягательство на власть. Помните закон Фатиха? «Любой, кто посягнет на мою власть, должен быть убит, будь это даже мой брат».

Вариантов формулировок много, суть одна: власть неделима ни в каком виде, и любой, на нее хоть как-то посягнувший, должен быть уничтожен.

Надо сказать, что это была не первая попытка Ибрагима поставить себя вровень с султаном.

Кто же такой этот Ибрагим Паргалы и почему он считал себя вправе так заноситься?

Ибрагим, вернее, Георгидис, родился в 1493 году в небольшом греческом городке Парга. Городок рыбацкий и поныне, но отец мальчика нашел возможность обучать его игре на скрипке, видно надеясь, что это поможет ему заработать на жизнь лучше, чем рыбная ловля. Не прогадал.

В шесть лет Ибрагим то ли был захвачен на берегу добрыми молодцами бейлербея Боснии Искандера-паши, то ли попросту забран из родного дома по девширме (мальчиков с подвластных Стамбулу территорий забирали в столицу кого для обучения в школе, кого в будущие янычары). Видно, Искандер-паша любил скрипичную музыку, потому что оставил мальчика у себя, а потом подарил шех-заде Сулейману. К этому времени Георгидис уже принял ислам и сменил имя на Ибрагим.

Есть другая версия. То есть сначала все так, но после пленения Искандером-пашой была дворцовая школа, дававшая, кстати, блестящее образование, богатая вдова, не жалевшая денег на обучение своего фаворита игре на скрипке, и, конечно, Сулейман.

Как бы то ни было, Ибрагим стал рабом Сулеймана, когда тот еще не был султаном. Ибрагим Паргалы, то есть Ибрагим из Парги, был на год старше принца и стал не просто его другом, но в чем-то даже наставником. Умный, блестяще одаренный, легко схватывающий любые знания, прекрасный организатор, он помимо своего родного греческого быстро освоил французский, итальянский, арабский, персидский и сербский языки, разбирался в математике, был отменным экономистом (помните, у Пушкина: «…Умел судить о том, чем государство богатеет и чем живет и

почему не нужно золото ему, когда другой продукт имеет»?), хорошо играл на скрипке и обладал еще многими достоинствами.

Такой друг и наставник, который умел все предусмотреть и узнать раньше, чем у Сулеймана появлялась необходимость в данном знании, советчик и помощник был просто золотой находкой для шех-заде. Они были неразлучны с семнадцати лет, и Ибрагим всегда хорошо влиял на своего царственного приятеля.

Разве мог Сулейман, став султаном, не забрать Ибрагима с собой? Он дал другу свободу и назначил его хранителем султанских покоев – видно, никому другому свою безопасность и безопасность своих близких доверить не мог.

Тогда-то Ибрагим и подарил Сулейману не замеченную им сначала необычную рабыню Роксолану, вероятно сам получив ее в подарок от кого-то из Кафы. Почему не оставил себе, остается загадкой, но так случилось. Они с Роксоланой вполне стоили друг друга, и Сулейману просто повезло, что ему встретились два таких человека, а им очень повезло, что были рабами Сулеймана. Эта троица могла горы свернуть, но, к сожалению, двое боролись друг с другом, а не против остальных.

Бывший раб Ибрагим сделал при дворе Сулеймана сногсшибательную карьеру. Даже если забыть, что он бывший раб, восхождение от простого приятеля шех-заде через хранителя покоев сразу в Великие (Первые) визири достойно изумления.

Ибрагим, как умный человек, прекрасно понимал, что чем выше поднимешься, тем ниже можно упасть, а потому искренне просил друга не назначать его своим Великим визирем. Нетрудно было предвидеть шквал зависти сродни той, что вызвало возвышение Роксоланы в гареме.

Сулейман в ответ обещал, что не снимет его с должности по капризу и не казнит, пока жив сам. Дело в том, что при предыдущих правителях Великие визири редко заканчивали жить в покое и тепле, чаще всего их ждала плаха. При султане Селиме даже было популярно такое проклятье: «Чтоб тебе быть визирем у султана!» Отставка очень часто означала смерть.

Назначение состоялось, и во главе империи рядом с султаном встал его друг – бывший раб грек Ибрагим-паша Паргалы.

Неудивительно, что в умного и красивого бывшего раба, ставшего вдруг Великим визирем, влюбилась сестра султана Хатидже-султан. Состоялась роскошная свадьба, султан подарил сестре с зятем огромный дворец на площади Ипподром.

Ибрагим был рядом с Сулейманом-султаном шестнадцать лет, которые словно делятся надвое. Сначала очень успешный полководец и деятель, счастливый муж и блестящий царедворец,

потом – все наоборот.

Первые походы Сулеймана (и Ибрагима с ним) были успешны – взят Белград, потом Родос. В следующем походе именно Ибрагиму принадлежала идея расстановки войск, обеспечившей быстрый (менее чем за два часа) разгром венгров.

До этого времени Ибрагим успел навести порядок в бунтовавшем Египте и собрать недоданную дань…

Тайно привез оттуда красавицу Мухсине и тайно же поселил в загородном доме…

Наладил тесные связи с венецианским дожем через его незаконнорожденного сына Луиджи Гритти, ставшего драгоманом (переводчиком) у султана.

С помощью венецианцев сумел приобрести навигационные карты Средиземноморья с обозначением розы ветров. Это была очень ценная покупка, карта давала возможность учитывать сильные ветры у северного побережья Африки, что позже пригодилось Хайраддину Барбароссе (знаменитому пирату, ставшему капудан-пашой османского флота у Сулеймана).

Привлек к работе Пири Рейса, создавшего знаменитый атлас морских карт «Книгу морей». Кстати, в его работе утверждалось, что «нечестивец Коломбо» знал, куда плывет, потому что пользовался старинными книгами, а еще в атласе Пири Рейса, помимо двух Америк (!), есть побережье юга Африки и Антарктида без ледового покрова (то есть то, что совсем недавно ученым удалось начертить заново с большим трудом и используя новейшую технику). К сожалению, эта тема у Сулеймана и его умного советчика выпала из поля зрения, хотя они планировали (и позже Сулейман осуществил эту задумку) захватить все побережье Красного моря и поставить опорные пункты в Персидском заливе.

Во время второго венгерского похода за Мохач Сулейман сделал своему другу странный подарок – статуи греческих и римских богов, которые тот привез в Стамбул, в свою очередь удивив стамбульцев. Больше того, статуи вызвали такую волну возмущения, что впору было возвращать их обратно: «Один свергал идолов, другой их устанавливает!»

Если изначально Ибрагима, считая выскочкой, не любили паши и окружение султана, то теперь добавилась нелюбовь янычар и простого народа. Когда из Египта он привез не столько золота, сколько ожидалось, укоряли, что потратил все на свою роскошную свиту.

Разладились у Ибрагима и отношения с женой – Хатидже-султан, но вовсе не потому, что у той появились проблемы со здоровьем в виде легкого помешательства, как в сериале, а

потому, что открылась правда о Мухсине.

Жизнь султанского зятя нелегка, по закону он не имел права держать гарем и даже в походы кого-то брать с собой. Это султану можно содержать сотни красавиц, султанская сестра или дочь должны быть у мужа единственными, другое оскорбило бы нежные чувства Повелителя правоверных к сестре или дочери.

Женившись на Хатидже-султан, Ибрагим был вынужден развестись с первой женой – дочерью того самого Скандера Челеби, которого казнил в походе и который попытался утащить за собой и бывшего зятя, а также распустить гарем (куда девал красоток, неизвестно).

Но удержаться и остаться верным Хатидже не смог, во время похода в Египет завел себе красавицу Мухсине. Была ли та действительно красавицей, бог весть, но дамой была бойкой. Их переписка не менее интересна, чем переписка султана с Роксоланой. Каких только эпитетов ни придумал Ибрагим для возлюбленной! «Госпожа Повелительница моего сердца», «Госпожа Совершенство-Хатун»…

Сулейман в отношениях мужа и жены занял нейтральную позицию, он не защищал своего друга, но и не наказал его. И Хатидже-султан простила мужа. Почему, мы никогда не узнаем – может, потому, что любила всей душой, а может, просто поняла, что даже ради сестры Сулейман не отторгнет друга, а она, разведясь, останется посмешищем всего гарема.

У них еще родились дочь и сын, но счастье было едва ли, потому что известен фаворит Ибрагима-паши – красивый юноша по имени Джешти-Бали, о котором вездесущие венецианцы доносили, что любовник имеет большое влияние на визиря.

Но ничто не вечно, даже теплые отношения между Сулейманом и его многолетним другом Ибрагимом начали разлаживаться. Их рассорила власть, но считается, что Роксолана.

Эта женщина была виновата в империи во всем просто потому, что завоевала сердце султана с первой минуты и навсегда.

Кто она, женщина, сумевшая околдовать султана?

Сначала коротко о происхождении и судьбе этой необычной женщины, а также о ее детях, чтобы понять, с чего же она начинала и чего добилась.

Яростных споров о происхождении Роксоланы, названной в гареме Хуррем, нет. Анастасия (иногда называют Александрой) Гавриловна Лисовская, уроженка города Рогатин, тогда относившегося к Польше, сейчас к Украине. Судя по отчеству, отец был, как бы мы сейчас сказали, русским или украинцем, но скорее всего русином. Это народность, гордо не относящая себя ни к тем, ни к другим, словно нарочно, чтобы не ввязываться в спор о том, какой национальности была Анастасия Лисовская.

Обычно считают, что Гаврила Лисовский был священником в местной церкви, кем конкретно – неизвестно, да и не столь важно, потому что связь с родным домом Настя потеряла довольно рано.

Датой рождения будущей повелительницы называют 1505 год, точнее назвать трудно. В гарем Настя Лисовская, которую уже прозвали Роксоланой, попала осенью 1520 года, то есть в пятнадцать лет, но до этого была в Кафе в школе наложниц. Как долго? Есть источники, которые называют два года. Это слишком много, выходит, что в плен Настя попала вообще в тринадцать. Конечно, и такое бывало, но утверждают, что ее схватили во время очередного набега те, кто торговал людьми, прямо накануне ее свадьбы.

Это, конечно, просто легенды, потому что нельзя даже точно сказать, действительно ли она из Рогатина. Но, судя по ее собственному интересу к Польше и переписке с польским королем Сигизмундом I, а потом с его сыном королем Сигизмундом II, вполне возможно, что до гарема она все же была польской подданной. Это сейчас Рогатин на Украине, тогда он был польским городком.

В гарем девушка попала в пятнадцать, уже достаточно образованной (значит, версия о школе наложниц в Кафе верна?). Купил ее для себя Ибрагим-паша, выделив необычную девушку среди других. Это вполне возможно, ведь новый султан – это новая администрация, значит, много новых денег и новых приобретений, в том числе и в гаремы. Почувствовав возможность заработать, купцы всех мастей немедленно вывезли дорогой товар

на невольничьи рынки.

Проблема вот в чем. Султан Сулейман славился своей ревнивой натурой: будучи еще шех-заде, он даже приказал кастрировать полностью всех евнухов своего маленького гарема в Манисе. Едва ли Сулейман, став уже султаном и имея возможность выбирать, взял бы к себе на ложе девушку, которую на рынке рабов обнаженной видели многие, ощупывали, осматривали, как породистую лошадь.

Всегда существовали закрытые продажи для самых важных клиентов, куда попадали самые красивые девушки, но Настя Лисовская потрясающей красавицей не была, согласно свидетельствам современников, прежде всего иностранных послов, ее прелесть раскрывалась в общении, в блеске ума, в умении очаровать собеседника нежным, как серебряный колокольчик, голосом. Трудно заметить острый ум или умение общаться там, где девушку выставляют напоказ голышом, демонстрируя вовсе не ум, а фигуру, упругость груди, ровные белые зубы и прочее…

Так на каком рынке продавалась Роксолана, когда ее купил Ибрагим-паша? Неужели паша ходил по невольничьему рынку Стамбула, приглядывая красавицу для себя или султана? А может, верна другая версия: Роксолану Ибрагиму просто подарили, потому что в Кафе хорошо помнили его дружбу с новым султаном и понимали, что грек может стать очень важной персоной в империи?

Почему Ибрагим решил передарить ее Сулейману? Мы никогда не узнаем этого, но грек явно не раз пожалел о таком решении. Что-то было между Ибрагимом и Роксоланой такое, что заставило их ненавидеть друг друга (а может, просто бояться?) пятнадцать лет.

Считается, что это из-за влияния на султана, мол, Ибрагим желал быть единственным, к чьим советам прислушивается Повелитель, Роксолана стремилась к этому же. Султана не поделили.

Но они были словно в разных плоскостях, Роксолана при жизни Ибрагима в политику не вмешивалась, да и не имела ни малейшей возможности это делать, а Ибрагим, наоборот, не интересовался ни любовной лирикой, ни делами гарема. Они могли бы продолжать влиять на султана, не пересекаясь и не мешая друг другу, во всяком случае, могли бы договориться и четко разделить сферы влияния.

Однако с первых дней, как Роксолана стала фавориткой, между Ибрагимом-пашой и ней вспыхнула патологическая ненависть (о своей неприязни к визирю и, видимо, его ответной

Роксолана упоминала даже в письмах к султану), словно вдвоем на Земле не жить. Почему? Попробуем разобраться позже.

В гареме Настя получила новое имя – Хуррем (или Хюррем), то есть «Дарящая радость», «Смеющаяся». Видно, было что-то светлое и даже радостное во внешности и поведении этой невысокой девочки, что заставило дать такое имя. Хуррем пристроили в вышивальщицы, но ее работа (вышитый платочек) султана не впечатлила, Сулейман не потребовал представить ему Хуррем-искусницу и даже не выразил восторга.

Где и при каких обстоятельствах она попала на глаза султану, неизвестно, но стоит вспомнить, что прелесть Роксоланы становилась заметна при общении, то есть просто увидеть ее в толпе красавиц и вдруг выделить среди всех Сулейман вряд ли мог, не была Настя Лисовская высокой, большеглазой, не обладала пышными формами. И приметить веселую девушку среди тех, кто подавал шербет или вытирал ноги после мытья, тоже не мог, она не состояла в счастливой дюжине обслуживающих султана.

Остается голос, который султан мог услышать и нечаянно. Чистый, звонкий, словно серебряный колокольчик звенит – так описывали его и через много лет иностранные посланники.

– А подать сюда обладательницу чистого голоса!

И не нужно никаких выдумок с платочком, опущенным на плечо, или разыгранным падением в обморок прямо на руки Повелителю. Ерунда, упасть не успела бы, кизляр-ага или ближайший евнух собой султанские руки прикрыли. Султанам на руки в обмороки не грохались, при них вообще не делали никаких резких движений: все спокойно, медленно и церемонно, только как положено. Иное опасно для жизни, причем не султана, а самой наложницы и ее наставников за компанию.

Одна из наложниц была застрелена только потому, что резко дернулась во сне, а султану показалось, что она намерена своего Повелителя задушить. Девушка даже проснуться и понять, в чем провинилась, не успела.

С того вечера, как переступила порог султанской спальни, началась у Насти-Роксоланы-Хуррем совсем другая жизнь.

Сначала рождение шестерых детей – одного за другим. До всеохватного заговора ли ей было, посудите сами:

1520 год, поздняя осень или даже зима, – попала в гарем (раньше никак, раньше сам Сулейман правил в Манисе;

1521 год, весна, – рождение первенца Мехмеда (умер в 1543 году в Кютахье, официально, от оспы, вероятно, был отравлен);

1522 год, март – рождение дочери Михримах, отцовской любимицы, ставшей настоящей помощницей родителей в их делах благотворительности;

1522 год, осень – родился сын Абдулла, умер в октябре 1526 года от оспы;

1524 год – родился сын Селим, следующий султан Османской империи;

1525 год – родился сын Баязид, казнен в июле 1562 года за выступление против султана, пережил мать на четыре года;

1531 год – родился сын Джихангир, умер в ноябре 1553 года.

В 1533 или 1534 году султан Сулейман совершил неслыханное – он даровал свободу Хуррем и женился на ней официально! Мало того, что султаны не женились уже полторы сотни лет, предпочитая иметь наложниц, но никто и никогда не женился на бывшей рабыне, даже получившей свободу.

Историки не могут прийти к однозначному выводу о том, что произошло раньше – эта свадьба или смерть валиде. Мать султана умерла в марте 1534 года, она давно и тяжело болела, Хафса Айше вообще отличалась слабым сердцем, отсюда патологическая бледность и у нее, и у Сулеймана. Март 1534 года – это Рамазан, святой для мусульман месяц, умершие во время Рамазана сразу попадают в рай. Хафса Айше это заслужила, память о ней осталась только хорошая и в Стамбуле, и, особенно, в Манисе.

Практически сразу после окончания Рамазана сутан отправился в персидский поход, значит, женился либо сразу после смерти матери, либо действительно при ее жизни, тем самым доконав валиде.

Но как бы то ни было, свадьба состоялась, Роксолана стала женой Сулеймана по шариату, то есть возвысилась на недосягаемую для остальных женщин гарема высоту. Это же давало ей право стать главной женщиной гарема. Такого не бывало в Османской империи – чтобы гаремом правила жена, а не мать султана.

Султан провел в персидских походах не один год, постепенно возвращая империи утерянные, в том числе и из-за ошибок Ибрагима-паши, территории и города.

Это ли послужило последней каплей для Сулеймана в принятии решения наказать давнего друга, или просто накопилось столько, что и капли не понадобилось, сразу перелилось широким потоком, захлестнув прежнюю дружбу? По возвращении из похода Сулейман несколько раз приглашал друга поужинать вместе, и однажды труп Ибрагима-паши нашли за

воротами.

Не стало главного заклятого врага Роксоланы, но вздохнуть спокойно она не могла – едва ли в гареме вообще можно спокойно дышать.

Росли дети, руки семнадцатилетней Михримах попросил бейлербей (правитель) Анатолии, ставший Третьим визирем Дивана Рустем-паша. Рустему-паше было тридцать девять, и он готов был дать отставку гарему ради блестящих глаз, острого язычка и разумных речей принцессы Михримах.

Сулейман наверняка в душе не раз жалел, что Михримах родилась принцессой, а не принцем: эта девочка всегда старалась делать то, что делали братья, она училась вместе с Мехмедом, постигая премудрости совсем не женских наук, прекрасно держалась в седле, неплохо владела оружием и даже… ходила в походы с отцом!

Роксолана тоже привлекала дочь к своим делам.

Дело в том, что как жена султана Роксолана получала ежедневное содержание, а как управляющая гаремом – ежемесячное жалованье, что в сумме составляло 830 000 акче в год. Это немалые деньги, ни одна из управляющих или наложниц таких сумм не получала.

Злопыхатели могут воскликнуть: «Ну вот же – пользовалась своим положением!»

Но ведь Роксолана была и женой, и управляющей, то есть сама выполняла обязанности хезнедар-уста (огромная нагрузка, между прочим). Кроме того, султан Сулейман довольно бережно относился к деньгам, вся роскошь и блеск, его окружавшие, были только красивым фасадом, но не более. Если бы он увидел, что Роксолана разбазаривает деньги, тратя их на побрякушки или пустые развлечения вроде золотых соловьев в золотых клетках, едва ли он стал бы поощрять жену.

Но Роксолана умудрилась за три года своей работы в должности управляющей гаремом скопить 2 000 000 акче личных денег и… основала благотворительный фонд! Благотворительностью, раздачей милостыни или оказанием помощи нуждающимся занимались и до Роксоланы, но никто не делал этого с таким размахом и на постоянной основе.

Изумленный инициативностью супруги, султан тоже пожелал принять участие в этом проекте и пожертвовал фонду несколько земельных участков для строительства задуманного Роксоланой. В Стамбуле вырос целый женский городок, в котором были своя мечеть, школа для девочек, больница, даже рынок и имарет, куда могли прийти жить престарелые женщины и те, у кого своего дома не было. Женщине, оставшейся без попечителя-мужчины,

выжить в Стамбуле было практически невозможно.

Роксолане активно помогала подросшая дочь Михримах.

Охотно или не очень, но чиновники и дамы по примеру султанши жертвовали средства фонду, это стало считаться признаком хорошего тона. За десять лет существования, к середине сороковых годов, фонд распоряжался уже огромными средствами – порядка 100 000 000 (сто миллионов) акче, в переводе на современные деньги это миллиарды рублей.

В 1539 году главным архитектором империи стал знаменитый Синан, чьи постройки до сих пор восхищают каждого, кто их видит. Роксолана активно использовала его талант создавать не просто красивые, но функциональные строения, ведь Синану принадлежит авторство не только великолепного комплекса Сулеймание и мечети Шехзаде, но и зданий больниц, благотворительных столовых, бань, фонтанов, караван-сараев и тому подобного. Всего Мимар Синан построил более 300 зданий, в основном в Стамбуле, и большую часть по заказу беспокойной султанши или, с ее подачи, – султана.

Не в последнюю очередь талант великого архитектора проявился благодаря именно Роксолане.

Но глупая молва немедленно связала их имена очередной сплетней. Нет, обвинить султаншу в измене никто не посмел, зато поползли слухи, что Синан, ставший главным архитектором, попросил руки принцессы Михримах, но заносчивая Роксолана тут же отдала дочь преданному Рустему-паше, за что тот немедленно получил должность Великого визиря взамен убитого по настоянию ведьмы прежнего Великого визиря Ибрагима-паши.

Все, как обычно, свалено в кучу.

На примере этой нелепой выдумки можно показать, чего стоит большинство обвинений Роксоланы.

Мимар Синан (Архитектор Синан) начал свою службу в войсках султана Сулеймана как военный техник. Обстреливая и разрушая крепости, мосты и здания, он внимательно наблюдал, делая выводы об их достоинствах и недостатках. Это легло в основу его архитектурных знаний. Но Синан долго занимался именно военным строительством – мостами, фортификационными сооружениями, знаменит его Вышеградский мост, сейчас объявленный наследием ЮНЕСКО.

Когда был взят Каир, Синана назначили главным архитектором города, а осенью 1539 года – главным архитектором империи, от чего империя, безусловно, выиграла. К назначению причастен новый Великий визирь – Челеби Люфти-паша, под началом которого когда-то служил талантливый мостостроитель. Именно этот паша, став Великим визирем после

Аяз Мехмед-паши (умершего от чумы), вызвал гениального архитектора из провинции.

К этому времени Михримах-султан уже была полгода замужем за Рустемом-пашой, которому до поста Великого визиря оставалось служить «всего» четыре года. Рустем-паша тогда был Третьим визирем.

Вот Синан действительно был староват для юной Михримах, он был старше самого султана (родился в апреле 1489 года), но для людской молвы свалить в одну кучу Синана, Рустема-пашу и всех остальных не стоит труда. Обидно, когда подобные сплетни начинают повторять те, кто формирует знание (или незнание) истории у зрителей.

Дети уже выросли, даже младший Джихангир прошел обряд обрезания, что означало, что мальчик стал взрослым и больше не будет рядом с матерью, Роксолана могла в полной мере заняться общественной деятельностью, благотворительностью, строительством, а еще… политикой.

Что она и сделала.

Ей не простили. Одно дело жертвовать деньги бедным, но совсем иное – создавать фонды, строить мечети, больницы, магазины, столовые и дома призрения (имареты). А уж вести переписку с иностранными принцессами или королями?! Это невиданно!

Роксолана не обращала внимания на злые языки, за столько лет в гареме к ним привыкла, она давно вела переписку с сестрой персидского шаха Тахмаспа, видимо, это была Перихан-ханум, личность на Востоке известная и весьма примечательная. Тот случай, когда сестра умнее брата-правителя и способна держать его в определенной степени в руках.

С точки зрения обитательниц гарема это было предательством – переписываться с сестрой того, с кем воюет муж! Но Роксолана не делала (и не могла делать) ничего помимо воли своего Повелителя, о любом шаге докладывали султану, и переписку она наверняка вела по его подсказке и в его интересах.

Думаю, и с королями Польши тоже… Отправляясь в поход на Молдавию, Сулейман предпочел бы знать, как к этому отнесутся в соседней Польше, чтобы не столкнуться с объединенным войском молдаванского господаря и польского короля. Узнавать намерения короля Сигизмунда через дипломатов не совсем удобно, и тогда свою роль сыграла Роксолана, ведь ее родина была на территории тогдашней Польши…

Король ответил, переписка стала постоянной и продолжилась даже при его сыне. Королю тоже выгоднее дружить со всесильной

султаншей.

Мог ли гарем поверить возможности помогать мужу-правителю вот так? Разве это женское дело – переписываться с королями?! Султанше положено возлежать на подушках, отдавая приказания хезнедар-уста и служанкам и потягивая шербет, кофе или поглощая сладости.

Роксолана была «неправильной», она не возлежала на подушках, не перемывала косточки другим, не объедалась, султанша… трудилась. Она приняла на себя обязанности управления гаремом и стала активно его сокращать, убеждая Сулеймана выдать замуж или просто подарить кому-то одну красотку за другой. Красотки, привыкшие к гаремной неге богатейшего гарема Востока, без энтузиазма покидали свои места.

А в 1541 году в Стамбуле произошел большой пожар, причем в районе, непосредственно примыкавшем к дворцу. Пострадали, в том числе, и некоторые гаремные постройки. Роксолана воспользовалась этим и попросила мужа «приютить» ее в Новом дворце, где, собственно, и жил сам султан, хотя бы на время ремонта после пожара. А еще потому, что не чувствовала себя в Старом дворце защищенной.

Сулейман защиту любимой жене предоставил. Молва твердит: Роксолана быстренько перебралась в Новый дворец со всей своей обслугой, число которой приближалось к сотне, при этом оставив несчастный гарем в прежних горелых покоях, то есть попросту ликвидировала, погубила гарем, воспользовавшись своей властью над султаном.

И снова все свалено в одну кучу.

Да, после пожара Роксолана действительно перебралась вместе со своим штатом прислуги в Новый дворец к Сулейману. Этот дворец теперь называют Топкапы и показывают туристам. В нем, как ни странно, с первых серий происходит действие сериала. Конечно, зрителям все равно, что за интерьеры вокруг, было бы красиво и ладно. Это не грех постановщиков…

Султанша забрала с собой только свою прислугу: поваров и секретарей, массажисток и парикмахерш, банщиц и вышивальщиц, переписчиц и портних… а еще евнухов, куда ж без них? А кого она должна была забрать? В гарем давно не покупали новых красавиц для султана, он предпочитал одну всем, к чему тратить деньги на новеньких? Прежних Роксолана убедила Сулеймана раздать, оставались только постаревшие наложницы вроде Гульфем, которая и при прежней системе доживала бы свой век в Старом дворце.

Оставшиеся в Старом дворце жили спокойно, сытыми и

защищенными, только вот султан туда больше ни ногой и языки почесать не о ком, кроме разве проклятой султанши, лишившей бывших одалисок возможности… какой возможности она их лишила? У этих женщин не было и не могло быть будущего, все, что они делали прежде и чем занимались теперь, – ели, спали и злословили. Ничего не изменилось, но виновата все равно проклятая Хуррем!

Родилась новая глупость: якобы султан, которому пришлось не по вкусу присутствие женского царства Роксоланы во дворце, нарочно выделил для строительства нового гарема большой участок. Но, прекрасно понимая, что, переехав из Топкапы с глаз Сулеймана, может потерять влияние на него, Роксолана предложила построить на выделенном участке… мечеть. Хитрая бестия знала чем брать, к мечетям султан был неравнодушен. Синан построил знаменитый комплекс Сулеймание, а ведьма со своей прислугой осталась в Топкапы.

Снова все в кучу.

Гарему в Топкапы действительно было неудобно, вернее, не гарему, а Роксолане с ее слугами, но просто потому, что дворец вовсе не предназначался для гарема. Но ни султану, ни Роксолане сам гарем не был нужен; свой классический вид, детали которого ныне демонстрируют туристам, гарем приобрел при сыне Сулеймана и Роксоланы – следующем султане Селиме. Его организовала и взяла в руки знаменитая Нурбану, а при Роксолане в Топкапы кроме нее самой и Михримах (и то изредка) жила лишь прислуга, никаких одалисок.

Что касается выделенного участка, то на нем действительно вместо дворца для Роксоланы вырос целый комплекс под названием Сулеймание, знакомый любому, кто побывал в Стамбуле. Кроме великолепной мечети с четырьмя минаретами, в нем находились четыре медресе, большая библиотека, обсерватория, крупная больница с научными кадрами, медицинская школа, бани, кухни и даже конюшня на заднем дворе. Только вот гарема там не было, за ненадобностью. И пользовалась комплексом отнюдь не султанша, а жители Стамбула.

А еще построен он был в 1550–1557 годах, то есть много позже переезда Роксоланы в Топкапы. Десять лет «надоедала» любимая жена султану, пока не предложил он место под хижинку, чтобы глаза не мозолила. А она, противная, возьми да и построй на этом месте роскошный комплекс, так пригодившийся подданным и восхищающий нынешних любителей красоты. Конечно, не она строила, не она лично заказывала, за всем стоял

сам султан, но ведь не для себя любимой султанский подарок использовала, а на благо жителей.

Могла ли любая другая наложница сравниться со столь необычной? Могла ли быть интересна Сулейману любая другая, все мысли которой вились вокруг подарков или возможности попасть на его ложе? Рядом с удивительным, сильным правителем должна быть такая же женщина. Или никакой. Но Роксолана была, а потому была одна. Не ее происками был уничтожен гарем, он просто оказался не в состоянии конкурировать с Роксоланой, но не вызывать ненависти со стороны всех оказавшихся ненужными это не могло. Ненависть порождает гадкие слухи. Нет, она вовсе не была ангелом во плоти, но и ведьмой на троне тоже не была, не имела такой необходимости. Зачем травить ядом тех, кто не способен конкурировать и лишь мешается под ногами? Мелочь просто не замечают (что приводит к пущей ярости этой мелочи).

Роксолана и раньше редко обращала внимание на змеиное шипение за своей спиной, а теперь ей было просто некогда. Огромный фонд требовал много внимания, к тому же султанша продолжала учиться, чтобы иметь возможность понимать послов, а не просто принимать их. Да и сами приемы хотя больше не были столь впечатляющими и роскошными, как во времена Ибрагима-паши, не жалевшего денег на пускание пыли в глаза иностранцам, все равно требовали много времени и сил.

Женщина в политике не в качестве фаворитки, каприз которой мог стоить государству войны, а как соправительница мужа, тем более на Востоке, – это было неожиданностью даже для европейцев.

Со времен Ибрагима-паши внешняя политика султана претерпела заметные изменения, он больше не желал завоевательных походов на Европу и твердо держал слово, данное Фердинанду: не нарушать мир первым. Османы уже доминировали на Средиземном море, и султан желал жить с Европой в мире. Европа тоже, потому что войны с османами дорого стоили.

Прошло время раскидывать камни, пришло время их собирать.

Налаживались не только дипломатические, но и торговые связи со многими странами, особый статус получили купцы из Франции, опоздавшей к разделу пирога Нового Света и обратившей свой взор на Османскую империю. Умер король-рыцарь Франциск, не умевший держать свое слово, вернее, не желавший этого делать. Новый король Генрих предпочитал не

разбрасываться обещаниями, как это делал его отец, у Генриха до конца жизни не выветрились воспоминания о пребывании в плену у Карла, когда им с братом пришлось заменять отца, с легкостью очаровавшего сестру Карла Элеонору и упорхнувшего в Париж.

Европа менялась на глазах, после открытия Нового Света оттуда потекло огромное количество золота, обогатившего прежде всего Испанию, а также невиданные растения и… болезни. Европа шестнадцатого века – это сифилис и ртуть, которой его лечили. Болезнь распространялась со скоростью эпидемии, но не считалась чем-то предосудительным, напротив, сначала свидетельствовала о мужественности страдальца, ею даже гордились. И только после того, как осознали, к чему приводит болезнь, стали лечиться… солями ртути. От чего чаще умирали пациенты эскулапов – от сифилиса или от отравления ртутью – неизвестно.

Но возрожденная Европа не только страдала от собственных и завезенных болезней, она создавала. Позднее Возрождение – период расцвета культуры и искусств. Прекрасные полотна, скульптуры, музыка, поэзия…

Мало того, в Европе, выйдя из тени, открыто правили женщины. Даже любовницы, отныне называемые фаворитками, предпочитали не стесняться своего положения и своего влияния. В той же Франции сфера влияния стремительно перемещалась в будуары фавориток, вопросы политики все чаще решались в дамских покоях, и послы предпочитали наносить визиты любовницам королей чаще, чем их министрам. Впрочем, встретить министра в том же будуаре красавицы было иногда легче, чем в его кабинете.

На Востоке такого быть просто не могло, женщины влияли на султанов (прежде всего матери), но только в вопросах протежирования угодных им чиновников. Да и как могли заниматься политикой те, которые не имели о ней никакого представления? Красавицы, с ранних лет воспитывавшиеся в гаремах, понятия не имели о жизни, которая течет за пределами высоких стен.

И все-таки нашлась та, что сунула свой любопытный нос за Ворота Блаженства и заинтересовалась вместо сплетен и болтовни тем, чем занимался ее муж. Причем заинтересовалась куда раньше, чем стала полноправной хозяйкой гарема.

Посланники разных стран оставили записи о впечатлении, произведенном султаншей, – значит, общались с ней? Существует несколько портретов Роксоланы – значит, ее рисовали, видя даже без яшмака, закрывавшего нижнюю часть лица?

Иностранцы расписывали ее обаяние, веселость, умение

общаться, причем писали это либо в собственных заметках, либо в донесениях своим правителям, где лгать не рекомендовалось, потому что на основе донесений строилась сама политика. Значит, общались с султаншей, слышали ее серебристый смех, видели веселость?

В ноябре 1543 года семью постигло несчастье: в Манисе внезапно умер всеобщий любимец принц Мехмед. Официально умер то ли от чумы, то ли от оспы, на которые сваливали все, когда не могли определить или нельзя озвучить истинную причину смерти. Подозрительно скоро умер переведенный править в Манису (именно там готовились к управлению империей наследники престола) двадцатидвухлетний совершенно здоровый и крепкий шех-заде Мехмед.

Ни для кого не было секретом предпочтение, которое отдавал двум старшим детям Роксоланы Сулейман. Ни для кого не было секретом, что именно Мехмеда он желал видеть своим преемником. Перевод в Манису мог означать только то, что султан готов назвать первым наследником не Мустафу, а Мехмеда.

Умного, красивого юношу, получившего прекрасное образование, хорошо воспитанного и достаточно самостоятельного, не любили янычары, потому что он был сын Хуррем, но с янычарами султан не так уж и считался.

Кто виновен в смерти Мехмеда? Или он все ж умер из-за болезни?

Родители и сестра Михримах оплакивали своего любимца очень горько, вопреки обычаю Мехмеда не похоронили в Манисе, а привезли в Стамбул. Мимар Синан построил настоящий шедевр – Мечеть Шехзаде, ставшую местом упокоения принца, а позже и Рустема-паши. Это было первое столь большое здание, возведенное Синаном в Стамбуле.

Кстати, до этого он возвел на средства Хасеки целый район – Аксарай, который сейчас облюбовали выходцы из России. Женский базар содержал мечеть, медресе, имарет (богадельню), начальную школу для девочек и фонтан. Позже добавилась больница.

Об этом почему-то забывают ненавистники Хуррем. Как и о таких же комплексах в Андриаполе и Анкаре.

А еще был построен комплекс в Иерусалиме с хосписами и столовыми для паломников и бездомных.

Столовая в Мекке при имарете Хасеки Хуррем.

Общественная столовая и две большие общественные бани в Стамбуле…

А еще закрыты невольничьи рынки, на чем постоянно настаивала султанша Хуррем.

Между прочим, почитаемые современники – Шехнаме Али Осман, Шехнаме Хумаюн, Талики-заде аль-Фенари – оставили о Роксолане весьма лестные отзывы, как о женщине, почитаемой за ее благотворительную деятельность, покровительство учащимся и ученым мужам и так далее…

Причем эти свидетели писали после смерти и самой Роксоланы, и даже султана Сулеймана, потому делали это по велению сердца и на основе услышанного, а не по заказу, им можно верить.

А вот ни одного реального факта участия Роксоланы в каких-то репрессиях или убийствах, настраивания султана против кого-то нет, есть только домыслы. Она не была белой и пушистой, иначе не выжила бы в гареме, но и черной ведьмой тоже не была.

Через десять лет, в 1553 году, султан казнил своего старшего сына Мустафу – казнил, имея неопровержимые доказательства заговора наследника против отца: связи принца, с одной стороны, с сербами, с другой – с Сефевидами и готовности армии отправить его самого в Эдирну «на покой». Покой, судя по предшествующим случаям, вечный… где-нибудь в Чорлу…

Султану исполнилось 58 лет, Мустафе – 38, самое время править…

Сулейман опередил сына и правил еще 13 лет.

Младший сын Роксоланы Джихангир, которого, несмотря на увечье, все очень любили, а отец предпочитал беседы с юношей общению с более взрослыми пашами, ненадолго пережил самого старшего брата, он умер через пару недель после казни Мустафы от тоски по нему.

Конечно, в казни Мустафы немедленно обвинили Роксолану, хотя все произошло далеко от Стамбула – в Эрегли, на юге страны. Она не оправдывалась: зачем, да и перед кем?

Своих сыновей держала в подчинении твердой рукой, при жизни матери не дружившие меж собой Селим и Баязид не смели и слова сказать против отца или друг друга. Селим стал наследником первой очереди, что совершенно не устраивало Баязида.

Саму Роксолану не устраивало другое: несмотря на все ее усилия, Сулейман так и не отменил проклятый закон Фатиха, видно лучше жены понимая, что в случае его смерти непременно начнется война между сыновьями, которая может просто развалить огромную империю.

Это означало, что ее сыновья будут убивать друг друга и

племянников, когда придет время одному из них взойти на трон. Возможно, переживи Роксолана Сулеймана, ничего бы не случилось, похоже, она держала сыновей строго, при ее жизни не зафиксировано ни одной серьезной стычки между принцами и ни единого слова против отца. Но Роксолана умерла в 1558 году, а Сулейман прожил еще восемь лет. После смерти матери принцы все-таки поссорились, мало того – Баязид поднял мятеж!

Сулейман показал, что ему все равно, кем рожден принц, закон Фатиха прав: каждый, кто посмеет выступить против законного султана, должен быть мертв! Селим был куда более слабым наследником, чем Мустафа или любимец султана Мехмед, был он слабее даже Баязида, но выбора у Сулеймана не оставалось: он казнил Баязида вместе с его пятью сыновьями, повторив поступок собственного отца, султана Селима.

Это произошло через четыре года после смерти Роксоланы – в 1562 году. В живых остался только один наследник – Селим, как когда-то у предыдущего Селима остался один Сулейман.

Виновата в этом тоже оказалась Роксолана (посмертно).

О ней осталась странная, словно двойная память: европейцы помнили ее как первую женщину в Османской империи, посягнувшую на место не позади, а рядом с мужем-султаном, как умную, достойную правительницу, а вот турки, несмотря на деятельность благотворительного фонда, множество построенных общественных зданий, щедрую помощь нуждающимся, – как ведьму на троне.

Кто из них прав?

Возможно, каждый просто видел то, что желал видеть, ведь обычно так и происходит.

Гарем – место запретное…

Гарем придумали не Османы, они существовали и в Китае, и в Индии, и в Византийской империи, и на Руси (князь Владимир Святой до того, как стать настоящим христианином, имел целых три гарема общим числом в восемьсот красавиц), просто назывались иначе, но, когда произносят это слово, мы представляем прежде всего султанский гарем. Почему?

Просто у османских султанов гарем обрел, если так можно выразиться, классический вид – такой, каким нам представляется гарем вообще. «Врата Блаженства», «Дом Радости»… как только не именовали часть дворца, которую занимали прекрасные женщины, так или иначе связанные с личностью султана!

Гарем – это далеко не только наложницы, в состав гарема входили все женщины султанской семьи, не имевшие собственной семьи, а также множество рабынь и обслуживающих свободных женщин, знаниями и умениями которых пользовались обитательницы гарема.

Гарем османских султанов по своему устройству похож на пирамиду: внизу огромное количество рабынь, красивых, не очень красивых, а иногда и вовсе некрасивых, но в чем-то умелых, а на самом верху – валиде, мать султана. Менялся султан – прежний гарем отправлялся в почетную ссылку, то бишь просто предавался забвению, новая валиде выстраивала новую пирамиду, убирая неугодных и выдвигая верных себе.

Что такое гарем вообще?

О гаремах рассказано столько небылиц, что не знаешь, чему и кому верить. Особенно старались европейцы, которых в гарем не допускали ни под каким предлогом. Множество художественных произведений рассказывали о сладострастии, царившем в гареме, о прекрасных одалисках, изнывающих от безделья, о запретной любви, о бесконечной череде тайн и жестоких расправах над несчастными, о зверствах, учиненных над евнухами, и о многом другом. Картины изображали обнаженных красавиц, действительно божественных, с идеальными пропорциями идеальных фигур. Были они такими? Наверное. Приходится верить на слово, реальных изображений реальных женщин не существует, султаны ревниво охраняли красоту своих наложниц от чужих глаз.

Есть только портреты некоторых женщин, а изображений обнаженных красавиц быть просто не могло: кому же позволят видеть их нагими?

Еще в 1453 году, после взятия Константинополя, султан Мехмед Фатих («Завоеватель») решил сделать его столицей государства и позволил своей матери обустроить ее половину дворца наподобие гинекея византийских императриц.

Так было положено начало гарему османских султанов. Конечно, у них и до этого были наложницы и не по одной жене, но собрать всех в определенном месте под присмотром валиде было хорошей идеей. Султану понравилась мысль обособить частную жизнь семьи, сделать ее закрытой от посторонних взглядов. К собственно гарему добавилась дворцовая школа и множество рабов, обслуживающих семью султана.

Тот гарем, который сейчас показывают туристам, перебрался во дворец Топкапы стараниями Роксоланы; когда она только появилась в гареме, он располагался в Старом Дворце и неплохо себя там чувствовал.

Были времена, когда османские султаны старались жениться на дочерях или просто родственницах правителей соседних государств или племен ради заключения дружественных союзов. Неудивительно, так поступали все, далеко не всегда подобные браки становились залогом действительно дружбы и даже просто мира между султаном и отцом несчастной девушки.

Можно возразить: почему же несчастной, она могла быть очень счастлива с султаном, ведь была же счастлива Роксолана? Но едва ли можно назвать счастливой ту, с родными которой ее муж намерен воевать или даже воюет.

Жен могло быть много, шариат позволяет иметь четверых. А если соседей или предложений о браке больше либо жены уже стары, а дух Повелителя еще молод? Или еще нужны сыновья? Выход был прост: брали наложниц, столько, сколько могли содержать. Богатели султаны, увеличивалось количество тех, кого они содержали. При этом султан мог ни разу и не увидеть какую-нибудь особу, которая считалась его женщиной.

Женщин было много, очень много, а султан один. Всех за месяц и взглядом не окинешь, к тому же окидывать опасно, стоило султану случайно задержать взгляд на какой-нибудь красотке, как эта красотка начинала воображать невесть что. Окружающие, заметив случайный взгляд повелителя, на всякий случай принимали его к сведению и начинали оказывать счастливице всяческие знаки внимания, поддерживая ее надежды… А что дальше?

В гареме Османов положение женщины зависело только от отношения к ней султана и от того, родила ли она сына и каким

по счету этот сын оказался.

Но наступило время, когда Османская империя окрепла настолько, что династические браки уже не были нужны, султаны могли подбирать себе девушек не по родству (что не всегда гарантировало красоту), а по внешним данным, уму и, главное, умению угодить.

Это привело к тому, что султаны вообще перестали жениться, они предпочитали оставлять женщин на положении наложниц, не заключая брак официально. Конечно, существует душещипательная легенда о том, что, когда вместе с султаном Баязидом I в плен попала и его любимая жена, а знаменитый Тамерлан воспользовался этим, чтобы унизить султана (над женщиной издевались на виду у пленника, посаженного в железную клетку), султан не выдержал и принял яд. С тех пор, мол, и не женились. Почему страдал Баязид – потому что издевались над его любимой женщиной в ранге жены? А если бы она женой не была, наложницу жаль меньше или менее оскорбительно наблюдать за ее мучениями?

Более ста пятидесяти лет султаны официально были холостяками, правда, при многочисленных гаремах. Думаю, это мечта многих мужчин, но не все из этих многих султаны. Нарушил идиллию с точки зрения дам гарема султан Сулейман ради все той же Хуррем – взял да и женился на ней, проведя обряд у кадия (главного судьи), объявив женщину свободной и своей женой. Скандал был грандиозный, но молчаливый, против той, что сумела добиться такого шага от холостяка с многолетним стажем, сына, внука и праправнука холостяков, даже ворчать опасно.

Итак, султаны были многодетными холостяками с сотнями жаждущих их ласки красавиц вокруг. Кто сказал, что бог изгнал нашего предка из рая или просто кое-кого вернул обратно? Похоже, так, потому что сад гарема у многих ассоциировался с райскими кущами, а одалиски султана – с райскими девами.

Как жилось самим девам-то?

По-разному, но зависело это не столько от злой воли валиде, тех, кто преуспел в получении султанских милостей больше, или от евнухов, охранявших красавиц, а от того, на что сама красавица рассчитывала в жизни и к чему стремилась.

Девушки разные (а вы не знали?), таковыми были всегда: одной нужно постоянное внимание, в том числе и мужское, другой в сторонке бы посидеть; одна амбициозна, лидер, другая ведомая и просто не рискнет выбиваться вперед, понимая, что это

опасно. Сейчас так же, только ныне красавицы обычно жизнью не рискуют, в крайнем случае могут остаться матерью-одиночкой, что сейчас мало кого пугает, или получить пару царапин на лице острыми коготками соперницы.

А в гареме? Если девушка не ставила перед собой амбициозной задачи – стать следующей валиде (это был максимум возможного), – она могла прожить в гареме положенный срок и видеть султана только издали. Но если ставила… Вся последующая жизнь превращалась в борьбу, по сравнению с которой выживание в обществе клубка ядовитых змей показалось бы курортом, потому что подобные задачи ставили многие и методы устранения всех, кто на пути, часто оказывались столь же жестоки, сколь сами красавицы – хороши.

Гарем не просто собранные вместе женщины, каждая из которых делала что вздумается, организации гарема и жесточайшей в нем дисциплине могли бы позавидовать все армейские части. Иначе нельзя, если позволить нескольким бездельничающим женщинам делать что вздумается, чрез полчаса поднимется скандал, а если женщин будут сотни, то обеспечен не просто бунт, а развал империи.

Это, конечно, преувеличение, но по сути верно. Только строгая иерархия и еще более строгая дисциплина могли удерживать столько женщин в рамках приличий, только надежда на повышение, причем до самого верха, до положения валиде – матери султана – отвлекала женщин от безделья, устремляя все их помыслы к мечтам о достижении этой цели. Единицам удавалось выбраться наверх, всего одна становилась следующей валиде, потому что у султана всего одна мать, но надеяться могли сотни, эта надежда согревала и придавала их жизни какой-то смысл. Жить безо всякого смысла и без надежды тяжело даже отъявленным бездельницам.

В основании пирамиды гарема находились джарийе – невольницы-рабыни. Собственно, для султана рабами и рабынями были все его подданные, включая семью, и только воспитание гарантировало уважительное отношение султана, например, к собственной матери. Султан Сулейман отличался прекрасным воспитанием и бережно относился не только к матери, валиде Хафсе Айше, но и к многочисленным дамам вокруг себя. Но были те, что считались рабами, потому что служили султану всем своим существом и имуществом (если не желал служить, то отправлялся кормить рыб), и те, кого купили на невольничьем рынке. Все живущие в гареме называли себя рабами султана, но

пользовались такими привилегиями, каким могли бы позавидовать многие свободные люди свободной Европы.

В гареме свободные женщины были приходящими, например, торговки, лекарки, портнихи… Но число таких стремились свести к минимуму, ведь любая входившая в Ворота Блаженства, могла принести с собой что-то, что навредит султану и его гарему, а обыскивать женщин проблематично даже для евнухов. Лекарок, массажисток, портних и прочий персонал тоже старались воспитать среди своих. Таковыми часто оказывались освобожденные бывшие рабыни гарема, разговор о них впереди.

Положение внутри гарема было разным. Некрасивая и несообразительная девушка могла рассчитывать только на должность какой-нибудь прачки или истопницы печи. Печей в гареме имелось множество, но даже туда некрасивых и несообразительных не брали, у султана имелся выбор. Вернее, выбор был у тех, кто гарем пополнял, и у главной женщины гарема – валиде.

Ко времени Сулеймана необходимость в женитьбе по расчету для султана отпала, он мог жениться по любви… или вообще не жениться. Что он по примеру своих предков и делал. Это позволяло брать в гарем женщин самых разных национальностей и вероисповедания и выбирать, исходя из сиюминутного каприза, на ложе любую. Известен случай, когда рабыня из должности истопницы вдруг становилась кадиной просто потому, что вовремя (и, видно, в эротичной позе) попала на глаза султану Абдулу-Меджиду, оказалась в его постели и родила сына. А могла бы так и остаться истопницей…

Но это исключение, обычно на ложе к султану попадали после жесткого (иногда и жестокого) отбора. Сулейману уже не поставляли своих красивых дочерей или племянниц правители соседних государств, напротив, рабынь покупали на рынке, чаще всего в Бедестане. Даже если присылали в подарок, то это все равно были рабыни. Захваченные в плен принцессы, которые от нечего делать плавали в пределах досягаемости кораблей османских пиратов, – это из области художественного вымысла ради красоты сюжеты в фильме.

Даже если, по несчастью, судно с принцессой на борту заносило в опасные воды и таковая попадала в руки пиратов, то становилась добычей этих хозяев морей, которые вовсе не считались с ее благородством, вернее, считались, но по-своему – продавали потом гораздо дороже. Через много лет родственница Наполеона Эмма де Эмери, попав таким образом в плен, была втридорога продана в гарем султана и стала его любимой женой, а в XVI веке вполне могла стать рабыней какого-нибудь паши или,

того хуже, местного мелкого чиновника и действительно всю оставшуюся жизнь топить печи, невзирая на благородное происхождение и знание трех языков.

Итак, купленную девушку привозили в гарем… Не стоит думать, что она после определенных водных процедур прямиком отправлялась на султанское ложе, она и на глаза-то султану за много лет могла не попасть. После строгого досмотра и попыток понять уровень IQ новенькой ее определяли на обучение. Самые красивые и сообразительные учились обслуживать султана, но не в спальне, а в те редкие минуты, когда он посещал гарем, чтобы просто поболтать с валиде и кадинами. Вопреки киношным вымыслам султан в гареме не обедал, это считалось опасным, а если таковое и бывало, то никаких импровизаций вроде: «Не хотите ли перекусить с нами, Повелитель?» Не перекусывал, жить хотелось. Еду султана обязательно пробовал назначенный для того чиновник из чашнигиров, которые входить на территорию гарема не имели права.

В чем же состояло обслуживание?

Подать шербет, кофе, фрукты, предложить розовую воду, чтобы пальчики окунул, и прочее… Никаких интимных ласк, не доросла.

Но и до подачи розовой воды тоже нужно дорасти. Девушка могла надолго, а то и навсегда остаться в роли прислуги. Сотни женщин прислуживали десяткам тех, кому удалось быть замеченными султаном. Они помогали на кухне, стирали, убирали, мыли, шили, топили бани, в сопровождении евнухов ходили за покупками и выполняли мелкие поручения. В этом отношении рабыни были даже вольней кадин, которые не покидали дворец.

Поработав какое-то время в гареме, девушка, которую так и не заметили, могла подняться на ступеньку выше – стать кальфой, заведовавшей определенным «департаментом» в гареме, например, банщицами, гардеробщицами, лекарками, певицами, музыкантшами, массажистками и т. д. Были кальфы-дегустаторши, секретари-переписчицы, заведующие протоколом (именно они определяли, как подавать ту самую розовую воду), хранительницы печатей…

Кальфа сама определяла, какое количество девушек для работы ей нужно, часто сама покупала нужных ей рабынь, обучала их, одевала, обувала и даже… выдавала замуж. Существовал обычай: если, проработав девять лет, девушка так и не была замечена султаном, она могла получить свободу и

некоторое приданое и выйти замуж. Особо заслуженные получали даже небольшой домик и деньги на проживание. Конечно, выжить одной за стенами гарема той, что привыкла почти все получать готовым, трудно, как и вообще выжить женщине вне семьи, большинство вышедших на свободу либо спешно искали себе покровителя, либо нищали и погибали. А еще больше «заслуженных» рабынь предпочитало оставаться в неволе и доживать свой век в гареме.

Красивая, неглупая девушка, конечно, не оставалась истопницей, она выбивалась «в люди», прежде всего в прислугу членов султанской семьи, что само по себе гарантировало приличное содержание и удобства на всю оставшуюся жизнь, если только не попала в доверенные служанки той, что сумела навлечь на себя гнев султана, и не последовала в Босфор в кожаном мешке следом за хозяйкой.

Кальфа отвечала за все ошибки своих подопечных, а потому должна была знать все тонкости той службы, которой заведовала. Если девушка недостаточно хорошо отобрала зерна кофе или недостаточно хорошо их сварила, а то и не так подала кофейную чашку, виноватой считалась и кальфа – первая подавальщица кофе.

Но не все оставались прислугой, некоторым везло значительно больше. Чаще всего этому везению помогали. Умная кальфа либо купив на рынке красотку, либо выбрав из приобретенных другими, не просто обучала ее, но и всячески способствовала вознесению своей избранницы. Конечно, больше везло тем девушкам, чьи кальфы сами находились на виду у султана, пусть нечасто, но подавали ему шербет или розовую воду, позже кофе (он появился в Стамбуле во времена Сулеймана) или кальян (тоже появился позже). Такая кальфа, обнаружив среди рабынь на рынке или даже в гареме очень красивую умненькую с хорошим характером девочку, обучала ее не только премудростям профессии, например, подавальщицы розовой воды, но и тому, как обратить на себя внимание султана.

Некоторым удавалось, и тогда рабыня переходила на новый уровень…

Лениво поведя вокруг глазами, султан вдруг обнаруживал перед собой или в стороне изящную фигурку, увенчанную красивой головкой. Мог подумать: «Ну надо же какая!» – и на этом остановиться, а мог столько же лениво поинтересоваться:

– Кто такая, как зовут?

Имя девушки тут же сообщалось Повелителю правоверных, не важно, если оно не совпадало с настоящим: в гареме не имена, а

прозвища, можно дать и другое. Если султан не выражал желания этой же ночью видеть замеченную обладательницу стройной фигуры в своей постели, девушка просто переходила в разряд гезде – замеченных, попавшихся на глаза. И дальше начиналась тяжелейшая гонка с препятствиями.

Девушку забирали у ее хозяйки (таковой могла быть даже одна из жен султана), помещали в отдельное помещение, где приводили в надлежащий вид и готовили к встрече с султаном наедине, которая… могла и не состояться! Бывало, султаны, привлеченные красотой и изяществом какой-то рабыни, интересовались ею, а потом забывали. Могли пройти дни, даже недели и месяцы, во время которых девушка жила надеждой на вызов в спальню Повелителя правоверных, но султан мог уехать, просто отвлечься и забыть о красавице, потом увлечься другой… И оставалась девушка оплакивать крушение своих надежд.

Это очень тяжело – рухнувшие надежды, в чем бы те ни заключались, в мечте стать правительницей империи или в покупке пары новых перчаток на обещанную премию.

Несчастное создание недолго предавалось мечтам, что все еще наладится, в отдельных покоях, чаще ее возвращали прежней хозяйке, и неизвестно, что было тяжелей: понять, что мечты не сбудутся, или видеть насмешливые взгляды и слышать за спиной перешептывания и смешки. Не все выдерживали.

Но если султан не забыл о своем капризе и тот перерос в пусть недолгое, но увлечение, невольница становилась икбал – счастливой. Счастлива рабыня была из-за избранности: ее возжелал сам Повелитель!

Девушку тщательно готовили для визита в спальню султана: вели в баню, ухаживали за телом и лицом, мыли волосы ароматными составами, чтобы те вкусно пахли, ненужные волоски безжалостно удаляли, наконец, наряжали – и кизляр-ага (главный черный евнух) либо хезнедар-уста (первая помощница султанской матери) вели счастливицу к Повелителю.

Еще до того, как попасть в гарем, девушки проходили тщательный отбор по физическим данным; больных, имеющих хоть малейшие дефекты, быть не могло, девушка не должна храпеть, метаться или бормотать во сне, у нее должно быть в порядке пищеварение и прочие функции организма. В общем, на ложе султана попадали только здоровые и красивые. Это соблюдалось строго не только чтобы угодить падишаху, но и потому что наложница могла забеременеть и даже родить. И даже сына.

Почему «даже»?

В гаремах были сотни девушек, из которых султан брал на ложе десятки. При этом количество детей у султанов не переходило в тысячи. Много, конечно, много, но не столько, сколько могло быть, если бы каждая беременность приводила к рождению ребенка. Дело в том, что за визитами к султану его икбал зорко следили и кизляр-ага, и валиде, и остальные фаворитки. Гарем – это уши и глаза, которые везде, а еще шепот, в гареме ничего нельзя скрыть, спрятать, никого обмануть. Конечно, скрывали, прятали и обманывали, но если уж попадались, то одна дорога – в кожаном мешке в воды Босфора.

За побывавшей на ложе султана икбал пристально следили, главными были два вопроса: угодила ли она султану – тогда, возможно, вызовет еще, или нет – тогда ей прямой путь немного погодя обратно в служанки, а еще – есть ли результат посещения спальни.

Если угодила и позвал, положение красавицы менялось, теперь ей полагались собственные комнаты (крошечные холодные комнатушки, но личные) и несколько служанок, которые будут обслуживать, помогать удалять волоски, мыть голову, одеваться, обуваться… Но главное, что пытались понять с первых дней, вернее, ночей, проведенных у султана, – не забеременела ли.

Рождение очередного ребенка никак не устраивало прежних одалисок, тех, кто уже был в фаворе, – зачем же им делиться? И если выяснялось, что красавица забеременела, а султан уже приглядел себе другую, то немедленно принимались меры. Аборт совсем не обязательно проводить хирургически, опытные старухи знали много напитков, могущих вызвать выкидыш на ранних сроках.

Вот тут на помощь приходила та самая наставница, которая либо вообще привела девочку в гарем, либо просто воспитывала ее в последние месяцы или даже годы, наставляла. В число наставлений входили не только советы, как вести себя с султаном (об этом заботилась прежде всего валиде, девушки не должны были делать в присутствии султана то, что ему почему-либо не нравилось), а то, как сохранить свою беременность в тайне хотя бы какое-то время. Конечно, когда начнет увеличиваться объем талии, не скроешь, но о беременности старались не объявлять как можно дольше.

Если интересное положение удавалось скрыть до того времени, когда травить красавицу было уже поздно или о результате совместных стараний узнавал султан, икбал почти торжественно отправляли в Старый Дворец вынашивать дитя.

Каждая мечтала родить сына, хотя понимала, что тогда ей

султанского ложа не видать вообще. Дело в том, что со времен султана Мехмеда Фатиха бытовало правило: одна наложница – один сын. Девочек можно рожать сколько угодно. Правило вынуждало султанов удалять от себя даже приятных сердцу одалисок.

Итак, если гезде удалось задержать внимание султана настолько, чтобы к вечеру он не забыл ее светлый образ, то невольница могла превратиться в икбал – счастливицу на постоянной (пусть недолго) основе.

Если икбал удалось забеременеть и скрыть беременность, чтобы не устроили выкидыш, то она отправлялась вынашивать ребенка и рожать, чтобы в случае успеха стать кадиной – женщиной, родившей султанского ребенка.

Это следующая ступень счастья, ведь кадина – жена, пусть и неофициальная. О том, чтобы стать кадиной-эфенди, то есть женой, признанной пред Аллахом, никто и не мечтал. Сына бы!.. Потому что кадина кадине рознь: те, у кого одни девочки, конечно, могли мечтать о возвращении в султанскую спальню за сыном, но это едва ли – у султана и без того очередь из желающих быть счастливыми.

Теперь предстояла другая борьба и другие переживания: сын должен выжить! Это тоже проблема: и потому, что детская смертность высока, и потому, что ребенку даже легче «помочь» не мешать, чем его маме. Умер и умер, вскрывать никто не стал бы, а готовых взять на себя грех детоубийцы в обмен на золотые монеты всегда было немало.

Положим, ребенок выжил и счастливая мать даже готова показать его отцу. Сын тут же становился шех-заде (иногда пишут «шах-заде»), то есть наследником, неважно каким по счету, а его мать получала высокий статус кадины.

Кадина уже не просто следующая ступень, это настоящее счастье. Правда, часто недолгое. Кадина уже имела апартаменты и довольно большой штат прислуги, роскошную одежду, много украшений, бесконечные подарки… Имела, даже если не просила.

Дело в том, что у мусульман вообще, а в гареме особенно остро сознается чувство равенства. Удивительно, что при этом султану, как Повелителю правоверных, позволяется то, что даже паше не позволено, а на его нарушения законов шариата смотрят сквозь пальцы. Единственное ограничение для падишаха – его собственная совесть, которая у многих крепко спала, убаюканная запрещенным вином, а еще бесконечной лестью окружающих. Если человеку с утра до вечера твердить, что ему все можно, он

забудет, что существуют ограничения.

Возможно, султана Сулеймана уважали и уважают за то, что именно это – самоограничение и совесть – ему было свойственно. Иметь возможность делать все, что только капризная душа пожелает, и при том не делать не дозволенного моралью способен не каждый, за это можно уважать. Недаром народная мудрость ставит испытание медными трубами после огня и воды: их можно вынести, а вот уберечь свою душу от лести и не скатиться к вседозволенности может редко кто.

Сулейман смог. Конечно, и он был жесток, и он казнил, наказывал и убивал: например, в одном из первых походов, когда была взята крепость Родоса, приказал выпустить из нее, не тронув, всех оборонявших крепость, но казнить двоих – своего двоюродного брата и его малолетнего сына, потому что те теоретически могли претендовать на власть. А в конце жизни казнил одну из своих самых первых жен Гульфем за то, что та отказалась прийти на ночь. Не удивительно, что Гульфем отказалась: она была уже просто стара и едва ли желала демонстрировать это султану. Поплатилась жизнью.

Но все эти казни, как и многие другие, совершенные по приказу султана Сулеймана, не выходили за рамки допустимого и обычно имели хоть какое-то объяснение, а не являлись просто капризом самодура.

Кадина получала дары и имела условия в гареме точь-в-точь такие же, как другие кадины. Четыре кадины (по законам шариата, как мусульманин, султан мог иметь четырех законных жен, кадины хоть и были не вполне законные – к кадию их не водили и шумных свадеб не играли, – но жены, потому счет сохранялся), значит, четверо одинаковых апартаментов, одинаковое количество служанок, евнухов, платьев, перстней с одинаковыми камнями, браслетов, одинаковые сервизы для кофе, количество подушек на диванах и так далее. Лишняя подушка у одной могла вызвать резкий выпад другой.

И все-таки они были неравны: та, чей сын считался первым наследником трона и которая надеялась (совершенно не тайно) стать следующей валиде (матерью султана), была первой кадиной – баш-кадиной. За ней следовали вторая, третья и четвертая, порядок среди которых определяло уже отношение к ней султана или его матери, потому что сыновей часто рожали почти одновременно.

Каждая имела даирэ – свой двор – апартаменты и немалый штат прислуги. Конечно, у кадин жизнь была нелегкой, как бы ни мечтали туда попасть остальные одалиски, завидовать им стоило

не всегда… Бесконечная ревность и подсчеты, кому что подарили, сколько ночей провела в спальне, как растет сын, завистливый пригляд, не появилась ли у соперницы хоть одна ранняя морщинка, ужас по поводу собственной…

Теоретически эти дамы, родив сыновей, уже не имели прав на ночь в спальне султана, потому непонятно, как кто-то мог продать свою очередь или вырвать волосы сопернице из ревности, столь ярко продемонстрированные в фильме. Непонятна и вообще очередность посещения кадин султаном – ведь кадина могла родить еще одного сына? Жесткий закон «Одна наложница – один сын» вовсе не был капризом жесткого султана Мехмеда Фатиха. Именно он когда-то озаботился наследованием власти в империи и постарался узаконить эту систему, даже одобрение имамов своей жестокости получил.

Одна наложница – один сын потому, что, во-первых, мать отправится со своим сыном в санджак (провинцию), чтобы приглядывать за ним, пока юноша будет проходить сложную науку управления. Конечно, вместе с принцем отправлялись многочисленные чиновники и опытные наставники, но его гарем организовывала и управляла этим царством мать. Если вдруг шехзаде становился султаном, то его гарем и его двор становились основой стамбульского двора.

Повзрослевшие сыновья и их мамаши были для султана настоящей головной болью и угрозой, потому что у сыновей могло появиться желание сесть на трон, ускорив смерть отца. Далеко не всегда следующим султаном становился старший сын предыдущего, бывало, наследники устраивали свару меж собой и просто сбрасывали с трона папашу (так стал султаном отец Сулеймана Селим I). За власть безжалостно боролись сыновья разных матерей, которые с молоком кормилицы впитали понятие вражды внутри клана.

А если бы это были сыновья одной женщины? Как ей разрывать сердце в сыновней сваре?

Мало того, предвидя возможные гражданские войны из-за соперничества братьев за власть, Мехмед Фатих ввел еще одно страшное правило: пришедший к власти султан имел право убить всех лиц мужского пола, независимо от родства, которые кроме него самого могли претендовать на власть. Об этом уже упоминалось.

Каково было бы матери видеть, что один сын убивает остальных?

Вот и отводилось им право иметь только одного сына, а дочерей – сколько угодно. Получалось, что кадина могла рожать одну за другой дочерей, потом родить сына и быть счастливой.

Но едва ли султан обратил бы внимание на ту, у которой уже две дочери: может, она неспособна произвести на свет сына?

Самым тяжелым ударом для таких жен была потеря сына. Сколько бы принцесс ни топало ножками по коридорам гарема, смерть мальчика лишала кадину ее привилегий. Конечно, султан мог сжалиться над любимой женой и снова взять ее на ложе в надежде, что та произведет на свет наследника. Особенно тяжело было терять сына баш-кадине, которая имела мало шансов задержаться в кадинах, но могла скатиться в служанки.

В связи с этим не очень понятно поведение в фильме Махидевран. Это не ее сыновья умерли во время чумы, напротив, от смерти старших принцев Махидевран только выиграла: именно ее сын Мустафа, третий у Сулеймана, вдруг стал первым наследником престола, а она сама баш-кадиной и будущей валиде. Не плакать ей надо бы, а радоваться трагедии во дворце.

Падение кадины и освободившееся место вызывали такое соперничество у икбал, да и вообще у всех одалисок гарема, что только пух и перья красавиц летели. Конечно, не дрались, но, заметив внимание султана к одной из счастливиц или к новенькой, немедленно принимали меры, чтобы та вдруг подурнела, захирела, а то и вовсе умерла.

Над всем этим беспокойным женским царством возвышалась фигура валиде – матери султана.

Это было логичное решение все того же Мехмеда Фатиха: поручить главенствовать над гаремом не старшей из жен, а матери, чтобы та могла держать вечно завидовавших друг дружке женщин в подчинении. Та, что сумела родить, воспитать и сделать султаном своего сына, конечно, пользовалась огромным авторитетом, невольно внушая остальным уважение. Она имела моральное право диктовать свою волю всем, кроме собственного сына, которого называла «мой лев», «повелитель моего сердца», и прочая, и прочая… на Востоке умели говорить красиво и настолько витиевато, что иностранцам требовалось немало времени, чтобы понять суть самой простой фразы.

Валиде правила во всем женском царстве не только гарема, но и империи безоговорочно, она была законодательницей мод и мерилом того, что прилично, а что нет. Дамы, посмевшие одеваться роскошней самой валиде, рисковали навлечь на себя гнев собственных мужей. О гареме и говорить нечего, ничто не происходило помимо ее воли и уж тем более вопреки, будь то чья-то свадьба (ведь в гарем входили и незамужние принцессы крови,

и оставшиеся вдовами сестры султана, если тот не решал иначе), выезд на природу, поход в баню или назначение новой чернокожей служанки, которой предстоит топить печи в хамаме. Валиде обо всех знала, всех помнила и ежедневно раскладывала тысячи партий вроде шахматных с участием дам гарема, пресекала тысячи споров, гасила в зародыше тысячи возможных склок и раздавала тысячи милостей тем, кто угодил.

Валиде помогала ее главная казначейша, управительница и наперсница хезнедар-уста. Часто ею была бывшая кальфа, когда-то помогавшая девочке научиться премудростям гаремной жизни, привлечь и удержать внимание султана, скрыть беременность, выносить, родить и воспитать сына, а возможно, и привести его к власти.

Иногда было непонятно, в чьих же руках больше реальной власти в гареме – у госпожи или у ее хезнедар-уста. Но хезнедар-уста, безусловно, была до мозга костей предана валиде.

Казначейша имела свой огромный штат прислуги и распоряжалась всеми кальфами. У нее было множество помощниц и помощников, рабынь и евнухов. Валиде, кизляр-ага и хезнедар-уста – вот тройка правления гаремом. От султана еще был приставлен нарочный чиновник – валиде-кияссы, якобы для султанского присмотра за гаремом, но на деле он просто выполнял поручения главы гарема.

Обычно после смерти валиде ее обязанности переходили к хезнедар-уста, которая продолжала традиции хозяйки. Султан просто не называл преемницу и все понимали: будет как прежде.

Сулейман поступил иначе: он женился на Роксолане-Хуррем по шариату, назвав ее женой перед кадием, и управление гаремом передал ей.

Понятно, насколько разумной должна быть валиде, чтобы уж совсем откровенно не выделять одних и не унижать других. Кроме всего прочего, это было опасно, ведь любимица могла вдруг стать неугодной султану, отправиться вон и тем самым навлечь недовольство Тени Аллаха на Земле не только на себя, но и на валиде. Или наоборот, вчерашняя рабыня вдруг могла стать всесильной фавориткой и нашептать Повелителю в уши что-то о несправедливости его матери.

Приходилось валиде свои симпатии и антипатии держать при себе.

Это наверняка было очень тяжело: найти компромисс между своими чувствами и необходимостью быть одинаково строгой и справедливой со всеми, а еще удерживать равновесие между

желанием потакать султану во всем и трезвой оценкой состояния дел, сознавая, что потакание ни к чему хорошему не приведет.

Мать Сулеймана Хафса Айше была очень разумной женщиной, оставившей у современников только прекрасные воспоминания. Вероятно, ей было трудно понять привязанность сына к Роксолане, его откровенное предпочтение этой женщины остальным, его поведение. К тому же не просто выделение султаном Роксоланы из всех, но и лишение остальных его внимания сильно осложняло и без того непростые отношения между одалисками. За чье внимание бороться, если Повелителю никто, кроме этой Хуррем, не нужен? Зачем тогда вообще нужен гарем?

Самый большой кошмар, какой только можно представить, – женитьбу своего сына на освобожденной рабыне Хуррем и то, что та практически ликвидировала гарем, став для султана единственной, – Хафса Айше, к своему счастью, так и не увидела. Она умерла до этих событий.

Хезнедар-уста Хафсы Айше, конечно, оставаться в такой ситуации на своем посту не могла и не желала, а потому изменения в гареме были неизбежны… Правда, никто не подозревал, насколько серьезные.

Иногда можно прочитать, что Роксолана отменила гарем, но она ничего подобного не делала, у ее сына Селима, ставшего следующим султаном, гарем был такой же, как у отца, и вообще султанский гарем просуществовал до 1909 года, хотя изменения, конечно, произошли.

Чем занимались дамы гарема?

Ожиданием…

Сотни красавиц ждали перемен к лучшему и любви. Их к этому готовили, этому обучали, только об этом и твердили и… этого же лишали. Главного, для чего существовали эти девушки, – любви – они не знали. Султаны – нормальные люди, какими бы любвеобильными ни были, охватить своим вниманием всех наложниц просто не могли. Абсолютное большинство красавиц, настоящих красавиц, оставались невостребованными.

Но у них была надежда: быть замеченной султаном, чтобы хоть имя узнал, пусть не свое, родное, так придуманное валиде, или хезнедар-уста, или просто кальфой. Чтобы на смотрах красоты, которые время от времени устраивали, именно ей бросил платок, выражая свое желание увидеть в своей спальне, родить от султана сына, став кадиной, одной из четырех самых счастливых в гареме…

За что не любили Роксолану в гареме? Она всех этой надежды просто лишила! Захватив сердце султана и став для него единственной, Роксолана оборвала мечты остальных, броуновское движение красавиц вверх-вниз попросту прекратилось, надежды попасть на самый верх больше не было, значит, и те, кто на ступеньках пониже, тоже застыли.

Жить без мечты, без надежды очень тяжело, но вина ли в том самой Роксоланы? Она своих несчастных наперсниц старалась выдать замуж, пусть не на султанское ложе пристроить, так хоть пашам и высшим чиновникам… Заботы не оценили, решили, что таким образом избавляется от соперниц. Ненависть на градус повысилась, это понятно: себе так султана, а другим и паши хватит?

В гарем попадали девочки лет четырнадцати-пятнадцати, появление там красавицы «в возрасте» было нонсенсом, она могла оказаться с гонором или слишком опытной. Валиде и кизляру-аге проблемы ни к чему. Очаровательную маленькую глупышку учить премудростям гаремного быта куда легче. Лучше, если она не будет королевских кровей – те, кто сами рождены в окружении множества слуг, с младенчества знают свое место и ценность, их трудней подчинить.

Да, благородное происхождение ценилось, потому что, по сути, кем-то уже был сделан искусственный отбор: предки знатной красавицы имели возможность выбирать себе красивых жен, вот и она повторила черты лица своих бабок-прабабок. Но с такими проблем больше, лучше купить юную красотку, которая вольного куска хлеба в жизни не видела и для которой условия содержания в гареме будут ожившей сказкой.

Чистый лист, меньше капризов, меньше вопросов, меньше воспоминаний. О чем вспоминать – о закопченной сакле или необходимости тяжело трудиться ради сухой лепешки? О дранной одежонке, стоптанных башмаках или грубой пище? Нет, не рыдали девочки, когда их придирчиво осматривали, оценивали и определяли в султанский гарем, для большинства это была замена хижины на дворец, а что касается расставания с родными, так очень многих сами родные и продавали, это вовсе не считалось предосудительным.

Правда, считалось, что красавиц сначала не покупали, а… как бы захватывали в плен. Дело в том, что мусульманка рабыней быть не могла, да и вообще рабами становились те, кто захвачен в плен во время какой-то военной операции, даже если это просто бандитский налет на поселение. Выход находился простой: тот, кто продавал красивую девочку первым, клялся, что захватил ее в

плен, а дальше продавать можно было без проблем. Кто клятву проверит? Никто и не намеревался этого делать, за красивых малышек очень красиво платили, особенно за тех, что поступали к султанскому двору.

Вот и мотались по городам и весям, по невольничьим рынкам агенты валиде и кизляра-аги, а то и добровольные, выискивая юных красавиц и завлекая сказками их родителей, а то и просто покупая девочек у тех, кто их украл, например, при налете на христианские города или села.

Не стоит думать, что только мусульмане совершали набеги на христианские пограничные поселения, в гаремах было немало мусульманок, точно так же похищенных теперь уже христианами и так же проданных перекупщикам. Это очень доходный бизнес – торговля людьми, всегда был таковым и пока есть. Если есть те, кто готов платить за красивую девочку, значит, будут и те, кто готов ее продать.

Осуждать родителей тоже не стоит: они отдавали дочь из бедности в богатство, из нищеты в роскошь, ведь быть рабыней у валиде или кадины куда заманчивей, чем всю жизнь перебиваться с хлеба на воду. Конечно, не все девочки считали так же, бывали и побеги, даже из гарема. Но бежать из гарема бесполезно, красивая одинокая девушка вне его стен, без защиты мгновенно становилась добычей куда более жестоких и куда менее щедрых владельцев. Не все об этом задумывались, пытаясь бежать.

Но побеги были крайне редки, потому что девочки попадали в мир сказки, где драгоценности носили даже рабыни, в парче ходили все слуги, а еду готовили лучшие повара. А если из разряда просто рабынь стать гезде, а потом икбал, а потом и вовсе кадиной… Исполнение мечты вот оно – совсем рядом, ведь кто-то стал кадиной, пусть всего четверо из пары сотен, но стали же! Легче всего мечтать, когда твою мечту поддерживают, а перед глазами – сбывшаяся пока у других.

Юную мечтательницу и перевоспитывать не приходилось, из нее, как из пластилина, просто лепили то, что нужно, – красивую игрушку для удовольствия. Что должна уметь одалиска? Прежде всего, быть искушенной в ласках – султану в постели бревно ни к чему, но и слишком большая активность тоже предосудительна, наводит на нехорошие мысли…

Физически здоровую красавицу учили возбуждать Повелителя и доставлять ему удовольствие. Этим занимались опытные в вопросах секса старухи. Кегель не первым придумал свои упражнения, ими давным-давно пользовались в многочисленных гаремах многочисленные одалиски.

На втором месте – уход за собой. Султан срывал лучшие цветы в саду красоты, потому нужно было уметь не завять раньше времени. Хамам, массажи, ванны, маски, притирания, удаление лишних волос на теле, выщипывание бровей, раскрашивание рук и ног хной… Красавицы были очень заняты…

Но любая красотка не должна быть полной дурой, с ее губ не должны слетать грубые слова, для этого девочек учили основам стихосложения, декламации, вокалу, игре на музыкальных инструментах… Учили зачаткам математики, во всяком случае устному счету, чтобы не пальчики загибала и губами шевелила, складывая два и два, а могла блеснуть, сделав это в уме. Учили танцевать, красиво двигаться, вовремя отступать в тень и делаться незаметной, быть послушной, и конечно, соблазнять и возбуждать.

Большего обычно не требовалось, не все султаны были так образованны и начитанны, как Сулейман, большинство подобными изысками себя не утруждали, а потому девушки рядом с ними не должны были блистать образованием. На фоне глупышек, готовых по любому поводу открывать ротики от изумления и ахать, выслушав дешевый анекдот, султан сам себе казался умным и значительным. Так легче, так проще, а потому удобней. Роксолана с ее «нездоровым» для гарема интересом к книгам и любовью к образованию была настоящей белой вороной, это только добавляло нелюбви.

Вместо того, чтобы сплетничать, предаваться пустой изящной болтовне или просто лениться, эта женщина учила языки и читала Макиавелли. Глупость какая! Разве это женщина?! Как она сумела захватить внимание и сердце султана Сулеймана?! Разве мог гарем поверить, что без колдовства?

Ухоженная, обученная девочка через два года обычно сдавала некий экзамен в присутствии валиде, которая, убедившись, что юное создание достаточно изящно двигается, не раскрывает рот, ловя ворон, умеет слагать стихи (кстати, стихосложение обитательницам гарема удавалось не хуже любви, среди них много достойных поэтесс, что только подтверждает загубленные таланты), петь и танцевать, ей позволялось приступить к исполнению обязанностей… служанки у кого-то из членов султанской семьи. В исключительных случаях определяли сразу к султану – подносить шербет, тереть спинку в бане, помогать одеваться… Но таких рабынь всего дюжина на гарем, и далеко не всегда возможность подать султану обувь означала возможность попасть к нему на ложе.

Зачем столько учить ту, которая потом будет подавать кальян

или удобней подкладывать подушки под бок госпоже?! Валиде хорошо помнила, что любая из служанок может попасть на глаза султану, привлечь его монаршее внимание и стать гезде… икбал… и так далее. Нужно, чтобы любая была готова для даже случайного внимания Повелителя правоверных. В этом заключалась обязанность валиде – обеспечить сына лучшим даже в его мимолетных прихотях.

И обеспечивали, дорогой ценой, конечно, ведь гаремы стоили огромных денег.

Зачем держать столько женщин, если султану все равно нужно не более десятка? К чему учить рабынь музыке и стихосложению? К чему тратить километры парчи на их одежду, тонны драгоценностей на украшения, держать сотни слуг для их охраны и обслуживания?

Дело в том, что гаремное соперничество владык мира на Востоке было не менее сильно, чем военное. То, какие деньги и как успешно тратят агенты султана на невольничьих рынках, какие сумасшедшие деньги выкладывают их порученцы за красавиц, а потом за драгоценности, которыми их обвешивают, говорило о состоятельности правителя. Тот, кто может позволить себе купить столь дорогих женщин и дорогое обрамление их красоты, может позволить содержать и большую армию.

Это не всегда бывало так, иногда гаремы становились слишком обременительной статьей расхода для казны и даже губили своих владельцев. Но гаремных красавиц никто не видел, к чему кичиться их числом и красотой, тем более – богатством их содержания? Красавиц гарема никто не видел, но все знали, что они есть, что туда, во Врата Блаженства, неисчислимым потоком ежедневно уходит огромное количество продуктов, ткани, драгоценностей, дорогих безделушек, что повсюду рыщут агенты султана, выискивая и выискивая для его гарема очередную красавицу. Это скрытая демонстрация состоятельности, которая имела иногда больший эффект, чем парадный выезд целого двора. Слухи… слухи… слухи… они иногда действенней реальности.

Нужно было обладать реальной огромной силой, чтобы не иметь надобности демонстрировать свою состоятельность при помощи красавиц гарема. Сулейман имел такую силу и не нуждался в демонстрации, но все же до самой смерти валиде содержал огромный гарем, который Роксолана, придя к власти, постепенно выдала замуж или просто раздала высшим чиновникам за ненадобностью.

Современники, особенно европейцы, сравнивали гарем с

монастырем. Действительно похоже: множество девственниц, строжайшие правила поведения, высокие стены, бдительная охрана… Строгая иерархия внутри гарема с четко прописанными правилами, правами и обязанностями каждой группы одалисок, условия перехода с одного ранга на другой, обязанности многочисленных служанок и полное воздержание…

Знаменита фраза «В СССР секса нет!». Секса не было и в гареме. Разве только с султаном, с ним единственным, и ни с кем другим. Но Повелитель один, а девушек сотни, все молодые и красивые, все обучены (теоретически) искусству любви, все ее жаждут, готовы бежать, ползти к султанскому ложу в поисках этой любви.

Чтобы справиться с таким контингентом, и впрямь нужна железная дисциплина.

И ее соблюдали, любую неподчинившуюся жестоко наказывали – не из кровожадности, а ради сохранения хоть какого-то порядка, иначе нельзя. Конечно, не обходилось и без настоящих репрессий, даже отдельные ворота существовали – Ворота Мертвых, через которые выносили тех, кто уже ни мечтать, ни противиться чему-либо не мог. Современники утверждали, что девушек казнили часто – душили, отсекали голову или просто зашивали в кожаный мешок, который отправлялся в воды Босфора. Наверное, так и было, иначе перенаселения гарема не избежать, потому что красивых рабынь покупали и дарили часто.

Правда, если наложница не была нужна самому султану или он просто желал поощрить кого-то из своих чиновников, то мог последовать и такой подарок: юная девственница, купленная на невольничьем рынке за огромные деньги.

На поставках девушек в гарем наживались многие – те, кто рыскал по отдаленным поселениям, например на Кавказе, в поисках редкой юной красавицы, уговаривая родителей продать свое сокровище в гарем, и те, кто совершал налеты на деревни и города, чтобы безо всяких уговоров бросить красавицу поперек седла и умчать; те, кто потом перекупал добычу и увозил ее на невольничий рынок; те, кто на этом рынке красавицами торговал. Выигрывали и сами девушки, недаром многих родители с радостью отдавали в роскошные гаремы богачей в надежде на материальное благополучие дочери…

А как же добрая воля и счастье? Удивительно, но и сами девушки, вернее, девочки не всегда протестовали, наслушавшись сказок о золотых птичках в золотых клетках. Для многих казалось лучше быть в золотой клетке, чем тяжким трудом добывать кусок черствого хлеба, даже выйдя замуж на родине.

Возможно, поэтому не протестовала Роксолана, хотя ее семья в Рогатине явно не бедствовала. Но похищенная и увезенная за тридевять земель, девушка прекрасно понимала, что возвращение домой невозможно, а потому постаралась устроиться в гареме. Неожиданно устроилась так, что все ахнули.

Какие чувства преобладали в гареме, о чем думали (если вообще думали) его обитательницы? Что еще, кроме собственных надежд, тревожило одалисок? Страх и зависть. Страх не угодить и быть наказанной и зависть к тем, кому удалось подняться на ступень или несколько ступеней выше.

Страх ошибиться и вызвать гнев султана (за этим могли последовать кожаный мешок и воды Босфора), проявить неловкость и как-то оскорбить (спаси Аллах!) Повелителя, проявить неуважение к валиде или кадинам, к тем, кто выше по лестнице счастья. Все это влекло за собой не просто наказание, которое можно и пережить, но своеобразную отставку, неловкую девушку больше никогда не допускали подавать султану кофе, неуважительную отправляли топить печи или стирать белье, неугодная едва ли могла рассчитывать на возможность попасть на глаза Повелителю.

Страх разъедал душу, заставлял жить в постоянном напряжении, отравлял саму жизнь.

Но не меньше ее отравляла зависть.

«Почему ее, а не меня заметил султан, почему она, а не я стала икбал, почему ей, а не мне удалось забеременеть, родить сына, стать кадиной?..»

Бесконечные пересуды, перемывание косточек более счастливой сопернице, обсуждение и осуждение вчерашней подруги, которая волей случая оказалась гезде, и, конечно, злорадство по поводу тех, кто получил отставку.

А если предмет зависти на весь гарем один? Каково было Роксолане кожей ощущать эту зависть, переходящую в ненависть, которая лилась, облекала собой, стоило сделать шаг из собственной комнаты?

Чем еще заниматься девушкам, ничего не знавшим и не видевшим жизнь за пределами гаремных стен? Попав в гарем почти ребенком, девочка оказывалась вырвана не просто из своей среды, она была вырвана из самой жизни. За годы, проведенные в золотой клетке, большинство успевали забыть, что существует мир, в котором есть что-то, кроме неги, лени, обжорства и зависти. Даже рабыни, занятые обслуживанием одалисок, и те не стремились вырваться из гарема, потому что тоже отвыкли от

настоящей жизни.

Что видели те, кто месяцами не выходил за пределы крошечных двориков? Свободных выходов в сад, как в сериале, просто не могло быть. Прежде чем хоть одна прелестная ножка ступала за порог, все из сада должны быть удалены, раздавался крик вроде: «Берегись!» – и мужчины-садовники, многочисленные слуги, не являвшиеся евнухами, бросали все, чем занимались, и опрометью кидались прочь, рискуя медлительностью навлечь на себя гнев, для начала, кизляра-аги.

Каждый выход в сад и особенно выезд на природу сопровождался немыслимыми мерами предосторожности, чтобы ни один нескромный взор не оскорбил чувство скромности наложницы, даже если такового не было в помине.

Никто не должен видеть не только лицо или стройный стан одалиски, но и угадывать ее фигуру в коконе ткани, которой та обернута за порогом гаремных построек.

Внутри самого гарема почти все наоборот. Кутаться в меха или просто надеть платье с закрытым воротом – привилегия валиде, кадин, в самые холодные зимние дни – еще икбал. Все остальные – гезде и тем более джарийе – должны ходить в тонких, почти прозрачных одеяниях, с открытой грудью и часто животом, словно готовыми в любую минуту станцевать танец живота. Конечно, это не касалось пожилых рабынь, поневоле вынужденных прятать свои фигуры, чтобы не оскорблять эстетические чувства окружающих.

Почему? Наверное, потому что фигура кадины султану уже знакома и интересует мало, а упругую грудь рабыни должно быть видно сразу.

Возможность ходить одетой в гареме – почти привилегия, от которой едва ли отказались бы близкие к султану женщины, оголяя грудь до предела и демонстрируя ее нескромным взорам невесть откуда взявшихся чужих мужчин.

Гарем – вотчина султана, и в свою вотчину он не допускал никого из мужчин. Евнухи не в счет. Если требовалось выполнить какую-то работу, которая не под силу женщинам, прелестниц удаляли, все ближайшие двери надежно запирали, вокруг стеной вставали евнухи и только тогда разрешалось войти ремонтникам, например.

Известно, что Сулейман даровал своему другу Ибрагиму-паше величайшую привилегию – входить в свой гарем и даже выделил ему отдельную спальню. Правда, зачем – не объясняется, неужели делился своими одалисками? Не может быть, султан был очень ревнив. В случае, когда девушка выходила за пределы гарема, например будучи «приглашенной» на рандеву к султану в

его спальню вне Дома радости, ее проводили всевозможными тайными путями, укутанную в кучу накидок с ног до головы.

На прогулки дамы выезжали в закрытых каретах со старательно завешенными окнами. Во время разных праздничных мероприятий сидели за решетками и под накидками, подглядывая за всем сквозь узкие щели. Если катались на лодках по заливу, то его, как и сад, предварительно очищали от других лодок…

Замкнутая жизнь, при которой любая новость, любое известие извне казались событием. Этим девушкам, не искушенным ни в чем, кроме зависти, сплетен и любви, которую они знали только теоретически, можно было рассказывать любые сказки, любые истории, и они верили. А если до гарема знали только закопченные стены сакли и полукружье родных гор, где от аула до аула горными тропами не каждый доберется, то и вовсе верили. Привозили такую горянку, закатанную в ковер, продавали на закрытом рынке, обучали в гареме премудростям угождения всем подряд – вот и не подозревала она, что в жизни есть что-то еще, кроме гарема и ее бедного дома.

Чем отличалась Роксолана, причем отличалась выгодно? До своего пленения она жила нормальной жизнью смешливой, задорной девчонки в городе, пусть маленьком, но заметном, возможно, с отцом, матерью или братьями ездила на торг в тот же Львов, который должен казаться огромным по сравнению с Рогатином…

Потом училась в Кафе. Это уже закрытый мир, и одновременно открытый по-иному. Где еще девчонка из Рогатина могла изучить персидскую поэзию или познакомиться с основами геометрии Евклида или философскими трудами Платона?

Возможность учиться счастливо наложилась на природную любознательность, а приветливость и даже смешливость помогли выжить в жестоком мире гарема. Результат получился очаровательным: как бы ни поливали Роксолану грязью давнишние и нынешние недоброжелатели, приходится признавать, что она была любознательна, много знала и не уставала учиться. Это свидетельства незаинтересованных лиц – различных посланников-иностранцев. Султану Сулейману было о чем беседовать со своей Хасеки.

Кстати, Хасеки буквально означает «принадлежащая султану», все, что начинается с «хас», – это султанское, так, его земельные владения назывались «хассы».

Валиде

О матери султана Сулеймана Хафсе Айше стоит рассказать подробней. Удивительная женщина, которую любили все, кто знал. В Манисе до сих пор добрым словом поминают Хафсу Айше, или, как чаще пишут, Айше Хафсу, и ее фестиваль Месир Маджуну. Кто бывал в Турции, знает эти длинные конфеты со своеобразным вкусом приправ.

Хафса в переводе с арабского – «молодая львица».

Она была красива, очень красива даже в возрасте. Это подтверждает портрет Хафсы Айше.

Отец Хафсы известен – это крымский хан Менгли-Гирей, мать – простая наложница, судя по всему не сыгравшая в ее судьбе никакой роли (об этом мы никогда не узнаем), возможно, была полькой, может быть, еврейкой. Менгли-Гирей стал ханом при поддержке османского султана Баязида II, деда Сулеймана. Тогда, конечно, самого Сулеймана еще не было.

Менгли-Гирею предварительно пришлось посидеть в тюрьме у султана Баязида, была у добродушного султана, большого любителя красивых цветов и красивых женщин, такая слабость – сажать в тюрьму иностранцев, заподозренных в… да какая разница, в чем? Иностранца всегда есть в чем заподозрить, если его полезно подержать в тюрьме.

У Баязида в тюрьме провел целых четыре года будущий дож Венеции синьор Андреа Гритти, отец известного любителям сериала «Великолепный век» Луиджи Гритти. На здоровье Андреа Гритти османские застенки не повлияли, во всяком случае, в семидесятилетнем возрасте он соблазнил некую монахиню, которая родила от него ребенка.

На Менгли-Гирея тоже ничего не повлияло, у него тоже родилась вон какая красавица.

Описывать нелегкую борьбу Менгли за власть не буду, нас вообще мало интересуют события до появления в судьбе хана и маленькой Хафсы весьма примечательной женщины – Нурсултан. Хафса родилась в 1479 году, хотя точно дату назвать трудно.

Ногайская принцесса Нурсултан совсем юной была выдана замуж за казанского хана Халиля. Ханшей с этим мужем она пробыла совсем недолго, даже не успела забеременеть. Халиль умер, и юная ханша «по наследству» перешла к брату своего мужа Ибрагиму, ставшему следующим ханом. Третья жена не первая, тем более у хана были весьма ревнивые старшие жены и уже взрослые сыновья.

Но Нурсултан не из тех, кто в уголке тихонько оплакивает свою несчастную судьбу. Она сумела стать любимой женой хана Ибрагима и родить ему двух сыновей и дочь (которая через много лет станет регентшей казанского престола, фактически правя за несовершеннолетнего племянника).

Странной оказалась судьба у Нурсултан: умер и этот муж, а на престол взошел его старший сын, совсем не жалующий мачеху. Пришлось Нурсултан бежать прочь из Казани вместе со своими сыновьями. Бежала она… в Москву, к Великому князю Ивану III.

Но у князя Ивана была очень ревнивая супруга Софья Палеолог (племянница последнего константинопольского императора), которой вовсе не нужна была ногайская принцесса в доме. Иван быстро просчитал ситуацию, нагрузил несколько возов подарками, дал Нурсултан рекомендательное письмо и… отправил в Крым. Нет, не под конвоем, вроде, даже вдова сама попросилась.

Через некоторое время Нурсултан была для крымского хана… правильно, любимой женой, причем официальной, а не наложницей.

Это удивительно, потому что Нурсултан уже не была молодой (тридцать лет в то время – почти старость), привезла с собой младшего из сыновей, Абдул-Латифа, оставив старшего, Мухаммеда-Эмина, на попечении московского князя. Князь юношу не обидел, через год посадил на казанский трон. К слову, казанским ханом побывал и его младший брат Абдул-Латиф. И оба побывали в ссылке – кажется, на Белом озере, видно, провинились.

Так в судьбе Хафсы появилась удивительная женщина Нурсултан.

Нурсултан быстро взяла в руки и хана Менгли-Гирея, и его внешнеполитические дела. У хана оказалось слабое здоровье (но это не последствия османской тюрьмы, позже болячки заработал) и запущенное делопроизводство. Новая ханша быстро навела порядок во всем и фактически полностью взяла на себя дипломатическую переписку Менгли-Гирея, она переписывалась с Иваном III, а потом с его сыном Василием I (отцом Ивана Грозного), с женами османского султана Баязида и еще много с кем.

Хафсе было у кого учиться умению не падать духом и устраивать дела.

Но это оказалось не все влияние Нурсултан на падчерицу.

В 1493 году в Крыму объявился опальный принц Селим, сын султана Баязида. Бежать ему пришлось, спасаясь от отцовского

гнева. Если честно, Баязиду было за что гневаться на сыновей: они никак не могли дождаться смерти папаши и решили поделить империю заранее. Вылазка не удалась, и троим участникам пришлось туго, больше всех повезло самому младшему из сыновей Селиму, тот успел сбежать, остальных ждала суровая кара, закон Фатиха об уничтожении любого посягнувшего на власть никто не отменял.

Вообще у султана Баязида было восемь сыновей, но самый старший умер в младенчестве, двое других – от пьянства. Сам султан склонялся отдать трон старшему, Ахмеду, но это не устраивало младших. Двух восставших султан казнил, до третьего, Селима, руки в Крым не дотянулись.

В Крыму опального принца пригрели и женили на красавице Хафсе. Можно предположить, что инициатива этого родства с Османами принадлежала Нурсултан, потому что она тут же принялась хлопотать за зятя перед султанскими женами. В Стамбул отправились роскошные шубы и просто меха для дам (и зачем им шубы в Стамбуле?), ловчие птицы для самого султана и прочие подарки.

Султан Баязид поверил (или сделал вид, что поверил) в невиновность Селима, простил его, но в Стамбул не вернул, определив в Трапезунд (Трабзон). Вот там юная жена (пятнадцатый год) Хафса и родила ему первенца, названного Сулейманом. Ходили, правда, слухи, что Хафса родила девочку, а одна из приглянувшихся воскресшему принцу рабынь – мальчика, но болтали недолго: в Трапезунде по пути в Мекку на хадж как раз гостила мачеха Хафсы Нурсултан. Помогла ли она Хафсе, неизвестно, но то, что дала наставления – точно.

Это была их последняя встреча, но не последняя помощь мудрой Нурсултан своей падчерице.

Хафса родила еще троих сыновей, которые погибли еще в младенчестве от чумы, и четырех дочерей, оказавшихся куда более крепкими, в том числе знакомую нам Хатидже.

Судьбы дочерей сложились не так уж счастливо.

Хатидже-султан (на два года младше своего великого брата) была выдана замуж за Искандера-пашу по воле отца – султана Селима. Муж умер вскоре после свадьбы, и Хатидже вернулась к матери в Манису, где та жила у Сулеймана. Вторым супругом Хатидже-султан был любимец Сулеймана Ибрагим-паша. Брак по любви (во всяком случае, со стороны Хатидже) закончился трагично. Во-первых, Ибрагим очень быстро стал изменять супруге, привез из Египта любовницу по имени Мухсине, поселил ее в отдельном доме, активно переписывался. Мухсине родила

Ибрагиму-паше сына, а когда все раскрылось и с любовницей расправились (варианты – мешок и Босфор, продажа в рабство, продажа в рабство ребенка), вернувшись к жене, завел себе юношу-любовника. Красавец Джешти-Бали имел немалое влияние на своего высокопоставленного патрона. Ибрагим был казнен султаном Сулейманом в 1536 году, Хатидже пережила его на два года.

Первым мужем другой дочери Хафсы Фатьмы-султан был санджакбей (правитель провинции – санджака) Мустафа-паша, вторым – Великий визирь Кара Ахмед-паша, казненный Сулейманом за взятки в 1555 году (в чем тут же обвинили Роксолану, потому что следующим Великим визирем стал ее зять Рустем-паша).

Следующая сестра Сулеймана Бейхан-султан была на год его младше, ей тоже не повезло с мужем – Ферхатом-пашой, также казненным султаном в 1520 году. В этой казни Роксолану обвинить забыли (явный недосмотр!).

Самая младшая из дочерей Хафсы Шах-султан была замужем за Челеби Люфти-пашой, который стал Великим визирем после смерти во время эпидемии Аяза-паши, в свою очередь сменившего казненного Ибрагима-пашу. Еще одно упущение: в эпидемии, унесшей жизнь Великого визиря Аяза-паши Роксолану обвинить тоже забыли!

Брак Шах-султан оказался недолгим, во время ссоры супруг накинулся на нее с кулаками, за что немедленно получил развод, был снят с поста и выслан в провинцию (небось, Роксолана подучила побить жену). Вывод: не дерись с султанскими сестрами.

На смену этому Великому визирю пришел Хадим Сулейман-паша, который правил три с половиной года, его сменил Рустем-паша – зять Сулеймана и Роксоланы, муж принцессы Михримах. Но людская молва ради возможности снова ткнуть пальцем в злодейку Роксолану выкинула из памяти Хадима и обвинила в отставке Люфти-паши Роксолану и Рустема: мол, убрали честного визиря, чтобы посадить на его место верного Рустема.

И конечно, не единожды ткнули пальцем в то, что зять Роксоланы стал Великим визирем: мол, своего пристроила! Родственные связи и так далее!.. Кумовство!..

Почему при этом забывают, что три сестры Сулеймана – Хатидже, Фатьма и Шах – были замужем за Великими визирями, вернее, их мужья становились Великими визирями? Муж Бейхан Ферхат-паша таковым стать просто не успел. Троих Сулейман казнил, кстати, за взятки: Ферхата-пашу в 1520 году, Ибрагима-пашу в 1536-м, Кара Ахмеда-пашу в 1555-м. Четвертый – Люфти-

паша – был снят с должности после развода (это могло случиться и с Ибрагимом-пашой, разведись с ним Хатидже после измены) в 1541 году.

Зять Роксоланы (и Сулеймана!), муж их дочери Михримах, был Великим визирем дважды – первый раз сменив «ничейного» Хадим Сулейман-пашу, второй – Кара Ахмеда-пашу, и правил до своей смерти в 1561 году. Хорошо хоть, в его смерти не обвинили Роксолану (она сама умерла в 1558 году).

Но вернемся к тому времени, когда не только Сулейман не был султаном, но и его отец Селим тоже – во времена правления деда Сулеймана султана Баязида. Селим правил в Трапезунде, Хафса Айше при нем рожала одну дочь за другой…

Султан Баязид старел, и все яснее проявлялось его намерение оставить трон старшему из сыновей – Ахмеду. Правда, ради своей безопасности султан разогнал сыновей по разным дальним провинциям, но уже поговаривал о своей усталости и готовности отречься от власти пораньше.

Для Селима это означало, что он и его сыновья (а у Селима помимо Сулеймана от Хафсы были еще двое от других жен) будут просто уничтожены. Можно бы спрятаться у тестя, крымского хана Менгли-Гирея, но долго ли просидишь, прячась? А на новое восстание сил не хватало.

На помощь пришел тесть, судя по всему, по подсказке Нурсултан, и его деньги. Деньги легко возместили недостаток воинов, Селим поднял мятеж против отца в одиночку, захватив сначала Эдирну, а потом вошел в Стамбул, не дожидаясь, пока принц Ахмед подойдет на помощь отцу. Селим переманил в свое войско не только янычар, но и многих воинов брата, обещая им куда большую оплату, чем те имели.

Защищать султана Баязида было некому, янычары спокойно допустили смену власти – султан Баязид отрекся от трона в пользу своего младшего сына Селима.

Дальше вы помните: до Эдирны Баязид не доехал, умерев в Чорлу, Селим стал султаном, расправился с братьями и их потомством, потом со своим собственным, оставив в живых только Сулеймана (в благодарность за помощь?).

Селим стал султаном, Хафса – султаншей, а Сулейман – наследником престола, шех-заде, причем единственным.

Но счастья Хафсе не прибавилось, борьба за трон серьезно испортила и без того нелегкий характер Селима, к тому же он потерял интерес к женщинам и увлекся мальчиками. Только и

радовали новоиспеченную бабушку сын да внуки: у Сулеймана родился первенец Махмуд. Хафса стала бабушкой в 33 года.

Селим был прозван Явузом – Грозным – не зря, его нрав отличался крутизной, и никто из служивших султану не мог быть уверен с утра, что вечером его голова все еще будет на плечах. Не могли быть уверены и родственники. Став султаном, он расправился с собственными сыновьями, понимая закон Фатиха буквально: тот, кто кроме меня будет претендовать на власть, должен быть уничтожен, кем бы он ни был.

Невозможно представить, каково было все годы правления Селима Хафсе. Сулейман учился трудной науке управления в Манисе, Хафса была рядом с сыном. Наверное, не проходило и дня, чтобы она не думала о возможном гневе султана, о том, что простой навет, слух, чья-то ложь могут этот гнев вызвать и что Селим не пожалеет единственного оставшегося в живых сына.

У Хафсы серьезно болело сердце, это не удивительно: она прожила пусть обеспеченную, но очень нелегкую из-за постоянных опасностей и треволнений жизнь.

Султан Селим Явуз не столь уж благоволил к сыну, хотя ничего против него не предпринимал. Но Хафса не могла не понимать, что султан может передать власть вовсе не сыну, а постороннему человеку, так попытался поступить их потомок султан Ахмед – посадить после себя на трон любовника.

Но ничего предпринять против сына и его матери султан Селим не успел, если и намеревался это сделать. В 1520 году, отложив не вполне подготовленный поход на Белград на год, он отправился подлечить нервишки, поохотиться и отдохнуть в родовое имение под Эдирной. Не доехал – загадочная, но такая своевременная болезнь скрутила его на половине дороги в Чорлу.

Сулейман стал следующим – десятым – султаном Османской империи. Для турок число десять священно, а в судьбе Сулеймана оно повторялось так или иначе не единожды. Десятки Сулеймана принесли Османской империи счастье. Этот султан удался всем: был тверд, но добр, решителен и совестлив, соблюдал законы, не подгоняя их под себя, правда вот, неписаные нарушал ради какой-то зеленоглазой пигалицы Роксоланы.

Гарем султана не может быть таким, какой был у шех-заде, Хафса принялась организовывать быт в Стамбуле, набирая новых рабынь и наложниц. Кстати, в Манисе в гареме Сулеймана было всего двенадцать женщин: валиде, сестры, две наложницы, трое детей, хензнедар-уста, секретарь и несколько рабынь и евнухов. Теперь хозяйство Хафсы разрасталось до тысяч человек, всех нужно было разместить, накормить, напоить, занять делом,

развлечь и защитить. А еще пресечь неизбежные стычки, склоки, сплетни и зависть.

Хафса прекрасно справилась, она наладила четкую работу всех служб и ввела строгие правила поведения. А еще определила раз и навсегда: всем все одинаковое! Все кадины получали одинаковое содержание, их комнаты были одинаково обставлены, трудилось одинаковое количество служанок, одинаковые кареты для выезда, одинаковое число евнухов… Отличались только цветом и возможностью приобрести что-то на собственные деньги.

Интересно, как выходил из положения султан, любивший создавать ювелирные украшения? Неужели делал по два – для Гульфем и для Махидевран? Ведь кадина могла не на шутку обидеться, увидев у соперницы новый браслет.

Также одинаково, но уже на другом уровне содержались икбал.

Даже рабыни получали отрезы на одежду одного качества.

Иначе нельзя, иначе не миновать скандала.

И все бы ничего, обитательницы гарема привыкли и к строгой иерархии, и к правилам, и к равенству в пределах своей группы, и к надеждам попасть в группу повыше, но появилась Роксолана, и все встало с ног на голову.

Пожалуй, самым трудным для Хафсы было не выжить или найти свое место, а справиться с беспорядком, который одним своим существованием внесла в уже налаженную жизнь гарема эта девушка, вернее, не сама Роксолана, а влюбленный в нее Сулейман, готовый нарушать любые твердо установленные правила.

Согласно всем оставленным о ней отзывам, Хафса была доброй и справедливой женщиной, она не могла и не стала бы воевать против матери своих внуков и любимой женщины своего сына. Но валиде обязывало ее положение, а также необходимость, несмотря ни на что, держать остальной гарем в руках.

Ох и трудная это работа – быть хозяйкой огромного женского царства! Но Хафса другого и не мыслила, она не знала другой жизни: родилась в гареме, жила в гареме, там и умерла. Всю жизнь небо в разводах решеток, пусть ажурных, но крепких. Всю жизнь вокруг сте́ны, пусть не вплотную к окну, но высокие.

Эту женщину можно бы пожалеть, потому что не знала воли, но она потому и не бунтовала, что этой воли не ведала никогда. Даже рабыни, девчонками попавшие в гарем, когда-то бегали, сверкая голыми пятками, у Хафсы такой воли не было. Гарем… этим все сказано.

В золотой клетке живут только золотые соловьи, но они не поют и им не понять сереньких пташек без бриллиантов на крылышках, которые выводят трели весной. Не понять этой тяги к воле.

Так Хафса не понимала когда-то мачеху Нурсултан, которой было позволено самостоятельно ездить из Крыма в Москву, на хадж в Мекку, которая вела самостоятельную жизнь. Завидовала, но не понимала.

Не могла она понять и Роксолану, так похожую на Нурсултан в своей внутренней свободе. Наверное, понимала, что именно этим Роксолана дорога Сулейману, но сама примириться не могла.

А Роксолана не понимала зажатую в тисках условностей валиде, не понимала, как можно не желать свободы.

В этом их трагедия, обе искренне любили Сулеймана и желали сделать его счастливым, но каждая по-своему. Сулейману ближе была Роксолана, хорошо, что у Хафсы хватило мудрости не встать стеной, защищая сына, не устранить неугодную лично ей, но любимую сыном женщину. Она справилась даже с этим, Хафса была не просто мудрой хозяйкой гарема, но и умной, любящей матерью.

Наверное, понимая или хотя бы чувствуя это, Сулейман был искренне благодарен матери за непротивление. Даже султанам хорошо иметь мудрую мать…

Ежегодно в апреле в Манисе проходит фестиваль Месир Маджуну. Это один из любимейших турецких праздников.

Легенда гласит, что однажды, еще пребывая в Манисе, Хафса (будущая валиде-султан) заболела, и никакие усилия ее врачей, никакие известные средства не помогали. Шех-заде Сулейман обратился к местной знаменитости шейху Мюслихитдину Эфенди, который благодаря своим поразительным познаниям в медицине (и, видимо, траволечения) слыл непререкаемым авторитетом среди жителей Манисы.

Шейх откликнулся на просьбу сына и создал для его матери новое средство, включавшее в себя 41 компонент, а потому способное лечить все, от зубной боли до проблем с потенцией.

Что именно лечило средство у султанши Хафсы, история умалчивает, но она встала на ноги и на радостях распорядилась одарить сим потрясающим полезным и вкусным одновременно средством всех жителей Манисы, желавших поправить здоровье. Увеличилась ли после этого рождаемость в Манисе – неизвестно, но конфеты под названием «Месир маджуну» ежегодно в день весеннего равноденствия щедро разбрасывают в толпу желающих

оздоровиться с балкона мечети Султан. Фестиваль Месир Маджуну с тех самых пор проводится ежегодно и привлекает множество туристов и просто любопытных. Хафсу Айше в Манисе поминают добрым словом.

Не стоит думать, что конфеты можно получить только в Манисе и только в день фестиваля, промышленность выпускает это вкусное лекарство тоннами под таким же названием – «Месир маджуну». Это длинные трубочки в яркой блестящей обертке. От цвета обертки не зависит вкус конфеты, он одинаков для всех, а вот соблюдается ли тот же состав из 41 компонента, что подобрал шейх Мюслихитдин Эфенди, неизвестно.

Вот как представляют конфеты «Месир маджуну» компании, торгующие ими:

«“Месир маджуну” обладает потрясающей гаммой вкусов, потому что состоит из огромного количества различных натуральных специй и приправ. В его состав входят: корица, черный перец, душистый перец, гвоздика, семена черного тмина, семена горчицы, анис, кинза, имбирь, цветы корицы, куркума, кокос, фенхель, перец кубеба, сенна, желтая терминалия, ваниль, просо, кардамон, альпиния лекарственная, мандрагора, трубчатая кассия, шафран, эликсир, тмин, галанга, сосновая смола, мирра, солодовый мед, шамлы шашлы, лимонная цедра. Помимо прекрасного вкуса он крайне полезен для здоровья, оказывает общеукрепляющий и тонизирующий эффект, а также сильно повышает потенцию».

За столь замечательные качества «Месир маджуну» называют турецкой виагрой.

Конфеты появились в продаже и в России, их можно заказать по Интернету. Заказывайте и оздоравливайтесь. Будьте здоровы!

Соперницы и враги

К таковым можно отнести практически все окружение не одной Роксоланы – любой наложницы. Сотни женщин, главная задача которых – внимание одного-единственного мужчины… Внимания нужно не просто добиться, но и удержать его как можно дольше, лучший вариант – родить дочку, а потом сына…

Это не значит, что только враждовали, все же жили в Домах радости. Конечно, складывалась дружба, часто искренняя, преданная, на всю оставшуюся жизнь. Большинство, понимая, что стать даже икбал не получится, пытались найти свое место в том мире, в который попали. Находили единомышленниц, подруг, хозяйку, которой верно служили.

Уверенность в том, что ты не одна в этом жестоком мире, очень нужна, без нее слишком трудно, редко кто способен противопоставить себя миру, бросить вызов такому количеству соперниц.

Девушки помогали друг другу, объединялись против кого-то, кого-то поднимали на смех, но за этим строго следили старшие, потому что допускать откровенных насмешек нельзя, это, как ржавчина – железо, разъест сам гарем.

Чтобы не изнывали от безделья, девушек постоянно учили или развлекали. Но учили, конечно, не философии Платона, а рукоделию, музыке, а еще чтению Корана. Это большое умение – читать Коран как положено. Но все равно скучали, и пока руки были заняты вышивкой, языки привычно перемывали кому-нибудь косточки.

Роксолана самим своим существованием давала повод к злословию. А уж если объект для этого злословия для всех один, это сильно сплачивает злые языки гарема. Тоже неплохо, перестают грызться между собой.

Чем же так досадила Хуррем своим подругам по несчастью (или счастью)?

Известно, что Сулейман не выделял ее, делая дорогие подарки (не просила), не увеличил содержание (он не вмешивался в дела валиде), не увеличил ей содержание, но на ложе брал только свою Хасеки. Внимательно следившие за положением дел в гареме венецианцы доносили, что султан с первой минуты очарован только своей Хасеки и не желает никого другого из женщин.

Откуда могли венецианцы знать о положении дел в самом закрытом месте Османской империи? Через торговцев, слуг и тех

же евнухов. В те времена купец практически приравнивался к шпиону, вся разведдеятельность, как бы мы сейчас сказали, и большая часть дипломатической велись посредством торговых представительств, недаром в Стамбуле очень долго не было никаких специальных послов, все вопросы решались через торговые общества.

Сами торговцы покупали женщин, имевших доступ в гарем, в первую очередь для того, чтобы знать, что и кому из одалисок приносить для продажи. Конечно, никто самих купцов в гарем не пускал, приносили все женщины, часто иудейки. Они же нередко выполняли поручения одалисок вне гарема. Каждая их обитательниц гарема имела свое небольшое содержание, которое могла тратить по своему же усмотрению. Кто-то покупал сласти (непонятно, потому что таковых и в гареме было достаточно), кто-то – побрякушки, кто-то – ткани, средства для ухода за собой…

Европейские купцы даже нередко женились на иудейках, чтобы через них иметь возможность торговать в гареме. О положении иудеев в Османской империи будет сказано отдельно.

Роксолана мешала гарему тем, что самим своим существованием нарушила заведенный порядок движения по «служебной» лестнице в гареме, нарушила установленный порядок возвышения одалисок, а потому мешала всем одалискам сразу.

Неписаный закон: одна наложница – один сын. Когда сын подрастал, мать уезжала вместе с ним с провинцию – помогать налаживать жизнь, создавать гарем и управлять им.

Освобождалось место подле султана, его тут же занимала другая, выделенная Повелителем правоверных из массы желающих. Иногда султан не желал новой кадины, оставляя только икбал: к чему связывать себя какими-то обещаниями? Но чтобы, как Сулейман, оставить подле себя только одну?!.. Такого не бывало.

Все свидетельства взаимоотношений между Сулейманом и Роксоланой, все оставленные отзывы и описания, их переписка твердят одно: султан потерял голову от Роксоланы сразу и на всю жизнь. Ее, и только ее, предпочитал видеть и слышать, только ее звал к себе. Лишь однажды по время опалы Роксоланы (бывало и такое!) на ложе попала Махидевран и родила дочь Разие. Но на этом отношения с бывшей возлюбленной закончились.

Никто, кроме Роксоланы, от Сулеймана больше не рожал. Он с легкостью раздаривал красавиц из гарема своим чиновникам, больше не приказывал покупать новых и не принимал в подарок. Известен случай, когда валиде (имевшая такое право – раз в год

дарить Повелителю правоверных новую рабыню) приобрела для Сулеймана и Роксоланы по красивой рабыне-славянке. Видно, не рискнула дарить только султану, не смогла обойти подарком и нежеланную невестку. Подарок вылился в скандал, пришлось валиде спешно с извинениями забирать красавиц обратно, заменив их чем-то другим.

Настолько велико уже было влияние Роксоланы, что даже валиде приходилось его учитывать. Султан не противился, он вполне обходился без юных красоток с аппетитными формами, ему достаточно было одной Хуррем.

У такой женщины просто не могло быть соперниц в гареме! Не потому, что злая ведьма или красива настолько, что остальные по сравнению с ней уродины, а потому, что владела сердцем султана безраздельно. Была ли в этом магия? Конечно, магия любви и многих достоинств, которые не признавали обитательницы гарема, зато ценил Сулейман.

Ей могли завидовать, ее ненавидели, но соперничать с ней просто не могли.

Роксолана возвысилась окончательно ко времени смерти валиде-султан Хафсы. Хафса давно страдала болезнью сердца, часто и подолгу проводила время в постели, в последние годы редко выходила даже из своих покоев в сад. Но в ее смерти обвинили Роксолану.

Возможно, возвышение неугодной валиде женщины повлияло на здоровье матери султана, потому что причиной недугов часто являются нервные срывы.

Историки не пришли к единому мнению о том, что произошло раньше – женитьба султана на бывшей рабыне Хуррем или смерть валиде. То есть валиде умерла, не выдержав такого надругательства над законами гарема (где это видано, чтобы султаны женились на бывших рабынях?! Хотя шариат этого не запрещает) – или, наоборот, султан женился, дождавшись смерти матери, потому что не желал огорчать ее столь сильно?

В любом случае популярности Роксолане ни в гареме, ни в империи это не прибавляло.

Предыдущая официальная женитьба султана состоялась в 1379 году, Сулейман назвал Роксолану женой в 1533–1534 годах, то есть сто пятьдесят лет Османская империя не знала свадеб своих султанов, и вот, наконец, свершилось – султан женился!

Но на ком?! Не на матери достойного, любимого многими наследника Мустафы Махидевран-султан, а на выскочке, той, которая самим своим существованием отравила последние дни валиде, колдунье с зелеными глазами. Нарушалась вся

налаженная строгая система гарема, в которой у каждой был хоть какой-то призрачный шанс стать главной женщиной империи или найти себе другое вожделенное место.

Женитьба султана хоть и поставила Роксолану на недосягаемую высоту и вне конкуренции, вызвала новый прилив всеобщей зависти и как следствие – ненависти к ней. Этой ненависти хватало и без звания кадины-эфенди.

Роксолана для гарема с первой минуты была белой вороной. Судя по всему, ее подарили Сулейману как раз к восшествию на престол. До того, будучи еще наследником престола, Сулейман правил и жил в Манисе вместе с матерью – Хафсой Айше. Это было обычаем, наследник (а Сулейман был единственным наследником отца) набирался ума-разума именно там.

Султаном он стал в сентябре 1520 года. Новый султан – это новая администрация, новые люди во власти, новые деньги, а значит, новые гаремы, в которые полезно доставить красавиц со всего света. Конечно, Сулейман перевез гарем из Манисы, но, по свидетельству современников, он был совсем маленьким – валиде, две супруги (Гульфем и Махидевран, самой первой, Фюлане, видно, уже не было в живых, о ней ничего не известно) и обслуживающий персонал. Всего восемнадцать женщин и трое сыновей.

То, что хорошо для шех-заде, неприемлемо для султана, но и оставлять отцовский гарем он тоже не мог, это неприлично. Старый гарем отправлялся на покой.

Это означает, что Роксолана в числе других попала в совершенно новый гарем, ведь к тем восемнадцати женщинам быстро прибавились еще пара сотен, а потом еще и еще. Не все одалиски, большинство просто прислуга, которая, как мы помним, вполне могла стать даже валиде, если очень повезет.

Значит, набрали огромный штат женской прислуги для гарема, в число которой входила и Роксолана. Если верить отрывочным сведениям о ее обучении, то понятно, откуда у нее такое образование и тяга к знаниям. Судя по всему, Роксолане повезло попасть в знаменитую школу наложниц в Кафе. Эта школа была крайне закрытой и готовила одалисок высшего класса, обучая не только умению бренчать на каком-то инструменте, цветисто объясняться в любви или считать на пальцах, не только премудростям ублажения мужского тела в постели, но и настоящим наукам: философии, математике за пределами десятка, географии, истории и еще много чему. Девушки осваивали основы арабского языка, хорошо знали персидскую поэзию…

Но это значит, что сама Роксолана обладала прекрасными данными, ведь учить дуру – только время зря тратить.

Возможно, тот самый владелец школы, почувствовав счастливый час, отвез нескольких лучших девушек в Стамбул для гарема нового правителя или кого-то из его особо приближенных. Роксолана попала на глаза Ибрагиму-паше. Это тоже судьба, потому что оценить не самую красивую, зато умненькую девушку мог не каждый – Ибрагим, на свою голову, смог.

Интересно, что было бы с Роксоланой, не заметь ее Ибрагим? Смогла бы она выжить, стать главной и единственной в другом гареме? Возможно, не смогла: не каждая старшая жена стала бы терпеть такую соперницу, редко какой хозяин оценил бы знание беспокойной рабыней трудов Платона или персидской поэзии. Роксолане повезло, она попала туда, где ее знания и веселый нрав пригодились.

Почему Ибрагим подарил девушку султану, а не оставил себе, неизвестно. В союзе друг с другом они могли бы править империей, потому что каждый влиял на султана именно в том, что было недоступно другому. Но союз не состоялся, напротив, были взаимная ненависть и вражда.

Султан Сулейман разглядел Роксолану, которой дали имя Хуррем, то есть «Дарящая радость», «Смеющаяся», не сразу, но и долго не тянул тоже. Во всяком случае, первого сына Роксолана родила осенью 1521 года, значит, на весь конфетно-букетный период у них были пара месяцев зимой, потому что сам гарем в Стамбуле организовали не сразу. А вот забеременела Роксолана явно сразу – когда султан отбыл в поход на Белград, она уже носила под сердцем его сына.

Как удалось девушке сохранить будущего ребенка? Наверняка помогло то, что она призналась в своем интересном положении самому султану, валиде оставалось только оберегать покой удачливой новенькой.

Завести до этого времени настоящих врагов в гареме Роксолана явно не успела, султан отправился воевать, а она осталась вынашивать ребенка, все в порядке вещей. Соперницей никому пока не была, у Сулеймана имелись три сына – Махмуд от самой первой жены Фюлане, рожденный еще в Кафе, Мурад, сын Гульфем, и Мустафа, сын Махидевран.

Между двумя кадинами сохранялось хрупкое равновесие, возможно потому, что обе не были матерями старшего сына султана, то есть формально ни Гульфем, ни Махидевран не являлись следующими валиде, такое место было вакантно.

Поэтому даже когда у Хуррем осенью 1521 года родился

Мехмед, она еще не была соперницей. Да, кадина, да, родила сына, но ведь четвертого по счету… И даже то, что султан слал лично Хуррем письма, а та отвечала, сначала, видимо, воспринималось как каприз Повелителя. Ничего, больше этой удачливой девчонке в спальне Повелителя не бывать, одна наложница – один сын, с нее достаточно.

Но осенью произошло то, что перевернуло всю отлаженную систему гарема. Во-первых, Стамбул посетила нежеланная, страшная гостья – оспа. Это бывало часто, почти каждый год, никто не находил нужным как-то защищаться, полагая, что Аллах сам разберется, кого оставить в живых, а кого нет. Гарем даже Стамбул не покидал, оставаясь во дворце.

Беда не обошла стороной султанскую семью, причем нанесла очень точный удар – скончались два старших сына султана, Махмуд и Мурад!

Это меняло все: во-первых, Гульфем оставалась без сына и из кадины превращалась в обычную служанку, конечно, не истопницу, но просто приживалку. Валиде взяла ее к себе, но жизнь бедолаги теперь текла безрадостно, ждать ей было нечего.

Сын Махидевран Мустафа вдруг стал первым наследником, что превращало саму Махидевран в будущую валиде и поднимало на недосягаемую для остальных женщин высоту. Пока жив Мустафа, Махидевран – старшая жена!

Очень кстати оказался рожденный Роксоланой малыш Мехмед (возможно, именно это спасло ему жизнь). Но тогда Махидевран еще не боялась Роксоланы, они были не равны, у Махидевран – старший и уже довольно взрослый сын, которого просто обожал султан, а соперница только родила своего писклявого отпрыска.

Сначала султан повел себя вполне предсказуемо: он объявил Vali Ahad, то есть наследниками, Мустафу и Мехмеда по старшинству. Это не могло испугать Махидевран, ценность сына которой возрастала неизмеримо. Если Махидевран чего-то и боялась той осенью, так это возможной беды с сыном.

Однако дальше произошло непредвиденное: султан Сулейман впервые нарушил давние неписаные законы ради своей Хуррем, он снова позвал ее к себе, презрев принцип «Одна наложница – один сын», ведь она могла родить еще одного.

Пожалуй, с этой минуты зависть гаремных красавиц перешла в ненависть. Освободилось место кадины, целых два пустовало, многие надеялись возвыситься до кадины, не все же Хуррем. Вместо того, чтобы «как положено» осчастливить еще двоих, сделав кадинами, султан снова звал в спальню только одну:

Хуррем, у которой уже был сын. Была ли в этом вина или счастье Хуррем, никого не волновало, главное – она похитила у других возможность родить султану ребенка!

И все-таки, это Судьба, ее Судьба, которой, как известно, противиться бесполезно. Она снова забеременела и снова родила уже весной дочь, крошечную, явно недоношенную, но живучую принцессу Михримах, которая стала отцовской любимицей на всю жизнь. Казалось, теперь султан должен удалить Хуррем от себя – достаточно с нее двоих детей, а уж радоваться рождению принцессы не должен никак, принцессам не радовались.

Но снова произошло то, чего не ждали, снова султан нарушил все законы жанра: он выпустил по поводу рождения Михримах точно такой же фирман (указ), писаный золотом на дорогой бумаге, объявляя подданным, что счастлив рождением дочери и нарекает ее так-то и так-то.

А Хуррем за рождение принцессы благодарен и удалять ее от себя не намерен. Конечно, об этом не писалось в фирмане, но было сказано вслух. Снова скандал! Раньше на такое имела право только законная жена, остальные уже давно получили бы отставку.

Негодовала валиде: ради этой Хуррем султан то и дело идет против установленных правил, так недолго и всю стройную систему власти в гареме развалить! Ладно бы лебедушкой была, красоты неописуемой, а то ведь маленькая, щуплая, постоянно беременная…

Сама Хафса Айше была настоящей красавицей, такой, от которой глаз не оторвать. Она славилась справедливостью и доброжелательностью, в Манисе до сих пор добрым словом поминают мать султана Сулеймана. Наверняка Хафса не имела бы ничего против Роксоланы, сохранись стройная прежняя система в гареме, то есть, останься Роксолана после рождения сына просто кадиной, какими были Гульфем и Махидевран, и возьми Сулейман себе следующую икбал, чтобы та могла родить еще одного сына, а потом следующую… Так в строгой иерархии гарема не было бы пропусков и топтания на месте, снова все мечтали стать гезде, а те икбал, а икбал мечтали родить сына, чтобы стать кадиной.

Но султан признавал только свою Хуррем, потому икбал не становились кадинами, а гезде не становились икбал. О чем мечтать, чего ждать многочисленным красоткам, ни на что, кроме любовных утех, не годным? Это очень опасная ситуация, обитательницы гарема должны надеяться на возвышение, иначе… На что способны сотни недовольных красавиц, даже подумать страшно.

Удивительно, как валиде удалось не допустить бунта на этом корабле под названием «Гарем». Особенно когда уже осенью следом за Михримах Роксолана родила еще одного сына – Абдуллу. Мальчик прожил только четыре года, его тоже погубила оспа.

Не может быть, чтобы за время беременности Роксоланы Сулейман не брал на ложе других красавиц, наверняка брал, но ни одна из них не родила, словно та же Судьба берегла Роксолану от соперниц. Только за время опалы Роксоланы (провинившись, она некоторое время жила, видимо, в Летнем дворце на другом берегу Босфора, что помогло выжить во время бунта янычар) Махидевран была удостоена внимания султана и тоже родила дочь – Разие, но даже в этом Сулейман отдал предпочтение Роксолане, любимой принцессой осталась очень похожая на мать Михримах.

Могла ли питать теплые чувства к Роксолане Махидевран, если та забрала у нее, а потом и у сына все внимание султана? Подрастал Мехмед, и отец посвящал ему куда больше времени, чем старшему сыну. Конечно, Мустафа уже повзрослел, и его воспитывали, по сути, янычары, считая своим будущим султаном, но хотелось, чтобы все свое внимание Сулейман отдавал первому наследнику, а не второму.

К чести Махидевран, та не устраивала диких сцен, во всяком случае, это не отмечено в дневнике султана (Сулейман вел подробный дневник всю жизнь, правда, события в гареме в него не записывал, может, просто не докладывали?). Но у баш-кадины и не было таких возможностей, хотя можно представить, как ненавидели завладевшую всем вниманием Сулеймана Хуррем.

В сериале ради красного словца, вернее, кадра многое либо утрировано, либо вычеркнуто. Едва ли злющая, вечно раздраженная Хуррем, ничем не выделяющаяся в лучшую сторону среди остальных наложниц, могла завоевать сердце искушенного султана. А без этого патологическая нелюбовь к ней остальных одалисок просто непонятна.

Ну, попала на ложе к султану, ну рожает от него одного ребенка за другим, так кто же мешал завоевать султана, пока ненавистная Хуррем в положении? Кто не давал другим одалискам или той же Махидевран поразить Сулеймана своим знанием персидской поэзии, умением вести умную беседу, быть очаровательной?..

Не сумели, но обвинили в этом Роксолану.

Любому, кто смотрит фильм, ясно, что очаровать, влюбить в себя без памяти экранная фурия могла только при помощи колдовства. И тем не менее убить пытаются только ее, ее травят,

поджигают, на нее возводят поклеп… Но даже по воле сценаристов, явно ненавидящих сам образ Роксоланы (в фильме она меняется от истерички до ловкой интриганки, в отличие от благородной и вечно страдающей Махидевран), все приписываемые Хуррем кровавые разборки остаются только намеками: мол, желала смерти, потому и умер. Но смерти желали и ей, и ее детям тоже.

Фильм впору назвать «Ведьма в гареме».

Роксолана действительно рожала одного ребенка за другим: в 1521 году – Мехмеда, в 1522 году – весной Михримах и осенью Абдуллу, в 1524 году (после опалы) – Селима, в 1525-м – Баязида, потом последовал перерыв и в 1531 году родился Джихангир, которого называли горбуном и в фильме показали настоящим уродцем. Но, судя по отзывам современников, у принца Джихангира был просто ярко выраженный кифоз, во всяком случае, в седле он держался уверенно. Такое заболевание, как кифоз в результате рахита (прогиб грудного отдела позвоночника в виде сильной сутулости), вполне излечим, но принца лечить не стали, а наоборот, берегли, ограничивая движения.

Роксолану ненавидел весь гарем, кроме тех, кто от нее зависел, и это была иная ненависть, чем привычная – одной кадины к другой или тех, кто не сумел выбраться из гезде, вернувшись к должности прислуги, к тем, кому это удалось. Самим своим существованием она лишила надежды всех остальных, а потому и ненавидима была всеми, даже тогда, когда встала во главе гарема и правила им не менее справедливо, чем Хафса Айше.

Став главной женщиной гарема, Роксолана не свела счеты ни с одной из тех, кто шипел и плевался ядом ей вслед, во всяком случае, такое неизвестно. Возможно, мы просто не знаем, что происходило за закрытыми Вратами Блаженства, но никаких записей по поводу жестоких репрессий не нашлось.

Нашлись другие – Роксолана постаралась вовсе избавиться от гарема, побуждая Сулеймана выдавать замуж или просто дарить своим чиновникам одну красавицу за другой. Жестоко? Но не выгонять же их всех на улицу? Красавицы, которые раньше не имели покоя из-за явного преимущества одной, теперь вынуждены были завоевывать свое место под солнцем у совсем других, поскольку прежние жены их новых владельцев вовсе не радовались султанскому подарку.

Постепенно остался только обслуживающий персонал.

Следующий султан – сын Роксоланы Селим – гарем не просто

возродил, но увеличил и тратил на наложниц куда больше денег, чем его отец. А вот предпочитал все равно одну – Нурбану (красавицу итальянку из рода Баффо), которую ему в свое время подобрала именно Роксолана. Нурбану наличию гарема не противилась и правила в нем столь твердой рукой, что, останься в нем прежние одалиски, вспоминали бы Роксолану добрым словом.

Все в жизни повторяется, Нурбану подсидела ее собственная невестка Сафие, которую та тоже выбрала для сына сама.

Но Роксолана этого, конечно, не увидела, она умерла раньше мужа, Сулейман пережил любимую на восемь лет.

Почему-то считается, что соперницей Роксоланы в гареме была Махидевран. Да не могла она быть, Махидевран для Сулеймана прошлое, она только мать наследника, как бы султан ни любил ее раньше. Просто сама Махидевран жила в системе старых понятий: родила сына – и на покой, одна наложница – один сын.

И ревновать тоже не могла, возможно, потому о стычке между Махидевран, у которой просто сдали нервы, и Роксоланой стало известно даже иностранцам, жившим в Стамбуле. Конечно, женщины ревновали друг к другу, но прекрасно понимали, на что имеют право, а на что нет. И подобные скандалы с расцарапанными лицами были крайне редки.

В гареме существовали не только строгая иерархия и правила поведения, но и довольно церемонная система обращения одной одалиски к другой. Никому из рабынь джарийе не приходило в голову запросто окликнуть икбал, например, а сама икбал, какой бы счастливой ни была, ни за что не посмела бы свысока посмотреть на кадину. О валиде и говорить нечего, к ней, как и к султану, не полагалось поворачиваться спиной.

Запросто общались между собой только джарийе, потому что уже гезде посматривали друг на дружку настороженно, икбал тем более, а кадины не всегда снисходили до бесед с теми, кто не сумел возвыситься так, как они. Валиде вообще вела себя как символ порядка в гареме и рот открывала в присутствии остальных только в случае надобности. Запросто щебетать с кадинами никто бы не стал.

Соперницами Роксоланы просто никто не успел стать, с первых дней никто на нее ставку не делал, не те внешние данные, а что нрав веселый – это хорошо, с такими рядом нескучно. А потом она сразу безо всяких периодов томительного ожидания попала в спальню к султану и стала кадиной, родив Мехмеда.

А потом… потом у нее уже не было никаких соперниц,

потому что Сулейман откровенно предпочитал ее остальным, были только ненавистницы, то есть крупные и мелкие враги.

Откуда такая уверенность в султанской верности? Из его писем, из записей и отчетов дипломатов, купцов и прочей братии… О, эти знали все обо всем, даже не приближаясь к стенам гарема, они умели подкупить повитух, торговок, массажисток и даже евнухов, чтобы вызнать, кого же предпочитает султан ныне и что именно любит эта одалиска. Разведка производилась только что не с воздуха, доносили истопницы и садовники, переписчицы и повара, портнихи и лекарки…

И только если сотня человек утверждала: Повелитель предпочитает только эту женщину уже не одну неделю, следовало донесение, например, в Венецию: султан хочет постоянно видеть эту женщину, не желая знать никакую другую.

А еще такое заявление подтверждает факт рождения детей только у Роксоланы в течение всех последующих лет. Сотни молодых, красивых, физически крепких девушек были готовы исполнить любую прихоть султана, но рожала почему-то только Роксолана. Ошибки быть не может вот почему.

Каждый визит даже простой гезде в спальню султана старательно записывался, чтобы позже не возникло вопросов, если этот визит принесет свои плоды в виде продолжателя рода. Ну и, конечно, чтобы вовремя пресечь нежелательную беременность. Можно возразить, что и во время фавора Роксоланы также пресекали. Едва ли, ей так завидовали в гареме все во главе с валиде, так желали подвинуть с занятого при султане места, что любая другая беременность была бы всему гарему только в радость, вот уж когда никто не стал бы вызывать выкидыш у самой нежеланной джарийе. Просто самой нежеланной была Роксолана.

Не рожали одалиски с тех пор, как Роксолана стала любимой султана Сулеймана, потому что иначе было бы записано не только время рождения любого младенца, но в точности – сколько чего на него ежедневно расходовалось. Удивительно, но в Османской империи существовал контроль и учет, которому могли бы позавидовать лучшие немецкие чиновники. Эсэсовским архивам далеко до султанских, по ним можно проследить, сколько муки или сахара в какой день израсходовали повара, сколько выпито шербета, сколько ткани какого цвета выделено какой одалиске… Именно благодаря этим записям мы знаем, сколько тонн (!) сахара привезли для десертов на пир по поводу обрезания принцев, сколько на блюда для пира ушло миндаля, а

сколько – других орехов, сколько розовой воды или гусиной печенки…

Никаких записей по поводу младенцев, родившихся или не родившихся (в гаремной больнице тоже вели строгий учет) у других матерей, не найдено. Кроме того, по поводу младенца любого рода, даже если тот прожил всего пару часов, султану приходили письма с поздравлениями или с соболезнованиями, этот жест вежливости со стороны правителей соседних стран был обязателен. Так же поступал и сам султан.

Но и таких писем не найдено. Нет, их существует огромное количество (в канцелярии султана даже письма регистрировались для порядка), но все с поздравлениями по поводу детей, рожденных Роксоланой. Никто другой не рожал.

Эту странность можно объяснить только одним: ни с кем другим султан просто не спал! И не было никаких Изабелл, заблудившихся на просторах Средиземного моря, никаких других прелестниц, которых Сулейман осчастливил «в пику» Роксолане. Так не бывает? Ну почему же, султан – нормальный мужчина, почему он непременно должен тащить кого-то в свою постель, если его супруга в интересном положении?

Почему мы так настойчиво отказываем султану Сулейману в нормальной супружеской верности, почему считаем его на такое неспособным? Потому что остальные так не поступали? Но остальные не женились на бывших рабынях и не назначали бывших рабов Великими визирями.

Сулейман не был обычным султаном, иначе он не вошел бы в историю и не задержался навсегда в людской памяти.

Давайте поверим не слухам Бедестана, которые распускали нарочно, а документальным записям очевидцев, сделанным ради составления правильного образа султана, которым невыгодно было бы лгать или что-то приукрашивать.

Сулейман любил Роксолану с первой встречи и до своего последнего дня, любил по-настоящему, султан тоже может быть однолюбом. Нуждался только в ней, ее ласке, ее голосе, похожем на звук серебряного колокольчика, был един с ней душой, а все остальное просто наветы завистников, на такие чувства неспособных и потому их не признающих.

Завистниц у Роксоланы было много, а вот враг все это время только один – Ибрагим-паша.

Ни одна женщина в гареме, даже самая красивая и могущественная, не могла противостоять Роксолане, просто потому, что жила в другом измерении, у одалисок были другие интересы, они не умели и не хотели жить интересами султана, а

не своими мелкими склоками.

Роксолане мог противостоять только один человек – Ибрагим. О том, что они не поделили, можно не размышлять: конечно, Сулеймана. Но почему? Ведь пока был жив Ибрагим, Роксолана в дела империи не вмешивалась и в политику не лезла, она занималась детьми и самообразованием. И только после казни Ибрагима, словно почувствовала упавшие оковы, стала не просто жертвовать на благотворительные цели, но и создала фонд, стала строить общественные здания, содержать столовые для бедных и так далее.

Почему был казнен Ибрагим-паша?

Действительно ли к этому причастна Роксолана?

Чем они были похожи и чем отличались?

Это не праздные вопросы, потому что от них зависит понимание характера самой Роксоланы.

В сплетнях все выглядит так, будто султанша решила извести визиря, чтобы иметь возможность беспрепятственно влиять на султана. Это тем более похоже на правду, что после казни Ибрагима Сулейман значительно изменил внешнюю политику и линию собственного поведения.

Мол, ведьма-султанша подбросила султану фальшивые бумаги, порочащие его друга, чтобы уничтожить соперника в борьбе за душу Повелителя. Удивительно, что молва, называвшая Ибрагима не иначе как «френк», то есть «чужак», и презиравшая за те самые статуи языческих богов, на сей раз была на стороне пострадавшего, твердо уверенная, что это ведьма извела визиря.

Казалось бы, два скорпиона сцепились в банке, стоило бы порадоваться, если оба так плохи, но одна из двоих неугодных осталась жива, и вся ненависть теперь досталась ей одной. Именно потому Роксолана в сплетнях и слухах даже хуже Ибрагима, которого при жизни ненавидели, пожалуй, больше, потому что Роксолана жила за закрытыми Вратами Блаженства, а визирь – на виду.

У Роксоланы и Ибрагима немало сходства в судьбе: оба были рабами, волею случая попали к Сулейману и были им приближены, для обоих Сулейман был главным в жизни, оба были ему преданы и желали только добра, оба были сообразительны, крайне любознательны, имели быстрый ум, схватывая знания на лету, оказались прекрасными организаторами и очень любили новшества. Оба были белыми воронами в своем обществе, и обоих, каждого по-своему, любил султан.

Что могло сделать врагами таких людей, чем они умудрились

помешать друг другу?

Что же отличало Роксолану и Ибрагима?

Ибрагим был публичным человеком, очень публичным, любившим блеск и мишуру славы, поклонение окружающих, рукоплескание толпы. Любил быть в центре внимания, любил лесть. Это не мешало ему быть толковым и порядочным.

Экранный Ибрагим волей костюмеров откровенно недотягивает до настоящего. У Ибрагима Паргалы свита была не меньше, а иногда (в отсутствие султана) и больше султанской. Одежда из самых дорогих тканей, обувь лучшей кожи, конская сбруя украшена драгоценными камнями. Это само по себе неплохо и вполне понятно для мальчика, выросшего в бедности.

Иностранцы описывали его манеру одеваться как блестящую и даже роскошную. Манеру держаться – как ироничную и временами надменную. Он пользовался каждой возможностью подчеркнуть свое возвышение, свое равенство султану. Рожден в рыбацкой деревушке? Зато стал Великим визирем Османской империи.

Но недаром народная мудрость ставит медные трубы лести на последнее место, их пройти куда трудней, чем огонь и воду. Ибрагим, судя по всему, не прошел. Уши привыкают к лести, и человек перестает ее замечать. Ибрагим к тому же так часто и много внушал всем, что он равен султану (это было перед иностранцами и для пользы дела), что сам в это поверил.

Скупые строчки обрывочных записей приближенных к султану и самому Ибрагиму рассказывают, что ко времени персидского похода Ибрагим, видно, после несостоявшегося развода и рождения у Хатидже сына, уверовал в то, что вошел в султанскую семью навсегда, в свою недосягаемость для кого угодно и стал называть валиде тещей, султана – братом, а за глаза и вовсе «этим турком».

Неизвестно, знал ли об этом сам Сулейман. Если знал и долго молчал, значит, в нем копилась та самая гроза, которая в конце концов уничтожила Ибрагима.

В самом деле, чего было бояться Ибрагиму? Сулейман никогда своего слова не нарушал, а уж клятв тем более, если поклялся, что не снимет друга с должности Великого визиря и не казнит его – значит, так и будет, бояться нечего. Лесть окружающих только помогала утвердиться в этом убеждении.

И Ибрагим просто потерял чувство реальности.

Началось все с неудач в походах: последние два европейских не удались категорически, хотя и убытков не принесли, но Вена не была взята, а Сулейман испытал разочарование. И в Ибрагиме

в том числе.

Когда после первого похода на Вену король Фердинанд прислал своих послов и те попросту нахамили вместо предложения о мире, Ибрагим сумел высмеять послов, что понравилось султану. Но потом был второй бесполезный поход и новые послы.

И вот тут Сулейман испытал настоящий шок. Послов от Фердинанда Габсбурга принимал сам Сулейман, он тоже сумел поиздеваться, обещав своему «сыну» Фердинанду мир, пока тот сам будет его соблюдать.

Послов от Карла Габсбурга принимал Ибрагим.

То ли в тот день у визиря было особое настроение, то ли, что называется, шлея под хвост попала, но оказалась эта шлея столь действенной, что завела язык Ибрагима-паши в непозволительные дебри.

Послы слушали с изумлением. Подробности переговоров сохранились благодаря отчету Корнилиуса Дуплициуса, того самого посланника императора Карла. Ему не было смысла перевирать хвалебные речи визиря, потому записям можно верить.

Ибрагим сообщил послам, что империей управляет он, а султан только… не препятствует, то есть, не мешает. Послы с изумлением слушали все эти «все делается по моему желанию», «ведение войны, заключение мира, казна – все в моих руках…», «султан поступает согласно моим советам» и так далее.

Показывал печать:

– У вашего короля одна печать, а у моего господина две, вторую он доверил мне, потому мои приказы равносильны его приказам, они подтверждены печатью.

Ибрагим, кажется, забыл об одном: комнаты переговоров имели окна, закрытые частой решеткой, стоя за которой можно было слышать все происходящее в помещении, оставаясь при этом невидимым. Это придумал еще прадед Сулеймана султан Баязид, чтобы иметь возможность слышать речи на заседаниях Дивана и, если станет скучно, просто удалиться не привлекая внимания.

Был ли Сулейман за решеткой во время приема Ибрагимом-пашой Корнелиуса Дуплициуса? Если судить по вдруг изменившемуся отношению султана к своему визирю, был и все слышал. Возможно, и принимать посла поручил, чтобы самому проверить слухи о самомнении визиря.

Можно представить, насколько потрясло султана услышанное.

Но неужели Сулейман не подозревал, что Ибрагим себя мнит правителем, а его – просто послушной пешкой на троне? Не догадывался, что послы несут подарки прямиком визирю и его просят об одолжении? Что Ибрагим распоряжается слишком многим и решает многие вопросы сам, без ведома султана?

Нет, все знал и все понимал. Просто за много лет привык мыслить с Ибрагимом заодно, свои решения только подтверждать его доводами, привык пользоваться его знаниями и ловкостью. А еще… Сулейман не очень любил внешний блеск и мишуру публичности. Праздники – это хорошо, но иногда султан даже завидовал женщинам, которые могут сидеть за занавесом и не обязаны красоваться на коне или на троне. Сулейману куда больше нравились размышления в тиши своих покоев или в саду, создание украшений (он был хорошим ювелиром), чтение книг, стихосложение… И куда меньше – торжественные приемы с множеством ритуальных действий, громкой музыкой и обязательным шумом. Понимал, что как правитель обязан выполнять все эти ритуалы, что блеск империи прежде всего воспринимают через его блеск, но понимать и любить не одно и то же.

Для блестящих приемов и хитрых разговоров с послами был Ибрагим-паша. Но оказалось, что визирь пошел дальше: ему подали кисть руки, он готов отхватить всю ее по плечо.

Сулейман был умен, очень умен, как и скрытен. А еще честен с собой. Он сознавал, что Ибрагим не преувеличил, сказал послам правду – султан действительно поступал по его подсказке, отдал в руки визиря так много, что правил, по сути, он. Но одно дело получить власть и пользоваться ею, совсем иное – возвестить об этом на весь мир. То, что сегодня услышали послы, завтра станет известно всей Европе. Там мало кто понимает, что Сулейману достаточно сделать всего одно движение, сказать одно слово – и участь самого разумного и могущественного визиря будет решена, что не султан в его руках, а сам Ибрагим в руках Сулеймана просто игрушка, жизнь которой не много стоит.

За Ибрагимом не стоял янычарский корпус или армия, способная сбросить самого султана за обиду, учиненную визирю. Ибрагима никто не поддержит, если он решит пойти против своего владетеля. Вся мощь Ибрагима в его дружбе с султаном, в доверии Повелителя, в их многолетней привычке советоваться. Лишись визирь этого доверия, в одночасье потеряет все остальное.

Проблема в том, что Сулейман не представлял никого рядом с собой на месте Ибрагима-паши.

И все же дальше так оставаться не могло.

Сулейман понимал, что, попустительствуя самомнению Ибрагима, просто разрушит доверие к самому себе и за границей, и в собственной стране.

С Ибрагимом надо было что-то делать.

Для начала Сулейман отправил его в поход на шаха Тахмаспа:

– Желаешь воевать? Отправляйся против Сефевидов. Багдад должен принадлежать Османам!

Самомнение подвело Ибрагима, он окончательно потерял чувство реальности. Поход был провален по всем статьям, даже казнь Скандера Челеби не помогла оправдаться. Ибрагим не испугался письма Челеби к султану, потому что знал: Сулейман не поверит. Сулейман не поверил, но не всему, было в письме и рациональное зерно: визирь зазнался и мнит себя хозяином империи. Челеби просто подтвердил то, что султан и сам слышал из-за решетки зала приемов.

Приказы от имени «султана» Ибрагима видели многие, это было открытое оскорбление настоящего султана, и хотя Сулейман понимал, что Ибрагим допустил такое не из желания захватить власть, а просто из самомнения, оскорбление проглотить трудно. Очередное оскорбление. Открытое оскорбление. Смертельное оскорбление.

Не так уж давно Ибрагим карал в Египте бывшего Второго визиря Ахмеда-пашу за то, что тот присвоил себе такой же титул. Забыть участь казненного Ахмеда-паши Ибрагим не мог, не мог и не понимать, что это оскорбление и к чему оно может привести. Скандер Челеби даже пытался отговорить его так подписывать приказы, но не удалось.

Это означало только одно: Ибрагим не просто не боится гнева Повелителя, он насмехается над этим гневом, считая, что послушный султан проглотит все молча, ведь он дал клятву…

К тому же ширились слухи, что Ибрагим-паша намерен уничтожить сефевидского шаха Тахмаспа, чтобы самому сесть на персидский трон, недаром он называет своего маленького сына «шех-заде». Соверши это Ибрагим, для Сулеймана не было бы ничего плохого, зять в качестве соседа давал надежду не воевать из-за каждого клочка выжженной безжалостным солнцем земли, не ждать нападения с востока, находясь на западе.

Если бы это свершилось… но Сулейман уже прекрасно видел, что Ибрагим ничего подобного не сделает, одно дело – мнить себя великим завоевателем и совсем другое – быть им. Ибрагим мог быть прекрасным полководцем, но для этого надо спуститься на землю и перестать изображать себя вершителем судеб целых

империй.

Сулейман не стал разбираться с визирем на месте, он завершил поход сам, взял Тебриз, хотя вынудить шаха Тахмаспа принять бой не смог, тот по-прежнему избегал столкновения. Поход получился очень тяжелым, но все ошибки были исправлены и все задачи решены. Чтобы избежать новых столкновений в приграничной полосе, Сулейман применил тактику «выжженной земли», как раньше поступали сами Сефевиды – широкая полоса земель вдоль границ осталась безлюдной и почти безжизненной, на ней были уничтожены все жилища, поля, колодцы…

Вернувшись в Стамбул, Сулейман долго не мог решиться на последний шаг. Как бы ни злился из-за всех последних происшествий на Ибрагима, тот все же был его другом и советчиком на протяжении многих лет и уже тринадцать лет был Великим визирем. Поставить на его место другого значило брать всю ответственность на себя и все решения принимать самому.

Последней каплей стали сведения, что Ибрагим-паша тайно связан с императором Карлом Габсбургом. Это был уже не просто запрещенный удар, это предательство в его верхней точке. Что бы ни двигало визирем, даже желание таким образом примирить двух достойных противников (а Сулейман уважал Карла как великого императора, хотя при послах делал вид, что относится к нему снисходительно), делать подобные шаги за спиной того, кто дал тебе свободу и власть, недопустимо.

Но Сулейман помнил данную клятву: не снимать Ибрагима с должности Великого визиря и не казнить его.

Целую неделю день за днем султан проводил время с Ибрагимом, посещая заседания Дивана, беседуя с другом, откровенно намекая, что ему пора уйти самому. Попроси Ибрагим отставку – получил бы ее и смог спокойно удалиться куда захотел.

Но визирь не попросил. Не понимал, что происходит? Его дневниковые записи говорят, что понимал, все знал и просто шел навстречу своей судьбе. Судя по тому, что не принял никаких мер, верил, что судьба и на сей раз будет счастливой, султан молча поскрипит зубами и все проглотит.

Сулейман обратился к Шейх-уль-ислама Мехмеду Эбусууду за фетхвой (освобождением от клятвы) и получил ее. Дело в том, что у мусульман спящий человек не считается живым вполне, он как

бы жив, но в то же время нет. Это позволяло Сулейману казнить своего друга в то время, когда он сам будет спать.

После очередного ужина в обществе султана Ибрагим-паша был убит. Его попытались задушить во сне, но визирь проснулся и стал сопротивляться, во всяком случае, стены комнаты, где он ночевал, еще долго хранили память о происшествии в виде пятен крови.

Закончилась необычная жизнь необычного человека, по-своему великого, очень умного и талантливого, которого погубила… нет, не Роксолана, а его собственная натура, его непомерное тщеславие.

Можно сколько угодно обвинять Роксолану в подтасовке фактов, но изменить или заменить свидетельства иностранцев (таких свидетельств очень много) о надменном поведении визиря на приемах и его постоянных речах о своем всевластии и султанском подчинении его воле она никак не могла.

Послы доносили своим государям о том, чем и как можно подкупить и склонить на свою сторону Великого визиря. Неудивительно, что после его смерти сокровищ оказалось на сумму в триста раз большую, чем Ибрагим мог получить за свою службу у султана. Именно нереальность цифр считается доказательством их неправильности. Но это не так.

Великий визирь Ибрагим-паша вовсе не считался великим взяточником. Но это у себя в империи, где опасно брать взятки, особенно если тебя не очень любят, а проще говоря, ненавидят, а у иностранцев можно. И не взятки, а богатые дары.

Примеры? Пожалуйста.

Когда Ибрагим еще только начинал в должности Великого визиря, венецианцы преподнесли ему перстень стоимостью в 4 000 дукатов, просто как намек на будущее сотрудничество. Расходы на перстень записаны в бухгалтерских книгах Великолепного Синьоры Венеции. Много это или мало? Для сравнения: годовой доход самого высокооплачиваемого чиновника Венецианской республики, дожа, составлял 1800 дукатов в год, а оплата труда простого чиновника и того меньше – 200 дукатов в год. Рядовому чиновнику требовалось трудиться двадцать лет, чтобы заработать на такой подарок, какой бывший раб получил всего лишь за благосклонность.

И перстень, который французский король Франциск прислал вместе с первым письмом из своего заточения у Карла в Мадриде, тоже почему-то оказался на пальце у Ибрагима-паши…

В последние годы его жизни и власти ему делались куда более дорогие подарки, чем даже султану. Послы прекрасно знали, кому дарить и что.

Султан от всех этих взяток ничего не терял (кроме репутации проницательного человека), потому что после казни визиря все его несметные сокровища возвращались в казну – обогащаясь сам, Ибрагим обогащал и Сулеймана. Но, думаю, тот предпочел бы иметь прежнего, не зазнавшегося и не потерявшего чувства реальности Ибрагима, с которым можно было поговорить по душам в молодости.

Неужели султан не подозревал ни о злоупотреблениях, ни о заносчивости своего визиря, ни о его бесчисленных взятках?

Наверняка даже знал, ведь не одна Роксолана в империи желала свалить Ибрагима-пашу, несомненно, нашлись те, кто познакомил султана с выдающимися высказываниями его друга.

Так виновна ли Роксолана в гибели Ибрагима-паши или его казнь была неизбежна?

Кстати, считается, что Сулейман казнил Ибрагима в марте 1536 года, но март этого года – это рамадан 942 года хиджры, святой месяц. Неужели правоверный Сулейман мог приказать казнить своего многолетнего друга в священный месяц? Или это, наоборот, расчет, ведь все умершие (и казненные?) в этот месяц попадают прямо в рай?

К тому же султан, получив фетхву (освобождение от клятвы) и совет приказать совершить казнь во время сна самого Сулеймана и визиря тоже, вполне мог проснуться. Получалось, что султан клятву нарушил. Говорят, у него после этого сильно испортился характер, Сулейман стал замкнутым и раздражительным.

Но большую часть своих добрых дел султан совершил после 1536 года, он действительно изменился, стал менее публичным, чаще уединялся, зато в Стамбуле началось активное строительство, султан словно развернулся от завоевательных походов к обычной жизни людей. Считается, что после казни Ибрагима Сулейман попал под влияние Роксоланы, неплохое влияние, честно говоря…

Как стать незаменимой советчицей

Когда Роксолана уже была любимой, но еще не была единственной, провожая султана в его первый военный поход, кстати, очень успешный, в ответ на вопрос о желанном подарке попросила только одно:

– Привезите книги.

Ее любовь к изучению языков, чтению и поэзии была известна всем, Сулейман в письмах даже в шутку укорял любимую, что изведет во дворце всю бумагу на письма к нему.

Такой ответ не мог не поразить султана, а сама юная женщина (ей было-то пятнадцать!) – не запасть в сердце Повелителя правоверных навсегда. Нет, это еще не была полная победа, Роксолана оставалась одной из… даже побывала после того в опале, но султан уже раз за разом нарушал ради нее неписаные обычаи гарема.

Вот это примечательно: нарушал только неписаные – законы шариата или самой империи Сулейман ради Роксоланы не нарушал и ни один из них не отменил. Этого почему-то упорно не замечали ее ненавистники, не замечают и ныне. Не было закона, запрещающего султану брать на ложе ту, что уже родила сына, это его воля. Не было закона, запрещающего жениться на бывшей рабыне, дав ей волю. Не было закона, запрещающего предпочитать одну женщину остальным, если они не жены. Но женой была только Роксолана, потому султан имел право любить только ее.

Но за что же любил Сулейман Великолепный свою Роксолану?

Не хочу, чтобы сложилось впечатление, будто Роксолана была белой и пушистой, просто образцом добродетели, нет, она была не менее жестокой, чем остальные.

Не менее, но и не более.

В гареме нельзя выжить лапочке, наивно хлопающей глазами, если только эти взмахи ресниц не мастерская игра. Гарем – это клубок змей, и если не будешь шипеть громче остальных и запас яда иметь достаточный, тебя обязательно укусят первой. Возможно, сейчас, когда женщины стали самостоятельными, это не так, но в XVI веке женщина самостоятельно жить могла с трудом, тем более женщина, воспитанная за высокими стенами султанского гарема на полном, так сказать, султанском обеспечении.

Чтобы выжить в гареме и спасти жизни собственных детей, нужно было быть достаточно стойкой и далеко не всегда праведной. Это не оправдание, это констатация факта.

Откуда такое убеждение?

Просто сотни красавиц, добивающихся внимания одного-единственного мужчины, не могут не соперничать. Конечно, и среди этих красавиц находились те, кто не ставил задачи-максимум стать кадиной, но наверх выбирались и там задерживались только те, кто ставил. И чем выше получалось добраться, тем жестче и опасней становилась конкуренция, потому что гезде много, икбал куда меньше, а уж кадины и вовсе четыре…

И красоток, которым доверено тереть султану спинку или подносить шербет, тоже дюжина.

Конкурс покруче, чем в театральный ВУЗ или на нынешних конкурсах красоты. Плечиками приходилось толкаться нешуточно, да и прочие гадости делать тоже. А еще следить, чтобы гадость не сделали тебе.

Была ли Роксолана умней других красавиц?

Наверное, нет, умненьких, вернее, хироумненьких было много, в султанский гарем не брали не только некрасивых, но и глупых. Но ум большинства была заточен на борьбу между собой, на склоки и сплетни, совершенно неинтересные султану.

То, что Сулейман взял на ложе Роксолану, заинтересовавшись чем-то помимо внешности, могло быть просто везением. А вот то, что она завоевала сердце султана навсегда, – ее заслуга, какие бы сплетни о Роксолане ни ходили.

Чтобы четыре десятилетия удерживать внимание одного из самых умных и образованных людей своего времени, мало быть красивой игрушкой, надо и самой чего-то стоить. Ни одна любовница ни у одного правителя не держалась так долго, как бы ни была хороша собой и даже умна, рано или поздно умный мужчина терял интерес к глупой женщине, у Сулеймана же этот интерес, судя по всему, даже возрастал. Было почему?

Вести активную общественную деятельность и помогать султану в управлении империей (она принимала послов) Роксолана начала фактически после смерти Ибрагима-паши. Можно сказать, что Сулейман в тоске от содеянного просто попытался заменить друга подругой, но даже при таком раскладе он выбрал не Махидевран или Гульфем, рядом оказалась Роксолана.

С середины тридцатых годов она все чаще упоминается

посланниками разных стран, прежде всего Франции, которая начала активно налаживать отношения с Османской империей. Обычно это ставят в заслугу убитому Ибрагиму: мол, он незадолго до своей гибели договорился с французами о тесном сотрудничестве, султану оставалось лишь следовать определенным разумным визирем курсом.

Тогда Ибрагим предатель втройне, потому что, договариваясь с французским королем Франциском, он одновременно тайно связывался с императором Карлом, делая это за спиной султана. Сам Сулейман слишком ответственно относился к своему обещанию, даже если оно дано гяурам – неверным. Он не нарушил слова, данного Франциску, и не стал обещать мира Карлу даже после того, как сам Франциск нарушил свой договор.

Как бы то ни было, но с французами договорились, именно под французским флагом отныне имели права появляться суда в бухте Золотой Рог. Это была невиданная привилегия, которой из-за французов лишились венецианцы. Не здесь ли корни падения Ибрагима? Не венецианцы ли, знавшие все и обо всех в Османской империи и щедро оплачивавшие услуги нужных лиц, в том числе Великого визиря (помните перстень стоимостью в две с половиной зарплаты дожа Венеции?), этого визиря «слили», когда тот попытался променять их на усиливавшуюся Францию?

Французы получили серьезные привилегии, отныне любое торговое судно, подходившее к берегам Османской империи и подвластных ей территорий (это все восточное и большая часть южного побережья Средиземного моря, то есть почти все торговые пути), должно было поднять французский флаг и товары на богатейших османских рынках продавать только под рукой французов, за что имели неплохие дивиденды.

Исключение составляли только торговцы под флагом самих Османов. И вообще, внутренний рынок оставался в руках своих торговцев, а внешняя торговля была теперь в руках у французов. Султану так было удобнее, раньше все держали ныне потерявшие доверие венецианцы, а еще раньше – генуэзцы.

Когда Роксолана стала настоящей помощницей мужа?

Скорее всего, именно после смерти Ибрагима, но не потому, что сместила визиря, они были в разных весовых категориях, султанша никак не могла соперничать с многолетним другом султана просто потому, что не имела такой возможности. Однако Сулейману требовалось если не советоваться, то хотя бы выговориться перед кем-то. Почему не допустить того, что любопытная султанша умела не только стрелять глазками, но и слушать, причем слушать заинтересованно? А еще давать

советы…

К тридцатым годам (валиде Хафса умерла в 1534 году, Ибрагим-паша казнен в 1536-м) относится начало широкой благотворительной деятельности Роксоланы, которую та вела на личные средства. Видно, прижимистой была султанша, если не потратила свое содержание на побрякушки.

А потом добавились средства от «зарплаты» управительницы гарема.

Роксолану можно бы обвинить в нецелевом использовании гаремных средств, только в каких целях? Разве что благотворительных, ведь она строила имареты (богадельни) и общественные столовые, кормившие за счет султанши нуждающихся (много ли вы ныне знаете мест, где любой бесплатно может полноценно пообедать?), больницы, школы для девочек…

В то же время не было никаких свидетельств об обиде из-за плохого содержания одалисок (вот уж кто не преминул бы пожаловаться султану на обиды!). Конечно, жалобы были, но из-за забытости-заброшенности, что Роксолана спешила устранить (помните, убеждала выдать красавиц гарема замуж или подарить кому-то состоятельному).

Удивительно, но те, кто ел и пил, жил в имаретах и учился, совершал хаджи в Мекку и лечился благодаря султанше, на нее же и возводили поклеп. Поистине память человеческая неблагодарна. Или только к тем, кто выбивается из общего ряда, идет поперек течения или попросту опережает современников?

Изумленный активной общественной деятельностью супруги, султан тоже принял участие в ее проектах, но в деятельность основанного Роксоланой фонда не вмешивался.

Возможно, именно это подвигло Сулеймана доверить супруге общение с послами и торговыми представителями. Оставлено немало описаний султанши в самых разных записках, отчетах, донесениях тех, кто старался утвердиться на богатейшем османском рынке, послов разных стран и несколько портретов Роксоланы (одно изображение Михримах, очень похожей на мать, часто называют портретом самой Роксоланы).

Согласно описаниям, не противоречащим одно другому, у Роксоланы были небольшие, но удивительные глаза, маленькие губки, такой же подбородок, маленькие кисти рук и вся она маленькая. Кстати, Михримах повторила мать, разве что была повыше ростом.

Понятно, что маленький рост можно заметить и под паранджой, небольшие глаза никакой яшмак (вуаль, закрывающая

нижнюю часть лица) не спрячет, но как за тканью увидеть маленькие губки и то, красива ли султанша вообще или просто умна и очаровательна в беседе? Кстати, портреты не противоречат описаниям.

Но как могли увидеть под яшмаком лицо султанши иностранцы? Или, глядя на решетку, за которой обычно сидели женщины гарема, присутствуя на каких-либо мероприятиях, понять, что она улыбчива, очаровательна, общительна?.. Неужели?..

Никто из авторов записок не упоминает ни решетки со спрятанной за ней Роксоланой, ни закрытого лица, ни вообще чего-то, отличающего ее от европейских женщин, – значит, султан позволял жене присутствовать на приемах даже без яшмака? Как же нужно было доверять и быть уверенным в Роксолане страшно ревнивому Сулейману, чтобы решиться на такое? В том числе позволить ей позировать художнику-христианину (мусульманские живописцы портретов не писали).

Ни одну другую наложницу не рисовали, а тут и Хуррем, и Михримах… Поистине, эти две женщины выбивались из общей толпы красавиц, а потому и вызывали зависть и грязные сплетни.

Позже будет рассказано об одежде турецких женщин XVI века, которая, конечно, отличалась от одежды одалисок султанского гарема, но не меньше от нее отличается и то, что показано в сериале.

Конечно, прежде всего от Сулеймана зависело, будет ли высовывать нос из гарема Роксолана, но ведь если бы знал, что неспособна, и предлагать не стал.

Считается, что Роксолана практически правила за Сулеймана империей, оттеснив мужа от трона, ну или давая советы в спальне. Думать так – значит, принижать личность самого Сулеймана. Он вовсе не был столь внушаемым, хотя был очень терпелив.

Попробуем понять.

Сулейман стал султаном осенью 1520 года. Через три года заменил Великого визиря Пири Мехмед-пашу на своего друга Ибрагима-пашу, тогда же женив его на Хатидже-султан, своей сестре. До марта 1536 года выслушивал постоянные жалобы на Ибрагима-пашу, обвинения своего любимца во взяточничестве, пока тот наконец не переступил границу дозволенного.

Казнив многолетнего друга, свое второе «я», Сулейман должен был пережить настоящий стресс и депрессию. Он и пережил. Но не спился, не бросил управление государством, вникая во многие дела сам, потому что менялись Великие визири,

значит, вызывали недовольство султана, значит, держал под контролем.

Помимо любовного приворота султана Роксолану обычно обвиняют в том, что вмешивалась в дела правления, ставила и снимала Великих визирей, пока не смогла пристроить на эту высшую должность своего зятя.

За время правления Сулеймана сменились девять Великих визирей, из них семеро – при жизни Роксоланы.

Первый – Пири-паша – был визирем еще при Селиме, Сулейман отправил его в отставку на третий год своего правления, учитывая немалый возраст, и сделал Великим визирем своего друга Ибрагима. Ибрагим правил тринадцать лет, был казнен.

Его сменил Аяз-паша, который просто умер во время эпидемии 1539 года.

Великим визирем стал супруг султанской сестры Шах-султан Люфти-паша. Этот через пару лет неудачно подрался с женой, Шах не Хатидже, терпеть не стала, Люфти-паша получил развод, вслед за тем был смещен и уехал в провинцию писать книги (неплохие, между прочим).

Великим визирем стал Хадим Сулейман-паша. О нем ничего неизвестно, казнен не был, значит, просто умер, он спокойно правил три с половиной года – с весны 1541 до осени 1544 года.

А вот следующий визирь вызвал у противников Роксоланы буквально зубовный скрежет – Великим визирем стал муж принцессы Михримах Рустем-паша. Из грязи в князи! Женился на принцессе, чтобы стать Великим визирем! Из провинции почти на трон!

Напоминаю: свадьба дочери Роксоланы и Сулеймана принцессы Михримах состоялась весной 1539 года, Великим визирем Рустем-паша стал осенью 1544 года. На «сразу» как-то не тянет, пять с половиной лет это «сразу» тянулось. И не из грязи, и не из провинции… Рустем-паша не один год был третьим визирем Дивана (Великий визирь – первый), у Сулеймана хватило времени, чтобы приглядеться к зятю. И почему мужьям султанских сестер (они тоже зятья Сулеймана) можно становиться Великими визирями, а мужу дочери нельзя?

И не после казненного Ибрагима-паши он принял эту должность, а после умершего во время эпидемии Аяза-паши.

Рустем-паша был на этой должности дважды. После казни принца Мустафы на них с Роксоланой вылили столько грязи, что он был вынужден уйти в отставку. Сменил Рустема-пашу на этом посту муж другой султанской сестры – Фатьмы-султан – Кара Ахмед-паша, который за два года так проворовался, что был

султаном казнен.

Великим визирем снова стал Рустем-паша, он оставался на должности еще шесть лет до своей смерти. Рустем-паша правил дольше всех – в общей сложности 16 лет. Не был обвинен во взяточничестве, в злоупотреблениях, в некомпетентности… Конечно, и идеалом тоже не был, но все же…

Рустем-паша пережил свою тещу Роксолану на пять лет, и никакие завистники не смогли поколебать его позиции даже без ее защиты, Рустем-паша сам способен хорошо работать, Михримах выдали за талантливого, как когда-то Хатидже?

Как видите, если Роксолана и могла повлиять на назначение Великих визирей, то только по отношению к их с Сулейманом зятю Рустему-паше. В этом ее и обвиняют. Но зять-то он не только Роксоланы, а и Сулеймана, как и Кара Ахмед-паша, и Челеби Люфти-паша! Почему других зятьев можно ставить на должности, а этого нет?

Главным обвинением против самого Рустема-паши кроме женитьбы на принцессе выдвигается участие в падении шех-заде Мустафы. Сулейман казнил принца! Кто виноват? Конечно, Роксолана и ее подручный Рустем-паша!

Можно напомнить, что Мустафа был далеко не первым казненным принцем. Лично Сулейману не пришлось уничтожать своих братьев и племянников при приходе к власти, за него отец постарался, но на Родосе, когда пала крепость, он спокойно приказал казнить своего двоюродного дядю (сына сбежавшего в Европу султана Джема) и его малолетнего сына. За что? Просто потому, что они имели хоть призрак права на трон Османов. Понимаете, маленького мальчика уничтожили только за то, что его дед когда-то не сложил свою голову, а попытался бежать, спасаясь от гибели.

Роксолана тогда еще не имела на Сулеймана никакого влияния, а потому в этой гибели ее обвинить не догадались. Но Сулейман-то хорош – уже будучи султаном, нашел возможных очень далеких претендентов и казнил.

Чему же удивляться, что он приказал казнить сына, обнаружив, что тот за спиной отца ведет переговоры сразу в двух направлениях – с сербами и с сефевидами (персами)? Угроза свержения был очень серьезной, Сулейману было пятьдесят девять лет (почти), Мустафе – тридцать восемь. Шех-заде по-прежнему поддерживали янычары, считавшие, что Сулейману пора на покой. Покой в те времена означал только одно…

Державшие нос по ветру послы теперь направлялись сначала к Мустафе, а не к Сулейману. Когда-то нечто подобное

происходило и с Ибрагимом-пашой. И когда к Сулейману попали бумаги, свидетельствующие о переписке Мустафы с сефевидским шахом Тахмаспом (часть писем сохранилась, и на одном хорошо видна печать шех-заде Мустафы), вопрос о принце был решен.

Когда-то дед Сулеймана смещенный султан Баязид на предложение нового султана Селима остаться в Стамбуле ответил: «Двум клинкам в одних ножнах не бывать». Он был прав, из двух клинков должен был остаться только один. Сулейман, с легкостью казнивший родственников на Родосе только за призрачную возможность когда-нибудь претендовать на престол, получив доказательства об измене сына, на этот престол уже претендующего, решил все просто, клинок остался один. Почему в этом не обвинили Хафсу Айше?

«Любой, кто посмеет претендовать на мою власть, будет казнен, будь он даже моим братом…» И сыном?

Селим, став султаном, казнил двух братьев и кучу племянников, а потом двоих своих сыновей с их детьми. Казнил даже без всяких доказательств их измены, потому что могли претендовать на трон. Почему в этом не обвинили Хафсу Айше?

И до, и после Сулеймана султаны казнили ближайших родственников, которые могли помешать, позже принцев стали помешать в Клетку – закрытые решетками комнаты во дворце без права общаться с кем бы то ни было.

В конце концов, почему не обвинили в казни сына самого Сулеймана, свалив все на Роксолану и Рустема-пашу? Несчастный Сулейман действовал по наущению двух преступников, бывших в сговоре! Но Мустафу казнили в Эрегли, в провинции Конья, это очень далеко от Стамбула даже сейчас. Бумаги султану показал Рустем-паша? А кто должен был ему показать, сам Мустафа? И почему бы Рустему-паше не показать такие бумаги, если те попали к нему в руки? Вот это было бы преступлением.

Достаточно представить ситуацию отстраненно от Роксоланы…

Принц за спиной уже постаревшего (а тогда 59 лет были очень солидным возрастом, султан Мехмед Фатих умер в 49 лет, султан Баязид – в 64 года, султан Селим – в 54) договаривается с противниками, послы едут прямиком к принцу, минуя султана… Все указывало на то, что дни Сулеймана сочтены, что его уже списали со счетов. Что должен делать визирь, получив доказательства связи принца с врагами отца? Вот если бы Рустем-паша не предупредил султана, а потом лишь развел руками: мол, простите, проглядел, это было бы предательством.

И что Великий визирь опирался на Роксолану, тоже понятно –

на кого же ему опираться, не на Махидевран же?

Почему во всей этой истории виновными оказываются те, у кого и выбора не было – либо пустить все на самотек и погибнуть, либо предъявить доказательства султану, чтобы тот что-то решил?

Сулейман решил, он просто казнил старшего сына за предательство интересов не только своих собственных, но и всей империи, потому что, если к власти приходит тот, кто воспользовался помощью врагов, он будет предавать, предавать и предавать…

Понимаю, что любителям сериала и поклонникам симпатичного шех-заде Мустафы трудно поверить в его предательство, но письмо с его печатью существует до сих пор, и отрицать это невозможно. Мустафу тоже можно попытаться понять: отец засиделся на троне, мачеха вовсю копает против него, Великий визирь – зять ненавистной мачехи… как тут не сорвешься?

Но тогда правы все. И все виноваты. Почему же винят только Роксолану?

Еще Роксолану винят в поступках ее сыновей, совершенных уже после ее смерти. Снова тот же вопрос: почему Роксолану, а не Сулеймана, который имел на сыновей куда большее влияние, чем мать?

Хотя вот это можно оспорить, она, видно, имела очень большой авторитет у сыновей. При жизни матери сыновья – Селим и Баязид – ни слова не произносили против отца и друг друга, хотя всем было известно, что они питают взаимную ненависть.

Стоит напомнить о сыновьях Сулеймана.

Махмуд – сын Фюлане, родился, судя по всему, еще в Кафе, в 1512 году, умер в октябре 1521 года в Стамбуле во время эпидемии;

Мурад – сын Гульфем, рожден в 1515 (1519?) году, умер тоже во время эпидемии 1521 года в Стамбуле;

Мустафа – сын Махидевран, родился в Манисе в 1515 году, казнен вместе с маленьким сыном (второй умер раньше) султаном в Эрегли 6 ноября 1553 года;

Мехмет – сын Роксоланы, родился в 1521 году в Стамбуле, как и остальные дети, умер 6 ноября 1543 года в Манисе

(возможно, был отравлен);

Абдулла – сын Роксоланы, родился в 1522 году, умер во время эпидемии 1526 года;

Селим – сын Роксоланы, родился в 1524 году, умер в 1574 году, одиннадцатый султан Османской империи;

Баязид – сын Роксоланы, родился в 1525 году казнен вместе с пятью маленькими сыновьями султаном за мятеж в июле 1562 года;

Джихангир – сын Роксоланы, родился в 1531 году, умер в ноябре 1553 года в Алеппо, где был наместником, считается, что от тоски по брату Мустафе, но в действительности просто не мог так быстро даже получить известие о его казни;

Роксолану пережили двое из пяти рожденных ею сыновей. Любимым сыном и у нее, и у Сулеймана был старший сын Роксоланы Мехмед, именно его родители прочили в следующие султаны. Может, потому Мехмед и умер так внезапно?

Два других – Селим и Баязид – были куда более слабыми, Джихангир и вовсе болел с самого рождения, у него, видимо, развился кифоз из-за рахита, но решили, что просто горб. Считается, что Роксолана предпочла бы на троне Селима, потому что тот слабее, его, мол, легче уговорить отменить закон Фатиха.

Но Роксолана никогда не давала повода считать себя саму глупой, она же прекрасно понимала, что слабый султан – это слабая империя, и вряд ли могла предпочитать Селима из-за слабости. Дело было в другом: второй сын Баязид был слишком жестоким, этот точно не остановился бы перед уничтожением родственников, вот чего не могли не понимать оба родителя. Думаю, гибель двух наиболее достойных власти сыновей – Мустафы и Мехмеда – была для Сулеймана настоящей трагедией. И все же он уничтожил сына и внука, когда возникла угроза власти.

Боялся за свое кресло, то бишь трон? Возможно, но еще – за империю вообще, потому что для врагов страны нет ничего желанней, чем слабая власть в ней. А кровавые разборки, которые непременно начались, устрани Мустафа его самого, на пользу Османской империи не пошли бы. Сулейман применил известный принцип Мехмеда Фатиха: лучше потерять принца, чем провинцию.

Остались двое – более спокойный и слабый Селим и

жестокий, рвущийся к власти Баязид.

Каково после этого было Роксолане? Она не могла не понимать, что также в случае необходимости отец расправится и любым из оставшихся в живых сыновей. А в случае смерти отца Баязид уничтожил бы брата и племянников наверняка.

Роксолане как-то удавалось держать сыновей в рамках приличий, видно, ее авторитет действительно был высок. Но через пару лет после смерти султанши братья начали бодаться не на шутку. Баязид, явно удавшийся в своего деда султана Селима, подобно ему же не считал обязательной передачу власти старшему брату. Если деду было позволительно загнать в угол братьев и отца, то почему ему, Баязиду, нельзя, тем более брат слаб, а отцу уже шестьдесят восьмой год, пора бы и на покой… И ведь договариваться принялся тоже с Сефевидами!

Но отец оказался достаточно силен, чтобы одержать победу над сыном и уничтожить Баязида и его потомство. Остался один Селим, слабый или нет, он теперь был единственным наследником и стал после смерти отца в 1566 году одиннадцатым султаном Османской империи.

Вероятно, эта нагрузка оказалась слишком велика для Селима, он запил… Но говорят и иначе – султан был просто жизнелюбив и не чурался простых человеческих радостей, в том числе выпивки. И умер в свое время тоже из-за выпивки – будучи сильно навеселе, поскользнулся в бане и упал.

Сулейману можно посочувствовать, настоящая трагедия отца – из восьмерых сыновей двоих уничтожить самому, а передать власть в конце жизни некому.

Трагедия матери – потерять троих из рожденных сыновей, причем двоих уже взрослыми, и знать, что оставшиеся в живых непременно вцепятся в горло друг другу.

Для Селима Роксолана успела сделать одно: нашла для него подходящую наложницу – прекрасную венецианку из рода Баффо, прозванную в гареме Нурбану («Принцесса света»). После смерти Мехмеда на его место в Манису Селим отправился уже с Нурбану. Эта женщина сумела подчинить себе Селима полностью, он даже женился, правда, через двадцать два года. Об этом подробней в главе о потомстве.

Нурбану не пришлось воевать с Роксоланой, та умерла раньше и валиде не была.

Стоит обратить внимание, что Роксолана не пыталась никоим образом сократить жизнь самого Сулеймана, не стремилась к власти валиде. Это важно, потому что мечтой любой одалиски

гарема было родить сына и привести его на трон, чтобы самой стать валиде-султан – главной женщиной империи.

Роксолана сумела сделать другое: она стала первой женщиной империи, не будучи валиде, стала править не после, не вместо, не за султана, а вместе с ним. Такого не бывало ни до, ни после. Женщины даже в период «Женского султаната» правили либо вместо своих спившихся супругов (как Нурбану за Селима или Сафийе за лентяя Мурада, внука Сулеймана), либо за малолетних сыновей, как Турхан…

Сулейман и Роксолана правили в тандеме, естественно, его власть была неизмеримо больше, она чаще советовала, но немало решений принимала и сама. Это, пожалуй, единственная общественная деятельница такого рода в истории Османской империи. Глупые слухи и небылицы совершенно заслоняют от нас эту сторону жизни Роксоланы. Нет, она не была великой правительницей или общественной деятельницей, ее место чуть позади мужа, но не на шаг или десять, завернутой в тысячи тряпок и с закрытым лицом, а почти рядом.

Супруга – бывшая рабыня! Такого у Османов не бывало. И супруги, правившей гаремом, тоже не было. Османы совершенно справедливо не доверяли правление одной из жен, это означало бы бесконечные склоки. Возможно, поэтому Сулейман после смерти матери срочно женился на Роксолане по шариату: она сразу получала преимущество перед другими женами и теперь вынуждена была оправдывать оказанное доверие.

Оправдала, но поступила хитрей. Чтобы не воевать ни с кем из жен (думаю, она прекрасно понимала, что в любом случае останется неугодной большинству), Роксолана просто постепенно ликвидировала гарем. К тому времени, когда в 1541 году пришлось переезжать в Топкапы, в Старом дворце остались только те, кто и так остался бы вне орбиты интересов султана.

Ее обвинили и в переезде тоже: мол, султан после пожара разрешил ей пожить в Топкапы, а нахалка перетащила с собой всю прислугу, оставив несчастных одалисок скучать в Старом дворце. Но при Роксолане оставалась только прислуга, гарема больше не существовало.

И султанше, которая занималась не пустой болтовней, а работой (управляла тем, что по-прежнему называлось гаремом, но таковым уже не было, и еще собственным фондом), даже принимала послов и самые разные депутации, куда удобней было жить рядом с султаном.

Вот ее отличие от остальных – и тех, кто был до нее, и тех, кто пришел после: Роксолана не была гаремной женщиной, при

том что строго соблюдала все правила поведения в гареме (Сулейман очень ревнив), она была общественной деятельницей и правила не при сыне в гареме, а рядом с мужем на троне.

Женщина эпохи Возрождения, новая для Османской империи женщина.

Подобной могла стать Михримах, мать и отец воспитывали любимицу свободной даже под яшмаком, но Михримах вышла замуж за Рустема-пашу и трона для нее не было.

Достаточно о грустном, поговорим о другом, о той самой общественной деятельности Роксоланы.

Каждый правоверный мусульманин хотя бы раз в жизни должен совершить хадж в Мекку. Не стоит говорить о том, что сейчас это просто невозможно – Мекка не выдержит такого количества паломников, – но стремиться к этому нужно каждому.

Нет точных свидетельств о том, приняла ли Роксолана ислам, но, скорее всего, это произошло, хотя в одном из писем она напоминает Сулейману, что тот смеется над ее богом. И все же султанша совершила хадж в Мекку, следовательно, мусульманкой стала.

Для нас хадж Роксоланы интересен тем, что на обратном пути она заехала в Иерусалим (на душе неспокойно?) и ужаснулась его состоянию. Роксолана даже приняла еврейскую делегацию, красочно описавшую тяготы жизни в городе. Впечатлило…

Иерусалим принадлежал Османской империи с 1517 года, когда султан Селим, разбив мамлюков, правивших Египтом, забрал себе в том числе и эту территорию. Селиму Явузу были преподнесены ключи от города, впрочем, весьма символически, потому что открывать этими ключами было нечего: городские стены лежали в руинах, а ворот просто не существовало.

Селиму Иерусалим был ни к чему, хватало других забот, да и Сулейман далеко не сразу озаботился состоянием древнего города, а вот Сулейман им занялся серьезно. Помогло посещение Иерусалима Роксоланой. Кстати, на ее средства в Иерусалиме построены имарет (приют) и большая столовая для бедных и паломников, прибывающих в город. Эта столовая работала вплоть до середины XIX века.

С 1537 по 1541 год в Иерусалиме по приказу султана проводились серьезные восстановительные работы. Прежде всего там была создана новая водная система взамен старой, обветшалой и местами разрушенной. Построена новая городская стена (именно ее мы видим сейчас) и пять ворот: Яффские, Сионские, Мусорные, Львиные и Дамасские.

Султан заботился о своих подданных независимо от того, в каком уголке империи они жили и какого вероисповедания были. В связи с этим существует легенда (а может, и правдивая история): обнаружив, что могила Давида оказалась вне городской стены, султан вызвал для объяснений архитекторов, занимавшихся этим участком. На вопрос, как такое могло произойти, те лишь пожали плечами: мол, могила Давида для мусульман не является святой. Наверное, плечами не пожимали, но свое получили: султанская расправа коротка, две безымянные могилки до сих пор существуют у Яффских ворот…

Кроме этого недостатка, других, видно, обнаружено не было, свидетельств о массовых казнях строителей объекта не зафиксировано, строили на совесть, прекрасно понимая, что отвечают головой. Крепостная стена и двое ворот были оснащены 35-ю башнями, чтобы удобно вести огонь, город получил в дополнение к водной системе серьезную защиту.

В Иерусалиме до сих пор благодарны султану Сулейману Великолепному и его супруге Роксолане, а что не кричат об этом на каждом углу, так просто потому, что Сулейман мусульманин…

Интересно вот что: работы по восстановлению иерусалимского водовода и крепостных стен с воротами шли с 1537 года по 1541-й. Значит, хадж Роксолана совершила не позже 1536 года и не раньше 1535-го, потому что в 1534 году, в марте, умерла валиде – думаю, всем было не до хаджа, а при своей жизни Хафса едва ли отпустила бы Роксолану одну в Мекку.

Но хадж – это месяц зу-ль-хиджжа, двенадцатый месяц мусульманского календаря, один из трех священных, именно в нем совершались хаджи (отсюда и название месяца). Зу-ль-хиджжа 942 года хиджры соответствует маю-июню 1536 года по григорианскому календарю, зу-ль-хиджжа предыдущего года – это июнь 1535-го. Почему это так важно? Сейчас поймете.

Сулейман ушел в поход на Багдад (первая персидская кампания) в 1534 году, просто был вынужден прийти на помощь все провалившему Ибрагиму-паше. Как обычно, султан и Роксолана вели активную переписку, сохранились ее письма того времени, но в них ни слова о хадже, вообще, в письмах Роксоланы об этом ни слова. Разве могла она не написать о столь важном событии? Значит, совершила хадж тогда, когда султан был дома, то есть в 1536 году?

Почему бы не отправиться вместе, это безопасней, надежней, душевней, в конце концов? От Стамбула до Джидды, откуда в Мекку паломники идут пешком, самолетом 2 500 км, а караванными путями – больше 3 000 км. К празднику Ураза

Байрам (10 день месяца зу-ль-хиджжа) нужно обязательно оказаться в Мекке, еще лучше – все первые десять дней, когда пост особенно строгий.

Чтобы в 1536 году к началу месяца зу-ль-хиджжа добраться из Стамбула в Мекку с караваном, как двигались даже высокопоставленные паломники, нужно больше трех месяцев, следовательно, выехать султанша должна бы в феврале, а если учесть, что с конца февраля в том году начинался Рамадан, священный месяц, когда никому не пришло бы в голову куда-то отправляться, то еще раньше.

Если эти подсчеты верны, они доказывают, что Роксоланы попросту не было в Стамбуле, когда султан казнил своего друга. Но виновата все равно она…

Вообще, этот хадж – какая-то загадка, о нем почти нет упоминаний, сохранились только результаты (имарет и столовая в Иерусалиме) и воспоминания евреев о делегации к султанше, а также легенда о ее влиянии на решение Сулеймана возродить защиту сильно страдавшего от нападений Иерусалима, а также одиннадцать надписей, вырезанных на камнях ворот и стен города, говорящих о датах строительства.

После Сулеймана ни один султан больше не интересовался Иерусалимом, его укреплением и развитием (подсказчиц не было?).

На пир к султану

Не стоит думать, что у султана бывали лишь пиры, нет, Сулейман Великолепный, вопреки своему прозвищу, любил спокойные размышления в одиночестве и не очень любил суету и это самое великолепие. Но он прекрасно понимал, что о состоянии дел в империи судят прежде всего по его собственным приемам, по блеску его парадного выезда, роскоши апартаментов, в которые допускают иностранцев и самих турок, а также по организованным султаном праздникам.

Иностранных послов изумлял порядок у турок: все, что могло быть сосчитано, было сосчитано, все, что подлежало записи, было записано и учтено. Малейшие расходы заносились в дворцовые книги, как и доходы тоже.

Именно этот учет позволяет сейчас очень многое узнать и понять – например, какие блюда подавались на столы в праздничные дни.

В отличие от закрытых мест гарема, о султанских кухнях и организации питания известно довольно много. Свои заметки оставили многие европейцы, прибывавшие в Стамбул с посольскими миссиями, а также служившие при османском дворе (не в гареме) медиками, драгоманами (переводчиками), наладчиками, например, подаренного органа или художниками… Им можно доверять, большинство умудрялось наладить отношения с евнухами и получать информацию от них. Конечно, информацию не о самих одалисках, но хотя бы об устройстве тех же кухонь.

Очень интересные свидетельства приводит в своей книге «Гарем. История, традиции, тайны» Норман Пензер. Грешно не цитировать.

Пензер исследовал немало материалов на разных языках, изучил оставленные венецианцами, французами, англичанами, итальянцами в разные годы описания устройства и быта Сераля – султанского дворца – и немного гарема (все со слов евнухов). Он приводит выдержки из записей венецианца Рамберти, работавшего у Сулеймана, француза Николаса де Николаи, изучавшего жизнь Стамбула в составе французской делегации в 1551 году, Оттавиана Бона, бывшего байло (консулом) Венеции в Османской Порте, и многих других. Стоит почитать…

Но вернемся к кухням дворца, если уж решили заглянуть на пир к Сулейману Великолепному. Кстати, он, вопреки множеству

сцен совместной трапезы в сериале, ел один. Слишком сложно было обеспечить безопасность султана, если вокруг порхали прелестницы-служанки его кадин или валиде.

На территории Топкапы имелось десять кухонь, оборудованных, как бы мы сказали, по последнему слову тогдашней техники.

Слово Пензеру (все цитаты из его замечательной книги даны в кавычках):

«Вот кого, в соответствии с этим списком, обслуживали кухни:

1) султана;
2) мать султана;
3) султанш – имеются в виду кадины;
4) капы-агу;
5) членов Дивана;
6) ичогланов, или пажей султана;
7) менее важных персон Сераля;
8) остальных женщин;
9) менее важных членов Дивана.

Похоже, что никто не может более или менее точно сказать, для кого готовили еду на десятой кухне – вполне возможно, для самих работников кухни. Однако известно, что в более поздний период она была отдана кондитерам».

«…В 1534 году Рамберти приводит следующий список работников кухни:

«Ашджи-баши – главный повар; у него в подчинении 50 работников. Он получает 40 асперов в день, а подчиненные – по 4, 6 или 8 асперов.

Хелваджи-баши – главный кондитер; он получает в день 30 асперов, а 30 его подчиненных – от 5 до 6 асперов каждый.

Часниджир-баши (главный дегустатор) заведует буфетами; он получает по 80 асперов. Утром и вечером он лично приносит блюдо Великому синьору; 100 его подчиненных-часниджиров получают по 3–7 асперов в день.

Мутбах-эмини – управляющий кухней; ему платят 40, его секретарю – 20 асперов в день.

Сто аджем-огланов перевозят на тележках дрова для дворца за 3–5 асперов и бесплатную одежду.

Десять сакков возят на лошадях в кожаных бурдюках воду; они получают по 3–5 асперов каждый».

Чувствуете разницу между оплатой менеджеров среднего звена, например главного кондитера, и тех, кто возил воду или

дрова? Но самая высокая оплата у того, кто больше других рискует: у часниджир-баши, главного дегустатора. Понятно, ведь ему приходится пробовать то, что потом подадут султану, и честь принять смерть вместо Повелителя тоже принадлежит ему. Правда, за время правления Сулеймана такого, кажется, не зафиксировано.

Оттавиано Бон оставил интересные описания быта Стамбула и дворца, в том числе питания, того, что ели в Серале:

«Из Египта привозят огромное количество фиников, слив и чернослива – их передают поварам, и те используют фрукты для приготовления пищи, как жареной, так и вареной. Меда в Порте едят невероятно много: дело в том, что его кладут во все блюда, а также в шербеты – правда, последнее делают, как правило, бедняки. Это мед из Валахии, Трансильвании и Молдавии [Румынии и части Венгрии]; воеводы [молдавские князья] часто его дарят султану. Но для стола султана мед собирают в Кандии, там он нежный и без примесей. Растительное масло, тоже используемое для приготовления пищи, поступает из Короны и Модоны в Греции; санджак-бей обязан следить за тем, чтобы его всегда было достаточно для удовлетворения всех потребностей Сераля; для султана привозят особое растительное масло без запаха из Кандии.

Сливочное масло, требующееся Сералю в изрядном количестве, везут по Черному морю из Молдавии, а также из Таны и Каффы [на Азовском море]; его упаковывают в огромные воловьи шкуры. Сливочное масло хранят в кладовых, а когда его запас превышает потребности дворца, с большой выгодой продают горожанам; свежее масло едят мало – дело в том, что турки не любят молочные продукты.

Что касается мяса, то осенью главный паша заказывает для императорских кухонь пастрому [отбитые плоские куски мяса); это должно быть мясо стельных коров – оно более вкусное и полезное. Его сушат, набивают колбасы или мелко рубят; так делают не только в Серале, но и в каждом доме. Как бы то ни было, поставка и обработка мяса находится под контролем главного паши; всего обычно закупают 400 коров.

В Серале также ежедневно съедают: овец – 200 штук; ягнят (в сезон) – 100; телят (для евнухов) – 4; гусей – 10 пар; цесарок – 100 пар; кур – 100 пар; голубей – 100 пар.

Рыбу, как правило, не едят, но если у агалары есть такое желание, то могут приготовить любую рыбу – ведь в море ее полно.

Фрукты на столе султана и вообще в Серале никогда не

переводятся – их получают в дар в больших количествах, а из расположенных поблизости садов султана ежедневно приносят огромные корзины самых лучших плодов. Излишки фруктов главный садовник продает в специальном месте, где торгуют только дарами садов султана; вырученные средства каждую неделю отдают бостанджи-баши, а тот – султану. Эти деньги идут султану на карманные расходы, и он без счета раздает их своим глухонемым и шутам.

Очень интересна кухонная утварь: кастрюли, котлы и другая посуда – почти вся из меди и настолько большого размера, что просто невозможно себе представить, как все это можно содержать в таком порядке. Блюда из луженой меди, на которых подают еду, в отличном состоянии, что просто удивительно. Этих блюд там огромное количество, и Порте они обходятся весьма недешево – ведь, поскольку кухни Сераля кормят такое количество его постоянных обитателей и посетителей, особенно в дни открытых заседаний Дивана, много блюд крадут.

Дефтердары хотели, чтобы их делали из серебра и чтобы ими занималось казначейство, но из-за высокой стоимости таких изделий от этой идеи отказались. Кухни потребляют многие тысячи песо дров (в Константинополе вес дров измеряется в песо), а песо равен 40 фунтам. Тридцать огромных торговых судов султана – карамуссалы – привозят дрова из его лесов по Великому [Черному] морю. Дрова не слишком дорого обходятся казне – ведь их рубят и грузят рабы».

Воровство было всегда…

А вот описание «скромного» обеда заседавших в Диване (органе управления при султане):

«Все заняты решением… вопросов до полудня, когда наступает час обеда. В полдень великий визирь отдает одному из слуг приказ подавать еду. Сразу же всех посетителей выпроваживают из зала и устанавливают столы в таком порядке: один – перед великим визирем, несколько – перед пашами, которые едят вместе; всем кади, дефтердары и нисанджи тоже приносят столы. Затем слуги расстилают на коленях обедающих салфетки, чтобы те не испачкали одежду, потом дают каждому по деревянному подносу с разными сортами хлеба, причем весь хлеб свежий и вкусный, после чего подают мясо. Слуги приносят поочередно один сорт мяса за другим на большом блюде – тапсы, которое устанавливают в середине деревянного подноса. Когда одно блюдо опустошается, его заменяют новым. Обычно на обед подают баранину, мясо птиц – цесарки, голубя, гуся и кур, рисовый суп и блюда из овощей, а на десерт – разнообразные

печенья и пирожные; все это съедается с огромным удовольствием. Все прочие участники заседания обедают перед этим столом, все, что им может потребоваться, приносят с кухни. Пашам и прочим высокопоставленным лицам дают питье только один раз – это шербет в больших фарфоровых чашах, поставленных на фарфоровые же тарелки или на тарелки из кожи с отделкой золотом. Остальным питья вообще не предлагают; если же они испытывают жажду, то им приносят воду из ближайших фонтанов. В то время, когда Диван трапезничает, обедают и все другие чиновники и военные, всего не менее 500 человек; им подают только хлеб и сорбу – суп. После завершения трапезы Великий визирь возвращается к делам – советуется с пашами по тем вопросам, которые он считает важными, дает указания и готовится к докладу султану».

О том, как приготовить сорбу или шербет, а также некоторые лакомства времен Османской империи, немного позже, а пока стоит заглянуть в «Тетрадь пиршеств» времен султана Сулеймана, которая содержит подробный перечень расхода продуктов во время праздников, проводимых Сулейманом.

Конечно, по общему раскладу продуктов трудно судить об особенностях приготовления блюд и их вкусовых качествах, но все же почитайте, интересно.

На пир праздника по поводу обрезания двух младших сыновей султана Сулеймана и Роксоланы принцев Баязида и Джихангира в ноябре 1539 года было израсходовано «всего-то»:

«…11 582 кг топленого масла; 48 025 кг сахара, 7 910 кг меда, 2 825 кг красного винограда; 565 кг сливы; 565 кг зердали (диких абрикосов); 847 кг миндаля; 1 865 кг крахмала (естественно, не картофельного), 25,6 кг шафрана; 38,4 кг черного перца; 103 кг репчатого лука, 282 кг абрикосов; 226 кг гранатового уксуса, 1 440 кг нохута (горох); 2 600 баранов, 900 овец; 11 000 курей; 900 гусей, 40 голов крупного рогатого скота, 650 уток, 200 голубей и 18 000 штук яиц…»

Впечатляют почти 8 тонн меда и 48 тонн сахара. А еще говорят, что сейчас люди потребляют много сладкого! Турки всегда были сладкоежками, а сытая, ленивая жизнь в гареме особенно способствовала потреблению большого количества сладостей и, как следствие, полноте.

Оттавиано Бон свидетельствует:

«…Пекли несколько видов хлеба: чисто белый – для султана, султанш, пашей и других важных сановников; хлеб хорошего

качества – для всех, занимавших во дворце среднее положение; черный хлеб – для аджем-огланов. Для султана и для султанш хлеб пекут из особой муки, привозимой из Бурсы, – ее делают из зерна, выращиваемого в провинции Вифиния, – патримониальной территории Оттоманской империи. Ежегодно там собирают от 7 до 8 тысяч килограммов зерна, из которого на мельницах Бурсы получают муку отличного качества. Что касается хлеба для всех прочих, то зерно для него поступает из Греции, где расположены полученные по наследству усадьбы правящего султана. Там же выращивают зерно для армии, и в Негро-понте из него изготавливают сухие хлебцы. Часть этого зерна продают рагусанам, приезжающим за ним с необходимыми документами. Из всего выращенного в Греции хлеба 36–40 тонн ежегодно привозят в Константинополь для нужд Сераля. Неудивительно, что Порта потребляла такое большое количество зерна, ведь сверх положенного все официальные жены султана, паши, высокопоставленные сановники и некоторые другие категории обитателей дворца ежедневно дополнительно получали из чилиера – личного амбара султана: султанши – по 20, паши – по 10, муфтии – по 8 и так далее вплоть до 1 хлеба на человека, в зависимости от распоряжения великого визиря. Каждый хлеб размером с хорошую лепешку, мягкий и пышный».

Турки всегда относились к хлебу с великим уважением и по сей день считают неприличным есть вчерашний хлеб.

А названия блюд звучат как песня: махмудийе… пахлава… имам баялды (нет, это не песня, название переводится как «имам упал в обморок», считается, что потрясенный вкусом приготовленного блюда)… сладость падишаха… медовая халва…

Уже слюнки текут? Не желаете ли попробовать? Есть рецепты очень сложные в приготовлении, есть такие, для которых не достать ингредиенты (например, бычий желатин), но многие либо адаптированы к нынешним продуктам, либо вообще вполне пригодны для современной кухни. Итак,

Махмудие – курочка с медом.

Мясо крупной курицы, 50 г сливочного масла, средняя луковица, ч. ложка горчицы, ст. ложка меда, 15 шт. кураги (сухой абрикос), 50 г очищенного миндаля, пригоршня изюма, стакан воды, соль, черный перец по вкусу.

Куриное мясо нарезать небольшими кусочками. Лук мелко

нарезать и обжаривать в масле до легкого золотистого цвета, затем добавить мясо, накрыть крышкой и тушить несколько минут. Добавить курагу, изюм, мед, горчицу, соль и перец, перемешать и влить воду. После закипания тушить на маленьком огне. Очищенный миндаль обжарить в ч. ложке сливочного масла до легкого изменения цвета.

Подавать с рисом, сверху посыпать обжаренным миндалем.

Приятного аппетита!

Но начинался любой обед все же с супа, супов, как и сейчас, было множество, самых разных.

Körili tavuk çorbası – Корили тавук чорбасы, куриный супчик.

300 г куриной грудки, средняя луковица, 1 ст. ложка сливочного масла, 1 ст. ложка растительного масла, 3 ст. ложки куриного бульона, соль, перец, петрушка по вкусу. Для заправки: 1 ч. ложка карри, яичный желток, 1,5 ст. ложки муки, стакан молока.

В кастрюлю влить воду (бульон), сварить куриное филе. Мясо достать и нарезать, бульон вылить в другую емкость. В смеси растительного и сливочного масла обжарить мелко нарезанный лук, влить бульон и добавить мясо. Смешать карри, яичный желток, муку и молоко, медленно ввести в кипящий суп, быстро размешать. Добавить соль, перец, петрушку и снять с огня. Разлить по тарелкам, можно украсить листиками петрушки и кружочками редиса, подавать с долькой лимона.

А вот рецепт салмы.

600 г баранины, 4 ст. ложки сливочного масла, 150 г вареного гороха, шафран, две щепотки мелкомолотого миндаля, две пригоршни сушеной мяты, 1 зубчик чеснока, ст. ложка уксуса, ст. ложка меда, 150 г муки, соль…

Мясо мелко порезать, залить оливковым маслом, добавить воды и варить до готовности.

Мяту и чеснок растереть с уксусом и медом.

Из муки и воды замесить тесто, дать постоять, раскатать колбасками, которые нарезать мелкими кусочками.

В готовое мясо добавить горох, шафран и миндаль, еще воды. Шарики их теста окунать в горячую воду и опускать в кастрюлю с

мясом (делать это быстро). Еще потушить, потом добавить растертые с медом пряности.

Салма должна остыть. Перед подачей ее посыпают рубленой мятой.

Блюд турецкой кухни очень много, она входит в тройку лучших в мире, сейчас активно использует помидоры и картофель, но мы же готовим по старинным рецептам…

Кстати, имам в обморок упал от запеченных фаршированных баклажанов. Это каждая хозяйка сумеет приготовить и сама, стоит только не забыть отдавить из баклажанов жидкость, а фаршировать можно и помидорами тоже, думаю, имаму они понравились бы.

И конечно, сладости, без которых турецкая кухня просто немыслима (недаром для пира израсходовали 48 тонн сахара!).

Что известнее всего? Конечно, рахат-лукум, халва, пахлава, береки (закрытые пироги), шербет, нурие… Нет, перечислить все просто невозможно, да и не нужно.

Но кое-что давайте попробуем приготовить…

Если уж халву, то медовую, «желтую», как ее назвали в описании того самого праздничного пира.

Нам понадобится 150 г сливочного масла, 125 г белой муки, 225 г меда, немного мака, 50 г фисташек, ст. ложка розовой воды, шафран и литр воды. Сахар для посыпки.

Все делать на самом маленьком огне, с огня кастрюлю не снимая, мешать деревянной ложкой.

Растопить масло, добавить муку и хорошенько перемешать. Затем добавить воду и подогретый мед, розовую воду (не перестарайтесь) и шафран. Смесь постепенно начнет густеть, когда мешать ее уже будет невозможно, придется месить, постепенно добавляя молотые фисташки и мак.

Когда из смеси начнет отделяться масло, вымешивание прекратить и с огня снять.

Выложить в форму слоями, пересыпая каждый слой фисташками и сахаром. Когда совсем остынет, разрезать на кусочки.

Такую халву можно хранить очень долго, только это вряд ли получится, уж очень вкусно…

Многие сладости россиянам хорошо знакомы, но не по поездкам на турецкие курорты, а по кухням бабушек и прабабушек.

Локма, например, – это дрожжевое тесто, шариками жаренное во фритюре, а потом залитое сиропом из воды, сахара и лимонного сока. Попробуйте, вкусно… И красиво, если шарики получатся одинаковые и аккуратные.

Пахлава (или **баклава**) – слоеное тесто на сметане (турки используют обожаемый ими йогурт), но раскатанное так тонко, чтобы через него было видно стол (говорят, «чтобы можно было читать газету»), оно укладывается пластами на противень в стопку, каждый третий пласт обильно смазывается маслом и посыпается орехами, нарезается кусочками, заливается растопленным маслом и выпекается. Готовая пахлава поливается горячим сиропом.

Шербет – это отвар кусочков цитрусовых в соке, процеженный и подаваемый с кусочками льда.

Слово Пензеру:

«Эвлия-эфенди приводит очень интересные сведения о том, как Сераль снабжался льдом, потреблявшимся в невероятных количествах. Он говорит об огромных ямах для хранения льда, о доставлявших лед слугах, которые в дни процессий носили тюрбаны изо льда, о телегах с грузом снега величиной с купол здания, а также о том, что чистейший снег с горы Олимп привозили семьдесят или восемьдесят упряжек волов. Кроме того, он рассказывает о поварах, специализирующихся на приготовлении рыбы, кондитерских изделий и сладостей, о тех, кто занимается заготовкой миндаля, фисташек, имбиря, фундука, цукатов из апельсиновой кожуры, алоэ, кофе и т. п.».

Специализация у султанских поваров была крайне узкой, каждый занимался приготовлением одного блюда и совершенствовался в этом беспрестанно. Никаких комплексных обедов: тот, кто готовил шербет, мог не знать, почему упал в обморок имам, специалист по кебабам не умел тонко раскатывать тесто для пахлавы, а занимавшийся халвой не задумывался о махмудийе… Далеко им до современных женщин! Или нам до них?..

Еще об одном лакомстве хочется упомянуть.

Помните излечившие от неведомого недуга Хафсу Айше конфеты «Месир маджуну»? Они не одиноки, существуют еще **Османлы маджуну**. Очень похожи, но не то. «Османлы маджуну» «старше», они придуманы во времена Мехмеда Фатиха, то есть лет на сто раньше, и продаются, вернее, изготавливаются прямо

на глазах у покупателей, часто на улице.

Густая сладкая патока с разными вкусовыми и лечебными добавками при помощи специальной ложки наматывается на тонкую палочку (маджун). Детворе интересней не столько сладкий (для европейцев приторно сладкий) вкус «Османлы маджуна», сколько сам процесс изготовления лакомства.

Считается, что у этих конфет также великолепные лечебные качества – например, если постаревшая женщина будет есть османлы маджуни 40 дней и 40 ночей подряд, то возвращение молодости ей обеспечено. (Взамен на выпавшие зубы и диабет?) Полтора месяца не вынимать изо рта леденец – возможно, и способ вернуть молодость, но здоровье потеряешь непременно, несмотря на всю полезность травяных добавок в лакомстве.

Интересно, чем будущей валиде не понравились «Османлы маджуну», пришлось придумывать другие? Или у нее проблема заключалась не в потере молодости, а в… Ладно, не будем гадать.

Это лакомство можно попробовать только на улицах самой Турции, даже если его исхитрятся прислать, эффект будет не тот. Наверняка умиротворяющее ожидание (бывает и такое) конфеты – одна из лечебных составляющих лакомства.

А еще нужно упомянуть салеп. Этого тоже не попробуете в России, да и в самой Турции его готовят чаще в зимнее время (нечто вроде нашего чая с малиной – вкусно, но летом ни к чему). Салеп – горячий молочный напиток с добавлением муки салеп и вкусовых ароматизаторов вроде корицы, орешков, шоколадной крошки и т. п.

А вот муку салеп получают из корневищ дикой горной орхидеи, ятрышника. Эту муку активно используют в Турции, что не могло не привести к измельчанию растений и сокращению их запасов. Еще чуть-чуть – и прямиком в Красную книгу.

Хорош салеп тем, что согревает, борется с простудой, диареей и болезнями десен.

Может, лучше аспирин, а орхидеи пусть растут?

И конечно, турецкий кофе, как же без него? Именно так: «турецкий кофе», потому что даже в Турции он называется двумя словами. Кофе в Турции не растет, зато как варится!..

По поводу кофе интересные факты: первая кофейня в Стамбуле открылась при султане Сулеймане в 1544 году, и этот напиток так полюбился туркам, что стал неотъемлемой частью национального колорита. Всем известно, что родом он из Эфиопии, но лучшие сорта и по сей день выращивают в Йемене. Самый известный йеменский сорт – «Мокко» (только не путать с

«Мокко», продающимся в обычных магазинах, настоящий Мокко стоит так дорого, что на прилавках не лежит, мало того, сами йеменцы не могут себе позволить пить этот золотой напиток, используют только высушенные листочки и шелуху, зерна идут на экспорт). Когда турки во время правления в борьбе за побережье Красного моря и Персидского залива окончательно подчинили себе Йемен, кофе стал поступать в Стамбул.

Возможно, во дворце кофе пили и раньше, но об этом ничего неизвестно.

Грех не сварить кофе по-турецки.

Первое и основное – турки кофе именно варят, а не кипятят! Никакой кипящей воды, иначе получится что-то обыкновенное и вовсе не турецкое.

Итак… Лучше джезва или, как ее еще называют, турка. Лучше медная, но на безрыбье сгодится та, что есть.

Воды ровно столько, сколько нужно для чашки, никакого «про запас», плюс одна столовая ложка на выкипание. Сахар и пряности (молотый кардамон, корицу) кладут сразу в джезву вместе с мелкомолотым кофе (чем мельче помол, тем лучше).

Вода ледяная (это важно), огонь самый маленький.

Довести до кипения (не кипятить!), снять пенку и положить в чашку, снова довести до кипения. Все медленно и осторожно. Не позволив закипеть, снять с огня и через ситечко (!) долить чашку. Не размешивать, чтобы не испортить пену.

В хорошо сваренном кофе пенки четверть чашки, она куда более плотная, чем пенка капучино.

Добавлять больше ничего нельзя, испортите вкус.

А теперь йеменский вариант.

Вы помните, что бедным йеменцам самих зерен из-за их дороговизны не оставалось, потому они придумали варить кофе из… шелухи. Не просчитались, оказалось не хуже.

Где взять шелуху, причем не какую попало, а шелуху того самого дорого сорта «Мокко»? Не знаю, но вдруг у вас где-то завалялась?

В шелухе этого сорта больше кофеина, чем в самих зернах, ее просеивают, отделяя более крупные кусочки, обжаривают, как обычный кофе, и очень мелко мелют.

А дальше все как у турок – ледяная вода в посуду, воды ровно как надо, сахара много (арабы любят сладкий кофе) и еще мелкомолотый кардамон по вкусу (ох это примечание: пока поймешь, сколько это – «по вкусу», весь собственный вкус испортишь). Так же нагревать, но не кипятить, так же снимать

пенку и не перемешивать!

Еще? Пожалуйте: кофе по-бедуински.

Главное в приготовлении этого кофе – терпение и время, потому что варить его придется… часов 18–20. Нет, не стоять с туркой в руках, следя за пенкой, чтобы не сбежало, но просто следить обязательно.

Варят в специальном кофейнике далля с длинным носиком (продаются во всех сувенирных лавках, например, Дубая), который зарывают в горячий песок. В идеале песок нагревает само солнце целый день, то есть ставите с утра кофейничек в ближайший бархан – и к вечеру получаете нужный напиток. За неимением бархана придется насыпать в глубокую сковородку или гусятницу песок из песочницы ближайшей детской площадки и ставить на самый малый огонь.

В даллю засыпать очень мелкомолотый кофе, также смолотые зерна кардамона (по вкусу, конечно), залить водой и… ну, дальше вы знаете – либо бархан, либо вы со сковородкой. За восемнадцать часов (только не забудьте, что процесс идет) кофе просто обязано превратиться в густую маслянистую жидкость на донышке далли.

Да, кроме специального кофейника придется обзавестись и чашками размером с наперсток: большей порции ни ваше, ни чье-то еще сердце просто не выдержит, это почти чистый кофеин. Сердечникам, гипертоникам и буйным не употреблять вообще. Правда, самые экономные попросту используют этот концентрат, добавляя его в тот кофе, что варят обычным способом. Говорят, значительно усиливает вкус и аромат.

Тоже выход: заготовить такой экстракт, а потом с шиком заварить на его основе кофе для гостей.

В разных странах в кофе (вы помните, что это надо делать до долива воды?) добавляют самые разные пряности: гвоздику, корицу, шафран, апельсиновую цедру и обязательно молотый кардамон.

А вот вариант кофе с инжиром.

Все как обычно, только перед приготовлением нужно мелко порезать несколько ягод сушеного инжира, обжарить их на сухой сковороде и смолоть. Молотый инжир добавляется в джезву вместе с кофе, корицей и сахаром (все по вкусу).

Вода ледяная, огонь маленький, мешать нельзя, кипятить тоже, поднявшуюся пенку снять трижды.

Для любого из перечисленных рецептов чашки должны быть хорошо прогреты, холодная чашка ухудшит вкус кофе.

Представляете, что мы пьем из пластиковых стаканчиков в фаст-фудах! И даже из своих «навороченных» кофемашин, если там кофе, пусть даже под давлением, заливается кипятком, а не медленно варится, вытягивая из самого порошка все его лучшие вкусовые ингредиенты.

Уже отправились за песком во двор?

Кстати, не хуже чайной церемонии успокаивает расшалившиеся нервы. Представляете, назревает скандал, а вы вместо того, чтобы упереть руки в бока и начать орать, вдруг принимаетесь медленно-медленно, со вкусом что-то молоть, потом засыпать, варить… А по квартире умопомрачительный запах… Супруг растаял, и ругаться больше не хочется. За мастерски сваренный кофе муж идет на попятный и обещает купить то, чего без кофе не добиться.

Да, и не забыть погадать на кофейной гуще!

Со вкусом сварили кофе, со вкусом его выпили, накрыли чашку блюдцем (желательно безо всяких выемок), перевернули и немного подождали, чтобы остатки влаги стекли.

Теперь можно смотреть, только не забудьте старинную турецкую пословицу: «Не стоит верить предсказаниям судьбы, но и отмахиваться от них тоже».

Что вы там увидели?

– Прямая и длинная линия означает счастливую и беззаботную жизнь.

Может, на этом и остановимся?

– Большое белое и чистое пространство на чашке означает душевное спокойствие.

Тоже неплохо…

– Белая вертикальная линия, идущая по боковой поверхности чашки, является плохим знаком (это символ змеи) и предвещает несчастье.

Это случайно выпало, к тому же «Не стоит…» – вы помните, да?

– Белый непрерывный круг вокруг верхнего края чашки означает возможное путешествие. Но если этот круг где-нибудь блокируется черными сгустками кофе, то это значит, что

придется вернуться, не завершив путешествие до конца, или вообще отменить его в последний момент.

Ну и ладно, не очень-то хотелось куда-то тащиться…

– Некоторые белые линии на чашке тоже означают путешествия: длинная линия означает долгую поездку, короткая линия – короткую поездку.

Этих коротких линий в каждой чаше полно, хуже, что они в воскресенье предвещают поездки на работу целых пять дней подряд.

– Белое пятно в виде голубя является хорошим знаком, который означает счастливое событие или хорошую новость.

– Если в кофейной гуще вы увидели очертания лошади, это означает, что ваши желания сбудутся.

Немедленно загадывайте что-то покрупней, не мелочитесь!

– Большие ворота с чистым пространством за ними означают решение всех сегодняшних проблем.

– Сгустки кофе на стенках чашки – к деньгам.

– Большой сгусток кофе на дне чашки означает проблемы.

Допить надо было все.

– Дуга – опасный враг.

– Квадрат в кофейной гуще предвещает счастливую, обеспеченную жизнь.

– Х-образный крест означает брак.

– Крест белый изнутри – счастье в семейной жизни.

– Замкнутый круг – отличные отношения с окружающими.

– Незамкнутый круг – новое знакомство.

– Круги без пятен – деньги.

– Круги с пятнами – дети.

– Зигзагообразная линия – приключения.

– Линия, пересеченная другими кривыми и ломаными линиями, – обида или затруднения в личном плане.

– Линия пересекает дно чашки – приятное путешествие.

– Много треугольников – находка, прибыль.

Символов очень много, нужно только научиться толковать их в свою пользу и быть абсолютно уверенной, что все будет хорошо. Всегда. Пусть не со всеми, так хоть с вами. И вашими близкими. И с теми, кто с вами дружит. И с друзьями ваших друзей. И со всеми, кто за вас, за мир во всем мире и вообще хороший человек. Или таковым себя считает в глубине души.

Но вернемся в Стамбул, в гарем и к Роксолане. Впрочем, для начала можно в сериал…

Трапезы гарема значительно отличались от показанных в фильме. Турки считали тарелки неудобной выдумкой европейцев, вилка и в Европе только появилась, а сервировку стола, напоминающую нынешнюю, стала вводить Екатерина Медичи… Собственно, вилка была известна еще древним грекам, но потом о ней основательно забыли на много столетий. В Турции применяли небольшие вилки с двумя зубцами, но только чтобы переложить приготовленное мясо на блюдо. Есть предпочитали руками, и не только в Турции.

Это особое умение – элегантно подхватить кусочек тремя пальчиками, почти не запачкав их, и отправить в рот. Дамы гарема достигали в этом искусстве больших успехов. Испачканные кончики пальчиков ополаскивали в сосуде с розовой водой, если появлялась необходимость, вытирали либо разложенными на коленях большими салфетками, либо просто краем скатерти.

Джарийе, гезде и икбал, пока они не стали «заслуженными», еду подавали в общих больших комнатах. На низенькие столики ставились большие подносы, с которых каждая выбирала то, что ей нравилось. Подавали сразу все, от мяса до фруктов и сладостей, которые не переводились на столах гарема никогда.

А вот дамам чином повыше – кадинам – блюда доставляли на подносах к дверям комнат, устанавливали на специальные полки, которые тянулись вдоль стен, позволяя выбирать, что из приготовленного придется по вкусу. Во избежание скандалов приходилось внимательно следить, чтобы всем четырем кадинам принесли совершенно одинаковые блюда с одинаковым

количеством кусочков на них, даже если какое-то замысловатое блюдо любила одна из кадин, все четыре получали такие же тоже.

У валиде и вовсе была своя кухня, ей все горячее доставлялось горячим и блюда не выстаивали в коридорах, где в них так легко подсыпать отраву.

Султан вообще ел в одиночестве, в качестве особого благоволения приглашая к своему столу одного-двух человек. Все блюда, которые готовили на султанской кухне, сначала пробовал часниджир-баши – главный дегустатор (помните такого чиновника, получающего 80 асперов в день за риск для жизни?), за ними осуществлялся постоянный пригляд – и никакого ожидания в коридорах.

Турки – великие мастера вкусно готовить и красиво подавать. Один минус – немыслимое количество сладкого, жирного и мучного. Сейчас, конечно, меньше, но в гареме сластенами были все, сладости, выпечка, фрукты потреблялись в немыслимом количестве.

Если добавить малоподвижный образ жизни (игру в мяч на 12-сантиметровых каблуках едва ли можно назвать занятием спортом или хотя бы гимнастикой), бесконечные диванные подушки и сидение с согнутыми ногами, то неудивительно, что дамы гарема описывались теми, кто их все же видел не завернутыми в огромное количество тканей, как полные, с кривыми ногами и плохими зубами. Зубы портились от сладкого, ноги искривлялись от постоянного сидения в определенной позе, а талия исчезала от переедания и лени.

Бедный султан, через несколько лет такой жизни на кадину, небось, без слез и не взглянешь, недаром приходилось брать все новых и новых! Интересно, как Роксолане удалось не стать толстой плюшкой?

И уж стройняшками, как актрисы сериала, ни Махидевран, ни Гульфем, ни Хатидже не были. Интересно, что в «Великолепном веке» толстухой сделали только ненавистную сценаристам Роксолану-Хуррем, хотя надо бы наоборот.

Одежда турецких женщин в гареме и вне него

О том, что костюмы сериала, будь то женские или мужские, не соответствуют тому, что было в действительности, написано и сказано уже столько, что повторять нелепо. Да, не соответствуют, костюмеры нарядили турецких женщин XVI века в европейские костюмы века XVII.

Как именно одевались в самом гареме, никто из европейцев-мужчин видеть не мог, султан экскурсии по Топкапы не водил, оставалось слушать рассказы евнухов и ловких женщин, бывавших по ту сторону Ворот Блаженства, а еще, как Николас де Николаи, просить женщин вне гарема примерить одежду тех, кто заточен внутри золотой клетки.

Если честно, то подробные рисунки Николаи способны скорее оттолкнуть, чем восхитить. Нет, выполнено все мастерски и подробно, но изогнутые, какие-то текучие фигуры с откровенно выступающими животами столь резко контрастируют с прелестными одалисками (словно Венеры Милосские после фотошопа), нарисованными много позже европейскими художниками в попытке передать очарование гаремной жизни, что их невольно отодвигаешь в сторону.

Но в этом и секрет: Николаи создавал рисунки в 1540-е годы – это Возрождение, когда еще не ушла привычка изображать женщин именно такими – с вытянутыми фигурами и бледными лицами.

Довольно подробны записи Бальсано де Зары, сделанные около 1540-го года.

Вот его описание османских прелестниц (взято у Пензера):

«В Турции женщины – будь то христианки, турчанки или еврейки – очень любят шелковую одежду. Они носят халаты до пола, похожие на мужские. Они носят закрытые ботинки, туго охватывающие лодыжку. Все носят брюки; сорочки шьют из очень тонкого полотна или муслина, натурального цвета или окрашенных в красный, желтый или синий. Они обожают черный цвет волос, и, если женщина не имеет его от природы, она добивается его искусственными средствами. Блондинки и седые используют краску, которой красят хвосты лошадям. Она называется хной. Ею же красят ногти, иногда всю кисть и ступни ног; некоторые красят лобок и живот на четыре пальца над ним. Для этого они удаляют с тела все волосы – у них считается грехом иметь волосы в интимных местах. Волосы на голове женщины

украшают ленточками, свисающими ниже плеч. Когда они закрывают волосы, то покрывают голову цветным шарфом из тонкого шелка с небольшой бахромой в уголках. Кроме того, надевают на голову маленькую, плотно сидящую круглую шапочку; она украшена шелковой или другой вышивкой. Многие носят шапочки из бархата или парчи, к шапочке прикрепляют упоминавшийся выше шарф. Я видел, что некоторые женщины прикрепляют шарф к маленькой белой шапочке, а сверху надевают еще одну, шелковую шапочку. Она размером не больше половины ладони. Косметикой они пользуются значительно больше, чем представительницы какой-либо другой из виденных мной народностей. Они густо красят брови чем-то черным, некоторые закрашивают и пространство между ними так, что создается впечатление, что брови срослись, – с моей точки зрения, это выглядит очень некрасиво.

Губы они красят в красный цвет – я думаю, они научились этому у гречанок или жительниц Перы, уделяющих этому очень много внимания. У них большие груди и кривые ноги – последним они обязаны сидению на земле со сплетенными ногами. В основном они все очень толстые, так как едят много риса с мясом кастрированных быков и сливочным маслом – намного больше, чем едят мужчины. Они не пьют вина, а только подслащенную воду или сервозу [травяное пиво], приготовленную особым способом. Христианки, по каким-то причинам живущие в турецких домах, бывают вынуждены отказаться от вина. Когда турецкие женщины выходят на улицу, то поверх платья, которое они обычно носят, они надевают рубашку из белейшего полотна. Подобно саккосу наших священников, она такой длины, что из-под нее можно видеть только край платья. Это одеяние напоминает стихарь с узкими рукавами – они такие длинные, что закрывают всю руку полностью, невозможно увидеть даже кончик ноготка. Длина рукавов объясняется тем, что в Турции и мужчины, и женщины в любую погоду ходят без перчаток. Вокруг шеи они оборачивают полотенце, оставляя открытыми только глаза и рот, а их они прикрывают шарфиком из тонкого шелка; сквозь эту ткань они видят все, и в то же время их глаз не видит никто. Этот шарфик прикрепляется тремя булавками к головному убору надо лбом; когда на улице одна женщина встречает другую, обе поднимают шарфики, прикрывающие лица, и целуются. Эти шарфики шириной с полотенце называются *чуссеч* и напоминают те, что носят мужчины. Все описанные предметы и составляют их костюм, закрывающий женщину до такой степени, что невозможно разглядеть даже кончика ногтя. Этот наряд

объясняется тем, что турки более ревнивы, чем какой-либо другой народ».

Еще цитата из Пензера, с интересными подробностями. Любопытная леди Мэри Уортли Монтегю посетила несколько гаремов и увидела то, что недоступно мужскому взору. Пусть она писала свои письма на полтора столетия позже Роксоланы, традиционный костюм менялся еще медленней.

«А сейчас я хочу привести мнение женщины, которой довелось примерить на себя такой наряд. Никто не мог бы выразить свои ощущения лучше, чем леди Мэри Уортли Монтегю, 1 апреля 1717 года писавшая сестре: “Первый предмет моего туалета – это очень широкие, длиной до щиколоток панталоны; они закрывают почти всю ногу и выглядят значительно целомудреннее, чем твои нижние юбки. Они сшиты из тонкого дамаста цвета розы и отделаны парчой с серебряными цветами.

Туфли из белой лайки расшиты золотом. Сверху надевается блуза, напоминающая мужскую, из тончайшей белой шелковой кисеи, по верхнему и нижнему краю украшенная вышивкой. У блузы широкие рукава, доходящие до. середины руки; у горла она застегивается на бриллиантовую пуговицу; ни формы груди, ни цвета кожи эта блуза почти не скрывает. Антери – довольно сильно облегающий камзол из белого с золотом дамаста, у него очень длинные рукава, которые откидывают назад; глубокий вырез отделан золотом, пуговицы должны быть бриллиантовыми или жемчужными. Мой кафтан из того же материала, что и панталоны, он сделан точно по фигуре; рукава прямые и очень длинные – прямо до пола. Его подпоясывают поясом шириной примерно четыре пальца; у тех, кто может себе это позволить, пояс весь усыпан бриллиантами или другими драгоценными камнями, у тех, для кого это слишком дорого, он атласный с красивой вышивкой, однако спереди он все равно должен быть скреплен бриллиантовой застежкой. Курди – это свободный халат, который носят по погоде; его шьют из дорогой парчи (у меня он зеленый с золотом) и отделывают мехом горностая или соболя; рукава у курди опускаются чуть ниже плеча. Головной убор состоит из шапочки, называемой тальпок, зимой она из отличного бархата с вышивкой бриллиантами или жемчугом, а летом – из какой-то отливающей серебром ткани. Эту шапочку с золотой кисточкой носят сбоку головы, где она удерживается либо посредством кольца, усыпанного бриллиантами или жемчугом (я видела несколько именно таких), либо широким вышитым шарфом. С другой стороны головы волосы укладываются гладко, и здесь дамы могут проявить свою

фантазию: одни закрепляют там цветы, другие – султан из перьев цапли, в общем, кто что хочет. Но чаще всего дамы предпочитают сделанные из драгоценных камней букеты цветов: например, бутоны из жемчуга, розы из рубинов разных оттенков, жасмин из бриллиантов, нарциссы из топазов и т. д. Камни в сочетании с эмалью смотрятся настолько красиво, что ничего лучшего и вообразить невозможно. Волосы женщины заплетают в косы и закидывают за спину, в косы вплетают жемчуг или ленты".

Пензер дал подробный перечень предметов дамского туалета:

«1. *Гемлек.* Это свободная блуза или нижняя рубашка из смеси хлопка с шерстью или – у богатых – из шелковой кисеи, обычно белого цвета, реже красного, желтого и синего. Поначалу спереди у нее оставался открытым разрез до талии и были видны груди, однако со временем этот фасон усовершенствовали: у шеи и на животе края одежды стали скреплять украшениями с драгоценными камнями. Рукава широкие и свободные, низ отделан атласом или кружевом. Длина гемлек – до колена, иногда эту блузу заправляли в панталоны, но чаще носили поверх них.

2. *Дизлык.* Название этого предмета туалета образовано от слова «диз» – «колено» и означает «вещь, доходящая до колена». Это очень широкие льняные панталоны; на талии они удерживались посредством учкура – шнура или тесьмы, продетой в складку верхнего края, как в современных пижамах. Похоже, их носили не всегда, так же как и шальвары, – кстати, они и были «первым предметом туалета» в костюме леди Мэри Уортли Монтегю. Это короткие штанишки, завязывающиеся у колен.

3. *Шальвары.* Это предмет верхней одежды, род брюк или же, если женщина не носит дизлык, единственные брюки или панталоны. У них очень свободный покрой, в талии их ширина составляет около 3 метров. На талии они тоже держатся с помощью учкура (у богатых обильно украшенного). Под коленями их стягивают, и они ниспадают складками к лодыжкам. Другие разновидности доходят прямо до лодыжек, особенно в тех случаях, когда носят дизлык. Цвет и материал шальвар может быть любым. В Серале женщины соперничали друг с другом – у кого они наряднее. Почти всегда на них шла лучшая золотая и серебряная парча из Бурсы, а учитывая то, что на них требовалось около 7 метров ткани, шальвары были весьма недешевым предметом туалета. Слово «кафтан» использовалось для обозначения определенной длины ткани, украшенной вышивкой, в более широком смысле оно употребляется в качестве названия предмета верхней одежды из этой ткани, и именно с таким

случаем мы сталкиваемся, читая письмо леди Мэри Уортли Монтегю. Кафтаном также называют почетный халат, так как он тоже украшен вышивкой.

4. *Елек.* Точнее всего этот предмет туалета будет назвать дамским жилетом; мужчины тоже носили елек – это был вышитый шелковый жилет. Иногда женский елек имел рукава и был длиной до пола – тогда он фактически становился энтари – другим предметом одежды, о котором я расскажу ниже. Во всех случаях елек плотно облегает фигуру и обычно имеет ряд мелких пуговичек, пришитых очень близко одна к другой; пуговички начинаются на груди и заканчиваются чуть ниже талии. В длинном елеке боковые швы идут только до бедер – дальше полы не соединяются, рукава узкие, но у запястья открытые.

5. *Энтари, антери.* Это платье – самый важный предмет дамской одежды в гареме. Оно плотно облегает спину, иногда его даже называют корсетом, однако, как мы видели, леди Мэри Уортли Монтегю пишет, что «антери – это довольно сильно облегающий камзол…». В действительности это не корсет и не камзол – ведь если бы это было одним или другим, то спереди у него должны были быть пуговицы или шнуровка. Энтари спереди не застегивается, а когда в моде был гемлек без застежки, то грудь оставалась полностью открытой. Правда, у талии лиф застегивался на три или четыре расположенные очень близко одна к другой жемчужные или бриллиантовые пуговицы. Именно благодаря этим пуговицам задняя часть энтари плотно облегает спину, и поэтому некоторые авторы считали данный предмет одежды корсетом или камзолом.

Рукава очень длинные, почти до пола: до локтя узкие, а ниже локтя шов заканчивается, открывая рукав гемлека.

В талии энтари расширяется, боковые швы отсутствуют. Длина платья сантиметров на 60 или более превышает необходимую, поэтому для того, чтобы в нем было удобно ходить, уголки обеих половинок юбки поднимают наверх и на талии заправляют под кушак – о нем мы поговорим ниже.

В гареме дамы мало ходили, и края платья красивыми складками они распределяли по дивану. Ткань энтари была почти такой же, как на шальварах, – в старину парча из Бурсы с вышивкой, позднее – дамаст, шелк, атлас и парча из Венеции, Лиона и других мест, которые привозили греки, евреи, чаще армяне. Именно армяне достигли большого мастерства в изготовлении тканей с золотой и серебряной нитью, делавшими энтари еще богаче.

Из приведенных выше описаний понятно, что энтари и елек – это практически одна и та же одежда. На рисунках XVI века, в том

числе Лоницера, Вецеллио, Джоста Аммана, Байсара, Бри и Бертелли, изображен простой, похожий на жилет елек с глубоким вырезом, из которого был виден нижний гемлек, целомудренно застегнутый и слегка присборенный, а в качестве верхней одежды – энтари. Какими бы точными или, наоборот, приблизительными ни были эти ранние рисунки, каким бы ни был уровень мастерства художника, стремившегося к большему реализму или же, напротив, старавшегося угодить западным вкусам, совершенно очевидно, что обладательница елека и гемлека вполне могла обойтись без одного из этих предметов одежды и что только богатые имели оба.

6. *Кушак* (чуссеч – у Бассано да Зары). Это платок или широкий пояс, который делали из шерсти, миткаля, льна или шелка – в зависимости от вкуса хозяйки и времени года. В гареме это обычно был довольно свободный, широко обернутый вокруг талии и верхней части бедер пояс; его также носили как шаль, накидывая на плечи. У служанок гарема он выполнял свою основную задачу – использовался в качестве пояса, кроме того, в него клали деньги, носовые платки, документы, роговые чернильницы и т. д. Кадины вместо кушака носили украшенный драгоценностями пояс. За исключением сеймана – стеганого жакета и керка – меховой накидки, которые носили только в холодную погоду, из предметов верхней одежды мы не обсудили только головные уборы и обувь. Поговорим сначала об обуви.

7. *Шипшип, чипшип.* Это домашние шлепанцы без каблуков со слегка приподнятым мыском. Их шили практически из любого материала любого цвета и богато украшали вышивкой золотом, жемчугом и драгоценными камнями. Часто в месте подъема к ним прикрепляли различные декоративные элементы вроде розеток из жемчуга, золотого шнура и т. п.

В качестве уличной обуви носили пабуч (папуш) – туфли из желтой кожи на толстой подошве.

Третьим видом обуви были чедик (челик) – удобные туфли из желтого сафьяна с загнутым вверх на несколько сантиметров носком. Для прогулок в саду их могли делать из бархата или подобного материала. Вероятно, описываемые Далламом «бархатные туфли на каблуке высотой 10–12 сантиметров» были одной из разновидностей пабуч или чедик.

8. *Фотаза.* Этот домашний головной убор замечательно описала леди Мэри Уортли Монтегю, только она неточно назвала его армянским словом «тальпок» или «калпак». Тальпок – это головной убор из каракуля, и носят его армяне. Существует много вариантов тальпок, часто его шьют из ткани и только отделывают каракулем. Подобно тюрбану, состоящему из двух отдельных

частей, в фотазе тоже две детали. Первая – это маленькая плоская шапочка (такке), похожая на низкую феску. Ее делают из тончайшего фетра или, как это было в старину, из бархата. Сверху на шапочке синяя или золотая кисточка, она свешивалась на одну сторону или рассыпалась по донцу такке. Шапочку элегантно закрепляют на затылке, сдвинув в сторону. Богатые украшают такке жемчугом и бриллиантами, менее обеспеченные – камнями подешевле и вышивкой. На переднюю часть шапочки накидывают сложенный вдвое красиво вышитый платок из муслина – смени. Его задача частично заключается в том, чтобы удерживать шапочку на месте, но главным образом он выступал в качестве второй части головного убора, который тоже можно было украсить ювелирными изделиями. Кадины любили носить в волосах также большие, усыпанные бриллиантами и рубинами шпильки; волосы, перекинутые на одну сторону и заплетенные в длинные косы, они тоже украшали драгоценностями. При выходе на улицу этот головной убор был полностью закрыт верхней частью яшмака – своего рода вуалью. О ней мы сейчас и поговорим.

9. Яшмак. Это вуаль, которую носили только в Константинополе. Она состоит из двух кусков тонкого муслина, а в недавние времена ее делали из кисеи «тарлатан». Каждый кусок либо складывали вдвое треугольником, либо оставляли однослойным. Первым куском закрывали переносицу и все лицо ниже ее, ткань закрепляли на затылке булавкой или завязывали. Вторым покрывали голову, спуская впереди до бровей, а сзади завязывали, заправляли под ферасе – верхнюю одежду или на затылке прикрепляли булавкой к второй части яшмака.

Поскольку эта вуаль очень тонкая, она практически не скрывала черт лица, хотя чрезвычайно важно, чтобы не был виден весь нос полностью, – в противном случае даму могут принять за армянку или, что тоже не исключено, за проститутку.

В других местах Османской империи носят более плотные и очень некрасивые вуали. Чаще всего встречается махрамах – подобие миткалевой покрышки с оборкой на туалетный стол, верхняя часть которой накидывается на голову и закрепляется под подбородком, при этом все лицо закрыто темным платком. Яшмак отличается и от бурко – длинного куска темной материи, например муслина, закрепленного так, что он, начинаясь сразу под глазами, закрывает и всю фигуру почти до земли. Еще один вид вуали у магометан – это литам, или лисам, однако данное название употребляется практически исключительно по отношению к вуали туарегов Сахары, скрывающей только рот; например, арабские поэты так говорят о заре: «Это день,

сбросивший свой лисам». Более подробную информацию обо всех перечисленных видах вуалей, а также о сетках на лицо из черного конского волоса, которые носят кое-где в Малой Азии, вы можете найти в работах, посвященных турецкому и арабскому костюму.

10. *Ферасе, фериджe, фериджи.* Остается упомянуть только об одеянии, похожем на плащ с длинными рукавами. Ни одна турчанка не выйдет на улицу без него. У бедных он сшит из черной шерсти, у тех, кто побогаче, – из красивой широкой ткани или светлой мериносовой шерсти. У богатых и обитательниц султанского гарема ферасе обычно сшит из шелка нежных цветов – розового или лилового. Он шьется с большим капюшоном квадратной формы, спускающимся почти до земли. Богатые часто подбивают его черным или белым атласом и украшают кистями, косами и тому подобным, иногда края отделывают бархатом.

Насколько мне известно, на этом список предметов женского туалета турчанки можно считать исчерпывающим».

Упоминаемый в тексте Томас Даллам был настройщиком органа, который английская королева прислала в подарок султану. Орган привезли на корабле в разобранном виде, пришлось ехать и самому создателю инструмента.

Любопытный англичанин сумел подкупить кого-то из евнухов, и ему позволили одним глазом через калитку посмотреть, как в саду играют в мяч три десятка одалисок. Подобный эксперимент был смертельно опасен и для самого Даллама, и для евнуха, совершившего должностное преступление. Томас Даллам оказался одним из трех европейцев, которым удалось хоть так подглядеть жизнь гарема, тем более, его записи, пусть и очень короткие, очень интересны. Они сделаны в 1599 году.

«Когда он (евнух) показал мне много разных вещей, вызвавших мое удивление, мы пошли через небольшой вымощенный мрамором квадратный дворик. Там он знаками объяснил мне, чтобы я подошел к решетке в стене, и то, что он сам не может этого сделать. Когда я приблизился к указанному месту, я обратил внимание, что стена очень толстая и что с обеих сторон там сделана прочная железная решетка. Однако именно через эту решетку я смог увидеть, как в соседнем дворике 30 наложниц Великого синьора играли в мяч. Сначала мне показалось, что это юноши, но когда я заметил их спускающиеся на спину длинные волосы, заплетенные в косы, на концах украшенные кисточками из мелких жемчужинок, а также другие очевидные признаки, я понял, что это женщины, причем очень хорошенькие.

На девушках были бриджи из тонкой хлопковой ткани, белой как снег и тонкой как муслин, сквозь них была видна кожа бедер. Бриджи доходили до середины икры, у некоторых девушек были отличные высокие кожаные ботинки со шнуровкой, у других икры оставались голыми, на ногах были бархатные туфли на каблуке высотой 10–12 сантиметров, а щиколотки охватывали золотые кольца. Я так долго наблюдал за ними, что человек, оказавший мне такую услугу, начал на меня сильно злиться. Чтобы отвлечь меня от созерцания, он строил гримасы и топал ногами. Мне очень не хотелось уходить оттуда и оставлять такое приятное зрелище».

Все приведенные описания сделаны разными людьми из разных стран в разное время – от 1540 до 1717 года, рисунки, о которых шла речь, сделаны Боном тоже в 1551 году, то есть очевидцами.

Как видите, все очень и очень далеко от того, что носят дамы сериала «Великолепный век».

Просто фильм художественный, а не исторический, достоверностью пожертвовано ради яркого сюжета. Наверное, это оправдано, но гарем султана не то место, информацию о котором стоило вот так вольно перевирать. За попытку даже просто подсмотреть одним глазком за одалисками, как это сделал Томас Даллам, любой мужчина расплачивался жизнью, да никто и не пытался, зная, как охраняется женское царство Топкапы.

И уж тем более чужие мужчины не могли расхаживать по гарему, как это делают помимо Ибрагима-паши в сериале визири и паши. Ибрагиму-паше Сулейман даровал невиданное право – посещать гарем, как близкому родственнику (своему зятю) и близкому другу. Но и султан, и Ибрагим входили в гарем без толпы слуг и охранников, даже султанская свита оставалась за порогом, в гареме хватало своих евнухов, которые объявляли о приближении правителя.

Но если никого не допускали на территорию гарема, то откуда же столь подробные сведения об одежде у цитированных свидетелей? Вот вам объяснение, оно взято из книги Пензера:

«Сначала я приведу отрывок из воспоминаний Николаса де Николаи, правда, он, к сожалению, не приводит описаний в тексте, а просто отсылает читателя к рисункам. Он посетил Константинополь в 1551 году; для того чтобы правильно сделать «наброски», ему удалось уговорить публичных женщин надеть некоторые наряды. Упомянув, что женщин гарема может видеть

только начальник евнухов, он продолжает: «Чтобы иметь возможность представить вам их одеяния, я познакомился с евнухом покойного Барбароссы, он назывался зафер-агой, а по национальности он был рагусан. Это человек очень осторожный и благородный, превыше всего он ценит добродетель. С нежного возраста он воспитывался в Серале. Когда он узнал о моем желании увидеть одеяния турчанок и то, как их носят, он предложил обрядить в эти костюмы двух публичных женщин-турчанок. Он дал им очень дорогую одежду, за которой посылал в Бедестан, где можно купить все что угодно. Вот так мне удалось сделать наброски турецких женских костюмов».

Не правда ли, мало похоже на то, во что одеты дамы сериала «Великолепный век»?

Можно возразить: мол, на многочисленных картинах, изображающих одалисок гарема, красотки как на подбор либо голышом, либо в тончайшей вуали, чтобы все насквозь видно было.

Во-первых, рисовали те, кто настоящий гарем в глаза не видел, во-вторых, и в гареме были те, кто одевался в тонкие вуали, – это джарийе, рабыни. Их тела должны проглядываться, а не угадываться, да и самим претенденткам на султанское внимание так удобней, чтобы Повелитель не проглядел чего-то важного. Не заглядывать же султану каждой под фериджи, чтобы понять, хочет ли он ее на ложе или нет. Вот и порхали многочисленные рабыни по гарему и в жару, и в холод в прозрачных нарядах, простывая на многочисленных сквозняках, недаром самой распространенной болезнью в гареме было воспаление легких.

Икбал, кадины и валиде уже имели право кутаться в меха и бархат. Это привилегия – не ходить голышом, чтобы не простывать и не открывать взглядам даже евнухов свои тела. Разве кадины добровольно отказались бы от такой привилегии? Да ни за что! В меха кутались даже в жару.

Детей одевали так же, как взрослых, никому просто не приходило в голову, что ребенку неудобно играть в таком одеянии.

Но детства у султанских отпрысков, по сути, и не было. Девочки жили с матерями до своего замужества, а мальчиков селили отдельно во своими воспитателями после обрезания, лет с шести.

Снова цитата из Пензера:

«По словам Оттавиано Бона, мальчики живут на женской

половине до одиннадцатилетнего возраста. С пяти до одиннадцати лет у них есть свой ходжа – наставник, которого назначает султан. Наставник ежедневно приходит в гарем, его провожают в одну из комнат квартала черных евнухов, женщин при этом он не видит. В этой комнате мальчики находятся в присутствии двух старых черных рабов. Наставник обучает детей в течение стольких часов, сколько ему позволят там оставаться, после чего он покидает гарем. Когда наследник престола завершает начальное образование и проходит процедуру обрезания или же когда султан решит удалить сына с глаз своих, то дарует ему собственное хозяйство, где есть абсолютно все необходимое для жизни царственного отпрыска, придает ему одного из главных евнухов в качестве куратора (лала-паша), постепенно обеспечивает сына штатом слуг из числа уже работающих в Серале либо набранных за его стенами, а также определяет ему и всем остальным такое денежное содержание, какое сочтет нужным».

Это еще один довод против спаивания Роксоланой своего сына Селима с раннего детства.

А ведь столько твердили, что спаивала, буквально с первых дней его жизни давала Селиму вино. Очередная байка, легенда, сплетня, обязанная быть опровергнутой.

«Пьяное потомство», или Как быть виноватой в том, что произойдет через сто лет

Одно из обвинений, которое выдвинули потомки Роксолане, заключалось в том, что с нее начался «Женский султанат», фактически правление султанш и валиде вместо самих султанов. А все почему?

Причин несколько (ох уж эта Роксолана, ну все в Османской империи из-за нее не так, настоящий козел, простите, коза отпущения!). Во-первых, подала дурной пример, который, как известно, заразителен. Султан Сулейман взял да и женился на бывшей рабыне, хотя султаны вообще не женились предыдущие полтора столетия, а на бывших рабынях так вообще никогда. Что делать сыну? Последовал по стопам отца.

Виноваты оказались не султан Сулейман, не его сын Селим и даже не его зазноба Нурбану, а… Роксолана, больше некому.

Во-вторых, кто, спрашивается, «подсунул» в спальню сыну эту самую Нурбану, красавицу, умницу и крайне расчетливую и жестокую особу, до деяний которой Роксолане далеко, но которую не обвиняют ни в колдовстве, ни в жестокости, ни даже в убийствах, явно совершеных по ее вине? Роксолана приметила красотку-венецианку, отправила в Манису доучиваться, ей и отвечать. Нурбану стала султаншей много позже смерти самой Роксоланы? Какая разница, все равно виновата супруга Сулеймана.

И главное – Селим любил «закладывать за воротник» и прозвище получил соответствующее – Пьяница.

Если честно, то, несмотря на явное неодобрение исламом алкоголя в любом виде, подавляющее большинство султанов пили по-черному. Первые меньше, с каждым поколением все больше и больше. И наследники тоже, у деда Сулеймана султана Баязида двое сыновей от горькой померли, печень, видно, не выдержала. Пили не только Османы, очень многие мусульманские правители плевали на запреты и заглядывали на дно сосуда, а немусульманские боролись с ними за пальму первенства в этом деле. Помните слова Крестителя Руси князя Владимира (Святого, между прочим), что веселие на Руси есть питие? Не только о Руси говорил, и о себе любимом тоже. Кстати, он имел целых три гарема в общей сложности в восемь сотен красавиц (и куда ему столько?).

Вряд ли Роксолана виновата в пьянстве сына, с тех пор, как

он отправился в Манису учиться разумному правлению, а было ему в то время восемнадцать, мать имела возможность влиять на сына только на расстоянии. До того Селим жил с родителями в Стамбуле и был третьим в очереди наследником на престол (первый – Мустафа, второй – любимец Сулеймана Мехмед). Расчетливо спаивать его в ожидании будущего восхождения на трон было, по крайней мере, нелепо, и Роксолана, и Сулейман считали лучшим кандидатом на престол старшего сына Мехмеда, хотя по правилам наследовать должен Мустафа.

То есть в Манису восемнадцатилетний Селим уехал вовсе не законченным алкоголиком. Если учесть, что мальчиков вообще отбирали у матерей в шестилетнем возрасте, после обряда обрезания (это произошло в 1530 году и вылилось в настоящий праздник, когда в честь обрезания сразу трех султанских сыновей неделю гулял весь Стамбул), то и вовсе непонятно, когда и как умудрилась споить сына Роксолана. Кто-нибудь об этом задумался?

К чему задумываться – ее сын, она и виновата!

Внук Мурад (сын Селима) тоже оказался алкоголиком, но этот делил свои пристрастия пополам между чашей вина и гаремными удовольствиями, несмотря на то, что имел законную супругу (вот он, дурной пример-то, и этот официально женился, и тоже на освобожденной рабыне!).

А дальше пошло-поехало: что ни султан, то с проблемами, хоть штатного нарколога в Топкапы заводи.

Почему султаны после Сулеймана пили? Ведь нельзя же всерьез принимать утверждение, что в «пьяном потомстве» виновата все та же Роксолана? И действительно, почему несколько поколений после Сулеймана Великолепного Османской империей правили, по существу, женщины?

Для того, чтобы понять, что произошло, придется вернуться к сыну Сулеймана и Роксоланы Селиму II.

Одиннадцатый султан Османской империи Селим родился 28 мая 1524 года и был третьим сыном Роксоланы и шестым – Сулеймана. Трон ему никак «не светил», даже после смерти двух старших сыновей Сулеймана (Махмуда и Мурада, сыновей Фюлане и Гульфем) и сына Роксоланы Абдуллы (всех – от оспы), перед Селимом в очереди были двое братьев, весьма и весьма достойных трона: Мустафа, сын Махидевран, любимец янычар, и Мехмед, сын Роксоланы, любимец отца. И того, и другого для трона готовили, когда Мустафа понял, что трон ему вряд ли достанется, потому что отец отдает предпочтение Мехмеду, он,

как когда-то его дед Селим I, решил не ждать милостей от судьбы, а взять их самому. Дед оказался удачливей внука, ему удалось стать султаном Селимом I, а вот Мустафу опередил отец – султан Сулейман.

Селима для трона не готовили, он просто рос и воспитывался, как и двое младших братьев – Баязид и Джихангир. В Манисе оказался только после смерти принца Мехмеда. Гибель Мехмеда крайне подозрительна, но общепризнано, что он вдруг умер от оспы (ну до чего же своевременная болезнь была – так вовремя настигала тех, кого нужно устранить!).

От Стамбула до Манисы километров 500, по тогдашним дорогам не меньше недели пути, Роксолана явно не передавала сыну водку в грелках или под видом шербета, если Селим и пил, то вполне самостоятельно. Кстати, спился он уже став султаном, то есть лет через десять после смерти матери.

У Селима-султана был умный визирь Мехмед Соколлу, энергии которого хватило бы на пяток султанов, а ума было не меньше, чем у Ибрагима-паши. Мехмед не был закадычным другом Селима до его вступления на престол, но фактически правил империей, когда стал Великим визирем. Но у Соколлу имелся серьезный соперник – богатый португалец Иосиф Наси (Джоао Микуэца), который в последние годы правления султана Сулеймана (Роксоланы уже не было в живых) не жалел средств на подарки и развлечения наследника престола.

Стать визирем при новом султане Иосифу Наси не удалось, Селиму хватило ума сделать Великим визирем умного Соколлу, взамен Наси получил остров Наксос и обещание стать королем Кипра. Наксос португальца волновал мало, куда больше другое – монополия на торговлю вином на всей территории Османской империи. То ли вино было хорошим, то ли султан чувствовал себя виноватым, но Наси эту монополию получил и… принялся активно спаивать своего султана. Венецианский посол докладывал своему дожу, что султан Селим получает от Наси большое количество бутылок вина и изысканной снеди.

Селим пережил отца на восемь лет, мать – на шестнадцать, но Роксолана все равно оказалась виноватой в том, что ее сын через шестнадцать лет после ее смерти, будучи серьезно «подшофе», поскользнулся в бане и разбился. Как она могла это подстроить или, наоборот, предотвратить, непонятно.

Почему-то в пьянстве Селима никому не пришло в голову обвинить его жену султаншу Нурбану, а ведь как раз она вполне могла способствовать алкоголизму мужа, он ей не нужен трезвый и разумный, да и вообще живой. Нурбану выдала одну из своих

дочерей (богата была дочерьми) за Великого визиря Мехмеда Соколлу, и вот тут действительно был тандем – теща-зять, но обвиняли в таком опять-таки Роксолану.

Венецианка Сесилия соединила в себе кровь двух весьма влиятельных родов Венеции, потому что была незаконнорожденной дочерью Виоланты Баффо от Николо Веньера, брата дожа Венеции и губернатора острова Парос. Когда Хайрраддин Барбаросса захватил этот остров, в плен попала и совсем юная Сесилия. По одним данным, ей было 10, по другим – 12 лет, но девочка оказалась столь красива, что куплена в султанский гарем.

Если вспомнить, что в 1537 году валиде Хафсы уже не было в живых и Ибрагима-паши тоже, то можно предположить, что Сесилию, названную Нурбану («Принцессой света»), приобрела сама Роксолана, разглядев в ней не просто красивую внешность, но и незаурядный ум. Для кого из сыновей Роксолана наметила Нурбану, неизвестно, но когда Селим отправлялся в Манису править взамен погибшего брата Мехмеда, восемнадцатилетняя наложница поехала с ним.

А вот Роксолана осталась с мужем в Стамбуле, что тоже ставят ей в вину: мол, и в этом нарушила обычай, будь она рядом, сын не спился бы. Но, во-первых, Селим спился позже, во-вторых, Мехмед на том же посту не злоупотреблял не только алкоголем, но вообще ничем.

Встречаются обвинения Роксоланы в том, что насоветовала сыну жениться на венецианке официально, мол, если бы не это, он вполне мог прогнать негодную… И снова все в кучу. Развестись даже с законной женой султану вовсе не сложно, к тому же законной султаншей Нурбану стала в 1571 году, то есть, после 28 (!) лет совместной жизни и через 13 лет после смерти Роксоланы. Сулеймана уже тоже не было в живых пять лет. Кто мог заставить Селима, бывшего к тому времени султаном целых пять лет, жениться на Нурбану, ведь у него имелись по крайней мере еще четыре фаворитки и шестеро сыновей кроме сына Нурбану Мурада?

Значит, все-таки немолодая уже Нубрану (ей было 46 лет!) оказалась дороже всех юных красоток, вместе взятых? Или тоже заготавливала приворотное зелье ведрами? Но Нурбану в этом не обвиняли…

Нурбану родила пять дочерей и всего одного сына – Мурада, названного единственным наследником. Конечно, она мирилась с присутствием фавориток и их детей, только пока был жив султан Селим II.

Единственный наследник после смерти отца поступил вполне в духе своих предков – он попросту уничтожил всех братьев и их потомство. Когда Мурад стал султаном, его мать Нурбану стала валиде-султан, то есть получила высшую власть в гареме. Ей не пришлось бороться со свекровью, потому что к этому времени Роксоланы давно не было в живых.

Однако спокойствия тоже не получилось. Дело в том, что Нурбану сама подобрала сыну новую рабыню – кстати, тоже венецианку и тоже из рода Баффо, названную в гареме Сафийе, которая также девочкой попала в плен и стала рабыней. Умная и красивая девушка завоевала сердце молодого султана Мурада, как раньше Нурбану завоевала сердце Селима, Мурад совсем забыл остальных наложниц. И это совсем не понравилось валиде.

Но венецианка не Роксолана, предчувствуя серьезную схватку за власть в гареме, Нурбану решила отвлечь сына от Сафийе. Для этого агенты султанши принялись разыскивать на невольничьих рынках самых красивых девушек, Мураду это нравилось, в отличие от отца и деда он, хотя и любил свою Сафийе, на ней не женился и женским обществом не пренебрегал. Ходили упорные слухи, что сначала Мурад был едва ли не импотентом, но потом излечился (вероятно, посидев на троне) и пустился во все тяжкие. Как ни старалась Сафийе, добиться от своего султана заветных слов перед кадием ей так и не удалось.

Придя к власти, Мурад решил «отметиться» на поприще завоеваний, чтобы обессмертить свое имя, и поинтересовался, какой из походов его великого деда султана Сулеймана был самым тяжелым. Ему ответили, что персидский, и Мурад немедленно организовал поход на Тебриз. К тому времени силы Сефевидов были уже не те, и армия Османов оказалась много больше и лучше оснащена, султан одержал победу, захватил Тебриз и практически всю территорию нынешнего Азербайджана, однако какой ценой! Потери в этом походе были огромны, армия не скоро восстановилась после «блестящих» завоеваний своего султана.

Но самого Мурада это волновало мало, он одержал победу, которую не смогли одержать его предки, и вернулся к неге гарема, который быстро пополнился красавицами всех мастей. Усилия Мурада на ложе были вознаграждены, у него известны двадцать сыновей и двадцать семь дочерей! До походов ли при таких трудах?

И все-таки наследником был назван старший сын Мехмед, рожденный прекрасной венецианкой Сафийе. Сама Сафийе в гареме была основательно подвинута красотками, щедро приобретаемыми Нурбану (борясь с властью невестки, мать

дарила венценосному сыну по прекрасной девственнице еженедельно). Но ее уже куда меньше интересовало султанское ложе и куда больше – политика.

Женщины желают заниматься политикой и управлять государством? Султан Мурад был совсем не против, пусть управляют, ему и гаремных утех хватит. В гареме сцепились две сильные женщины, два красавицы-венецианки из рода Баффо – Нурбану и Сафийе, свекровь и невестка. Но Сафийе оказалась хитрее, понимая, что противостоять сильной и умной свекрови не сможет, она уступила Нурбану гарем в ожидании своей очереди и действительно занялась политикой.

Через еврейку, приносившую султанше драгоценности, Сафийе поддерживала связь с послом Венеции в Стамбуле и переписывалась с французской королевой Екатериной Медичи. Пока Мурад плодил наследников и предавался любовным утехам, его Сафийе определяла, в каком направлении будут двигаться османские армия и флот. Султана это устраивало…

Кстати, именно Сафийе Венеция обязана тем, что не была в те годы попросту разгромлена, окажись султан менее ленивым или направь султанша корабли Османов именно на Великолепную Синьору, и Венеции основательно не поздоровилось бы. Внук Сулеймана и Роксоланы оказался совсем не готов к делу управления огромной империей. Нет, Мурад не развалил ее, даже увеличил, но территория – это еще не все, империя вовсю гнила как рыба – с головы. Коррупция достигла немыслимых размеров, вместо выполнения своих прямых обязанностей каждый чиновник заботился только о наживе.

Дальше с каждым следующим султаном становилось все хуже, империя сумела приостановить падение нескоро, султаны-то вырезали всех родственников, прикрываясь законом Фатиха (который их к этому ничуть не обязывал, скорее, советовал), то запирали их на многие годы в так называемую Клетку – комнаты с зарешеченными окнами и дверьми, без права общения с внешним миром, возможности вообще как-то учиться будущему правлению и оперированными наложницами во избежание рождения еще наследников. Братья или сыновья правящих султанов выходили из Клетки если не полными, то весьма ощутимыми дебилами, подверженными приступам необъяснимой ярости, мечтавшими скорей спрятаться от страшного, непонятного им мира обратно в Клетке или, наоборот, спешившими поскорей наверстать упущенное за годы вынужденной изоляции.

Могло ли это изуродованное воспитанием потомство усилить империю? Конечно, случались и разумные наследники, которые в

тиши заточения читали или занимались каллиграфией, создавали ювелирные украшения… Но править империей они после долгих лет в Клетке точно не могли, этому надо учиться постепенно, будь выпущенный на волю султан семи пядей во лбу, он не смог бы сразу охватить умом всю широту жизни огромной империи.

Тех, кто позволял новому султану выйти из Клетки (кстати, были такие, кто возвращался туда по собственной воле), это вполне устраивало: править государством, вернее, набивать свои карманы проще при глупом султане, его в случае чего и сбросить проблем не составляло, и отравить тоже. Пока султан наверстывал упущенное, развлекаясь в гареме или за чашей вина с карликами, он был не только не опасен, но и весьма удобен. Вот когда будущих правителей действительно спаивали.

А еще Сафийе ждала, когда станет валиде-султан, страстно желая, чтобы ее сын Мехмед стал следующим султаном.

Во главе гарема получилось встать несколько раньше, Нурбану умерла раньше своего сына Мурада. Но Сафийе дождалась и правления собственного сына, хотя это было не так-то легко, ведь Мурад, опасаясь растущего влияния старшего сына, был готов расправиться с ним (чего жалеть-то, вон их сколько – двадцать принцев!). Сафийе предупреждала сына о возможном убийстве, но ничего не произошло.

В 1595 году, когда она стала валиде, а ее сын Мехмед (Мухаммед) – тринадцатым османским султаном, произошло ужасное: новый султан расправился с девятнадцатью братьями и их потомством! Мать поддержала сына.

Став валиде, она правила уже не только гаремом, но и всей страной. Мехмед доверял матери. Больше всего он боялся собственных сыновей, а потому держал их… в клетке. Это была клетка почти буквально, поскольку принцы жили в зарешеченных комнатах без возможности выходить оттуда и с кем-то общаться. Это нововведение прижилось, с тех пор султаны держали возможных соперников, не убивая их, в Клетке. Невозможность жить нормальной жизнью приводила к умственной отсталости следующих правителей, они были просто неспособны на нормальное правление, не говоря уж о разумном. Обретя свободу после долгих лет заточения, новые султаны либо быстро погибали, либо пускались во все тяжкие, вот теперь в гареме царил разврат и пьянство.

Сафийе этого не увидела, однажды утром ее обнаружили в собственной постели задушенной.

Мехмед пережил мать не надолго, он умер в том же году,

дальше началась чехарда султанов, не оставивших о себе доброй памяти, но несколько лет правила при этом последняя влиятельная женщина по имени Кесем (пока ее собственный сын не повзрослел, Мурад IV стал султаном в одиннадцать лет и сумел сбросить власть матери только позже). Она не была султаншей, просто одной из наложниц, но власть держала в руках крепко. Кесем сумела посадить на трон одного за другим двоих своих сыновей: Мурада, а после его смерти – Ибрагима. Оба оставили о себе кошмарные воспоминания.

Мураду удалось избавиться от материнской опеки, и больше женщины большого влияния на султанов не имели, но прославился он своей жестокостью – казнил всех неугодных без малейшего сомнения, считается, что счет этим казням может достигать 25 000 человек. Имущество казненных пополнило султанскую казну.

Умер старший сын Кесем бездетным, и ему наследовал следующий сын – Ибрагим, который в ожидании своей судьбы сидел в той самой Клетке. Мурад был последним из султанов, кто хотя бы попытался водить свою армию в поход сам (даже на коня садился, в отличие от отца и деда).

Кстати, умер Мурад все от того же пьянства, хотя женщины на него уже не влияли. Видно, в состоянии опьянения он пришел в такой ужас от вида заходящего солнца, что впал в горячку. Султану шел двадцать восьмой год… Может, горячку спровоцировало вовсе не солнышко, а… ладно, не будем гадать.

Но умиравший султан решил утащить за собой на тот свет и брата, последним повелением Мурада был приказ убить Ибрагима и отдать трон своему фавориту Селихдару-паше (неудивительно, что у Мурада не было детей, фавориты их рожать еще не научились). И тут у постели умирающего султана очень вовремя оказалась находившаяся в опале валиде Кесем, она провела прохладной рукой по лбу сына, жить которому явно оставались считанные часы, и клятвенно заверила, что Ибрагим в своей Клетке уже испустил дух!

Но Мурад решил порадовать себя перед смертью видом окочурившегося брата и попытался встать с постели, чтобы сплясать над его телом. Допустить такое было нельзя, по приказу Кесем слуги удерживали султана в постели силой. Возможно, чуть сильней, чем следовало… чуть сильней прижали… шею, например, все равно же султан умирал, правда?

Кесем бросилась в Клетку к своему второму сыну Ибрагиму, сообщать, что тот свободен и теперь султан, а она снова всесильная валиде. Но Кесем ждали две неприятности. Во-первых, Ибрагим не поверил матери (видно, имел печальный опыт обмана

с ее стороны) и категорически отказался выходить из Клетки. Кесем стоило больших усилий убедить несчастного, что его брат действительно мертв и опасности для жизни больше нет.

Представляете султана, который забился в угол комнаты и машет руками на подошедшую мать в страхе от возможной расправы? Выманить наружу удалось, на трон посадить тоже. Но, осознав, что теперь главный, Ибрагим сделал то, чего Кесем никак не ожидала: он попытался отстранить мать от власти, даже привлек очередного умницу – Кара-Мустафу – на пост Великого визиря, но гарем оказался сильней. Визирь требовал заняться делами и вести себя прилично, а мать потакала самым разнузданным желаниям.

После восьмилетней отсидки в клетке Ибрагиму меньше всего хотелось заниматься первым, он предпочел второе. Кара-Мустафу казнили (правильно, нечего совестить султана, напоминая, что казна не бездонна, а правитель должен править, а не пьянствовать и заниматься развратом! Мало ли кто что должен…).

Султан Ибрагим «отметился» немыслимым сластолюбием и дикими оргиями, возмущавшими даже видавший виды Сераль. Восьмилетнее сидение взаперти не пошло на пользу не только умственному развитию султана, но и его вкусам. Об Ибрагиме рассказывают странные вещи: например, он безумно увлекался запахом тяжелых духов, особенно серой амбры. Этим ароматом, а вернее, вонью, потому что амбры нельзя использовать много, было пропитано все, от одежды и занавесей в султанских покоях до его собственной бороды.

Неразвитый Ибрагим легко верил самым немыслимым глупостям, которые рассказывали о других правителях. Однажды ему сказали, что был король, вся одежда которого состояла из меха соболя, мехом же обиты стены, мебель и пол. Уже на следующий день по всей империи собирались и конфисковались меха, султан пожелал стать «меховым королем». Ибрагим даже ввел налог серой амброй и мехом.

Оргии султана Ибрагима переходили всякие границы, в дворцовых покоях он устраивал самые разнузданные игрища, заставляя обнаженных наложниц играть роли кобыл, а сам изображая жеребца. Тот, кто придумывал необычную и разнузданную оргию, получал от султана поощрение.

Наложницы веселились вовсю, ни в чем себе не отказывая. Одна из них сказала, что покупки забавней делать по ночам, в результате все лавки Бедестана (крытого рынка Стамбула) вынуждены были работать и ночью, вдруг султану с его

красотками придет в голову что-то купить… простите, взять? Да, Ибрагим разрешил своим красавицам брать все, что понравится. Стамбульским купцам можно только посочувствовать, потому что красотки не церемонились и не мелочились.

Другая забавы ради сказала, что султану очень подошли бы бриллианты в бороде. Это идея очень понравилась султану, и его борода заблестела драгоценным камнями. Турки ужаснулись, потому что единственным, кто до Ибрагима додумался до такой глупости, был плохо закончивший жизненный путь египетский фараон.

За восемь лет правления, вернее, разнузданных развлечений за счет казны Ибрагим так надоел всем, что его решили сместить. Осторожно поинтересовались мнением Кесем. Валиде, которая при всех ее недостатках все же столь распущенной не была и голышом по гарему не бегала, зато немало претерпела унижений от сына, была согласна сменить его, а потому приняла депутацию представителей армии и народа. Но ее снова ждало разочарование: не устраивала кандидатура следующего султана, вернее, его матери.

Сын Ибрагима Мухаммед был еще совсем ребенком, ему шел седьмой год. Кесем могла попытаться стать регентшей при внуке, поскольку мать Мехмеда Турхан была слишком юной для такой ответственности, но опыт Кесем подсказывал ей, что Турхан слишком умна и без боя не сдастся. Кесем больше устроил бы младший брат Ибрагима Сулейман, также сидевший в Клетке, но не проявлявший дурных наклонностей. Однако никто не мог быть уверен, что и этот сын Кесем не поведет себя похоже на брата и не опустошит казну окончательно.

На Кесем обращали уже мало внимания, она только мешала, Ибрагим был возвращен в клетку и немного погодя попросту задушен. Он отчаянно цеплялся за жизнь, евнухам пришлось приложить немало усилий, чтобы справиться с отчаянно сопротивлявшимся бывшим султаном.

Понимая, что власть снова ускользает из рук, Кесем попыталась организовать переворот с помощью янычар, чтобы сделать султаном своего младшего сына, но переворот не удался и маленький новый султан подписал первый в своей жизни указ – о казни собственной бабушки. Доигралась, что называется…

А дальше последовала жуткая сцена. Бывшая валиде вовсе не собиралась отдавать свою жизнь дешево: сначала она спряталась в шкафу с одеждой, а по полу щедро разбросала деньги и драгоценности в надежде отвлечь внимание врагов или умилостивить их. Ничто не помогло, богатейшие наряды бывшей

валиде были разорваны в клочья, она сама обнаженной за ноги вытащена к калитке гарема, с нее зверски сорвали все украшения, серьги – вырывая мочки ушей, а перстни – выкручивая пальцы, потом задушили и бросили. Следом казнили всех ее сторонников.

Наступило время Турхан, потому что султан был еще совсем маленьким. Но у новой валиде, несмотря на юность, хватило ума хотя бы формально передать власть Великому визирю Мехмеду Кепрюлю, все же оставшись регентшей.

Турхан была последней женщиной-регентом в Османской империи, но она оказалась, не в пример своим предшественницам, «строителем» – заложила по берегам пролива Дарданеллы две крепости, строила комплексы, подобные тем, что ранее строила Роксолана: мечеть, имарет, больницу, столовую…

Вот о Турхан, как о лучшей и последней представительнице «Женского султаната», в Стамбуле осталась добрая память, хотя никто не сомневался, что именно она причастна к казни ненавистной Кесем и младшего брата своего умершего мужа.

«Женский султанат» после убийства Кесем стал обычным, но память о нем надолго сохранилась в Османской империи как пример настоящего кошмара.

Обвинили в этом все ту же Роксолану, хотя, как она могла повлиять на будущих фавориток своих внуков и правнуков, не понятно. Нурбану Роксолана подобрала сыну сама, могла даже видеть Сафийе, но обе будущие султанши жили от нее далеко и мало общались со свекровью. А уж о Кесем, Тархан и бесчинствах султана Ибрагима не могла и подозревать, поскольку они случились уже в следующем столетии.

Хочется обратить внимание на то, что ничего из кошмаров «Женского султаната» при Сулеймане и Роксолане не было, она не воевала смертным боем со свекровью (обычные разногласия и желание влиять на мужа или сына не в счет, у кого из свекровей и невесток их нет?), все казни, которые приписывают Роксолане, были совершены вдали от нее (Ибрагим и Мустафа) либо после ее смерти (Баязид).

Почему же ее и только ее обвиняют во всех грехах, словно приписывая преступления следующих валиде и фавориток?

И все-таки почему потомки Роксоланы (почему не добавляют «и Сулеймана»?) так быстро скатывались вниз, меньше всего были замечены в желании упрочить государство или быть, как предок – султан Сулейман, – справедливыми законниками? Почему растеряли воинственный пыл Османов?

Так всегда – после взлета начинается падение. Сулейман получил в наследство империю, место которой в мире еще определялось, сумел вознести ее на должный уровень. Его потомкам поддерживать бы, но…

Селима к будущему правлению не готовили, но, думаю, дело не в том, просто всегда после периода расцвета наступает период спада, это удел всех империй. Селим расширил пределы империи, но бесконечно расти вширь невозможно, империей стало трудно управлять, рано или поздно такие монстры неизбежно начинают распадаться.

Османская империя не распалась, она несколько столетий продолжала довлеть на Средиземном море, которое даже называли Турецким озером, но султанам было, если так можно выразиться, «нечем заняться». Первые Османы спали в седлах, Сулейман занимался уже строительством самой империи как государства, устанавливал жесткие правила, при нем налаживалась жизнь и на окраинах.

Но чтобы быть не просто султаном и даже не завоевателем, а правителем, тем более разумным, нужно иметь к тому склонность. Таковая есть не у всех, а уж у сидевших в Клетке ее быть просто не могло. Как можно обустраивать чужую жизнь дальних окраин, если своя не стоит ни гроша и может прерваться в любую минуту? Да знал ли тот же развратный султан Ибрагим, что эти окраины вообще существуют? Он вырвался на волю из Клетки и за годы власти смог всего лишь потешить свои низменные инстинкты.

Но куда смотрели чиновники?! Их главной задачей было собственное обогащение. Должности продавались не в соответствии со способностями, а тому, кто больше заплатит. Конечно, у руля огромной империи оказывались совершенно некомпетентные люди, стремившиеся вернуть затраченное и награбить побольше.

Печальное время для Османской империи, а потому хвала разумной Турхан-султан, которая не стала повторять преступных ошибок своих предшественниц.

«Женский султанат» вовсе не причина упадка Османской империи, а его следствие, при султанах Мехмеде Фатихе, Баязиде, Селиме Явузе или Сулеймане Кануни никакое женское правление или развратные оргии были невозможны, они создавали империю, а их потомки – разрушали.

И вовсе не с Роксоланы начался «Женский султанат» и гаремная власть, а через 13 лет после ее смерти, а уж развал и того позже – распутный султан Ибрагим правил с 1640 по 1648

год (через сто лет после Роксоланы), а Кесем убили в 1651 году.

В этом тоже вина Роксоланы?

Если уж обвинять, так во всем.

Они были вдвоем… всегда и вопреки всему

Не стоит думать, что грамотной и любопытной в гареме была только Роксолана, а остальные лишь ели, спали и завидовали. Да, еще строили козни.

В султанский гарем вообще не покупали глупых, даже если те были очень красивы.

Для Роксоланы так сложилось, что она оказалась в султанской спальне, Сулейман мог просто не заметить именно эту девушку. Сколько таких безвестных прожили жизнь зря!

Но когда уж сложилось, Роксолана сумела воспользоваться случаем. Хорошо это или плохо? Утверждаю: она действительно любила Сулеймана не как султана, а как мужчину, человека, близкого по духу. И любовь эта была взаимной.

Роксолана и Сулейман, стоило ему уехать из Стамбула (а это бывало очень часто, султаны, если являются правителями своей страны, а не приложением к трону, – люди очень занятые военными походами, ревизией своих владений, охотой, наконец, на дальних территориях), вели активную переписку. Немало писем сохранилось.

И вот в письмах Роксолана, судя по всему, настоящая, такая, которую ненавистники не видели, потому что не желали видеть.

Можно написать мемуары и исказить в них многое, выгораживая себя любимого, можно писать кому-то письма, рассказывая о своей любви, можно писать такие письма даже объекту любви и тоже лгать в них. Но когда в письме вперемежку тоска, ревность, почти отчаянье из-за разлуки и любовь, любовь, любовь… не поверить невозможно.

Многие письма сохранились, и в них можно прочесть то, что уже нельзя услышать из их давно замолкших уст.

> «Мой Повелитель, мой шах, любимый душой и сердцем, жизнь моя, единственная надежда моя на этом и на том свете! Пусть Тот, что вечно живой, отдалит вашу честную личность от всех болей, а ваше бытие от всех недугов, да приблизит Он Вас к своим бесконечным милостям и отдаст под опеку своего наибольшего любимца Магомета и под защиту своих угодников; да поможет вам, чтобы Вы со своей счастливой звездой и царским знаменем всегда одерживали победы над презренными и злорадными неверными, – аминь,

величайший Помощник! Ныне меня, Вашу рабыню, приятным отношением Повелителя, вызвавшим беспредельную радость, и вашим честным письмом, ароматным, как мускус, подняли из праха забвения, ибо изволили в свой царский счастливый час позаботиться, чтобы письмо дошло до меня и осчастливило меня. А какой чистой щедрости его страницы! Голова увенчана короной, а благословенные стопы – бисерными драгоценностями и рубиновыми красками. Ваше письмо высушило кровавые слезы на моих заплаканных глазах, наполнив их светом, а в тоскующее сердце влило радость. Да исполнятся Ваши, день моего счастья, все желания и радости души, да переполнены будут сады вашего благополучия прекрасными жасминовыми цветами моей любви, чарующей, как Ваш пресветлый лик, о мой властитель, мой султан, мой падишах!»

Конечно, витиевато, и чтобы понять, нам нынешним нужно продираться сквозь слова, но они так писали, так говорили, недаром иностранцы твердили, что, чтобы научиться понимать самые простые фразы, нужно либо родиться в Турции, либо прожить в ней всю жизнь.

«Мой повелитель! Пишу Вам, и сердце мое разрывается от тоски и отчаянья. Что я натворила и чем стала моя жизнь без Вас, владыка мой, свет очей моих, ароматное дыхание мое, сладостное биение сердца моего? Разве не наши влюбленные голоса звучали еще недавно в благоуханном воздухе священных дворцов и разве не завидовали нашим объятиям даже бестелесные призраки? А теперь любовь наша задыхается без воздуха, умирает от жажды, лежит в изнеможении, ее терзают хищные звери, и черные птицы смерти кружат над нею. Отгоните их, мой повелитель, моя надежда, мой величайший защитник на этом и на том свете. Пожалейте маленькую Хуррем и спрячьте ее в своих объятьях».

«Я была собеседницей скуки и тоски и полонянкой отчаянья. Я зажигала факелы печали на всех путях ожидания. Ежедневно птица Рох летела на небесном просторе желания. Надеясь, что какой-нибудь голубь принесет от Вас весть Или же облачко прольет благодатную каплю на долину жажды».

«Мой великий Повелитель! Припадаю лицом к земле и целую прах от Ваших ног, убежище счастия. О солнце моих сил и благо моего счастия, мой Повелитель, если спросите о Вашей послушнице, у которой после Вашего отъезда печень обуглилась, как дерево, грудь стала руиной, глаза, как высохшие источники; если спросите о сироте, утопленнице в море тоски, которая не различает дня от ночи, которая страдает от любви к Вам, которая сходит с ума сильнее Ферхада и Меджнуна с тех пор, как разлучена со своим властителем, то я теперь вздыхаю, как соловей, и рыдаю беспрерывно и после Вашего отъезда пребываю в таком состоянии, какого не дай бог даже Вашим рабам из неверных».

А вот вольный (очень вольный) перевод ее стихов:

Мой враг любимый!
Когда бы ведали, как раненое сердце
В тоске исходит горькими слезами,
Оставили б открытой клетки дверцу,
Чтоб полетела птицей вслед за Вами.
Но я томлюсь: забыта, одинока,
Ломаю руки и кричу ночами.
Не образумит даже речь Пророка
Когда одна, когда не рядом с Вами.
Лишь одного хочу: увидеть и услышать,
Понять, что любите и тоже не забыли.
Рука невольно как молитву пишет,
Чтоб Вы меня хоть чуточку любили.
Я не виню, к чему Вам мои слезы,
Коль сердце в радости безмерной пребывает?
Разделим поровну: пусть мне шипы от розы,
Для Вас – ее цветы благоухают.
Мой жестокий, столько дней не пишешь!
Неужели сердце позабыло?
Неужели стона моего не слышишь?
Неужели страсть ко мне остыла?
Не губи, жить не смогу, коли Вам не нужна.
Я без Вас столько дней все одна и одна…
Если темноокую нашел – прощу,
только все равно
Сердцем я Вас не отпущу – ранено оно.

Султан отвечал так же, а еще писал для своей любимой

прекрасные стихи под именем Муххиби и сожалел, что не может сделать их всеобщим достоянием, чтобы весь мир знал о его любви. Муххиби он называл в письмах и свою Роксолану.

> «Ветер мой, прохладный, но в то же время огненно обжигающий, моя Хюррем. Ох, какие глаза, они же убивают твоего Повелителя, манят и завораживают. Сердца моего госпожа, я твой раб, раб любви своей к тебе. Сколько же счастья в прикосновениях твоих, моя любовь, как же мне тепло и радостно от улыбки твоей, моя лучезарная. Ах, эти руки, руки, что так обнимают, так ласкают, так завлекают в свои объятия. И что же делать мне, как совладать со своим разумом, как, скажи? Заворожила, плен твоя любовь, моя Хюррем…»

> «Ты моя сила как сталь, мое уединение, смысл моего существования, любимая, луна моя, опора моя,
> Друг мой сокровенный, смысл моего существования, самая красивая моя султанша,
> Жизнь моя, ты как зеленые колосья пшеницы, прелесть моя, ты как вино – мой райский напиток, имя мое,
> Весна моя, красота моя, торжество мое, моя любимая картина, мой поток радости,
> Настроение мое, праздник мой, мое средство от усталости жизни, счастье мое, солнце мое, звезда яркая,
> Мой оранжевый цитрусовый фрукт, очаг моей спальни,
> Мое зеленое растение, мой сахар, молодость моя, весь мой мир внутри тебя, боль моя,
> Дорогая моя, госпожа моего сердца и стихотворной строки,
> Мой Стамбул, мой караван, земля моя греческая,
> Моя очевидность, моя кыпчаг, мой Багдад, мой Хорасан.
> Мои волосы, выразительные брови, безумие чистых глаз, болезнь моя,
> Я умру на твоей шее, ты помощь моя мусульманская,
> Я в твоих дверях, потому что ты моя любимая рассказчица историй, тебя восхвалять буду я всегда продолжать,
> Музыкальные гаммы моего чистого сердца из моих глаз прольются чистой влагой, ты моя прекрасная Муххиби!»

Переводить восточную поэзию трудно, очень трудно привыкшим к иному, трудно ее воспринимать и без перевода, тем более в оригинале все звучит просто завораживающе. Потому

ловите саму суть в этих витиеватых стихах. А суть такова: «Люблю, люблю, люблю!!!»

Вот еще вольный перевод его стихов:

Не розу я нашел в письме – шипы.
И стало мне невмочь.
Все утешения друзей глупы,
Не в силах мне помочь.
Слова привета ты пришли скорей,
Пока я жив.
И добрым словом сердце мне согрей,
Любовью одарив.
Фархад… Меджнун…
Люблю в стократ сильней.
Любовь их – сказка, а моя навечно.
Любимая – свеча во тьме ночей,
А я при ней лишь мотылек беспечный.

Давайте поверим вот таким строчкам, а не сплетням завистников.

Роксолана появилась в жизни Сулеймана как раз тогда, когда эта жизнь круто изменилась, шех-заде Сулейман стал султаном Сулейманом. До Великолепного было далеко. Появилась сразу и навсегда, он не отправил свою Хуррем в Старый дворец, не взял другую, Сулейман прикипел сердцем к новой наложнице, нарушил ради нее несколько обычаев, даже женился, но главное – она сразу и навсегда стала единственной.

Сотни других красавиц (гарем Сулеймана насчитывал больше трех сотен только одалисок) перестали для султана существовать, в его сердце поселилась Хуррем.

Они прожили вместе тридцать шесть лет, родили шестерых детей, потеряли троих, одного Сулейман казнил сам. Им было легче, пока были вместе, но крайне редко пары умирают в один день даже после самой счастливой жизни, чаще один остается коротать дни без другого.

Это оказался Сулейман, он пережил Роксолану на целых восемь лет и перенес еще немало трудностей: бунт их сына Баязида, принял трудное решение казнить сына и его детей (может, уже был готов к такому решению?), много болел, почти потерял способность ходить (у султана болела раненая еще в молодости на охоте нога) и… все оставшиеся годы вспоминал свою любимую.

У Сулеймана не было других, только она, даже после смерти, даже в одиночестве. Он не завел гарем, не женился еще раз, общался больше с дочерью, удивительно похожей на мать, и писал стихи, посвященные Хуррем…

Можно еще много писать и говорить о любви султана к Роксолане-Хуррем, но, мне кажется, достаточно двух строчек, написанных Сулейманом после смерти любимой, чтобы понять: эта любовь настоящая, как бы ни поливали ее грязью злопыхатели…

Но если и в раю тебя не будет —
Не надо рая…

Александр Владимирский Сулейман Великолепный «золотой век» блистательной порты

Предисловие

Герой этой книги по праву считается самым могущественным султаном Османской империи и одновременно единственным ее правителем, отразившимся в европейской массовой культуре. Последнее произошло во многом благодаря его жене, красавице Роксолане, которой приписывают самое разнообразное этническое происхождение. Известность же к Сулейману пришла прежде всего благодаря тому, что именно в его правление Турецкая империя достигла максимального военного могущества и территориального расширения. Сулейман был близок к тому, чтобы сделать Средиземное море «турецким озером», и сделал таковыми Черное и Азовское моря. Он также упорядочил внутреннее управление империей, благодаря чему удостоился от современников титула Кануни, что переводится с турецкого как «Законодатель». Тем самым ему воздают должное за то, что именно при нем произошла кодификация турецкого права. У турок, как и у европейских народов, прозвище обычно сопровождает имя конкретного государя, выделяя при этом главную черту его характера и государственной деятельности. А надпись на построенной в честь Сулеймана Великолепного мечети Сулеймание гласит: «Распространитель законов султанских». В Европе же десятого султана Османской империи Сулеймана I традиционно называют Великолепным. Его царствование считается золотым веком Турции. Это примерно то же самое, что для французов век Людовика XIV, большинству русских читателей известный главным образом из романов Александра Дюма-отца.

Своего Дюма для описания века Сулеймана в Турции не нашлось, и сегодня мы знаем о нем главным образом благодаря турецкому сериалу «Великолепный век», стартовавшему в 2011 году и показанному уже в 42 странах мира, в том числе в России. Как и почти всякий исторический сериал, он достаточно вольно обращается с историческими фактами, но дух эпохи в целом передает. В то же время, несмотря на огромную популярность сериала среди турецких зрителей, премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган критически отозвался о «Великолепном веке», заявив, что создатели «пытаются показать молодежи историю Турции в негативном свете». Вероятно, политику-исламисту не понравился сугубо светский характер сериала, созданного по европейско-американским кинорецептам. В ответ один из сценаристов сериала Мерал Окай честно признался: «Мы говорили с самого начала: это вымысел, вдохновленный

историей». Что ж, в этом отношении сериал «Великолепный век» принципиально не отличается от романов Александра Дюма-отца и их многочисленных экранизаций, сосредотачиваясь на тесно переплетающихся между собой любовных и политических интригах. Чего стоит фраза Сулеймана: «Я управляю миром на трех континентах, но оказывается, я не могу управлять любимой, которая поднимает восстание в знак своей любви!» Разумеется, подобная эмансипация в XVI веке была немыслима.

Сулейман Великолепный в глазах своих подданных рисовался идеальным правителем империи, который сумел не только распространить свою власть на всех правоверных мусульман (суннитов), но и, победив европейцев, завоевать значительную часть Европы, после чего перед ним преклонились «султаны Запада». Но, пожалуй, даже еще выше, чем за великие военные победы, его превозносили за плодотворную деятельность государственного организатора. Считается, что Сулейман Великолепный был искусным воином и политиком, величайшим из османских правителей, мудрым законодателем и даже неплохим поэтом, но одновременно жестоким и вероломным тираном. По мнению британского историка лорда Кинкросса, автора книги «Расцвет и упадок Османской империи», «Сулейман при всей терпеливости своего характера, неподкупности принципов и теплоте его привязанностей хранил внутри себя некий опасный запас холодности, скрытой жестокости, порожденных склонностью к абсолютной власти и тесно связанной с этим подозрительностью в отношении любого, кто мог бы соперничать с ним». Султан покровительствовал земледелию, промышленности и торговле, щедро одаривал ученых и поэтов. В современной Турции он является вторым по степени почитания историческим деятелем после Кемаля Ататюрка, причем его популярность растет в последние десятилетия, когда у власти находятся умеренные исламисты, постепенно подвергающие ревизии многое из наследия Ататюрка. Современные западные историки смотрят на Сулеймана Великолепного не так восторженно, отмечая, что его успехи были связаны не столько с силой Турецкой империи, сколько со слабостью и раздробленностью его противников в Европе, Африке и Азии. Они подчеркивают, что внутренний упадок Османской империи начался еще во время его правления и продолжился при его наследнике, султане Селиме II, получившем у современников красноречивое прозвище Пьяница. Тем не менее достижения Сулеймана не смог превзойти никто из султанов, царствовавших после него.

Взлет и упадок Османской империи

Перед тем как перейти к биографии Сулеймана Великолепного, бросим взгляд на предшествовавшую историю и состояние Османской империи, чтобы понять, что же досталось султану в наследство.

Турки-османы были кочевниками. Их легкая кавалерия в свое время сокрушила слабеющую Византийскую империю, хотя, равно как и янычарская пехота, оказалась бессильна против пришедших из Азии полчищ Тимура, объявившего себя сюзереном всех тюркских властителей в Анатолии и разбившего в битве при Анкаре в 1402 году армию османского султана Баязида I и взявшего самого султана в плен. Это поражение на полвека отсрочило падение Константинополя и Византийской империи, но не остановило процесс создания Османской империи. Сильная армия была основой этого процесса.

Пожалуй, не считая эфемерных империй Александра Македонского, Чингисхана и Карла Великого, которые сохраняли свое территориальное единство лишь при жизни основавшего их полководца-завоевателя, Османская империя из всех мировых империй в наибольшей степени оставалась военной империей. Ее могущество и ее единство зиждились исключительно на силе турецкой армии. Турки-османы, как и другие тюркские народы, были сугубо континентальными и плохими мореплавателями. Для того чтобы создать сильный флот, у них не было главного, что отличает нации мореплавателей, – наличия большого по численности свободного населения, также имеющего опыт мореходства. Все турки были встроены в строго иеархичную систему в жизни своей общины, сначала в феодально-кочевом, а потом в военно-феодальном обществе. Во флот призывать их было опасно. Во-первых, их пришлось бы долго обучать искусству мореплавания. Во-вторых, что еще важнее, матросы, рекрутированные из несвободного населения, сохраняли бы лояльность своим командирам только в турецких портах. В море такие матросы-полурабы наверняка бы подняли бунт, а в первом иностранном порту постарались сбежать и наняться на корабли свободных наций – англичан, голландцев, французов, венецианцев и др. Сильный флот у Османской империи появился только при Сулеймане Великолепном. Но этот флот имел отнюдь не турецкую основу. В его составе преобладали корабли с экипажами из арабского населения Северной Африки, а также из греков и иностранцев-христиан. На короткое время турецкий флот завоевал господство в Средиземном море. Однако уже в

конце XVI века, после разгрома при Лепанто, начался упадок флота Османской империи. Уже в середине XVII века он представлял собой лишь бледную тень грозных эскадр Хайреддина Барбароссы и других турецких флотоводцев эпохи Сулеймана Великолепного.

Османская армия, в отличие от флота, имела более прочную основу в виде главного народа империи – турок, и ее упадок был более медленным. Былого могущества она лишилась лишь в начале XVIII века. До этого времени османские войска, хотя уже со второй половины XVI века и не производили масштабных завоеваний, оказывались в состоянии удерживать те территории, которые завоевали Сулейман Великолепный и его предшественники. Но слабая промышленная база не позволяла правителям Османской империи на равных сражаться с регулярными европейскими XVIII века.

Османскую империю погубило отсутствие внутреннего единства. Имперским народом, по сути, были только сами турки-османы, но они преобладали лишь на меньшей части империи – в Малой Азии и в некоторых районах Балканского полуострова. При этом на Балканах большинство турок составляли потомки ассимилированных (потуреченных) местных народов – славян, алюанцев и греков, в меньшей степени – валахов и молдаван, населявших автономные княжества. Другие провинции Османской империи были заселены по большей части народами, отличавшимися от турок по языку, культуре, образу жизни, а порой – и по религии. Северную Африку и Западную Азию населяли арабы, причем арабы различных стран значительно отличались между собой диалектами, уровнем развития и культурой. В Египте, кроме арабов, большую роль продолжали играть мамлюки, прежние правители страны. Подавляющее большинство населения Крымского ханства (нынешний юг Украины), являвшегося вассалом турецкого султана, составляли крымские татары, значительная часть которых сохраняла кочевой образ жизни. Тюркские народы, исповедовавшие шиизм, населяли отвоеванные у Ирана территории. Большинство из них оставались кочевниками. На Кавказе смешанно жило великое множество народов. Турки составляли здесь не слишком заметное меньшинство и никаких попыток ассимиляции указанных народов даже не предпринимали. Чем дальше от турецкой столицы Стамбула находилась провинция, тем слабее была там власть султана и тем меньше поступало оттуда доходов в султанскую казну. Власть султана держалась только на армии, беспощадно подавлявшей внутренние мятежи и завоевывавшей все новые и новые территории. Завоевания увеличивали доходы султана, а

следовательно, позволяли увеличивать численность постоянной армии. Кроме того, покоренные народы поставляли вспомогательные войска, что тоже увеличивало численность армии.

Что же касается флота, то турок там было очень мало. Основу флота Османской империи составляли магрибские пираты, традиционно подчинявшиеся алжирскому бею. Немало было во флоте и христиан-греков, а также других христиан-иностранцев. По мере того как веротерпимость в Османской империи уменьшалась, уменьшалась и лояльность греческих моряков, а заменить их было некем. Магрибские же флотоводцы все реже наведывались в Восточное Средиземноморье. Но во времена Сулеймана Великолепного у турок как раз появился действительно сильный флот и все флотоводцы еще беспрекословно исполняли волю султана.

В отличие от великих европейских империй, Османская империя не создала своей великой культуры и даже культуры, общей для всего или большей части своего населения. Собственно турецкая культура, как раз в царствование Сулеймана Великолепного переживавшая свой расцвет, мирового значения так и не достигла и была во многом разновидностью персидской культуры. И для подавляющего большинства подданных султана культура турок-османов так и осталась чужой, а новой синтетической имперской культуры так и не возникло. С более древней и развитой арабской культурой, культурой Корана, османская культура конкурировать не могла и сама находилась под ее сильнейшим влиянием. Курды ее тоже не воспринимали. Для славян, армян, греков и другого христианского населения империи, равно как и для иудеев, турецкая мусульманская культура оставалась чуждой. А вот в Австро-Венгерской, Британской и Российской империях господствовала единая имперская культура, общая, по крайней мере, для элит входивших в империю народов. Для Австро-Венгрии это была австрийская культура, для Британской империи – британская англоязычная, для Российской империи – русская культура. Все эти три культуры являются самостоятельными культурами мирового уровня. Османская культура до этого уровня так и не поднялась.

Отсутствие культурного единства сказывалось на политическом единстве Османской империи. Уже в XVII веке магрибские провинции империи были очень слабо связаны со Стамбулом. Магрибский флот вернулся к привычному пиратству, действуя автономно от имперского флота, который стремительно терял позиции в Средиземноморье. В конце XVIII века, еще до

французского вторжения, фактически независимым от Стамбула стал Египет, где реальная власть оставалась у мамелюков. А правителем Египта в начале XIX века стал наместник Мухаммед Али, и с тех пор Египет уже не вернулся под реальный контроль Стамбула.

В Османской империи не было не только политического и культурного, но и экономического единства. Со времен Сулеймана Великолепного практически вся внешняя торговля и нарождающаяся промышленность империи находились в руках иностранцев, которые отнюдь не были заинтересованы в промышленном развитии Турции. Сами турки ни торговлей, ни промышленностью не занимались. Единого общеимперского рынка так и не сложилось. Отдельные провинции имели более тесные торгово-экономические связи с соседними государствами, а не со Стамбулом.

В отличие от Османской империи, все европейские империи в экономическом отношении были значительно более едины. Там имелись общеимперские рынки, с самого начала существования империи неуклонно повышалась товарность экономики. По темпам своего экономического роста Австро-Венгрия и Российская империя, не говоря уже о Британской империи, значительно превосходили Османскую империю.

Уже в XVIII веке отчетливо проявилась военно-техническая отсталость турецких вооруженных сил. Все современные вооружения приходилось покупать в Западной Европе, а это обстоятельство делало Турцию лишь младшим партнером в европейских коалициях. Ее распад становился неизбежен. Но в XVI веке никто не думал о грядущем упадке.

По форме правления Османская империя представляла собой типичную восточную деспотию. Султан обладал абсолютной властью над своими подданными. До конца XVI столетия большая часть земельных угодий Османской империи являлась государственной собственностью, верховным распорядителем которой был султан. Значительную часть государственного земельного фонда составляли владения (домен) самого султана. Это были лучшие земли в завоеванных Балканских странах – Болгарии, Фракии, Македонии, Боснии, Сербии и Хорватии. Доходы от домена находились в полном распоряжении султана и тратились на содержание двора, а также на выплату жалованья армии и флоту, строительство кораблей, производство пушек и т. д.

Строй Османской империи можно условно назвать государственным феодализмом. Все турецкие землевладельцы являлись вассалами султана. Феодальной иерархии в стране не

существовало. Любой человек, возвышенный султаном, мог получить любые должности, вплоть до Великого визиря. Это никак не зависело от социального происхождения. Султанские вы движенцы могли быть бывшими пленниками или выходцами из беднейших слоев населения, что никак не препятствовало их карьере. Впрочем, фавориты точно так же могли быть в любой момент казнены по прихоти султана. С другой стороны, богатства и земли, пожалованные султаном, лишь в ограниченной мере наследовались сыновьями феодалов, что препятствовало появлению крупной наследственной земельной собственности.

Формирование и снабжение феодального войска производилось самими военными ленниками. Эти ленники, сипахи, за свою военную службу получали из государственного земельного фонда на правах условного владения большие и малые поместья (зеаметы и тимары) и имели право взимать в свою пользу определенную часть ренты-налога. Тимар – это поместье с размером дохода менее 3 тыс. акче (1 акче – это серебряная монета весом 1,15 грамма), а зеамет – это поместье с размером годового дохода от 3 до 100 тыс. акче. Однако, постоянно участвуя в походах, хозяйство они вели плохо, отдавали его на откуп управляющим, и сельское хозяйство империи постепенно приходило в упадок. Султан также раздавал большие поместья своим придворным и наместникам провинций. Доходы с них превышали 100 тыс. акче в год. Эти поместья назывались хассами, и сановники пользовались ими лишь до тех пор, пока занимали свой пост на определенных должностях. К частной феодальной собственности принадлежали земли феодалов, получавших за военные или государственные заслуги особые султанские грамоты на неограниченное право распоряжаться предоставляемыми имениями. Эта категория феодальной собственности на землю называлась «мюльк». Данные земли можно было продавать, дарить или передавать по наследству. Хотя количество мюльков постоянно возрастало, их удельный вес вплоть до конца XVI столетия был невелик. Обращение в мюльки тимаров и зеаметов уменьшало количество выставляемых воинов и подрывало мощь империи.

В царствование Сулеймана Великолепного, равно как и в правление его отца, владельцы тимаров, зеаметов и хассов обычн о жили в городах и в подавляющем большинстве не вели собственного хозяйства. Они собирали феодальные повинности с сидящих на земле крестьян с помощью управителей и сборщиков податей, а нередко и откупщиков, представлявших немусульманское население империи.

Вакуфные земли являлись собственностью мечетей и

различных мусульманских религиозных и благо творительных учреждений. С интересами духовенства султаны вынуждены были считаться, тем более что вакуфные земли нельзя было конфисковать.

Во времена Сулеймана Великолепного военно-ленная система еще не достигла той степени разложения, которая была бы опасной для военой мощи государства. Османы унаследовали данную систему от сельджуков. Она способствовала успехам турецкого оружия, начиная с царствования первого султана Османа I в конце XII – начале XIII века. Видный турецкий политический деятель и писатель XVII века Кочибей Гемюрджинский писал в своем трактате, что османское государство «саблей добыто и саблей только может быть поддержано». Эти слова абсолютно справедливы по отношению ко всем периодам истории Османской империи. Когда турецкая сабля затупилась и проржавела, Османская империя начала постепенно рушиться. Военная добыча, рабы, дань и налоги с завоеванных земель были в течение нескольких столетий главным средством обогащения турецких феодалов-воинов и их подчиненных, а также основой финансовых поступлений в имперский бюджет. Не случайно с конца XVII века, когда завоевания полностью прекратились и Османская империя начала постепенно сокращаться в размерах, ее стали сотрясать перманентные финансовые кризисы.

Военно-ленная система утрачивала свое прежнее значение с развитием товарно-денежных отношений. Займы (владельцы зеаметов) и тимариоты (владельцы тимаров) составляли, по выражению одного турецкого историка, «настоящую рать, сражавшуюся за веру и государство». Хотя турецкая пехота – янычары, а также значительная часть кавалерии состояли на постоянном государственном денежном жалованье, получение тимара оставалось заветной мечтой каждого офицера (а порой тимар могли получить и рядовые янычары, отличившиеся в сражении). Поскольку жалованье войскам выплачивали не всегда регулярно и в полном объеме, военная добыча оставалась важным источником дохода и для постоянного турецкого войска. Долго держать янычар в Стамбуле без войны было опасно: как показывал опыт, они легко могли взбунтоваться. Поэтому ведение завоевательных войн становилось для турецких султанов жизненно необходимым. Это прекрасно сознавал и Сулейман Великолепный после вступления на престол.

Крестьянская и городская райя – податное население Османской империи (термин «райя» только к немусульманскому населению страны стал применяться лишь с конца XVIII века) не

имело никаких политических прав и все сильнее эксплуатировалось займами и тимариотами. Крестьянство в Турции было прикреплено к своим земельным наделам еще в конце XV века. Во второй половине XVI века Сулейман Великолепный издал закон, окончательно прикрепивший крестьян к земле по всей территории Османской империи. В законе утверждалось, что райят обязан жить на земле того феодала, в реестр которого он вписан. В случае самовольного ухода крестьянина к другому феодалу прежний феодал мог вернуть его к себе в течение 10–15 лет и даже наложить на него штраф. На практике же крупные землевладельцы предпочитали крестьян не возвращать, ограничиваясь уплатой штрафа. Но продавать крестьян без земли запрещалось. Однако пока сипахи были заняты на войне, у крестьян изымалось не так много производимой продукции, и им вполне хватало на жизнь. Их хозяева во многом удовлетворялись военной добычей. В ведение крестьянского хозяйства тимариот не вмешивался, ограничиваясь взиманием фиксированного налога.

Характерно, что в отличие от европейских феодалов турецкое законодательство строго регламентировало величину ренты, которую тимариоты и займы могли взимать с крестьян, а также их отношения с крестьянами. Турецкие феодалы не пользовались, например, таким важным правом, как феодальная юрисдикция; их роль в управлении ленами была невелика, поскольку судебная и гражданская власть принадлежала кадиям.

При Сулеймане некоторое число христиан-ленников сохранялось только в недавно завоеванных венгерских и сербских землях, но к началу XVII века все они перешли в мусульманство.

Подавляющая часть земледельческого христианского населения Османской империи была прикреплена к земле и без разрешения феодалов или местных властей не могла покинуть своего надела. Законы Сулеймана Великолепного устанавливали 10—15-летний срок сыска беглых крестьян. Но в горных районах Балкан издавна было много скотоводческих христианских общинных поселений. Крестьяне-скотоводы по-прежнему уплачивали налоги с каждого дома, делали поставки скотом и продуктами скотоводства. Они, как правило, не передавались частным владельцам, поэтому их положение было значительно легче, чем положение земледельцев.

Земледельцы-мусульмане платили десятину (ашар), а христиане от 20 до 50 % урожая (харадж). Немусульмане (христиане и иудеи) платили еще подушную подать – джизью, которая позже слилась с хараджем, увеличив его размер до половины урожая.

Интересно, что крестьяне раньше, чем их хозяева, стали наследовать свои земельные участки. Однако уже в конце правления Сулеймана Великолепного в связи с прекращением завоеваний и отсутствием сколько-нибудь значительной военной добычи, а также в связи со все большей нуждой в денежных средствах сипахи повысили уровень эксплуатации крестьян.

Это вызвало недовольство и волнения райя. С другой стороны, отсутствие новых военных походов уже в конце XVI века вызвало мятежи расквартированных в Стамбуле янычар, которые в XVII–XVIII веках неоднократно свергали с престола султанов. Сильная турецкая армия, достигшая при Сулеймане зенита своего могущества, в дальнейшем стала могильщиком империи. Не в силах противостоять европейским армиям, она лишь усиливала внутреннюю смуту и противилась проведению необходимых для выживания страны реформ по европейскому образцу.

Феодалы все больше увлекались предметами роскоши из Европы, а вместо себя предпочитали посылать в походы наемных воинов. В конце XVI века перестал соблюдаться прежний запрет сосредоточения нескольких ленов у одного владельца. Появились крупные земельные владения, владельцы которых уже не имели отношения к военной службе. Также и султаны, начиная с Сулеймана Великолепного, раздавали своим фаворитам и наместникам провинций обширные поместья в наследственное владение. Большинство же тимариотов и займов, не способных эффективно вести хозяйство, не выдерживали конкуренции с крупными землевладельцами и постепенно разорялись, а значит, уже не могли сами выступать в поход и выставлять требуемое число воинов. Качество турецкой конницы падало, а пехоты – не улучшалось. Проживи Сулейман I еще десяток лет, он наверняка бы испытал уже горечь поражения. Но судьба хранила его от этого. При Сулеймане численность сипахов в войске достигала 200 тыс. человек, а к концу XVII века осталось лишь 20 тыс. Без мощной армии и флота империя не могла существовать, но само наращивание вооруженных сил разрушало экономику страны и неизбежно вело империю к кризису.

Пока в Европе уже в XVI веке бурно развивались рыночная экономика и банковское дело, экономика Турции оставалась главным образом натуральной и во многом патриархальной. Развивалась лишь государственная военная промышленность, причем функционировала она феодальным образом. Почти все промышленные товары закупались в Европе на средства, которые отнимались у тех же европейцев в ходе завоевательных войн. Но подобные завоевания не могли быть прочными. Как раз в середине XVI века основные торговые пути переместились из

Средиземного моря в Атлантику и северные моря. Заинтересованность европейских государств в торговле с Османской империей постоянно падала. Еще при Сулеймане Великолепном европейцы нередко предпочитали откупаться от турок, чем сражаться с ними. Но при его преемниках, по мере того как слабела Османская империя, она стала рассматриваться европейскими державами в качестве «больного человека Европы», объекта торгово-экономической эксплуатации и военно-политической экспансии.

Не благоприятствовали Турции и политические изменения, происшедшие в Европе в XVII веке. После того как австрийские Габсбурги проиграли Тридцатилетнюю войну, завершившуюся в 1648 году Вестфальским миром, они на время отказались от борьбы за гегемонию в Германии и сосредоточились на своих наследственных владениях, непосредственно граничивших с Османской империей. Кроме того, противостояние Габсбургской империи с Францией потеряло былую остроту. В результате турки стали терпеть поражения от австрийцев. А после катастрофы под Веной в 1683 году у османов осталась лишь тень былого величия, и их перестали считать серьезным военным противником, опасным для судеб европейских государств.

Вследствие содержащегося в Коране запрета на получение прибыли турки и другие мусульмане Османской империи не занимались торгово-финансовыми операциями. Последние целиком сосредоточились у представителей религиозных и этнических меньшинств: греков, армян, иудеев, французов, генуэзцев, венецианцев и других выходцев из итальянских государств. Таким образом, все те этнические и религиозные группы, которые были связаны с рыночной экономикой и экономическим прогрессом, напрямую не были связаны ни с имперским народом – турками, ни с османской идеей. Не были они заинтересованы и в дальнейших завоеваниях, равно как и в поражениях своих европейских контрагентов.

Султан Мехмед II Завоеватель, правивший в 1444–1446 и 1451–1481 годах, издал так называемый «братоубийственный закон», согласно которому новый султан получил право, но только с одобрения улемов (религиозных авторитетов), предавать смерти своих братьев как явных или потенциальных мятежников, чтобы сохранить единство Османской империи. Закон, безусловно, жестокий и варварский, что, впрочем, не помешало ему стать достаточно эффективным орудием сохранения государственного единства. Та идея, что «предпочтительнее потерять принца, чем провинцию», вероятно, вдохновляла Мехмеда II. Ведь любой из братьев наследника престола мог стать

его опасным конкурентом в момент смерти его отца-султана, тем более что четкий порядок престолонаследия так и не был определен и выбор наследника всецело зависел от выбора правящего султана, а его выбор мог неоднократно меняться на протяжении царствования. Бывало, что братьев наследника престола убивали еще до правления Мехмеда II, но случалось это относительно редко, причем обычно поводом служил открытый мятеж нетерпеливых претендентов на престол. Но уже в царствование покорителя Константинополя принцев начали уничтожать во все возрастающем количестве. Сам Мехмед II без колебаний умертвил двух своих братьев. Его сын Баязид II казнил своего племянника Огуза, сына знаменитого принца Джема, который после смерти Мехмеда II восстал против своего брата. После смерти Огуза Баязид II казнил и трех из своих сыновей – тех, что подняли против него восстание. Его сын и преемник Селим I, отец Сулеймана Великолепного, правивший в 1512–1521 годах, в первые несколько месяцев своего царствования казнил четверых племянников, двух братьев, а впоследствии и трех сыновей-мятежников. Сулейман Великолепный последовал примеру отца и умертвил племянника и двух внучатых племянников, а потом и двух своих сыновей вместе с внуками, поскольку они подняли мятеж. Мурад III убил пятерых братьев, а Мехмед III стал настоящим чемпионом, когда в 1595 году в день своего восшествия на престол уничтожил 19 своих братьев, опасаясь восстаний с их стороны. Он же ввел еще один жестокий обычай, по которому сыновьям и братьям султана не позволялось, как прежде, участвовать в управлении империей. Теперь принцев помещали в «золотую клетку» – «Кафес», специальный павильон на территории султанского гарема. Там их общение с внешним миром было весьма ограничено. С одной стороны, это предотвращало возможность заговора с их стороны. Но, с другой стороны, если такие принцы все-таки достигали престола, они имели очень специфический жизненный опыт, который только мешал им успешно править империей. Поэтому султаны все больше превращались в церемониальные фигуры, а реальная власть сосредотачивалась в руках великих визирей. Постепенно количество принцев, уничтоженных в профилактических целях, пошло на убыль. В XVII веке султан Мурад IV уничтожил всего лишь трех из оставшихся у него братьев. Тем не менее за время действия «братоубийственного закона» с начала XVI по конец XVII века было истреблено 60 принцев из правящей османской династии.

В целом характер применения «братоубийственного закона» целиком зависел от правящего султана. В случае, если принцы

действительно поднимали мятеж и после этого попадали в руки султана, пощады им, как и в прежние времена, не было. Но теперь султан получил право, пусть и по согласованию с улемами, казнить возможных претендентов на трон даже в том случае, если от них исходила лишь потенциальная угроза мятежа. В этом случае решение бывало чисто субъективным и зависело от личности султана, от степени его гуманизма и жестокости и от его взаимоотношений с данным конкретным принцем. Следует подчеркнуть, что Сулейман Великолепный данным законом вовсе не злоупотреблял и казнил своих сыновей за вполне реальные мятежи, а отнюдь не за одни только подозрения в намерении составить заговор против него. Другое дело, что принцы, над которыми висел дамоклов меч «братоубийственного закона», могли с отчаяния и страха действительно поднять мятеж, опасаясь, что насильственной смерти все равно не избежать, а так хотя бы появится шанс захватить престол.

Истребив соперников, султан мог царствовать, не опасаясь мятежей со стороны братьев и племянников, но оставались еще собственные сыновья. Чтобы нейтрализовать угрозу переворота с их стороны, султану необходимо было заручиться поддержкой янычар, которым преподносили по традиции, установленной Баязидом II, «дар радостного восхождения на престол», включавший в себя как подарки натурой, так и значительную денежную выплату каждому солдату и офицеру. Кроме того, обычно каждый султан поднимал размер ежемесячного жалованья янычарам, и Сулейман Великолепный здесь не стал исключением.

Взойдя на престол, султан предавался либо государственной деятельности и военным походам, либо любимым развлечениям и занятиям, оставив государственные дела на откуп дивана и великого визиря. Так, для Селима I и Сулеймана Великолепного главным занятием были военные походы, которые они сами возглавляли, а также дела государственного управления и дипломатия, но оба султана не были чужды поэзии и вдохновенно возводили монументальные здания. А вот для сына Сулеймана Великолепного Селима II главным было хорошо поесть и изрядно выпить. Мехмед III и Ибрагим I увлекались прежде всего сексуальными утехами с многочисленными наложницами; а для Мехмеда IV единственной страстью была охота. Между султанами XVI и XVII веков прослеживается достаточно четкое различие в плане основных увлечений. Большинство султанов XVI века главное свое внимание уделяли государственным делам, будучи искренне убеждены в величии стоящей перед ними миссии раздвинуть до последних пределов границы Османской империи и подчинить свою жизнь служению ее интересам. Эти султаны

лично занимались государственными делами, как военными, так и гражданскими, привлекали к делу государственного управления талантливых сановников, ставших хорошими министрами и выдающимися военачальниками и флотоводцами. Стамбул для Сулеймана Великолепного – это прежде всего деловой, военный и религиозный центр Османской империи. А вот для султанов XVII века на первый план вышли развлечения. Они пожинали плоды завоеваний и богатств, сделанных и накопленных предшественниками. Единственным заметным исключением здесь являлся Мурад IV, который во второй половине своего царствования проявил себя по-настоящему великим султаном, когда провел в 1630-е годы успешные войны против иранцев, венецианцев и донских казаков, лично предводительствуя войском. В то же время он отличался выдающейся жестокостью, казнив не менее 10 тыс. человек, в том числе при подавлении янычарских бунтов. Замечу, что ум и военный талант не мешали Мураду IV оставаться пьяницей и развратником.

Другие же султаны XVII века, бесхребетные, безвольные и безынициативные, отличались лишь обжорством, пьянством и похотью, а потому все время правления оставались под властью либо матерей, жен или наложниц, либо своих фаворитов-сановников. Они крайне редко покидали свой стамбульский дворец. Военные и государственные дела были им в тягость. Государством управляли султанские фавориты, а порой даже фавориты султанских фаворитов. Командование армией и флотом доверяли людям совершенно случайным и не обладавшим талантами полководцев и флотоводцев. Султанские фавориты и фаворитки без счета тратили казенные деньги. Неудивительно, что уже в XVII веке Османская империя терпела поражение за поражением на полях сухопутных сражений и в морских баталиях, и ее постоянно сотрясали мятежи и смуты как в столице, так и в провинциях.

Роль фактического главы турецкой армии с конца XVI века стал играть великий визирь, который непосредственно руководил военными походами. Правда, в XVI веке султаны Селим I и Сулейман, а в XVII – Мурад IV в некоторых особенно важных кампаниях возглавляли армию лично, но в XVII веке ни один султан, за исключением упомянутого Мурада IV, в сражениях больше не участвовал, даже за пределами зоны огня, предпочитая оставаться в Стамбуле.

Военная система османов была создана задолго до воцарения Сулеймана Великолепного, и надо признать, что он получил в наследство мощную и хорошо отлаженную военную машину. Еще

во второй половине XIV века, после завоевания большей части Балканского полуострова, османы, стремясь обеспечить рекрутами свою постоянно растущую армию и особенно пехоту, прибегли к системе «девширме», что в буквальном переводе с турецкого означает «собирание» или «подбирание». Система эта заключалась в том, что каждые три года или каждые семь лет в районах с христианским населением производилась мобилизация от одной до трех тысяч детей, подростков и юношей в возрасте от семи до двадцати лет в турецкую армию. Полностью оторванные от родителей и привычной социальной среды «подобранные» дети отправлялись в Анатолию, где их распределяли среди мусульманских семей. Там их обращали в ислам, обучали турецкому языку и турецким и мусульманским обычаям. В возрасте десяти-одиннадцати лет их направляли в воспитательные дома, которые размещались во дворцах Адрианополя (Эдирне), Галлиполи и в Стамбуле после его завоевания. Подростков теперь именовали «аджемиоглан», что означает «чужеземные мальчики». Большинство из них направляли в армию, в корпус янычаров, других определяли на службу султану в качестве пажей – «ичоглан». Во дворце перед этими новообращенными мусульманами открывались значительные возможности для карьеры, особенно если удавалось привлечь к себе внимание и добиться благосклонности султана, его жены или наложницы, а также одного из фаворитов. В случае удачи можно было выбиться в великие визири, хотя после этого удачливого фаворита мог ждать и присланный султаном шелковый шнурок. Самый яркий пример такого рода из царствования Сулеймана Великолепного – судьба Ибрагима-паши. Такие фавориты прекрасно помнили о том, что всем достигнутым они обязаны милости султана, и были безгранично преданны ему. В службе султану состоял смысл их жизни. Но фавориты чаще всего разделяли все достоинства и недостатки своего султана.

Сулейман Великолепный, лично наводивший порядок в государстве и хорошо разбиравшийся в людях, редко ошибался при выборе министров, военачальников, адмиралов. При нем продвижение по службе происходило благодаря реальным заслугам, а не протекции. Султаны же, погрязшие в разврате и пьянстве, обычно следовали рекомендациям своих жен и наложниц либо выдвигали на государственные посты своих любовников и собутыльников, порой совсем не приспособленных к управлению государством.

Несколько раз в неделю на территории сераля в особом здании под названием Куббеалты («шестикупольное») проходили заседания дивана (правительства), куда входили высшие

сановники Османской империи: великий визирь, который неофициально является главой правительства и отвечает за политические, административные и военные дела империи, в отсутствие султана являясь главнокомандующим армией; нишанджи, глава правительственной канцелярии; кадиаскеры Анатолии и Румелии, главные религиозные и юридические авторитеты соответственно европейских и азиатских провинций; дефтердар, министр финансов; и капудан-паша, великий адмирал. На заседаниях дивана председательствует великий визирь, а султан на них иногда лишь незримо присутствует, находясь в небольшой ложе, отделенной от зала заседаний решеткой, имея возможность в случае необходимости вмешаться в ход заседания. Такой порядок завел еще Мехмед Завоеватель. Из этого помещения было видно и слышно все, что происходит в зале заседаний, но члены дивана не могут видеть, находится ли в данный момент султан в своей ложе. Сулейман Великолепный, как его отец Селим I, лично контролировал течение государственных дел. Он определял повестку дня заседаний дивана, а великие визири действовали только в пределах полученных от султана директив.

Сулейман наделил великого визиря значительными полномочиями, фактически сделав его главой дивана и своим заместителем в государственных делах. Но ответственность за решение всех государственных вопросов, начиная от назначения пенсий и кончая объявлением войны и заключением мира, целиком осталась за султаном.

В царствование Сулеймана великий визирь, не имея официальной резиденции, располагался вместе со своим ведомством в одном из дворцов за пределами сераля.

Позднее султаны в подавляющем большинстве потеряли всякий интерес к заседаниям дивана, и реальная власть перешла к великим визирям, будучи ограничена только присланной им султаном удавкой.

Таким образом, к тому моменту, когда Сулейман Великолепный унаследовал трон, Османская империя все еще находилась на подъеме, и никто не думал о грядущем упадке. У молодого наследника не было соперников в борьбе за престол, зато были честолюбивые замыслы. Посмотрим, в каком состоянии оставил отец Сулеймана I Селим I Османскую державу.

Наследие Селима Грозного

Будущий султан Сулейман I Великолепный родился 6 ноября 1494 года в Трабзоне в семье султана Селима I и Айши Султан, дочери крымского хана Менгли I Гирея. О детстве и юности Сулеймана почти ничего не известно. Будущий великий завоеватель и законодатель получил образование в дворцовой школе в Стамбуле. По преданию, он большую часть юности провел за книгами и духовными занятиями, будучи правоверным мусульманином.

Сулейман получил также достаточный административный опыт в качестве губернатора нескольких провинций, но к моменту восшествия на престол не имел еще никакого военного опыта. До 1512 года он был беглербегом (наместником) султана в крымской Каффе, а потом занял тот же пост в Манисе (Магнесия).

Будущий султан сочетал в себе опыт и знания; будучи человеком действия, с сильным характером, не терпел противодействия своей воле. При этом Сулейман был человеком культурным и прирожденным дипломатом, умевшим усыплять бдительность своих внешнеполитических противников, а затем искусно закреплять свои завоевания в ходе мирных переговоров.

Для Сулеймана чрезвычайно важна была идея своего долга как «Предводителя правоверных». Если его отец, султан Селим I, считался покорителем Востока, то его сын мечтал о лаврах покорителя Запада. Сулейман рассчитывал превратить Средиземное море в Турецкое озеро, сокрушить две могущественные европейские империи, Испанскую и Германскую, и стать гегемоном в европейских делах. Но, конечно, о завоевании всего Европейского континента Сулейман даже не думал, понимая всю утопичность подобного проекта.

В Азии же Сулейман надеялся завершить дело своего отца и окончательно разобраться с Сефевидами. Тогда в исламском мире осталась бы только одна империя – Османская и только один духовный предводитель мусульман.

Отец Сулеймана считался одним из самых удачливых полководцев Османской империи и в то же время одним из самых кровавых турецких султанов. К концу XV века империя включала в себя Малую Азию, Сербию, Болгарию, Грецию, Албанию, Боснию, Герцеговину. Кроме того, ее вассалами являлись княжества Молдавия и Валахия и Крымское ханство. XVI столетие в истории Османской империи характеризуется непрерывными завоевательными войнами как на Западе, так и на Востоке. Начало им положил султан Селим I. Он не случайно получил

прозвище Грозный. По жестокости отец Сулеймана Великолепного не уступал русскому царю, имевшему то же прозвище, но жившему немного позднее. Селим по восшествии на престол приказал казнить всех родственников по мужской линии, которые могли бы стать его конкурентами. Да и его отец, султан Баязид II, добровольно отрекшийся от престола в пользу Селима, умер подозрительно быстро после отречения, всего через месяц, и вполне возможно, был отравлен по приказу сына.

В 1511–1512 годах Малая Азия была охвачена восстанием шиитов под предводительством шейха Шах-кулу (или Шайтанкулу). Тяжелые бои с мятежниками османским войскам пришлось вести в районах Сиваса и Кайсери. После подавления восстания Шах-кулу Селим в 1513 году устроил в Анатолии жестокую резню мусульман-шиитов, которых турки-сунниты считали еретиками и агентами иранского шаха. Было истреблено 40–45 тысяч человек в возрасте от 7 до 70 лет. В то время шииты составляли четыре пятых населения Малой Азии, и турецкий султан столь бесчеловечным образом очистил от них приграничные области, готовясь воевать с могущественным сефевидским шахом-шиитом Исмаилом I, владевшим Ираном, Ираком, Афганистаном и Средней Азией.

В 1518 году вспыхнуло новое крупное восстание в Малой Азии, на этот раз под руководством крестьянина Нур Али. Центром восстания были районы Карахисара и Никсара, оттуда оно распространилось до Амасьи и Токата. На этот раз поднялись как шииты, так и сунниты. Восставшие и здесь требовали отмены поборов и повинностей. После неоднократных боев с султанскими войсками восставшие рассеялись по деревням. Но вскоре новое восстание, возникнув в 1519 году в окрестностях Токата, в короткий срок охватило всю Центральную Анатолию. Количество восставших достигало 20 тыс. человек, но для регулярных войск его подавление не представляло труда. Руководителем этого восстания был шейх Джелал из Токата, в честь которого последующие восстания такого рода стали называться «джелали». Повстанцы взяли Карахисар и двинулись на Анкару. Селим послал против них янычар под командованием румелийского бейлербея, которые разбили мятежников под Акшехиром. Джелали из Токата попал в плен и был предан мучительной казни.

В мае 1514 года армия Селима вторглась в Иран. Племена кызылбашей, тюрок-шиитов, к которым принадлежал и шах Исмаил, отступали в глубь Ирана, применяя тактику выжженной земли, уничтожая запасы продовольствия, угоняя скот и отравляя колодцы. Однако Селиму удалось вынудить армию кызылбашей

23 августа принять битву в Восточной Анатолии. В этой битве при Чалдыране армия шаха Исмаила была разбита наголову, а сам шах едва спасся бегством. Армия Селима I насчитывала около 60 тыс. человек. Ее основную часть составляли регулярные войска: пехотинцы-янычары и сипахи-кавалеристы. Турецкая пехота была вооружена огнестрельным оружием и имела сильную артиллерию. Иранская армия насчитывала около 50 тыс. человек, но состояла главным образом из конного ополчения тюркских племен. Она не имела пехоты и почти не имела огнестрельного оружия.

Бой начался атакой янычар, которых, однако, остановила и обратила в бегство контратака тяжелой кавалерии кызылбашей – джангеваров. Джангеваров, в свою очередь, атаковали сипахи, но также были отбиты. Шах Исмаил бросил в атаку также легкую кавалерию. Но когда его всадники приблизились на дистанцию артиллерийского огня, их передовые ряды были буквально сметены с лица земли. Стало ясно, что отступление янычар и сипахов было лишь заранее подготовленным маневром, призванным заманить кызылбашей в ловушку. Иранская армия бежала с поля боя во главе с шахом, потеряв убитыми до 5 тыс. человек, но сохранив основные силы. Турецкие потери, по некоторым оценкам, составили около 2 тыс. убитых. Кызылбаши вынуждены были уйти из Анатолии, а столица империи Сефевидов была перенесена из приграничного Тебриза, в который через две недели после битвы вступили османские войска, в Казвин. Захватив Тебриз, Селим I вывез оттуда громадную военную добычу, в том числе всю казну шаха Исмаила, а также отправил в Стамбул тысячу лучших иранских мастеров для обслуживания нужд своего двора. Иранские мастера основали производство в Турции цветной керамики. Однако из Тебриза войска Селима ушли, опасаясь суровой зимы. С собой они захватили гарем и казну шаха Исмаила. Однако после ухода турок иранский властитель отвоевал Юго-Восточную Анатолию и посадил турецкий гарнизон в Диярбакыре.

В начале 1515 года в Амасье вспыхнул бунт янычар, не желавших участвовать в новом походе против Ирана и сражаться против единоверцев-мусульман. После его подавления Селим завоевал княжество Эльбистан на юге Анатолии, полностью истребив правящую династию, и освободил от осады Диярбакыр. Иранская армия была вновь разбита при Кочхисаре. Союзные туркам курдские отряды заняли Месопотамию (Ирак).

В августе 1516 года армия Селима вторглась во владения египетских мамлюков. 5 августа она перешла границу. Султан мамлюков Кансух аль-Гури с 60-тысячной армией (в том числе

12–15 тыс. мамлюков) занял позицию к северу от Халеба (Алеппо). 24 августа на Дабикском поле (Меердж-Дабик) состоялось решающее сражение.

Мамлюки были сильны своей тяжелой кавалерией, считавшейся лучшей на Ближнем Востоке. Но ручного огнестрельного оружия и пушек в войске мамлюков было мало. Учитывая это, Селим разместил пехоту и артиллерию таким образом, чтобы они могли быстро укрыться за рядами связанных телег и древесными завалами. Оттуда они могли безопасно обстреливать противника.

В начале боя мамлюки легко отбили атаку синахской конницы, но атаки знаменитой конницы мамлюков разбились об огонь османской артиллерии и пехоты, укрывшейся за вагенбургом. Султан Египта Кансух аль-Гури погиб в битве. По одной из версий, он покончил с собой. Египетский историк XVI века Ибн Ийас Мухаммед так писал о гибели Кансуха аль-Гури: «Говорят, что, убедившись в поражении, он принял яд из перстня, который всегда был при нем, и, когда яд проник внутрь, он потерял сознание, упал с лошади и умер в одночасье».

В сентябре Селим занял Сирию, а к концу ноября – всю Палестину. В Сирии Селим I вчетверо снизил налоги и торговые пошлины, что привлекло на его сторону местное арабское население.

Новый султан Египта Туман-бей, племянник Кансуха альГури, отправил в Палестину 10-тысячный отряд, который был разбит 25 декабря 1516 года при Бейсане. В январе 1517 года османы вторглись в Египет и взяли Каир, вынудив Туман-бея бежать. 22 января 1517 года произошло сражение при Риданийи. В ходе артиллерийской дуэли османы быстро подавили египетские батареи, разбив большинство неприятельских пушек, так как в 40-тысячном войске мамлюков не было хороших артиллеристов. Селим окружил противника. Туман-бей с остатками армии бежал. Но через несколько дней вернулся и с небольшим войском попытался отбить Каир. Османы в ходе боя с Туман-беем убили до 50 тысяч мирных жителей, а после отступления Туман-бея Селим приказал обезглавить 800 мамлюкских беев, взятых в заложники. Туман-бей ушел в дельту Нила, где вскоре был схвачен египетскими бедуинами и выдан Селиму, который торжественно повесил незадачливого султана 13 апреля 1517 года под аркой ворот Каира. Из египетской столицы Селим вывез драгоценную утварь и казну мамлюков. В том же месяце турецкому султану прислали ключи от Медины и Мекки, весь Хиджаз признал его своим повелителем, равно как и Йемен, незадолго перед войной с османами захваченный мамлюками.

С мамлюками Селим стремился поладить. Из них он создал «корпус черкесов» («Джамаат аль-джеракис»). Мамлюкам вернули оружие и стали платить жалованье. В Диярбекире, Халебе (Алеппо), Мосуле и Дамаске Селим разместил янычарские гарнизоны. Но в Египте он янычар не оставил.

В 1518 году Селим I заключил мир с Венгерским королевством, признав существующие границы на Балканах. В том же году османским вассалом стал адмирал магрибских пиратов Хайреддин Барбаросса, благодаря чему турки получили сильный флот на Средиземном море. Селим I пожаловал Барбароссу титулом бейлербея Джезаир-и Гарп (Западного Алжира), прислал ему соответствующий фирман и знаки достоинства: саблю, бунчук и барабан. Барбаросса стал чеканить монету со своим именем. Что еще важнее, он получил турецкие пушки, мушкеты и другое оружие, а также разрешение вести набор добровольцев для службы в Алжире от имени султана. Этим добровольцам были дарованы права и привилегии янычар. Вскоре в Алжир прибыли первые 4 тыс. добровольцев-муджахидов (борцов за веру).

До сих пор среди историков не утихают споры, был ли Хайреддин Барбаросса обыкновенным пиратом и грабителем, которого интересовала только добыча, или перед нами великий адмирал, чья слава сравнима со славой сэра Фрэнсиса Дрейка, выдающегося британского флотоводца и корсара. Вероятно, ближе к истине вторая версия. Вряд ли простой пират-грабитель смог бы завоевать для Османской империи господство на Средиземном море и неоднократно побеждать именитых европейских адмиралов.

Барбаросса стал настоящим создателем османского флота. И до сих пор, по традиции, при прохождении караванов судов через Босфор в его честь салютует пушка. Таких великих адмиралов у турок больше никогда не было.

Барбаросса родился в 1466 году на Лесбосе в семье бывшего офицера янычарского корпуса, вышедшего в отставку, и гречанки, вдовы православного священника по имени Катерина. Отец вскоре умер, и семья осталась без средств к существованию. Хайреддин начал зарабатывать на жизнь гончарным делом, благо отец оставил ему в наследство небольшую гончарную мастерскую. Но скоро это сугубо мирное занятие ему наскучило, хотя кусок хлеба, да еще и с маслом, гончарный промысел давал. И Хайреддин присоединился к пиратам, среди которых уже был его брат Арудж. Братья совершали лихие налеты на испанское и североафриканское побережье. Но Арудж вскоре умер, и алжирских пиратов возглавил Хайреддин.

Османской империи как раз нужен был могущественный флот, чтобы господствовать в Средиземноморье. Можно сказать, что Селим Грозный, а потом Сулейман Великолепный и Хайреддин Барбаросса нашли друг друга. Сулейман стал субсидировать пиратов Барбароссы и строить для них хорошие корабли в Измире. В качестве команд туда набирали бродяг и авантюристов из всех стран, причем преобладали христиане – итальянцы, греки, датчане, норвежцы. Многие из них, достаточно равнодушно относясь к вопросам веры, охотно принимали ислам. Они искренне называли себя мусульманами, однако пили вино в большом количестве, а во время успешных походов набирали много невольниц, которых нередко делали своими женами или продавали как рабынь на рынке.

В начале 1520 года шах Исмаил поддержал восстание кызылбашей в Анатолии, которых возглавил Шах-вели. Селим предпринял новый поход и разбил мятежников в центральной и северо-центральной Малой Азии. Шах-вели был казнен, его тело было публично расчленено, чтобы запугать его сторонников и всех потенциальных бунтовщиков.

Так, более чем удвоив территорию Османской империи, создав современную артиллерию и обеспечив империю мощным флотом, Селим I создал все условия для продолжения завоеваний.

Таким образом, отец оставил Сулейману империю, можно сказать, в превосходном состоянии. Под контролем османов оказалась большая часть восточного побережья Средиземного моря, они захватили удобные позиции для продолжения войны с Ираном. Многочисленная армия была оснащена самым современным огнестрельным оружием и в этом отношении превосходила все соседние государства. Ее ядро составляли профессиональные пехота и конница, подкрепленные конным ополчением. Что еще важнее, в конце своего царствования Селим успел обрести мощный флот, хотя так и не использовал его в сражениях. А поскольку братьев у Сулеймана не было, ему не пришлось в самом начале царствования вести междоусобную борьбу за престол. В этом отношении ему чрезвычайно повезло. Предшественники Сулеймана, в том числе его отец, равно как и многие преемники, вынуждены были прокладывать дорогу к трону по трупам своих менее удачливых братьев и племянников. Он имел возможность бросить все силы для новых завоеваний. Можно сказать, что Сулейман пришел на готовенькое. Но нельзя не признать, что он достаточно эффективно распорядился доставшимся ему наследством.

Восшествие на престол

Когда 22 сентября 1520 года в возрасте 54 лет от чумы в городе Эдирне скончался его отец султан Селим I, готовивший экспедиции на остров Родос и в Индию, Сулейман был беглербегом в Манисе (Магнесия), провинции на юго-западе Малой Азии. Это была традиционная должность для наследника престола.

Армия всецело подчинилась новому султану, и никаких мятежей не вспыхнуло ни на Балканах, ни в Малой Азии.

Единственным неприятным исключением стала только что присоединенная Сирия. Бедуины и мамлюкская знать подняли мятеж, отказавшись присягать новому султану. Они мечтали о возрождении мамлюкского государства. Мятеж возглавил сам правитель Сирии Джанберди аль-Газали. Он провозгласил отделение Сирии от Османской империи 31 октября 1520 года. Мамлюки истребили турецкий гарнизон в Дамаске и изгнали турок из Бейрута, Триполи и других городов.

Однако мятеж этот не получил широкой поддержки. Египетские мамлюки не встали на сторону своих сирийских собратьев, а арабское крестьянство и горожане Сирии держали нейтралитет. К мятежникам присоединились только друзы, а также бедуины Джебель-Наблуса. Иоаннитские рыцари прислали с Родоса пушки, но они восставшим не помогли.

27 января 1521 года в сражении при Мастабе близ Дамаска войско мамлюков было разгромлено, а Джанберди аль-Газали, переодевшись дервишем, бежал, но был схвачен и 6 февраля казнен.

Когда Сулейман взошел на престол, многие в Европе вздохнули с облегчением. Папа римский даже повелел читать благодарственные молитвы. Ведь Селим Грозный умер в тот момент, когда собирался обрушить мощь своей армии на Европу.

Венецианский посланник Бартоломео Контарини через несколько дней после восхождения Сулеймана на престол так писал о новом султане: «Ему не более двадцати пяти лет, он высокий, крепкий, с приятным выражением лица. Его шея немного длиннее обычной, лицо тонкое, нос орлиный. У него пробиваются усы и небольшая бородка; тем не менее выражение лица приятное, хотя кожа чересчур бледная. О нем говорят, что он мудрый повелитель, любящий учение, и все люди надеются, что он будет править справедливо».

Когда епископ Ночерский, итальянский историк и придворный врач римских пап Паоло Джовио сравнил различные

донесения из Константинополя, он сделал следующий прогноз: «Все согласны с тем, что свирепому льву наследовал мягкий ягненок… Сулейман молод, неопытен и во всяком случае отличается спокойным нравом».

Как же ошибались почти все современники! Только кардинал Уолси сказал о Сулеймане послу Венеции при дворе короля Генриха VIII: «Этому султану Сулейману двадцать шесть лет, он не лишен и здравого смысла; следует опасаться, что он будет действовать так же, как его отец». В новом султане кардинал увидел прежде всего завоевателя, продолжателя дела своего отца, который первым превратил Османскую империю в гегемона Средиземноморского региона. И Уолси, к несчастью для Европы, не ошибся.

Начало правления Сулеймана было весьма либеральным. Он освободил несколько сотен знатных египетских семей, которые Селим I держал в заключении. Для будущих войн султану нужны были не рабы, а союзники среди покоренных народов. Сулейман также вернул конфискованные имения многим турецким феодалам, чтобы они могли выставлять воинов для новых войн.

Сулейман отменил запрет на ввоз персидских товаров, поскольку пока хотел сохранить мир с Персией, и казнил нескольких преступников.

В то же время с первых дней царствования новый султан мечтал о мировом господстве. Подобно Александру Македонскому, Сулейман хотел объединить в одной империи народы Востока и Запада, но под знаменем мусульманской религии.

В международной политике первым шагом Сулеймана Великолепного стало предложение Венгрии о выплате дани в обмен на завершение набегов. Однако венгры ответили отказом, да еще неподобающим образом обошлись с османским послом. По одной из версий, впрочем, кажущейся малодостоверной, послу султана венгры отрезали нос и уши и отправили обратно, что формально и послужило поводом к новой войне. По другой версии, посол был брошен в тюрьму, но нос и уши его остались в целости и сохранности, по третьей версии, ему просто отрубили голову, а по четвертой, представляющейся наиболее вероятной, посол целым и невредимым вернулся к султану с сообщением об отказе венгров выплатить дань. Сам этот отказ давал Сулейману желанный предлог для войны. Покорение Венгрии должно было обеспечить османам контроль над значительной частью Дуная – важного торгового пути средневековой Европы – и обеспечить плацдарм для дальнейших завоеваний в Центральной Европе.

Войны и завоевания. Первый поход против Венгрии

Сулейман Великолепный унаследовал от отца Селима I хорошо организованную и многочисленную армию. Ему удалось поднять военную мощь Османской империи на невиданную прежде высоту. По некоторым оценкам, турецкая армия в период его правления достигала 150–200 тыс. человек. В 1514 году на жалованье состояло 10 156 янычар и 5088 всадников корпуса капыкулу, а в 1567 году, через год после кончины Сулеймана Великолепного, их число возросло до 12 798. Янычары были одеты в синие суконные кафтаны и шаровары, в кожаные башмаки, на голове была желтая феска, а подпоясывались такого же цвета поясным шарфом. Вооружение состояло из мушкета, боевого топора, который мог также использоваться как метательное оружие, и сабли. Во времена Сулеймана Великолепного янычары также были вооружены ятаганами (холодным оружием с длинным однолезвийным клинком, имеющим двойной изгиб), стальными дротиками или короткими, с упругой тетивой, турецкими луками.

Копий, в отличие от европейской пехоты, турецкие пехотинцы не использовали или использовали сравнительно мало. В ходе египетского похода в 1523 году из 12 тыс. янычар лишь 3–4 тыс. были вооружены древковым оружием. В битве при Мохаче построенные в 9 шеренг янычары непрерывным огнем из тюфенков расстроили атаки венгерской конницы, после чего венгры были опрокинуты османской конницей. В венгерской кампании 1532 года из 10 тыс. янычар уже 9 тыс. были вооружены тюфенками, и только 1 тыс. – копьями.

Султан всегда был окружен подразделением личной охраны, состоявшим из стражников-солаков. Это были опытные ветераны янычарского корпуса. Они по ночам занимали посты недалеко от шатра султана. В походе его сопровождали еще курьеры (пейки), которые доставляли его послания во все концы империи. Янычары и другая османская пехота, не имевшая, как правило, доспехов, были уязвимы как от огня неприятельских стрелков, так и от атак вражеской конницы. Поэтому, сохранив основу своей привычной и испытанной тактики, прагматичные турецкие военачальники усовершенствовали ее с учетом тех технических новинок, которые заимствовали у соседей. Они научились быстро возводить дерево-земляные укрепления на поле боя, стали прибегать к использованию деревянных ростовых щитов-чапаров

и вагенбургов. Турки издавна использовали лагерь-табор в форме поставленных в круг обычных повозок для обороны, а практика европейских армий, в частности чеховгуситов, позволила усовершенствовать эти защитные сооружения. Без надежной защиты янычары и подкреплявшие их секбаны-тюфенгчи (стрелки), вооруженные медленно заряжавшимися и недостаточно меткими фитильными ружьями, не всегда могли отразить натиск тяжелой конницы. Поэтому турецкие военачальники стали применять оснащенные малокалиберной артиллерией боевые повозки, которые первыми использовали воины-гуситы и чешские наемники в венгерской армии.

Армия Сулеймана состояла из пехоты, артиллерии, кавалерии и обоза. Пехота была основным родом войск и состояла главным образом из янычар. Их начальник – ага янычар – пользовался значительным влиянием при дворе. Он также возглавлял полицию Стамбула, за исключением территорий дворца, Святой Софии и Ипподрома, которыми ведала полиция под руководством джебеджибаши, шефа оружейников. А бостанджибаши, глава садовников сераля, а фактически шеф телохранителей султана, осуществлял охрану всех султанских резиденций.

Янычары получали государственное жалованье и комплектовались из христианских юношей, которых в возрасте 7—12 лет помещали в казармы и воспитывали в духе мусульманского фанатизма в турецких семьях в Анатолии, а потом в училищах в Стамбуле или Эдирне (Адрианополе).

Корпус янычар в мирное время дислоцировался в Стамбуле. Командующий кавалерией сипахи-ага имел гораздо меньшее влияние, чем ага янычар.

Артиллерией командовал топчу-баши. Янычары были главной ударной силой армии султана, а также использовались в качестве гарнизонной охраны в важнейших городах и крепостях империи, прежде всего на Балканском полуострове и в арабских странах, где всегда существовала опасность вооруженного восстания местных племен и народов.

В Стамбуле были построены две крупные мастерские, Топхане и Джебхане, работавшие на султанские арсеналы. Месторождения медных руд позволяли лить пушки из меди, которые гораздо реже разрывало при выстреле, чем чугунные орудия, преобладавшие в Европе.

Постоянное войско султана (оджак) составляли янычары (пехота), сипахи (кавалерия), топчу (артиллеристы), топарабаджи (транспорт), джебеджи (оружейники).

Все янычары воспитывались в духе мусульманского

фанатизма и считались дервишами ордена бекташиев; вплоть до XVI века им запрещалось вступать в брак, но при Сулеймане Великолепном у них уже было право иметь семьи и имущество.

Янычары делились на 229 орт, а орта – на оды. Ода – это число солдат, размещенных в одной комнате казармы и питающихся из одного котла (казана), который был одним из символов янычар. В Стамбуле была дислоцирована примерно треть янычарского корпуса – 77 орт, насчитывавших во времена Сулеймана Великолепного 4 тыс. человек. В столице также дислоцировалось 1500 кавалеристов.

В мирное время янычары не носили своего обычного оружия, а только дубину и нож.

Вот описание жизни янычар, относящееся уже к XVII веку: «Все это воинство проживает в казармах, включающих в себя значительное число комнат. В каждой комнате имеется свой командир, свой казначей (эконом), свой водонос. Помимо обычного жалованья император ежегодно одаряет каждого янычара полукафтаном из отменного сукна, которое производится в Салониках, и ежедневно велит их потчевать рисом с мясом, а также кормить хлебом…»

Пили янычары бузу – напиток из ячменя и проса, напоминающий пиво.

В Стамбуле существовал специальный склад сукна, предназначенного для обмундирования янычар. Там хранилось синее сукно из Салоник. Один раз в год, в Ночь предопределения (Кадир геджези), янычары приходили в это хранилище и получали 10 аршин сукна и по отрезу муслина – на тюрбаны и рубахи. Кафтаны, тюрбаны и рубахи шили для янычар государственные портные и шляпники.

На год янычарам полагался всего один комплект одежды, который они должны были сами стирать и чистить. На карманные расходы им выдавались мелкие серебряные деньги, на которые приходилось ежедневно покупать суп и хлеб. За необходимость подчиняться суровой дисциплине во время пребывания в турецких городах и постоянные и утомительные военные упражнения янычары надеялись с лихвой вознаградить себя грабежом во время войн. Рассчитывали они и на султанское вознаграждение за отличие в боях.

Сулейман перед началом очередной военной кампании стал призывать под знамена конных и пеших добровольцев, вооруженных огнестрельным оружием – тюфенгчи. Позднее их стали именовать секбанами. Перед началом кампании султан рассылал местным властям соответствующий указ, в котором определялся порядок набора отрядов добровольцев – секбан

булюклери, их вооружение и срок службы. В указе определялся также размер подъемных (бакшиш), который получал каждый завербовавшийся, и размер жалованья, выдававшегося авансом на весь срок службы. Губернатор (бейлербей), получив такой указ, выбирал опытных капитанов – булюк-баши, которые должны были набирать и командовать отдельными отрядами конных или пеших секбанов (организованные по десятичному принципу, они, как правило, имели по 50 или 100 воинов). Над булюк-баши ставился их начальник – баш булюк-баши, командовавший всеми отрядами секбанов в санджаке или бейлербейлике. Булюк-баши, по сути, были кадровыми офицерами, а секбаны имели славу хороших стрелков.

Во времена Сулеймана у турок была возможность покупать или производить самим сравнительно дешевое огнестрельное оружие. Так, фитильный мушкет турецкого производства стоил в конце XVI века от 300 до 600 акче, что было в 2–3 раза меньше, чем хороший конь. Отряды наемников-левендов, вооруженных огнестрельным оружием, к концу XVI века, как отмечает ведущий современный турецкий историк Халил Иналджик, не просто стали «одним из наиболее эффективных родов войск османской армии», но смогли существенно потеснить традиционные воинские формирования, даже тимариотскую конницу. Последнюю составляли тимариоты, держатели тимара – военного лена, за который они обязаны были нести военную службу султану, формируя тяжеловооруженное конное ополчение. Каждый тимариот или займ должен был выставить одного джебели (конного воина) на каждые 3 тыс. акче дохода, а средний доход с одного тимара в XVI веке составлял около 20 тыс. акче. Как писал в своем трактате «Асаф-наме» великий визирь султана Сулеймана Великолепного Лютфи-паша, «имеющий тимар в шесть тысяч акче выставляет двух джебели, а тимар в десять тысяч акче – трех джебели. С зеамета в двадцать тысяч акче его владелец выставляет четырех джебели». По переписи 1525 года, тимариотами числились 37 818 человек (очевидно, вместе с выставляемыми ими джебели).

Сипахами называлась та часть тимариотов, которая входила в постоянный султанский корпус. Они носили тюрбанные шлемы с бармицами и защитой лица. Сипахи носили и иные типы шлемов, например, шишаки. С XVI века в качестве защитного вооружения получили распространение карацены (чешуйчатые броневые доспехи). В бою сипахи использовали щиты-калканы, а с появлением огнестрельного оружия – аркебузы и сабли.

В случае уклонения сипаха от участия в военных действиях его тимар передавался в казну. После смерти сипаха доход мог

оставаться за его семьей, если сын или другой ближайший родственник продолжал его дело.

Достойных мест в государственной иерархии в Османской империи XVI века можно было добиться только благодаря собственным способностям. В отличие от Европы родственные связи здесь в то время были бессильны. Постоянный отбор людей, способных к государственной службе, распространялся даже на янычар. По закону, сыновья янычар не могли претендовать на особое право вступать в их боевое братство. Первоначально янычары не должны были даже заводить семьи, хотя многие из них делали это тем или иным способом. Сулейман постарался облегчить участь янычар, разрешив им брать жен. Но после этого пришлось снять препоны на прием в янычары сыновей тех, кто состоял в братстве. Корпус янычар постепенно превращался в своего рода военных поселенцев, которые уже при ближайших преемниках Сулеймана больше занимались хозяйством, а не военной подготовкой, и стремились не к новым походам, а к тому, чтобы подольше задержаться в Стамбуле, чтобы получить щедрые выплаты от султанов и их фаворитов, а при случае поучаствовать в свержении очередного султана за щедрое вознаграждение, в том числе земельными пожалованиями, в случае успеха.

Чиновники пытались помогать своим родственникам, но были очень ограничены в этом законом. По закону чиновник, например талантливый дефтердар, казначей Мехмет Челеби, не мог назначать родственников на должности в сфере своей административной власти. Челеби мог взять к себе в помощники Соколлу, хорвата, окончившего закрытую школу, но не собственного сына. Среди турок не допускался непотизм. Даже сам султан не мог принять на государственную службу родственника. Его сестры и дочери отдавались в жены выдающимся деятелям, которым не разрешалось иметь жен, в жилах не текла султанская кровь. Мужчинам от таких браков разрешалось служить в государственных учреждениях или простыми армейскими офицерами, хотя обычай запрещал им претендовать на высшие государственные посты, чтобы между ними не возникало конфликтов по поводу наследования таких постов. Этот неписаный закон неукоснительно соблюдался. Например, дети Ибрагима-паши не могли рассчитывать на то, чтобы приблизиться к трону при содействии отца.

С 1533 года вдоль венгерской границы была учреждена новая система тимаров. В отличие от прежней теперь сипахи вместо проживания в имениях обязаны были нести постоянную службу в пограничных стратегически важных городах совместно с воинами

местных гарнизонов.

С самого начала своего правления Сулейман увеличил регулярную армию, численность янычар и сипахов. Ко времени его смерти всего жалованье из государственной казны получали 48 316 солдат, причем это жалованье было удвоено сразу после того, как Сулеймана «опоясали мечом Османа», т. е. он вступил на престол.

Сулейман преобразил корпус янычар, которые до него больше напоминали нищих монахов-дервишей. Он ослабил для них аскетические ограничения, позволив употреблять более разнообразную пищу. Сулейман разрешил янычарам вступать в брак, а также позволил рекрутировать в янычарский корпус турок.

Что же касается личных заслуг султана в военной сфере как полководца, то, как это ни парадоксально, они состояли, как представляется, прежде всего в том, что он не давал совершать армии. Начиная с Родоса и кончая Мальтой, в течение сорока четырех лет Сулейман не разрешал аскерам предпринимать карательные операции, удерживал их от неоправданных реквизиций зерна у земледельцев стран, где велись военные действия, не позволял очертя голову преследовать врага, понимая, что его войско тогда может угодить в засаду. На европейском театре Сулейман также никогда не увлекался осадами крепостей, в любом случае завершая их до наступления холодов. Он прекрасно сознавал, что для не приспособленной к ведению боевых действий в осенне-зимний период в Европе турецкой армии зимняя осада может обернуться катастрофой.

Дважды в условиях приближавшейся зимы, находясь на значительном расстоянии от Турции, Сулейман Великолепный выводил армию из горных местностей в Европе и иранском Азербайджане, где были сосредоточены вражеские армии. Султан благополучно довел армию из Вены в Константинополь, из Тебриза – в Багдад. Для Наполеона в Москве подобная операция оказалась непосильной и в итоге закончилась гибелью «Великой армии».

По свидетельству османских писателей, только под началом румелийского губернатора-вали, согласно реестрам, состояло 12 тыс. сипахов и 18 тыс. выставляемых ими джебели, не считая сверхштатных. А по словам Кочибея Гёмюрджинского, «для того чтобы дать отпор немецкому королю, волею Всевышнего, достаточно было одного только румелийского войска…».

Несмотря на появление и активное использование османами огнестрельного оружия, луки и арбалеты сохранялись на вооружении вплоть до середины XVII века, но лишь как

вспомогательное оружие. Хотя фитильная аркебуза (но, конечно, не мушкет) уступала луку и в скорострельности, и в дальности прицельного выстрела, и в определенной степени в бронебойности. Численность артиллерии османской армии в 1567 году составляла 2671 человек, а тяжелая конница султанского корпуса капыкулу – 6964 всадника. Огнестрельное оружие османы позаимствовали у европейцев всего лишь через какие-нибудь 30 лет после его появления в Европе.

В соответствии с древней кочевнической традицией большое султанское войско делилось на 5 «корпусов». Как писал османский историк Хюсейн Хезарфенн, «армию от 4000 до 12 000 человек называют «харар», а еще ее называют «хамис». Название «хамис» (пять) используют потому, что она имеет пять основных частей: центр (сердце) – это место, где находится падишах; «меймэне» – так называют правое крыло армии, «мейсэре» – так называют левое крыло армии; «талиая» – это название авангарда, являющегося боевым дозором; имеется также «дондар» (арьергард)…».

Хюсейн Хезарфенн, давая султану советы относительно организации военных действий, особо отмечал, что наряду с выбором грамотного, толкового военачальника «прежде всего необходимы меры по обеспечению войск съестными припасами и фуражом, чтобы не остаться голодными и без воды». Однако на практике именно логистика (снабжение) оставалась ахиллесовой пятой османской армии, резко ограничивая ее возможности вести боевые действия в суровых погодных условиях.

Для подготовки очередной военной кампании считалось необходимым заготовить продовольствие и фураж только на шесть дней похода. Дальше, как предполагалось, войска будут снабжаться за счет местного населения. Но это дальнейшее снабжение целиком зависело от того, насколько населенной является территория, по которой предстоит пройти османскому войску, и есть ли там в достаточном количестве подножный корм для лошадей и других животных. Поэтому передвижение по малонаселенной, пустынной или предварительно разоренной врагом местности совершалось крайне медленно и вело к большим потерям людей и животных. А вот запас ядер, пороха, фитиля и прочих боеприпасов сразу же брали с собой из Стамбула в расчете на всю предстоящую кампанию, поскольку было понятно, что пополнить его во время похода, а тем более во время ведения боевых действий уже не удастся. Подробнейший перечень военных материалов, необходимых в походе, приводит, например, все тот же Хюсейн Хезарфенн в своем описании подготовки султанской армии к кампании 1594 года. Помимо

разнообразного оружия, как холодного, так и огнестрельного, и свинца для пуль, необходимо было взять порох в количестве 5000 кантаров (примерно 275 тонн), ватную нить для ружейных фитилей в количестве 200 кантаров (примерно 11 тонн), веревки, 5000 лопат, 400 топоров и заступов, пилы, плотницкий инструмент, запасную упряжь, бумагу, серу, воск, масло минеральное и растительное, клей, запасные колеса и оси, цепи, доски, дрова и т. д.

Турецкий писатель XVII века Кочибей Гёмюрджинский в своем трактате напоминал султану, что «с правой стороны вашей ходят отряды слуг ваших сипахиев под красным знаменем, а слева от вас идут отряды силяхдаров под серым знаменем. Впереди шествуют слуги ваши – янычарская пехота в 20 000 ружей. С одного крыла идет румелийский бейлербей с 30 000 румелийского войска и их знаменами, анатолийский бейлербей с 15 000 анатолийских войск, а с другого крыла сивасский бейлербей, караманский бейлербей, диарбекирский бейлербей, эрзурумский бейлербей, халебский бейлербей, сирийский бейлербей вместе с санджак-беями, которые сами в счет не идут. Мой могущественный повелитель находится в центре, а позади него «ич-огланы», знаменосцы и музыканты…».

Примерно таким же был боевой порядок турецкого войска и во времена Сулеймана Великолепного. По средневековой традиции, сражение начинали застрельщики и поединщики. «Сердце» войска составляли янычары. Их первую тысячу сформировал внук Османа султан Мурад I, царствовавший в 1362–1389 годах. В дальнейшем отряды янычар были дополнены подразделениями конных воинов-сипахов (алты белюк халкы), артиллеристов (топчу оджагы), оружейников-джебеджи и обслуживающего персонала, образовав корпус капыкулу – султанской гвардии, постоянного войска, полностью находившегося на содержании султана. Буквальный перевод слова «капыкулу» – «рабы двора», что совсем не значит, что янычары и другие воины находились в рабском подневольном состоянии.

Главной целью жизни янычар и других солдат постоянного войска провозглашалась война против неверных, а основным занятием в мирное время были военные упражнения и маневры.

К моменту воцарения Сулеймана Великолепного, помимо корпуса капыкулу и тимариотской милиции, существовали полупрофессиональное пешее и конное поселенческое войско (яя ве мюселлем), отряды конных добровольцев-акынджи, дружины уджбеев, пешее ополчение – азапы, отряды кочевников-юрюков и воинские контингенты, выставляемые христианскими вассалами

султана, – войнуки, мартолозы и др. Войско яя ве мюселлем набиралось из числа свободных тюрок-общинников, освобожденных в мирное время от уплаты налогов и трудившихся на своих участках земли (чифтликах). В военное время эти воины, помимо военной добычи, получали небольшое жалованье. Азапы, пешие ополченцы, набираемые из числа свободных общинников по норме один полностью снаряженный воин от 20 семейств, воевали только за военную добычу.

Акынджи составляли иррегулярный конный авангард войска; они получали не лены, а только долю военной добычи и поэтому имели, равно как и азапы, репутацию свирепых грабителей (недаром немцы называли их мешочниками). Акынджи представляли собой легкую конницу, задача которой состояла в том, чтобы завлечь противника под удар пехоты.

Укрывшись за быстро возведенными дерево-земляными укреплениями – валами, рвами, траншеями, дополнительно укрепленными палисадами или щитами-чапарами, или же действуя под прикрытием вагенбурга, османская пехота и полевая артиллерия выполняли роль станового хребта боевого порядка войска. Они поддерживали атаку конницы и одновременно прикрывали ее отступление, давали ей возможность привести себя в порядок и повторить атаку. На этом строился тактический прием заманивания неприятельской конницы под удар артиллерии и пехоты.

Турецкая конница оставалась главным средством сокрушения вражеского боевого порядка. Зато пехота и артиллерия стали главным средством отражения неприятельских атак.

Стремительное развитие огнестрельного оружия и растущая насыщенность разными его видами европейских армий делала борьбу с ними для турок все более тяжелой, но Сулейман Великолепный в общем справлялся с этой задачей. Однако австрийцы и их союзники в Венгрии после Мохачской битвы избегали полевых сражений, ограничившись обороной крепостей, осада которых истощала силы армии Сулеймана. Европейские крепости укреплялись по новой системе и были способны выдержать огонь тяжелых осадных орудий.

Обобщая опыт ведения осад во времена расцвета османской военной мощи, при Селиме I и Сулеймане I, Хюсейн Хезарфенн рекомендовал султану следующий порядок ведения осады. Предварительно, «если возможно, надо окружить крепость со всех сторон. Из крепости не выпускать ни одного человека и снаружи никого не впускать. Захватить воду, которая проходит в крепость, и перерезать ее так, чтобы оставить население крепости без воды… Если нужно направить посла в крепость, то направляют

какого-нибудь проницательного, умного, сведущего и знающего толк в деле человека, который исполнит порученную миссию надлежащим образом, а часть времени употребит на внимательное наблюдение и разведку. Возвратясь, он сообщит более точные сведения, что облегчит достижение победы. Если прибудет посол из крепости и в связи с этим увидит турецкое войско, то беспримерная стойкость и сила войска должны вселить в сердце посла такой ужас, что, вернувшись в крепость, он передаст этот ужас находящимся в крепости, и те при продолжении осады будут растерянны и станут допускать оплошности…».

Подготовка к штурму крепости заключалась в установке артиллерийских батарей и рытье апрошей, что позволяло максимально сблизиться с противником до начала штурма и минимизировать потери от неприятельских пушек, мушкетов, аркебуз и арбалетов.

Как писал Хюсейн Хезарфенн, «подойдя к крепости, исламские войска вначале останавливаются, дожидаясь, пока прибудут пушки. В течение нескольких дней авангард тимариотов и займов располагается на позициях и немедленно приступает к сооружению легких плетней – укреплений. Эти плетни делают открытыми с двух сторон наподобие большой винной бочки. Янычарам из порохового склада раздают порох, бомбы, запалы, а также дают лопаты и заступы. Бейлербеи также подготавливают свои войска. Под покровом ночи они устремляются прямо к крепости. Под прикрытием плетней выдвигают вперед пушки и с поспешностью начинают делать дороги и рыть окопы до тех пор, пока не сделают себе убежище. Каждую ночь бывает вырыто какое-то количество земли. За это время теряют убитыми несколько человек. На следующую ночь снова продвигаются вперед, и так продолжается до рва крепости…».

В идеале сам штурм должен был начинаться только тогда, когда траншеи будут доведены до крепостного рва, артиллерия осажденных будет подавлена, а укрепления полностью разрушены или сильно повреждены.

Для производства земляных работ османская армия имела большое число землекопов и рабочих. За счет этого противники часто оценивали войско Сулеймана Великолепного и его преемников в 150–200 тыс. человек, тогда как его реальная боевая сила была в два-три раза меньше.

Показательно, что в ходе предпринимавшихся османами кампаний в 1521–1566 годах только четыре венгерские крепости сумели выдержать турецкую осаду, но при этом только одна из них, Кесег, была в 1532 году осаждена главной султанской

армией.

Вступив на престол, Сулейман сразу же стал готовиться к завоевательным походам и расширению пределов Османской державы. Слабым звеном христиан на юго-востоке Европы было Венгерское королевство. В царствование самого великого из венгерских королей Матиаша (Матвея) Корвина королевство враждовало с Габсбургами. Корвин завоевал многие австрийские владения, включая Вену. Там он и умер в 1490 году. После смерти Матвея Корвина королевская власть в Венгрии резко ослабла. Своеволие магнатов, не желавших становиться под знамена королевской армии, ослабило военную мощь Венгрии.

Поэтому первую войну Сулейман начал с Венгерским королевством. Предлогом для нее, как мы уже убедились, стал отказ Венгрии платить дань и дурное обращение с султанским посланником, которого то ли убили, то ли отрезали у него уши, то ли в целости и сохранности отпустили восвояси, не выказав, однако, должного почтения.

В первом походе против венгров, предпринятом в 1521 году, Сулейман, демонстрируя свой демократизм, встал в очередь янычар за жалованьем и засунул в свой кошелек горсть серебряных монет. Султана никогда не видели в повозке, а только верхом.

Сулейман поддерживал в войске строгую дисциплину. По приказу султана знатный сипахи был избит палками за то, что затоптал крестьянские посевы, а пехотинец-янычар обезглавлен за кражу репы с огорода.

Главной целью похода стал Белград, входивший в то время в состав Венгерского королевства и занимавший ключевое положение на Дунае. Во время похода первой крепостью на пути османского войска стал Шабац. Его взяли после короткой, но ожесточенной осады. Пленных не брали, но часть гарнизона смогла прорваться к Белграду. Сулейман записал в дневнике:

«7 июля. Сообщают о взятии Шабаца. В лагерь доставлены сто голов солдат гарнизона города, которым не удалось уйти…

8 июля. Головы этих солдат помещены вдоль маршрута движения войск.

9 июля. Привал… Сулейман (о самом себе султан всегда писал в третьем лице. – *Авт.*) устроился в избе, чтобы ускорить строительство моста через Саву своим присутствием… Султан постоянно навещает место возведения моста.

18 июля. Мост построен. Уровень воды в Саве достигает настила.

19 июля. Вода заливает настил. Переправа через мост невозможна. Приказываю форсировать реку в лодках-

плоскодонках».

Тяжелые военные грузы и продовольствие пришлось отправить окольным путем. Форсирование Савы оказалось трудной задачей, но султан смог в конце концов ее решить.

В начале августа началась осада Белграда. Турецкие корабли блокировали Дунай за городом, чтобы не допустить в город подкреплений. Янычары захватили близлежащие острова на Дунае. Тяжелые осадные орудия по обоим берегам реки разрушили часть внешней стены Белграда.

С продвижением Сулеймана на север войска на флангах обходили и захватывали небольшие крепости вдоль Дуная. Осадой самого Белграда руководил великий визирь Пири-паша, занимавший эту должность и при Селиме Грозном. Между тем вверх по Дунаю двигались против течения турецкие боевые суда и баржи с боеприпасами и провиантом. Сулейман лишь наблюдал за происходящим и присутствовал на военных советах. Тем самым он набирался боевого опыта.

Турецкие войска полностью окружили Белград. Город подвергся жестокой бомбардировке тяжелой артиллерией с острова на Дунае. Сулейман отметил в дневнике, что «враг отказался от обороны города и поджег его; они отступили в цитадель». Но вскоре взрывы турецких мин, подведенных под стены цитадели, вынудили гарнизон сдаться.

Вот как осада Белграда отразилась в дневнике Сулеймана Великолепного:

«3 августа. Ранен командир янычар, Бали-ага.

8 августа. Противник оставляет оборонительные сооружения у внешней стены и предает их огню. Он отступает в цитадель крепости.

9 августа. Приказываю взорвать башни цитадели.

10 августа. Установлены новые артиллерийские батареи».

28 августа гарнизон Белграда капитулировал. Из крепости вышел начальник гарнизона. Согласно традиции, он поцеловал Сулейману руку, и султан одарил его кафтаном.

На следующий день султан повелел выдать раненому Бали-аге вознаграждение в три тысячи золотых. Всем пленным венграм было разрешено переплыть Дунай и вернуться на родину. Сербов же отправили в Стамбул, где и расселили в предместье, названном ими Белградом. Сулейман, осмотрев город, отправился на охоту, свое любимое развлечение. Губернатором Белграда он назначил Бали-агу.

Никакой помощи извне Белград так и не получил, поскольку венгерский король не сумел собрать войско. Оставив Белград с гарнизоном из янычар, Сулейман с триумфом вернулся в

Стамбул, уверенный, что теперь Венгрия от него никуда не денется.

В целом султан неплохо справился с ролью полководца. Турецкая армия овладела рядом городов-крепостей по среднему течению Дуная – Шабацем, Землином, Смедеревом и, наконец, Белградом. Путь в Центральную Европу для турок казался открыт.

То, чего султан боялся больше всего, не произошло. Ни одна из армий европейских великих держав не пришла на помощь Белграду.

Тем не менее падение Белграда вызвало беспокойство в Европе и заставило более внимательно присматриваться к Османской империи. В Риме Паоло Джавио писал: «Военная дисциплина турок идет от их веры в правоту своего дела и жестокости, которыми они превосходят даже древних римлян. Турки сильнее наших солдат в трех вещах: беспрекословном подчинении своим командирам, пренебрежении к собственной гибели в бою и в выносливости. Они способны долгое время обходиться без хлеба и вина, обходясь ячменной лепешкой и водой».

Первая война против ордена иоаннитов (госпитальеров). Осада Родоса

После первого успешного похода против Венгерского королевства Сулейман решил начать войну против ордена иоаннитов (или госпитальеров), центром которого был остров Родос. Овладение этим островом давало туркам контроль над Восточным Средиземноморьем. Корабли госпитальеров, которых турки считали «профессиональными головорезами и пиратами», захватывали турецкие суда, направлявшиеся в Египет и из Египта, осложняли жизнь корсарам султана, снабжали антитурецких повстанцев в Сирии, перехватывали пилигримов по пути в Мекку через Суэц. Предварительно Сулейман заключил с Венецией договор о дружбе и согласии, что гарантировало нейтралитет венецианцев в будущей войне с иоаннитами.

Это была война не просто за контроль над Восточным Средиземноморьем, но еще и война идеологий. Ведь иоанниты были рыцарями-крестоносцами, мечтавшими о том, чтобы вновь овладеть Иерусалимом и освободить Гроб Господень. Поэтому турки, уважавшие рыцарей-иоаннитов за храбрость, тем не менее называли их цитадель на Родосе оплотом демонов.

Обосновавшись на отдаленном от Европы острове, рыцари либо совершали набеги на турецкие суда, либо торговали с соседней Малой Азией. Их быстрые галеры легко брали на абордаж нагруженные зерном корабли, шедшие из Египта.

На Родосе господствовал особый уклад жизни. На широкой улице размещались отдельные здания рыцарских собраний с различными гербами над внушительными входными дверями. Здесь были гербы уже исчезнувших рыцарских братств Арагона и Прованса, а также рыцарей Франции и Англии.

Великим магистром ордена с 1521 года был седобородый французский рыцарь 52-летний Филипп Вилье де Лиль Адам. Он был опытным и закаленным в боях и походах солдатом. Сулейман же еще только набирался боевого опыта.

В письме Великому магистру, полученному тем через две недели после вступления в должность, Сулейман предложил ему добровольно уступить туркам власть на острове. Рыцари же могли либо остаться на острове и свободно отправлять свои религиозные обряды, либо эвакуироваться с Родоса со всем своим оружием и имуществом, используя для переезда в избранное место турецкие корабли. Султан хвастался своими новыми завоеваниями, в том числе и взятием Белграда и «многих других

прекрасных и хорошо укрепленных городов», где он «большую часть жителей перебил, а оставшихся в живых продал в рабство».

Строго говоря, по крайней мере в отношении Белграда данное утверждение было поэтическим преувеличением, поскольку гарнизон Белграда после капитуляции получил право свободного выхода, а жителей Белграда Сулейман пощадил.

Магистр в ответ похвастался своей победой над турецким корсаром Кортоглу и отказался от почетной капитуляции.

В начале лета 1522 года на Родос пришло еще одно султанское послание. Оно гласило:

«Рыцарям Родоса.

Чудовищные несправедливости, которые вы причинили моему столь долго страдавшему народу, пробудили во мне жалость и гнев. Поэтому я приказываю вам немедленно сдать мне остров и крепость Родос и милостиво разрешаю вам удалиться в безопасное место, взяв с собой самое ценное имущество. Если вы люди мудрые, то предпочтете дружбу и мир жестокостям войны».

Султан также обещал, что те из рыцарей, кто хочет остаться на Родосе, не принося вассальной присяги и не платя дани, могут остаться на острове, но при условии, что они признают суверенитет султана над Родосом.

Ответа на ультиматум не последовало.

Великий визирь Сулеймана Пири-паша возражал против экспедиции. По его мнению, высадка полевой армии и самого султана на остров была слишком рискованна. Войско могло оказаться отрезанным в случае, если бы к Мальте подошел мощный европейский флот, состоящий из кораблей Венеции, Испании и Германской империи. Кроме того, сила турецкой армии, как полагал Пири-паша, заключалась в кавалерии, которая окажется бесполезна у крепостных стен. Между тем турки с меньшим риском могут наступать через Дунайские ворота и, если будет необходимо, без потерь оттуда отступить. Более того, Пири-паша не доверял (и, как показали последующие события, справедливо) информации еврейского лекаря, прибывшего с Родоса, что цитадель рыцарей плохо снабжается.

26 июня 1522 года у берегов Родоса появился османский флот, на борту которого находился сам султан. Сначала турки высадили на Родос передовые отряды с саперами, которые определили и подготовили места для возведения осадных батарей. Через день после того, как передовые отряды достигли берега острова, началась высадка основных сил. На остров были доставлены запасы продовольствия, тяжелая артиллерия и десять тысяч солдат.

Крепостные укрепления Родоса сооружались по новейшим

проектам и были наиболее мощными в Европе того времени. Вместо прямых отвесных стен с угловыми башнями времен изобретения пороха рыцари построили невысокие укрепления из бетона на большую глубину. Над ними выступали бастионы. Орудийный огонь с бастионов сметал все живое перед крепостным валом. Обширная сеть подземных переходов и укрытий позволяла защитникам крепости безопасно перемещаться с места на место. Половина цитадели прикрывалась морем. Два мола с крепостными башнями образовывали небольшую бухту. Осада цитадели со стороны моря была невозможна, а благодаря хорошо защищенной бухте крепость могла снабжаться морским путем. Проход в бухту был настолько узок, что перекрывался цепью.

За внешними стенами Родоса рыцари построили внутреннюю цитадель из массивных бетонных сооружений. Такими укреплениями были также дом-резиденция Великого магистра, собор Святого Иоанна и госпиталь.

Часть армии, находившаяся под непосредственным командованием Сулеймана, не высаживалась на остров до 28 июля 1522 года. Европейские хроники говорят о 700 турецких кораблях и 200-тысячном десанте. Возможно, эти цифры сильно преувеличены.

Осада крепости Родос началась 28 июля 1522 года с высадкой на остров султана с отборными войсками. Сулейман Великолепный высадил на остров лучшие свои войска – корпус янычар, а с моря блокировал крепость своим флотом, который, по турецким данным, состоял из 400 кораблей. Гарнизон острова состоял из 700 рыцарей, 1500 наемников и 500 венецианских лучников, а также 4-тысячного вспомогательного войска, набранного из местного греческого населения. Среди осажденных были кавалеристы, моряки, копейщики и аркебузиры. Гарнизон располагал сильной артиллерией.

Рыцари-иоанниты из Франции, Германии, Оверни, Кастилии, Арагона, Англии, Прованса и Италии во главе с Великим магистром Вилье де Лиль Адамом оборонялись до 21 декабря, отразив все турецкие штурмы и выдержав сильнейшие бомбардировки.

Родос был мощнейшей крепостью своего времени. Туркам предстояло взять крепость нового типа – с бастионами, широким рвом, гласисом (пологой земляной насыпью перед наружным рвом крепости) и на наиболее опасных участках с двойными внутренними стенами. Порт защищали мощные башенные форты, возведенные по сторонам входа в гавань, который блокировался, кроме того, еще и вполне традиционным средством – массивными

бронзовыми цепями.

Когда 28 июля Сулейман прибыл в приготовленную ему резиденцию на холме, расположенном напротив стен крепости, загрохотали пушки. Очевидно, он взял на себя руководство боем, но сколько-нибудь впечатляющих успехов не достиг.

Бомбардировка крепости стала началом подготовки к первому штурму. Саперы начали рыть подкопы в каменистой почве, в которые потом надо было заложить пороховые мины, чтобы перед самым началом штурма взорвать стены. Лишь в начале сентября турки вплотную приблизились к стенам крепости.

Ответный артиллерийский огонь с крепостных стен накрыл передовые траншеи турецких войск. Контратаки рыцарей вывели из строя батареи Пири-паши на несколько недель. Дневник султана свидетельствует:

«Султан меняет дислокацию своего лагеря, чтобы быть ближе к полю боя. Мощные бомбардировки крепости заставляют умолкнуть пушки противника.

Для султана сооружено укрытие из веток деревьев, чтобы он мог лучше командовать своими войсками.

Командир орудия убит… командиры команд стрелков из кремневых ружей и начальники орудийных расчетов ранены».

В турецких траншеях, вырытых ценой больших жертв в непосредственной близости от цитадели, были установлены мощные длинноствольные пушки, способные снести крепостные стены. У турок были также латунные осадные мортиры, стрелявшие огромными ядрами и разрывными снарядами за крепостные стены.

Но стены цитадели Родоса оставались несокрушенными.

Всего турки сделали более 50 подкопов. Но у рыцарей-госпитальеров было чем ответить. Они заручились содействием итальянского специалиста по минам из венецианской службы по имени Габриель Тадини Мартинегро, и он вел контрподкопы и закладывал контрмины. Веницианец руководил крепостной артиллерией с большим искусством и поражал огнем своих пушек любую цель за стенами крепости.

Вскоре Мартинегро создал причудливый лабиринт тоннелей, пересекавший во многих местах турецкие, часто на расстоянии всего нескольких десятков сантиметров от стен турецких подкопов. Контрмины взрывали турецкие тоннели чаще всего в тот момент, когда в них еще работали саперы.

За работами саперов и с той, и с другой стороны следили специально подготовленные слухачи. Мартинегро изобрел также едва ли не первые в истории миноискатели. Они представляли

собой трубки из пергамента, которые сигнализировали своими отраженными звуками о любом ударе вражеский кирки. Команда из родосских греков с миноискателями постоянно дежурила в контртоннелях, сообщая о приближении вражеских саперов. Мартинегро старался вовремя подорвать турецкие тоннели. Если же это не удавалось, он их довольно своеобразно «вентилировал» посредством бурения спиральных отдушин, которые гасили силу взрывов.

В дневнике Сулейман отмечал:

«Подрывники приходят в соприкосновение с противником, который использует большое количество горящего гарного масла, и не достигают…

Войска проникают в крепость, но вытесняются оттуда с большими потерями из-за того, что гяуры применяют новый тип катапульты…

В крепость прорывается несколько черкесов, сорвав четыре-пять флагов и большую доску, на которую противник насадил металлические шипы, чтобы ранить ноги штурмующих…»

Никаких брешей в обороне крепости найти не удалось. Волны штурмовавших войск накатывались на проломы в стенах, но под огнем артиллерии и мушкетов, под градом стрел, камней и горящего масла с большими потерями откатывались назад. Все турецкие батареи одновременно вели огонь по позициям рыцарей, но не могли нанести им существенного ущерба.

Турки несли большие потери, но не прекращали атаки на крепость.

В конце сентября Сулейман решился на всеобщий штурм. Вечером перед ним к защитникам крепости вышли глашатаи со словами:

«Земля и каменные сооружения на ней будут принадлежать султану, вам же достанутся только кровь и разграбление».

Штурм достиг кульминации на рассвете 24 сентября. Накануне турецкие саперы взорвали несколько вновь установленных мин.

Всеобщий штурм был предпринят против четырех отдельно стоящих бастионов. Он проходил под прикрытием завесы черного дыма от костров и пожаров. На бастионы обрушилась мощная артиллерийская бомбардировка. К проломам в стенах ринулись янычары, водрузившие в нескольких местах свои знамена.

Однако защитники бастионов не дрогнули, пользуясь тем, что из-за небольшого периметра стен турки не могли реализовать свое подавляющее численное превосходство.

После шести часов ожесточенного сражения атакующие были отброшены, потеряв несколько тысяч человек убитыми и еще

больше ранеными, многие из которых впоследствии умерли из-за невозможности оказать им необходимую медицинскую помощь.

После провала генерального штурма крепости султан устроил «разбор полетов». В дневнике Сулейман записал:

«26 сентября. Совет. Разгневанный султан сажает под арест Аяс-пашу (этот командир понес наибольшие потери. – *Авт.*)».

Однако на следующий день султан сменил гнев на милость, очевидно, осознав, что других пашей у него все равно нет, что и отметил в дневнике:

«27 сентября. Совет, Аяс-паша восстановлен в своей должности».

Турецкие войска были в значительной степени деморализованы неудачей и ожидали приказа покинуть Родос.

Наибольшие потери понесли невооруженные строители-крестьяне, проводившие земляные работы под огнем с крепостных стен. Войска страдали от недоедания, болезней и холода, а также от проливных осенних дождей. На одного погибшего от ядер, пуль, стрел, камней и от взрывов мин в турецком войске приходился один умерший от болезни. Лошади гибли от недостатка подножного корма, а загодя заготовлять фураж турки не привыкли.

После столь чувствительного поражения султан на два месяца прекратил атаки, ограничившись продолжением минной войны. Турецкие тоннели все глубже проникали под город. В некоторых местах янычары предпринимали местные атаки, пытаясь захватить отдельные участки стены, но неизменно терпели неудачи. Моральный дух турецких войск падал; приближалась зима. Пусть даже довольно мягкая в условиях средиземноморских субтропиков, она все равно пугала янычар.

Но и защитникам Родоса было несладко. Они все чаще приходили в уныние. Их потери, хотя и составляли лишь одну десятую часть от потерь турок, были гораздо более чувствительны для рыцарей из-за малочисленности гарнизона. Кроме того, иссякали запасы продовольствия и пороха.

Среди обороняющихся были и те, кто предпочел бы сдаться. Они уверяли, что Родосу повезло, что он смог так долго существовать после падения Константинополя, и нечего больше гневить судьбу, тем более что христианские державы Европы не собираются помогать иоаннитам.

Между тем с турецких разведывательных судов сообщали о сосредоточении венецианского флота на Крите. В любой момент к осажденным могла подойти помощь, и тогда Сулейман рисковал быть изолирован на острове вместе с армией, которую было уже нечем кормить.

Султану не улыбалось сидеть на острове в беспомощном состоянии в шатре под ветвями деревьев, поливаемом дождем. В периоды затишья Сулейман ездил в места, где росли сады, посещал развалины крепостей, в глубокой древности основанных норманнами. Он приказал подготовить эти крепости, чтобы армия могла разместиться там на зимние квартиры. Но туркам не хотелось зимовать на Родосе.

После того как еще один общий штурм крепости провалился, Сулейман 10 декабря вывесил белый флаг на башне церкви, располагавшейся вне городских стен. Это означало приглашение к началу переговоров.

«Этот прием оказал противнику гораздо большую услугу, чем что-либо еще, – писал британский историк XVI века Ричард Ноллес. – Противник мало-помалу добивается успехов, ставит защитников в такие экстремальные условия, что они рады снести свои дома, чтобы на их месте можно было построить новые укрепления и уменьшить площадь города, окружив себя новой линией траншей. Так что через небольшой промежуток времени они уже не могут сказать определенно, где именно строить укрепления. Противник проник за стены города. Он занял участок почти в двести шагов в ширину и сто пятьдесят шагов в глубину».

Действительно, переговоры принесли успех, которого турки не смогли достичь силой оружия. Сулейман, решивший, что милосердие будет эффективнее пушек, отправил Пири-пашу убедить жителей Родоса начать переговоры с целью сдачи их города на почетных условиях.

Ноллес утверждал: «У многих из тех, кто во время штурма, не раздумывая, расстался бы с жизнью, после того как противник предложил переговоры, появилась надежда остаться в живых. Люди стали просить Великого магистра позаботиться об их безопасности. Силы защитников были ослаблены, а их моральный дух поколеблен.

Долгие лишения и рукопашные бои за каждую улицу и дом измучили людей, уже страдавших от зимних морозов. Магистр и сто восемьдесят уцелевших рыцарей, под чьим началом находились полторы тысячи вооруженных людей и греческие жители города, ожидали безжалостной резни в случае, если турецкие войска ворвутся в город. Они ждали помощи от Европы. В первые дни осады в европейские столицы были отправлены гонцы, которые должны были убедить европейских правителей, что стены Родоса выстоят, если рыцари получат подкрепление и порох.

Великий магистр послал одного из рыцарей в Испанию к императору Карлу, другого – в Рим, к итальянским кардиналам и

рыцарям. Оттуда гонцы были посланы во Францию с письмами к французскому королю, в которых христианского правителя молили о помощи для города, где рыцари-крестоносцы были осаждены с суши и моря. Но все было напрасно. Правители были заняты бесконечными междоусобными дрязгами и лишь восхищались мужеством защитников Родоса, но не спешили оказывать помощь».

Стороны договорились о трехдневном перемирии. Ночью при потушенных огнях к рыцарям прибыл корабль с Крита, предназначенный для перевозок бочек с вином, но доставивший сотню венецианцев-добровольцев. Турки сочли это нарушением перемирия и предприняли очередной штурм, который был отбит.

Великий магистр выслушал мнение Габриеля Мартинегро. Тот заявил: пороховой завод у бухты больше не может производить достаточного количества пороха. Способных сражаться защитников крепости хватит только для обороны нескольких секторов стены. Если генеральный штурм продлится непрерывно более двенадцати часов, крепость падет, поскольку обороняющимся не хватит пороха. Правда, еще ни один турецкий штурм столько не продолжался.

Выслушав отчет инженера и зная настроения своих воинов и горожан, магистр решил, что надо принять турецкие условия. В турецкий лагерь направили гонца. Султан подтвердил прежние условия. Рыцари и жители покидали Родос вместе с тем имуществом, которое они могут унести и погрузить на корабли, в том числе и со всеми накопленными орденом сокровищами. Тем, кто решил остаться, гарантировалось сохранение их домов и имущества, религиозная свобода и освобождение от уплаты налогов в течение пяти лет.

После горячих дебатов большинство созванного магистром совета согласилось, что «для Бога было бы угодно просить о мире и сохранить жизни простых людей, женщин и детей». Великий магистр призывал сражаться до конца, утверждая, что вот-вот подоспеет помощь. Но гарнизон больше не мог сражаться и угрожал бунтом. Рыцари и наемные воины не желали больше терпеть лишений.

20 декабря был произведен обмен пленными; турки покинули захваченный в городе плацдарм и отвели войска на полтора километра от стен.

Капитуляция иоаннитов была подписана на Рождество после 145-дневной осады. Султан подтвердил свои обещания, да еще и предоставил свои корабли для эвакуации. Сулейман еще раз разъяснил, что церкви не будут превращены в мечети и никто не будет насильно обращать родосцев в ислам или отбирать у них

детей. Те, кто захочет оставить остров, сохранят свое оружие и имущество.

Султан честно соблюдал выдвинутые им условия, которые были нарушены лишь однажды без его ведома. Отряд янычар вышел из повиновения и совершил несколько убийств и грабежей, прежде чем порядок был восстановлен.

А когда невооруженные янычары, возмущенные запретом на грабежи, устроили у ворот беспорядки, Великий магистр под дождем в сопровождении одного спутника отправился в резиденцию султана просить его защитить родосцев от бесчинств.

Сулейман послал янычар из своей личной охраны прекратить беспорядки. Он также распорядился восстановить некоторые здания, разрушенные в ходе боев. Затем султан нанес ответный визит магистру. Сулейман полагался лишь на слово Великого магистра, гарантировавшего безопасность султана, и пришел без охраны.

Правда, для гарантий безопасности был произведен обмен заложниками, и посланный султаном отряд янычар вошел в крепость.

1 января 1523 года Великий магистр Филипп Виллье де Лиль Адам вышел из ворот крепости с оставшимися в живых рыцарями и солдатами. Они несли развевающиеся знамена. У Крита корабли рыцарей попали в жестокий шторм, и один корабль погиб. Но Великий магистр с большинством изгнанников все же добрались до Крита, потом до Сицилии и в конце концов прибыли в Рим. Целых пять лет у рыцарей не было пристанища, пока римский папа не разрешил им поселиться на Мальте, где они на средства, вывезенные с Родоса, возвели еще более мощную крепость.

Когда рыцари благополучно добрались до Крита, они обнаружили, что венецианский флот и не думал выходить в море. Венеция собиралась действовать лишь в случае, если со стороны турок возникнет угроза Кипру. В Риме собралось две тысячи добровольцев, готовых идти на помощь Родосу, но им не дали судов.

По утверждениям самих рыцарей, турки потеряли во время осады Родосской крепости свыше 60 тысяч человек убитыми и умершими. Турецких данных по поводу потерь вообще нет. Основные потери были от болезней, а не от пуль, стрел и ядер обороняющихся. Осада Родоса знаменательна тем, что здесь впервые были использованы при бомбардировках разрывные бомбы, что, впрочем, никак не способствовало взятию крепости, которая пала от голода и истощения боеприпасов, а не от приступов.

Султан вознаградил несколько гречанок, опытных пловчих, за оказание помощи туркам в передаче во время осады посланий в город и из него. Большинство греков осталось на острове после ухода рыцарей. В этом не было ничего удивительного. Правление рыцарей им отнюдь не казалось раем. Турки же на пять лет освободили греков от налогов, и только после этого они обязаны были платить годовой налог за владение домом в размере десяти серебряных монет. При этом от жителей Родоса, в отличие от других христианских подданных султана, не требовали никаких выплат за содержание скота или виноградников.

Родос пал потому, что Испания, Венеция и другие европейские морские державы не оказали необходимой помощи ордену присылкой снабжения и подкреплений. Теперь же турецкий флот мог претендовать на господство в Восточном Средиземноморье. Сулейман вслед за своим отцом сознавал, что турецкое господство в Средиземноморском регионе не будет прочным без побед на море. Он стал первым турецким султаном, при котором флот Османской империи нанес ряд серьезных поражений европейским флотам.

После родосского похода Сулейман отстранил от должности великого визиря Пири-пашу, но не казнил его, а назначил огромную пенсию. Новым же великим визирем был назначен Ибрагим-паша, которого историки считают самым способным из приближенных Сулеймана Великолепного. Некоторые исследователи полагают, что своими военными победами султан в первую очередь обязан Ибрагиму-паше.

Единственный союзник

Среди европейских государей Сулейман Великолепный имел одного союзника – французского короля Франциска I, который главным своим противником считал не Османскую империю, а империю Габсбургов. Правда, в начале своего правления Франциск был горячим проповедником великого крестового похода против турок, но вскоре борьба против императора Карла V, разгромившего и взявшего его в плен в битве при Павии, заставила французского короля искать поддержки у султана. Однако Франциск старался ее не слишком афишировать, чтобы не подвергнуться осуждению европейского общественного мнения за союз с мусульманами против христиан.

В конце 1524 года французский король Франциск I обратился к султану за военной помощью на Средиземном море и с просьбой выступить против Венгрии, чтобы остановить продвижение войск императора Карла V, наступавших на Франциска в Италии. 24 февраля 1525 года французский король в битве при Павии был взят в плен императором Священной Римской империи Карлом V Габсбургом. Император заставил короля в январе 1526 года подписать унизительный для Франции мир, который Франциск аннулировал, когда вышел на свободу, и возобновил войну. Но еще из своего заключения в Мадриде французский король сумел отправить султану письмо, спрятанное в подошву сапога гонца. Он предложил Сулейману союз против императора.

Сулейман ответил так: «Я, султан Сулейман, сын султана Селима, сообщаю тебе, Франциску, королю Франции: ты направил в столицу моей империи письмо со своим верной слугой Франжипани. Он сообщил мне, что враг захватил твою страну и ты сейчас в плену. Ты просишь помощи для своего освобождения. Все, о чем ты просил, было изложено у подножия моего трона, убежища мира, и встретило мое полное султанское понимание.

Нет ничего хорошего, когда государям наносят поражение и берут их в плен. В этих обстоятельствах храни мужество и не теряй присутствия духа. Наши славные предшественники и знаменитые предки – да хранит Аллах их гробницы! – никогда не прекращали войн против своих врагов для завоевания их земель. Мы следуем их путем.

В свое время мы завоевали провинции и крепости, сильно укрепленные и труднодоступные. День и ночь мы находимся в седле, опоясанные саблей.

Пусть Всевышний установит справедливость! Пусть его воля,

что бы она ни предвещала, будет исполнена. О подробностях расспроси своего гонца и узнаешь все. Знай, что все будет так, как сказано».

В дальнейшем Сулейман в нескольких случаях субсидировал французского короля, в частности, послав ему в 1533 году сумму в сто тысяч золотых, чтобы помочь создать коалицию против Карла V. Двумя годами позже Франциск потребовал еще большую субсидию в миллион дукатов, но получил отказ. Сулейман решил, что запрашиваемая сумма слишком велика и вряд ли она пойдет на борьбу с Габсбургами. Венецианскому послу тогда Франциск говорил, что видит в Османской империи единственную силу, гарантирующую существование европейских государств в противовес императору – Габсбургу. Сулейман же действовал по принципу «враги наших врагов – наши друзья». Объективно Франциск действовал в османских интересах, поскольку отвлекал на себя значительные силы императора Карла, которые в противном случае могли быть использованы для борьбы с турками в Венгрии и на Средиземном море.

Когда Карл обвинил Франциска в промусульманских симпатиях, тот открыто пообещал присоединиться к крестовому походу, а затем пытался оправдаться через своего посланника в Стамбуле, намекая, что ничего серьезного за этими словами не стоит. Султан отлично понимал потребность французов в турках в качестве союзников. Его потребность во Франции в качестве союзника была значительно меньше, хотя бы потому, что в отличие от Франциска он в своей жизни не потерпел ни одного тяжелого поражения и тем более не попадал в плен.

Сулейман стремился с помощью имперских завоеваний достичь на Западе того же, чего его отцу, Селиму, удалось добиться на Востоке. Подобно Александру Македонскому, Сулейман хотел объединить земли и народы Востока и Запада. А для этого надо было победить императора Карла.

Одним из последних достижений великого визиря Ибрагима-паши стало проведение переговоров и подписание в 1535 году договора с его «добрым другом» Франциском I. Сулейман заключил с Францией в лице Франциска I союз против Священной Римской империи. Договор позволил французам торговать на территории всей Османской империи, уплачивая султану такие же пошлины, какие уплачивали сами турки. Турки, со своей стороны, могли пользоваться взаимными привилегиями во Франции. Договор признавал в качестве действующей в империи юрисдикции французских консульских судов с обязательством для турок исполнять предписания консульств, в случае необходимости даже силой.

Договор также предоставлял французам в Османской империи полную религиозную свободу с правом держать охрану в святых местах. Французы получили право покровительствовать католикам Леванта. Франко-турецкий договор положил конец торговому доминированию Венеции в Средиземноморье. Теперь все корабли христиан, за исключением кораблей венецианцев, должны были нести французский флаг в качестве гарантии защиты от турецкого нападения.

Франко-турецким договором было положено начало системы привилегий иностранным державам, известной как система капитуляций.

Договор позволил Франции на долгое время превратиться в наиболее влиятельную иностранную державу в Османской империи. А режим капитуляций создал прецедент, которым позднее воспользовались и другие державы, в том числе Венеция уже после заключения договора 1540 года. В результате внешняя торговля Османской империи оказалась под контролем иностранных государств.

Вторая война с Венгрией. Битва при Мохаче. Войны с Габсбургами

После взятия Родоса Сулейман впервые с тех пор, как стал султаном, посетил Эдирне (Адрианополь), где предался охотничьим забавам.

Вскоре ему пришлось отправить войска в Египет для подавления восстания турецкого губернатора Ахмеда-паши, отказавшегося подчиняться султану. Командовать этой армией Сулейман назначил своего великого визиря и друга Ибрагима-пашу.

Ибрагим-паша Паргалы занимал пост великого визиря с 1523 по 1536 год. Он был сыном моряка из Парги, в Ионическом море, и родился в один год с Сулейманом и даже, как утверждал Ибрагим, в один и тот же месяц. Еще ребенком его захватили турецкие пираты и продали в рабство вдове в Маниссе, где впоследствии был наместником Сулейман. Вдова относилась к принявшему ислам Ибрагиму как к сыну, дала ему хорошее образование и научила игре на струнном музыкальном инструменте баглама. Через несколько лет Ибрагим встретил Сулеймана. Наследнику престола понравился смышленый мальчик, и он сделал Ибрагима своим личным пажом. Очень скоро Ибрагим стал наиболее доверенным лицом будущего султана. Тот определил его в специальную дворцовую школу, из которой вышли многие турецкие сановники. Она располагалась в третьем дворике султанского дворцового комплекса в Стамбуле. Здание школы было окружено каменной стеной. В ней учились около шестисот подростков в возрасте от восьми до восемнадцати лет.

Школа была основана еще Мехмедом Завоевателем по византийским образцам. Большинство учеников не были турками по происхождению. Это были дети иноземцев, преимущественно христиан: албанцев, сербов, славян, грузин, черкесов, греков и даже хорватов и немцев.

В школу при султанском дворце поступали дети, тщательно отобранные специальными уполномоченными по своим умственным и физическим данным. Ведь из выпускников школы должны были выйти первые сановники Османской империи и выдающиеся полководцы. Подросток, зачисленный в школу, рвал связи с семьей и получал новое имя. Он должен был быть предан только султану и только из рук султана получать все милости и награды.

Когда Сулейман вступил на престол, он сделал своего фаворита старшим сокольничим, а затем Ибрагим занял ряд других придворных должностей, в том числе бейлербея Румелии, европейской части империи. В этой должности он также командовал Европейской армией империи. Лицу, занимавшему эту должность, полагалось двенадцать гребцов для личной барки и пять конских хвостов в штандарте, который перед ним несли. Ибрагим с султаном были большими друзьями. Он жил и спал с султаном в одной палатке во время всех военных походов. А в мирное время Ибрагим ночевал в апартаментах Сулеймана, обедал с ним за одним столом. Они вместе отдыхали, обменивались друг с другом записками через немых слуг. Сулейману, замкнутому, молчаливому и меланхоличному, нужен был именно такой друг-наперсник.

Султан отдал в жены Ибрагиму свою сестру Хатидже-султан, на которой Ибрагим женился в 1524 году. Тот опасался, что столь стремительный взлет может обернуться крахом, и просил Сулеймана не назначать его на слишком высокий пост, поскольку с него будет больно падать. Султан в ответ похвалил фаворита за скромность и пообещал, что не будет казнить Ибрагима, пока остается султаном, в чем бы великого визиря ни обвинили. Но Сулейман, как говорится, оказался хозяином своего слова: когда потребовалось – захотел и взял свое обещание обратно.

Вскоре после свадьбы Ибрагиму в качестве великого визиря пришлось ехать в Египет разбираться с тамошними делами. 5 октября 1522 года умер мамлюкский полководец, король Египта Сайф ад-Дин Хайр-бек. 27 октября новым наместником страны был назначен великий визирь Мустафа-паша, который стал проводить реформы управления, чтобы полностью распространить на Египет систему управления империей. Египет стал османским вилайетом во главе с бейлербеем, которому подчинялись все местные феодалы, бедуинские шейхи и командиры местных гарнизонов. Мамлюкская гвардия была распущена, и ее воины включены в состав семи корпусов османской армии Египта. Внутренний распорядок и жалованье мамлюков были уменьшены до уровня оплаты янычар. Египет должен был платить Стамбулу ежегодную дань в размере 100 тысяч динаров и направлять свои войска в распоряжение султана. Мамлюкским кяшифам (правителям египетских провинций) и бедуинским шейхам давались теперь права и обязанности османских санджак-беев. Соответствующий декрет был опубликован 18 июля 1523 года.

Фактическая ликвидация вассального мамлюкского королевства вызвала возмущение среди мамлюков и бедуинов.

Восстание возглавил Джаним ас-Сайфи, но оно было быстро подавлено местными османскими войсками, которые обошлись без присылки подкреплений. Джаним ас-Сайфи погиб в бою.

После подавления восстания наместником Египта султан назначил Ахмеда-пашу, грузина по национальности, одного из победителей родосских рыцарей. Тот надеялся, что за заслуги его назначат на пост великого визиря, но Сулейман Великолепный предпочел ему своего фаворита Ибрагима-пашу, а Ахмеда-пашу отправил в Египет. Тот воспринял это назначение как почетную ссылку. В декабре 1523 года Ахмед-паша прибыл в Каир, где быстро нашел общий язык с бедуинскими шейхами и мамлюками. Узнав об этом, Сулейман Великолепный отправил в Египет гонца с секретным приказанием убить Ахмедапашу. Но гонец был перехвачен мамлюками, и Ахмед-паша, решив, что ему терять больше нечего, поднял мятеж. На его сторону встали большинство мамлюков и бедуинов.

В январе 1524 года в Каир вошли ополчения бедуинских эмиров Ахмеда ибн Бакра из Шаркии и Ибн Омара из Саида (Верхний Египет). Опираясь на их поддержку, Ахмед-паша объявил себя султаном Египта, заявил об отделении от Оттоманской империи и восстановлении мамлюкского государства в Египте и Сирии.

Он сместил всех османских чиновников, казнил янычарских офицеров и начал формирование мамлюкской армии. Однако 23 февраля 1524 года жители Каира, в свою очередь, взбунтовались и свергли Ахмеда-пашу. Тот в момент восстания находился в бане, откуда сумел бежать, но вскоре был схвачен и 6 марта казнен.

Узнав о мятеже Ахмеда-паши, Сулейман Великолепный отправил в Каир Ибрагима-пашу. Тот прибыл в Египет 24 марта 1524 года. Ибрагим казнил мятежных бедуинских шейхов и окончательно расформировал войско мамлюков.

Султан решил три года не воевать, чтобы заняться внутренним обустройством государства и повышением боеспособности армии. Но очень скоро выяснилось, что армию опасно долго оставлять без дела. В мирное время, изнывая от бездействия, больше не живя в обстановке жесткой дисциплины, а пребывая в относительной праздности, янычары представляли немалую опасность для своего повелителя.

Весной 1525 года в Стамбуле вспыхнул мятеж янычар, который султан жестоко подавил, казнив значительную часть офицеров. Были казнены ага янычар и зачинщики мятежа. Присмиревшие янычары вернулись в казармы. Вот как писал об этих молодых воинах венецианец Бенедетто Рамберти, секретарь

Венецианской республики, в 1534 году путешествовавший по маршруту Венеция – Рагуза (Дубровник) – Ниш – София – Адрианополь (Эдирне) – Селимврия – Константинополь (Стамбул): «Янычар насчитывается около двенадцати тысяч человек, и каждый из них получает от трех до восьми серебряных асперсов в день. Раз в году им выдают голубую ткань неважного качества для пошива формы. Живут янычары в Константинополе в двух казармах. Когда они выступают в поход, по сто солдат отряжается на переноску снаряжения для шатра, по три солдата ведут коня с полной сбруей. Когда янычары стареют или попадают в немилость к султану, их имена вычеркиваются из списков гвардии, и они отсылаются на охрану крепостей. Это отстранение от службы не влечет за собой обнищания, те же, кто отличился на войне, получают посты глав местной администрации.

На службу их берут мальчишками. Выбирают тех, кто более здоров, силен и ловок, а также более жесток. Подростков обучают старые опытные воины. На них держится сила и стойкость турецкой армии. Янычары вместе живут и упражняются в военном деле, они становятся сплоченной силой и наводят ужас на врагов».

Во время мятежа 1525 года янычары разграбили таможни, еврейский квартал и дома высших сановников и других богачей. Толпа янычар ворвалась в приемную султана, который, как утверждали, убил троих из них собственной рукой, но был вынужден отступить, когда остальные стали угрожать убить его и наставили на него свои луки. Однако потом янычары покинули зал приемов, и султан воспользовался их замешательством. Он вернулся в сопровождении нескольких охранников в зал приемов, располагавшийся рядом с казармами янычар. Затем Сулейман вызвал к себе командира мятежников, вместе с которым в зал вошло много янычар. Некоторые обнажили ятаганы, раздались громкие крики. Возникла угроза, что янычары нападут на султанскую охрану.

Сулейман в ответ обнажил свой меч и зарубил янычара, стоявшего к нему ближе всех, и ранил другого. Остальные сложили оружие.

Для того чтобы обеспечить лояльность янычарского корпуса, близкий друг султана Ибрагим-паша был отозван из Египта и назначен главнокомандующим вооруженными силами империи, действующим в качестве второго после султана.

Надо сказать, что одной из причин янычарского бунта 1525 года послужила память ветеранов родосского похода о том, что Сулейман запретил грабить цитадель рыцарей и не позволил им

увезти с Родоса все накопленные за несколько веков богатства. Янычары были также недовольны возвышением Ибрагима-паши, которого считали выскочкой, незаслуженно опередившим в своей карьере многих старых и заслуженных пашей из янычар. Маясь от безделья в казармах, янычары прикидывали, сколько женщин или яств можно купить на жалованье Ибрагима размером в двадцать четыре тысячи золотых венецианских дукатов.

Когда султан уехал охотиться в Адрианополь, не выдержав холода и скуки, янычары, охранявшие сераль, выбросили свои котелки и высыпали на улицы. Вооруженные кремневыми ружьями, железными дротиками, луками и саблями, они поджигали дома, грабили еврейские лавки близ крытого рынка, а также ворвались в новый дворец Ибрагима-паши.

После сурового подавления мятежа Сулейман заплатил янычарам жалованье и пообещал богатую добычу в будущем году во время похода в Европу.

В 1526 году 80-тысячная (по другим данным – 100-тысячная) турецкая армия с 300 пушками вторглась в Венгрию. По оценкам современных историков, силы турок были существенно скромнее. Перед битвой при Мохаче у султана осталось около 60 тыс. человек (45 тыс. человек регулярных войск и 15 тыс. иррегулярной легкой кавалерии) и 160 орудий. В рядах турецкой армии преобладали отуреченные славяне-мусульмане из балканских владений Османской империи. Перед этим походом Сулейман заключил договор с Польшей, где правили представители той же династии Ягеллонов, что и в Венгрии, о нейтралитете, чтобы польские войска не смогли прийти на помощь Венгрии. Турецкой армии противостояла 30-тысячная венгерская армия (14 тыс. кавалерии и 16 тыс. пехоты) во главе с королем Венгрии, Чехии и Хорватии Лайошем II. У нее было только 80 орудий. 5 тысяч тяжеловооруженных хорватских рыцарей не успели вовремя прибыть к месту сражения, что способствовало поражению венгерской армии. Больших сил Венгерское королевство выставить не смогло из-за своеволия отдельных феодалов, не желавших ставить свои отряды под королевские знамена. Венгерская армия на треть состояла из чешских, итальянских, немецких, хорватских и польских союзных рыцарей с их отрядами из оруженосцев и вооруженных слуг, сражавшихся как за плату, так и за христианскую идею. Однако общеевропейский крестовый поход, на который так надеялся венгерский король, не состоялся. Артиллерия венгров значительно уступала турецкой, что сыграло решающую роль в исходе сражения при Мохаче.

Лайош также надеялся на помощь 8-тысячной армии

трансильванского князя Яноша Запольяи, но этот венгерский магнат не слишком торопился помочь своему королю, а после битвы перешел на сторону турок.

В ходе похода султан поддерживал дисциплину жестокими мерами. Он записывал в дневнике:

«10 мая. Солдат обезглавлен за то, что помял посевы около деревни Кемаль.

11 мая. Двум солдатам, обвиненным в краже лошадей, отрублены головы.

5 июня. Два силяхдара (оруженосца) обезглавлены за то, что пустили своих лошадей пастись на неубранных полях».

Командовал турецкой армией великий визирь и он же бейлербей Румелии, то есть командующий войсками европейской территории Османской империи, Ибрагим-паша.

К моменту прибытия султанской армии в Белград мосты через реку Саву уже были наведены. Венгры отступили на северный берег Дуная, оставив небольшой гарнизон на южном берегу в крепости Петервардейн.

Сулейман приказал Ибрагиму-паше захватить Петервардейн, утверждая, что «это будет лишь легкая закуска, чтобы заморить червячка до завтрака в Вене». Ибрагим с помощью двух мин проделал брешь в стене цитадели, затем повел войско на приступ и крепость взял.

Сулейман в связи с этим записал в дневнике: «Великий визирь обезглавил 500 солдат гарнизона; 300 других уведены в рабство». Не вполне понятно, каким образом Ибрагим-паша определил, кого из пленных следует казнить, а кого можно забрать в рабство.

29 августа 1526 года южнее венгерского города Мохача произошло решающее сражение двух армий. До этого войска Сулеймана взяли Петервардейн и еще несколько венгерских крепостей, перебив большинство их защитников.

Венгерской армией фактически командовал архиепископ Томори, так как король Лайош, которому было всего 20 лет, не имел никакого военного опыта.

Только один человек из высших руководителей Венгерского королевства предложил отступить и, укрывшись в Буде, дожидаться прибытия солдат Яноша Запольяи, хорватов и богемцев. Это был епископ Вараздина, ранее не участвовавший в войнах. Некоторые военачальники тоже заговорили о необходимости отступить к Буде, заставляя тем самым турок растянуть коммуникации. Венгерская армия могла быть тогда подкреплена армией Запольяи, находившейся всего в нескольких дневных переходах, а также хорватскими и чешскими отрядами,

уже появившимися на западной границе королевства.

Эта стратегия была абсолютно разумной и единственно правильной в войнах с турками в тот период. В Буде были значительные запасы фуража и продовольствия. 80 венгерских орудий в Будайской крепости действовали бы гораздо более эффективно, чем в полевом сражении, и были бы гораздо лучше защищены от огня османской артиллерии. Прибытие к венгерскому королю ожидавшихся подкреплений, по всей видимости, заставило бы султана снять осаду Буды и уйти из Венгрии, а шансы на успех немедленного штурма Буды были бы невелики.

Но большинство магнатов отказались отступить, что означало оставить плодородную венгерскую равнину на разграбление турок. Они требовали немедленного сражения, не имея полного представления о силе турецкой армии. Поле у Мохача, в 10 км от Дуная, было удобно для развертывания венгерской рыцарской конницы, а о том, что оно будет столь же удобным и для турецкой конницы, руководители венгерского войства старались не думать. Как видно, венгров ничему не научило поражение в первой войне против Сулеймана Великолепного, когда они потеряли Белград.

Высланный Сулейманом на разведку отряд легкой кавалерии обнаружил, что венгерская армия выстроилась в боевой порядок в центре равнины к юго-западу от Мохача. Рельеф местности являлся идеальным для кавалерийского сражения, а у обеих армий была сильная конница.

Согласно плану архиепископа Томори, тяжелая рыцарская кавалерия должна была атаковать позиции турок, смять пешие отряды, а затем вместе с пехотинцами атаковать лагерь султана. При этом большая надежда возлагалась на поддержку артиллерии.

Ганнибал, предводитель четырех тысяч немецких наемников, нанятых на субсидии Генриха VIII и Клемента VII, предложил оборудовать за частоколом артиллерийские позиции. Другой опытный командир, польский доброволец Гномский, предложил соорудить оборонительный рубеж из повозок. Оба они учитывали опыт войн XV века, в том числе гуситских. Если бы эти предложения были приняты, у венгерской армии был бы реальный шанс если не победить, то по крайней мере избежать полного разгрома. Размещенная в вагенбургах пехота, подкрепленная легкими фальконетами, задержала бы продвижение турецкой конницы, что дало бы возможность уйти венгерской коннице, а также части пехоты и артиллерии. Однако венгерские дворяне пренебрегли этими предложениями. Их рыцари и легкая кавалерия гусар были приучены атаковать

противника, а не обороняться. С их точки зрения было бы трусостью и ошибкой стоять неподвижно, подобно крестьянскому ополчению, и ждать нападения противника.

Томори скрепя сердце согласился, что необходимо атаковать, если сражение состоится. Архиепископ был достаточно опытен в военном деле, чтобы надеяться в данных обстоятельствах на победу. Тем более что он даже несколько преувеличивал численность османской армии и оценивал ее в 70 тыс. человек. Чтобы ободрить своих воинов, Томори пояснил, что большую часть турецких войск составляет легковооруженная кавалерия, которая может быть рассеяна налетом закованных в латы, тяжеловооруженных рыцарей-христиан.

Другим командующим был избран некий палатин (пфальцграф), даже имя которого неизвестно. Он явно играл подчиненную роль по отношению к Томори, но, возможно, был одним из немногих, кому посчастливилось спастись. Не исключено, что тот же самый пфальцграф позднее участвовал в обороне Вены от войск Сулеймана.

Командующие венгерской армией договорились, что немецкие наемники и артиллерия останутся в лагере, как и советовал Гномский. Там же в резерве оставались король Лайош и его свита. Между тем первая боевая линия венгерских войск начала атаку. Она смяла наступавшие турецкие войска. Атакующие ударили в центр азиатской армии и прорвались сквозь него в рукопашной битве.

Рыцари атаковали правый фланг турецкой армии, а центр и левый фланг венгерской армии, состоявшие из наемной, главным образом немецкой пехоты, ровным маршем и при поддержке артиллерии двинулись вперед. Вскоре конные рыцари вступили в бой с легкой турецкой кавалерией. Турки начали отступать. Решив, что сражение идет успешно, рыцари начали преследовать отступавших турок. На самом деле их заманили в ловушку. Одновременно в бой вступили венгерские и немецкие пехотинцы, завязав в центре и на левом фланге рукопашную схватку с янычарскими полками.

Когда Лайошу показалось, что намечается успех, он скомандовал общее наступление всех венгерских войск, выведя из лагеря резерв. Там остались только артиллерия и немецкие копьеносцы. Однако туркам только это и нужно было. Их отступление было традиционной военной хитростью. Сулейман умело ввел противника в заблуждение и заставил его занять невыгодную позицию, в то время как турецкая кавалерия просто расступилась, чтобы пропустить венгров, а потом обрушилась на них с обоих флангов. Султан разместил основные силы в тылу, у

склона холма. В результате венгерская кавалерия нарвалась на янычар, расположившихся вокруг султана и усиленных тяжелой артиллерией. Рыцарская кавалерия, преследуя отступавших турецких всадников, попала в засаду и подверглась ураганному обстрелу турецких пушек и мушкетеров. Началась рукопашная схватка, стрелы и копья попадали в панцирь султана, но он не был даже ранен. Исход боя решила сильная турецкая артиллерия. Рыцарская кавалерия была сметена с лица земли. Прибытие резервов во главе с королем Лайошем только усилило хаос. Венгерское войско попало в мешок, было окружено и уничтожено.

Введя в бой резервы и всю артиллерию, имея двукратный численный перевес в людях и орудиях, армия Сулеймана начала теснить армию венгерского короля к Дунаю, не давая ей возможности организованно переправиться через реку. Остатки рыцарской кавалерии отступали в беспорядке, а вот немецкие пехотинцы в лагере стойко продолжили сражаться до конца. Через полтора часа битва завершилась полной победой армии Сулеймана Великолепного.

Венгры попытались навести хоть какой-нибудь порядок в своих рядах. Но они были атакованы с обоих флангов кавалерией противника. Венгерская армия разбилась на отдельные группы. Конные рыцари скользили на болотистой почве. Спастись удалось немногим. Венгерский лагерь был захвачен и разграблен. Сражение это примечательно тем, что впервые артиллерия активно использовалась во время всей битвы.

В извещениях Сулеймана говорилось: «Милостью Аллаха моим доблестным армиям дарована победа, не имеющая себе равных».

С поля боя удалось уйти лишь нескольким венгерским эскадронам легкой гусарской кавалерии. Погибли 2 архиепископа, в том числе Томори, 6 епископов, 28 магнатов и около 500 дворян и офицеров королевской гвардии. Сам король Людовик (Лайош) II утонул в болоте, его тело нашли лишь спустя месяц. Сулейман выразил рыцарское сожаление по поводу смерти короля: «Пусть Аллах будет снисходителен к нему и накажет тех, кто обманул его неопытность: я не хотел, чтобы его жизненный путь оборвался, когда он едва лишь попробовал вкус сладости жизни и королевской власти».

В то же время султан приказал не оставлять в живых пленных. Из голов убитых по древнему тюркскому обычаю перед султаном сложили пирамиду.

Сулейман записал в дневнике:

«29 августа. Мы стали лагерем на поле, где состоялась битва.

30 августа. Выезжает султан. Приказывает солдатам привести

пленных в шатер совета.

31 августа. Султан, сидя на золотом троне, принимает приветствия визирей и военных. Казнь двух тысяч пленных. Дождь льет как из ведра.

1 сентября. Секретарь по европейским делам получает приказ похоронить трупы.

2 сентября. Остальные погибшие в Мохаче. Захоронено 20 тысяч пехотинцев и 4 тысячи закованных в латы всадников венгерской армии».

С учетом убитых пленных всего из состава венгерской армии погибло около 26 тыс. человек, а спаслось не более 4 тыс. Большинство уцелевших венгерских солдат рассеялось по степи. Лишь незначительная часть перебралась через австрийскую границу.

Потери турецкой армии неизвестны, но, учитывая ход сражения, вылившегося в избиение венгерской армии, они наверняка были в несколько раз меньше, чем у венгров.

Гибель венгерского короля и значительной части венгерского правящего класса в Мохачской битве значительно облегчила туркам покорение страны.

Султан задумчиво смотрел на массивную голову архиепископа Томори, брошенную к его ногам. Итальянец Луиджи Гритти, находившийся в это время рядом с Сулейманом, пишет, что султан выглядел «мертвенно-бледным… казалось, он не был наделен большой физической силой, но я заметил, что у него очень сильная рука, когда целовал ее. Говорят, что он способен натягивать тугой лук гораздо лучше, чем другие. Сулейман меланхоличен, любит женщин, свободно мыслит, горд, быстр и иногда весьма мягкосердечен».

Сулейман I три дня никуда не двигался от Мохача, приводя армию в порядок. По приказу султана Мохач был сожжен, а перед этим полностью разграблен. Янош Запольяи и его войска, которые могли бы повлиять на исход сражения, достигли Дуная на следующий день после битвы, но поспешили ретироваться, едва получив известие о катастрофе.

После победы при Мохаче турки через две недели взяли венгерскую столицу Буду без боя.

Когда Сулейман добрался до города Буды, расположенного на берегу реки, там остался только простой народ. Султану вынесли ключи от ворот, и он приказал не грабить и не разрушать город. Несмотря на это, во время вступления армии в Буду начались пожары и грабежи. В связи с этим в дневнике Сулеймана 14 сентября была сделана следующая запись: «Несмотря на принятые султаном меры, в Буде возник пожар. Первый визирь торопится

ликвидировать огонь. Ему не удается это».

Буда сгорела полностью, за исключением замков и парка, где Сулейман сделал привал.

Из Буды турки вывезли все сокровища венгерских королей, в том числе большую библиотеку Матиаша (Матвея) Корвина, а также три итальянские бронзовые скульптуры – Геркулеса, Дианы и Аполлона и две гигантские турецкие пушки, захваченные венграми в ходе неудачной осады Белграда Мехмедом II.

Сулейман соорудил мост из лодок через Дунай к Пешту и после предания города огню повел свои войска домой вдоль левого берега реки.

Вскоре турецкая армия двинулась в обратный путь, уводя с собой десятки тысяч пленных и увозя ценности из дворца венгерского короля, в том числе богатейшую библиотеку. Недаром Сулейман слыл покровителем наук и искусств! По некоторым оценкам, во время этого похода погибло или было уведено в плен около 200 тыс. венгров. Многие погибли не только в боях, но и от эпидемий и голода, вызванных разорением страны.

4 сентября Сулейман записал в дневнике: «Приказал убить всех крестьян в лагере. Исключение для женщин. Акынджи запрещено заниматься грабежами». Но этот запрет остался только на бумаге. Грабежи продолжались, пока османская армия не покинула территорию Венгерского королевства.

Присоединять всю Венгрию к своей империи Сулейман пока не стал. Его армия могла вести боевые действия только в летнее время, осенью она жестоко страдала от холодной и дождливой погоды в долине Дуная. А приближалась холодная и снежная зима.

Сулейман с триумфом вернулся в Стамбул. Покоренные турками земли южной и центральной Венгрии образовали новую область – Османскую Венгрию, существовавшую в 1526–1699 годах. Она называлась Будинский пашалык. В 1543 году он был разделен на 12 санджаков (областей) и передан в управление наместнику султана. Позднее же венгерские земли Османской империи выделились в Темешварский вилайет и Сегединский санджак.

Однако значительная часть венгерского дворянства не смирилась с турецким игом. Ряд венгерских магнатов, выступавших за союз с Австрией, обратились за помощью к Габсбургам и избрали венгерским королем австрийского эрцгерцога Фердинанда I.

Первоначально Янош Запольяи с турецкой помощью подчинил себе почти всю Венгрию. Лишь узкая полоска земли на севере и западе оставалась под властью Фердинанда Габсбурга.

После ухода турок в Венгрии наступило «бескоролевье». 16 октября 1526 года в Токае сейм выбрал королем князя Яноша Запольяи, а 11 ноября магнат был коронован. Но тут в борьбу вступил другой, гораздо более серьезный претендент на корону Св. Стефана – 23-летний Фердинанд I Габсбург, младший брат императора Карла V. Его жена Анна была дочерью короля Владислава II, отца погибшего короля Лайоша II. Между двумя претендентами на престол началась гражданская война.

Фердинанд без труда разбил войско Запольяи, а самого отправил в изгнание в Польшу. После этого Фердинанд был коронован и стал венгерским королем. Его войска заняли Буду.

Запольяи ничего не оставалось, как обратиться за помощью к турецкому султану. В 1528 году он был признан Сулейманом королем Венгрии и освобожден от выплаты дани в обмен на вооруженную поддержку турок. Луиджи Гритти, сын венецианского дожа, перешедший на службу к Сулейману, стал постоянным представителем Запольяи в Стамбуле. Запольяи должен был каждые 10 лет предоставлять в распоряжение султана десятую часть населения Венгрии обоих полов и навечно предоставить право свободного прохода через территорию Венгрии османских войск.

В 1529 году по просьбе Яноша Запольяи Сулейман совершил поход в Венгрию с армией в 120 тыс. человек, в которой до 50 тыс. человек состовляла пехота. 10 мая 1529 года турецкая армия под командованием Ибрагима-паши выступила из Стамбула в поход на Венгрию и 6 августа перешла венгерскую границу. Турки вновь взяли Буду, которую австрийцы и их венгерские союзники предпочли оставить без боя, и восстановили на престоле Яноша Запольяи.

Сулейман решил нанести серьезное поражение Габсбургам и овладеть Веной, что позволило бы ему контро лировать большую часть Дуная и получить плацдарм для дальнейшей экспансии в Центральной Европе. Но из-за проливных дождей турецкие войска подошли к предместьям Вены на месяц позже, чем надеялся султан. Из-за распутицы пришлось оставить далеко в тылу основную часть тяжелой осадной артиллерии. А легкие пушки укреплениям Вены были не страшны. Погибли также сотни верблюдов, которые везли оружие, продовольствие и боеприпасы. Тем временем Янош Запольяи с 6-тысячным отрядом вышел приветствовать султана у Мохача. Сулейман короновал его священной короной Святого Стефана. После захвата осажденной Буды Янош Запольяи въехал в город, чтобы занять престол под именем короля Иоанна.

Но только 21 сентября 1529 года армия Сулеймана подошла к

стенам Вены. Начало похода на Вену так отразилось в дневнике Сулеймана:

«21 сентября. Цитадель Истерграда (Прессбург, ныне Братислава. – *Авт.*). Сложный период. Гяуры постоянно обстреливают армию.

22 сентября. Армия форсировала три реки и прошла через многочисленные болота. В Альтенбурге мы вышли на венгерскую границу. Армия переходит на территорию противника в тех местах, где имеется в изобилии корм».

По оценке австрийцев, турецкое войско составляло 300 тысяч человек при 300 орудиях. Кроме того, Запольяи привел к султану 6-тысячный отряд венгров, которым командовал Луиджи Гритти. Фердинанд заблаговременно удалился в город Линц. Он надеялся получить помощь от своего брата, императора Карла V. Но тот был занят новой войной с Францией и смог прислать лишь конный отряд в 700 испанских кавалеристов.

Вену защищал 22-тысячный гарнизон во главе с опытными полководцами – маршалом Австрии Вильгельмом фон Рогендорфом и графом Николасом фон Зальмом-Рейффершейтдским. В битве при Павии в 1525 году граф Зальм лично ранил и взял в плен французского короля Франциска I, хотя и сам был ранен королевской рукой.

Сулейман полагал, что в Вене сосредоточены значительные силы противника, даже если там нет Фердинанда, и переоценивал силы осажденного гарнизона.

Рогендорф и Зальм мобилизовали боеспособные силы численностью в шестнадцать тысяч человек, в основном профессиональных солдат. Защитники Вены располагали также отрядом в 700 испанцев и рыцарями-добровольцами со всей Европы. Кроме того, действовали отряды венцев, предназначенные для тушения пожаров и восстановления разрушенных укреплений.

Городская стена была укреплена с внутренней стороны земляным валом. Все лодки вдоль берега Дуная были затоплены, а мосты подготовлены для подрыва.

Сулейман предложил гарнизону Вены сдаться, обе щая свободный выход из города. Султан уверял, что он хочет поймать только короля Фердинанда. Сулейман обещал уже через три дня позавтракать в Вене, как раз в день Св. Михаила. В случае сопротивления он обещал разрушить Вену до основания и не пощадить ни одного жителя. Разумеется, подобная перспектива могла вдохновить гарнизон и население только на то, чтобы сражаться до последней возможности.

Сулейман впервые столкнулся с хорошо вооруженной,

дисциплинированной христианской армией под командованием германских военачальников. Войска султана быстро приступили к боевым действиям. 23 сентября турецкая кавалерия начала атаки на передовые позиции христиан. К 26 сентября основные силы турецкой армии расположились напротив южной стены города. Кавалерия укрылась в лесном массиве Винер. Ставка Сулеймана разместилась сразу же позади военного лагеря сераскера Ибрагима-паши напротив ворот Кертнертор.

27 сентября по Дунаю прибыла к Вене первая группа турецких кораблей, подвергнувшись во время перехода сильному обстрелу у Прессбурга. Корабли должны были отрезать осажденных от северного берега Дуная. К этому времени граф Зальм и Рогендорф отвели все свои войска за городские стены. Вскоре Сулейман узнал от пленных, что Фердинанда нет в Вене. Впрочем, султан не был уверен в этом и в любом случае решил довести осаду до конца.

С приходом основных сил турки начали рыть траншеи у крепостной стены, а артиллеристы устанавливать на позициях осадные батареи. Город не был блокирован полностью, турки заняли позиции только к югу от Вены. С одной стороны, Сулейман надеялся, что с севера Вену блокируют турецкие речные суда (эта надежда оказалась тщетной, поскольку флотилия была слишком слаба, почти не имела артиллерии и не могла бороться с артиллерией Вены). С другой стороны, отправка части турецкой армии на северный берег Дуная была слишком рискованным делом. В случае подхода к осажденным подкреплений эта часть армии легко могла быть окружена и уничтожена, и основные силы Сулеймана на южном берегу не смогли бы быстро помочь своим, так как не имели в своем распоряжении мостов.

Турки начали бомбардировку города и взорвали несколько мин в подкопах под стенами. Тем не менее взять город не удавалось. Когда осада затянулась, осажденные с выпущенным на свободу пленным турком послали Сулейману издевательскую записку, где напоминали, что завтрак султана давно уже остыл и что теперь повелителю правоверных придется довольствоваться той пищей, которую посылают ему пушки и мушкеты с городских стен.

Турки обстреливали защитников Вены не только из пушек, но и из мушкетов и луков, однако не наносили им большого вреда.

Турецкие саперы делали подкопы и взрывали мины, а их противники, в свою очередь, взрывали контрмины. Все же туркам удалось сделать несколько проломов в стенах, но все штурмы отражались немецкими пехотинцами и артиллеристами, которых

поддерживало, как могло, все население Вены.

Сулейман наблюдал за военными действиями из высоко возносившегося над лагерем султанского шатра. Он направлял осажденным новые послания с посулами и угрозами, но безрезультатно. Ибрагим-паша, непосредственно руководивший войсками, шедшими на приступ, тоже применял политику кнута и пряника, обещая золотые горы тем, кто первым ворвется в город, и суровые кары тем, кто струсит. Но моральный дух осаждающих падал, и янычар все чаще приходилось подгонять на приступ нагайками.

Гарнизон Вены постоянно совершал вылазки и уничтожал турецкие подкопы и осадные орудия. Самая успешная из вылазок принесла им 80 пленных и 5 верблюдов, которые служили основным транспортным средством в азиатской армии султана.

Об этих вылазках Сулейман написал в дневнике:

«29 сентября. Гяуры бросаются в атаку, но отбрасываются назад, как только подходит наша кавалерия.

(В этот день защитники Вены чуть не захватили в плен Ибрагима-пашу, когда он попался на их пути во время отступления. Если бы великий визирь тогда был пленен, он, возможно, избежал бы последующей позорной смерти. – *Авт.*)

1 октября. Турецкие пушки открыли огонь по крепости.

2 октября. Бей Семендрии совершает набег, уничтожив тридцать солдат и взяв в плен десять.

(Турецкая пехота стреляла из аркебузов, прикрывая работы по рытью подкопов. В дневнике Сулейман также отмечал, что в траншеях было ранено много янычар, а пушечные ядра противника разрывались в шатрах недалеко от шатра султана. – *Авт.*)

6 октября. Контратака осажденных. Убито пятьсот наших воинов, среди них Алай-бей Густендила.

(Это была самая крупная вылазка осажденных. Турок атаковал отряд в восемь тысяч человек. Они вышли к берегу Дуная и прошли половину периметра города, уничтожая турецкие батареи, окопы и подкопы. Турки отбросили австрийцев к крепостной стене у Кертнертора. – *Авт.*)

7 октября. Продолжаются минирование и артпод готовка. Мы узнаем, что все гранды королевства, укрывшиеся за стенами, едины в стремлении выдержать осаду.

8 октября. Из города прибыли несколько дезертиров. Все паши и командиры этой ночью остаются бодрствовать, ожидая очередной вылазки.

9 октября. Подорваны две наши мины. Пробиться сквозь две бреши не удается. Идут тяжелые бои, особенно в секторе паши

Семендрии.

(Австрийцы закрыли проломы балками и деревянными щитами. – *Авт.*)

10 октября. Перед султаном предстал визирь. Он уходит в сопровождении командиров».

На этом совещании командиров султан приказал отступить от Вены и идти в Стамбул. Путь был неблизкий – более тысячи километров. Становилось все холоднее, а запасы продовольствия и фуража падали. Султан считал, что продолжение осады зимой погубит армию. Ибрагим-паша настаивал на продолжении осады, считая, что стены Вены скоро рухнут. Но султан напомнил, что за стеной есть еще внутренний земляной вал. А раз в Вене нет эрцгерцога Фердинанда, то он в любое время может явиться под стены Вены с новой армией. А к зиме турецкие войска не готовы. Снег закроет горные перевалы, и турки окажутся в ловушке.

12 октября Сулейман в своей ставке созвал еще один военный совет, который должен был решить, продолжать или прекратить осаду Вены. Султан, поддержанный большинством командиров, предложил снять осаду. На носу была зима, запасы истощились, янычары могли вот-вот взбунтоваться, а к австрийцам должны были подойти подкрепления. Но все-таки перед отступлением Сулейман под давлением Ибрагима-паши и некоторых других офицеров, которые мечтали о крупной военной добыче в богатой Вене, предпринял последний штурм крепости.

Два дня готовили новые подкопы. Албанские полки попытались прорваться в проломы в стене, но отступили, потеряв 200 человек. Сулейман и Ибрагим выехали для осмотра стены, сняв головные уборы, по которым их можно было узнать, и надев шерстяные капюшоны. Янычарам пообещали по 20 золотых дукатов каждому, кто ворвется в Вену, а тому, кто это сделает первым, гарантировали более существенную награду в виде ленных владений и повышения по службе.

Но штурм, состоявшийся 13 октября, полностью провалился. Янычары и другие отборные части турецкой армии натолкнулись на упорное сопротивление оборонявшихся. Туркам не удалось пробиться даже сквозь 100-метровую брешь в стене. Потери атакующих были огромны, туркам пришлось отступить.

Зальм и Рогендорф хорошо подготовились к отражению последнего штурма. Пушки защитников были установлены на бруствере из винных бочек, наполненных камнями и землей. Германские пехотинцы стояли непоколебимо. Турки к тому времени уже отчаялись взять Вену, их приходилось подгонять палками и саблями. К трем часам пополудни от стен крепости откатились последние отряды штурмующих. А уже в полночь над

турецкими позициями начали полыхать пожары. Сжигали все то, что не могли увезти с собой.

После неудачного штурма Сулейман приказал сжечь ненужные припасы и имущество и начать отход. Отступающую армию провожал радостный перезвон венских колоколов.

Сулейман потерпел свое первое серьезное поражение, будучи отброшенным от стен великой европейской столицы.

Престарелых пленников турки убили, а молодых они увели с собой на продажу.

С пленным штандартоносцем Зедлицем Ибрагим-паша отправил в Вену письмо, написанное на ломаном итальянском. Оно гласило:

«Я, Ибрагим-паша… генералиссимус армии, сообщаю вам, благородным и смелым командирам… Знайте, что мы приходили сюда не для того, чтобы захватить ваш город, но для того, чтобы дать бой эрцгерцогу. Именно это заставило нас потерять здесь столько дней, так и не встретившись с ним…»

Но то была всего лишь хорошая мина при плохой игре. На самом деле целью султана, конечно же, была Вена, потеря которой основательно подорвала бы позиции эрцгерцога Фердинанда в западном мире.

Хотя было видно, как турки сгружали свою артиллерию и тяжелые грузы на корабли и покидали свои траншеи, в Вене опасались, что противник может устроить засаду где-нибудь за Венским лесом.

17 октября пошел снег. В этот день конные дозоры вернулись в Вену с вестью, что турки действительно ушли. А туркам в ходе отступления пришлось бросить боеприпасы и пушки, так как многие дороги стали непроходимы. Они также потеряли много лошадей и вьючных животных и не смогли привезти из Венского похода никакой военной добычи.

Пока шла осада Вены, отряды турецкой конницы опустошали территорию Австрии и приграничные районы Баварии. Они дошли до окрестностей Ратисбона и реки Инн. Броды реки Инн удерживали войска под командованием Йохана Штаркенберга, но турецкая кавалерия все равно разорила города Бругг, Энцерсдорф, Баден и Клостернойбург.

На территории Австрии турецкая легкая кавалерия заготавливала фураж и грабила деревни. Иногда в лесах вокруг Вены происходили стычки с австрийской конницей.

Набеги турецкой легкой кавалерии наводили ужас на все эрцгерцогство. В течение двадцати дней, пока армия не пересекла границу, летучие отряды конницы опустошали большую территорию. Австрийцы повсюду защищали мельницы и замки.

Берега Дуная на всем протяжении в Австрии стали местом множества мелких стычек. Был опустошен район Штюрианских гор. Турки захватили около тысячи пленных. Никто не подсчитывал жертвы, но современники называли цифры от 7 до 20 тыс. убитых и раненых мирных жителей. А потери турок только во время осады, по оценке австрийцев, составили около 40 тыс. человек. Если же принять последующие потери во время тяжелого отступления, можно предположить, что армия Сулеймана потеряла более половины своего состава.

Хроника «Краткие мировые события», датируемая 1529 годом, сообщала, что это был год «наиболее трагичный и полный несчастий для немцев. Турки свирепствовали повсюду…».

Тогда в Германии пели песню о Сулеймане:

Из Венгрии он скоро уйдет,
В Австрии будет к рассвету дня,
Бавария уже почти в руках.
Оттуда он достигнет другой земли,
Скоро, пожалуй, он придет на Рейн.

Тем не менее Сулейман потерпел чувствительную неудачу. Османские армии, семнадцать лет не знавшие поражений, были остановлены. Сомнительно, чтобы Сулейман был чересчур расстроен итогами битвы за Вену, но, как султан и сын удачливого завоевателя султана Селима Грозного, остро переживал потерю престижа.

Дневник Сулеймана рассказывает о тяжелых испытаниях во время более чем тысячекилометрового перехода через горные перевалы и бурные реки сквозь снежные бури:

«Сегодня армия снова потеряла часть своего снаряжения… В болотах мы лишились большого числа лошадей, многие воины погибли… Султан, рассерженный на агу курьеров и управляющего снабжением, сокращает их ленные пожалования. Многие солдаты гибнут от голода… вынуждены продолжать движение… многие вьючные животные погибли… мера зерна продается за пять тысяч асперов… вынуждены идти дальше, хотя лошади дохнут, как прежде… значительная часть снаряжения потеряна во время форсирования Дуная… сильные дожди… мы увязли в глубоком снегу…»

Чтобы подсластить горечь поражения, Сулейман устроил пышный праздник в Стамбуле в честь обрезания своих сыновей. И неоднократно повторял потом, что вообще не собирался брать Вену, а хотел лишь настигнуть короля Фердинанда, чтобы сразиться с ним.

Через несколько месяцев после ухода армии Сулеймана Карл V впервые за девять лет посетил немецкие земли своей империи. Выплатив жалованье войскам, защищавшим Вену (невыплата грозила бунтом), он познакомился и с масштабами разорения Австрии мародерствовавшей турецкой кавалерией. Карл был только что коронован папой императором в Болонье. Поскольку император не мог мириться с силами Реформации, он должен был помириться с турками.

Гонцы в Константинополь были посланы Фердинандом, но с явного согласия старшего брата. Младший Габсбург приказал своим послам зачитать на немецком языке условия договора, которые состояли в признании турками Фердинанда в качестве короля Венгрии, возвращении австрийскому королевству Буды (где, опираясь на турецкий гарнизон, правил Запольяи) и других крупных венгерских городов. Предлагали взятку Ибрагиму и взятку Сулейману (последняя для приличия называлась «пенсией»).

Хотя Сулейман весьма желал соглашения с Карлом, он отказался лишить власти Януша Запольяи или отдать Буду, а тем более признавать Венгрию неотъемлемой частью империи Габсбургов.

Сулейману, конечно, было на руку, что в конце года в Стамбул прибыли послы от эрцгерцога Фердинанда. Но на уступки он идти не собирался, равно как и продаваться австрийскому эрцгерцогу и германскому императору. В ответ на предложение взятки Ибрагим-паша распахнул окно и показал послам на Семибашенный замок, где хранились несметные сокровища султанов. Он ясно давал понять, что нет такой взятки, за которую можно было бы купить его или султана Сулеймана.

«Его министров, – писал Никколо Макиавелли, – происходивших из рабов и крепостных, трудно подкупить, да и это принесло бы мало пользы… Тот, кто атакует турок, должен помнить, что они очень дружны… но если когда-либо турки будут разгромлены на поле боя так, что не смогут восстановить свои силы, то им останется опасаться только одного – султанской семьи».

Тут стоит отметить, что ситуация изменилась уже в XVII веке, когда подкупить если не султана, то великого визиря стало обычным делом у европейских дипломатов. Можно вспомнить, что российскому императору Петру Великому удалось получить приемлемые условия мира после провального Прутского похода во многом благодаря щедрым взяткам, которые российские дипломаты передали великому визирю.

Пока же Ибрагим-паша высокомерно называл эрц герцога

просто Фердинандом, а Карла V отказался титуловать императором, ибо так можно называть только султана Османской империи. Великий визирь ясно дал понять, что мир можно будет заключить только на тех условиях, которые предложит сам султан. Благодаря тому, что эрцгерцог согласился уступить Сулейману захваченный османскими войсками во время последнего похода, но потом отбитый Фердинандом Эстергом (Гран), 22 июня 1530 года мирный договор был подписан. Фердинанд обязался выплачивать дань в 30 тыс. дукатов и отказаться от претензий на венгерскую корону, сохранив за собой лишь северные венгерские и словацкие земли.

В тот момент Габсбурги не могли использовать свою победу под Веной. Император Карл V воевал с Францией и протестантскими княжествами Германии и не мог оказать необходимую помощь своему брату эрцгерцогу. Османская империя в тот момент не была ни для одной из держав Европы главным противником.

Сулейман же по-прежнему жаждал вступить в схватку с Карлом V за господство в Центральной Европе и взять реванш за поражение под Веной. Два с лишним года ушли на сбор и оснащение новой армии.

И вот 26 апреля 1532 года 120-тысячное турецкое войско, сопровождаемое речной флотилией, в очередной раз двинулось вверх по Дунаю. Еще на пути к Белграду Сулейману встретилось новое посольство от Фердинанда. Теперь эрцгерцог готов был заплатить еще большую сумму и султану, и великому визирю, чтобы избавить свои владения от турецкого вторжения.

Сулейман принял послов в роскошно обставленном помещении.

Чтобы унизить их, он разместил австрийских послов ниже французских и заявил, что его враг не Фердинанд, а Карл V.

«Король Испании, – заявил султан, – уже долгое время говорит о своем желании пойти войной против турок. Но я, милостью Аллаха, сейчас иду с моей армией, чтобы сразиться с ним. Если у него действительно храброе сердце льва, пусть он подождет меня на поле боя, а тогда нас рассудит воля Аллаха. Но если он все же не захочет подождать меня, пусть он пришлет дань моему императорскому величеству».

На этот раз регулярные турецкие войска – янычары, сипахи и феодальная кавалерия – имели свою обычную численность: 45–48 тыс. человек, что равнялось приблизительно численности австрийских войск в Вене. Численность легкой кавалерии была увеличена до более чем 50 тыс. всадников. Кроме того, по требованию султана крымский хан привел из степей еще 15 тыс.

татар. Но эти всадники, эффективные во время внезапных кавалерийских набегов, особенно если враг был застигнут врасплох, не были обучены атаковать укрепленные позиции и при осаде Вены были бы бесполезны. Очевидно, Сулейман прежде всего рассчитывал на полевое сражение с армией императора Карла V.

Затем Сулейман двинулся на север с войсками, более приспособленными для быстрых переходов, чем к осадам городов. Он взял с собой лишь минимум тяжелой артиллерии, памятуя, что мало шансов довести ее в сохранности до стен Вены.

Чтобы отразить новое турецкое нашествие, императору Карлу V пришлось помириться с французским королем Франциском I, а в июне 1532 года, стремясь развязать себе руки, он вынужден был заключить в Нюрнберге мир с протестантскими князьями Германии, сняв перед имперским судом все свои обвинения в их адрес. Чтобы бороться с турками, Карлу нужно было умиротворить германские протестантские города у себя в тылу.

На этот раз император Карл сконцентрировал для защиты Вены в июне 1532 года большую армию в 80 тыс. человек. Но он надеялся, что до генерального сражения с османской армией дело не дойдет.

Тогда под Веной была собрана, вероятно, наибольшая за последние полвека армия Священной Римской империи. Под командованием императора Карла V находились вооруженные формирования германских городов и княжеств, а также профессиональные наемники из Германии, Нидерландов и Испании. Кроме того, император привлек ветеранов-испанцев, служивших прежде в Италии и Нидерландах.

Ричард Ноллес с энтузиазмом писал об этом христианском ополчении уже в начале XVII века: «На людской памяти никогда раньше не собиралось в одном военном лагере так много способных командиров и доблестных солдат. Князья и свободные города направляли сюда тщательно отобранных и проверенных людей, соревнуясь, кто пришлет наилучших. Весь цвет и сила Германии от Вислы до Рейна и от Атлантики до Альп… была направлена сюда… многие пришли добровольно. Такого еще не было, чтобы вся Германия в едином порыве и с радостью взялась за оружие ради обеспечения общей безопасности».

Зная, что турецкая армия во главе с султаном быстро приближается с юга, австрийцы приготовились обороняться в верхнем течении Дуная, опираясь на Вену. Там они подготовили достаточно прочные укрепленные позиции. Но главные силы Сулеймана туда так и не дошли.

Австрийцы получали довольно достоверную информацию о продвижении турок. К югу от них в горах на венгерско-австрийской границе туркам сдавались города, из занятых турками районов стали прибывать беженцы. Но турецкая армия появилась там, где ее не ждали, – между Веной и остальной Германией. В это же время вассалы турок крымские татары на венгерской равнине безжалостно опустошали беззащитные деревни, сеяли страх и ужас. Они строили мосты через реки или преодолевали их вплавь, но не пытались осаждать крепости.

Легкая конница турок вышла к Штейру и, двигаясь вдоль реки Энс к западу от Вены, вышла к маленькому венгерскому городку Гюнс (Кесег) в 60 километрах к югу от Вены. Сулейман решил его осадить. Но австрийские военачальники в Вене вскоре получили от императора приказ держаться на своих позициях, не пытаясь перебираться через горный хребет, и оказать помощь Гюнсу. Карл понял, что Сулейман стремится вызвать его на бой и попытаться устроить христианам второй Мохач.

Кесег оборонял гарнизон в 800 человек под командованием храброго хорватского капитана Николы Джуришича. К тому времени численность армии Сулеймана уменьшилась до 80 тыс. человек, но она все равно превосходила защитников Кесега в 100 раз. Гарнизон отбил 19 ожесточенных штурмов. Через месяц среди янычар начались волнения, и осаду пришлось снять.

Почему же Сулейман вдруг решил осадить столь маленькую крепость, как Гюнс? Дело в том, что от Гюнса в сторону Вены открывался коридор высокогорного плато между большим озером Нейзидлер и восточной оконечностью горных хребтов Тауэрна. Сулейман надея лся, что войска императора войдут с юга в этот коридор для помощи Гюнсу, и германская и испанская пехота на открытой равнине будет окружена со всех сторон турецкой кавалерией. Сражение в таких условиях стало бы вторым Мохачем, после которого можно было бы рассчитывать на капитуляцию гарнизона Вены и захват всей Австрии и оставшейся части Венгрии, а при благоприятных условиях еще и Богемии (Чехии).

Однако Карл V был слишком опытным полководцем, чтобы дать заманить себя в столь примитивную ловушку. Осознав, что имперское войско не сдвинется с места, Сулейман прекратил осаду Гюнса и стал отступать.

Маленькая крепость сражалась храбро, однако огромная армия императора Карла нисколько не пыталась облегчить ее участь. Зато он не без оснований надеялся на истощение сил османской армии, равно как и на то, что для осады Вены у нее просто не останется времени. Сулейман почти месяц оставался

под Гюнсом. 28 августа он принял капитуляцию города, но эта капитуляция была на практике признанием турецкого поражения. Формально гарнизону был предложен свободный выход из крепости в обмен на сдачу города. Для сохранения османского престижа Ибрагим-паша придумал компромисс, чем-то напоминающий родосский, но более выгодный для осажденных. Осажденным было объявлено, что султан, восхищенный их храбростью, милостиво решил пощадить их. Джуришича с почетом принял сам Ибрагим и разъяснил, что сдача крепости будет лишь «на бумаге» и все ограничится передачей ключей от города султану в знак признания его захвата турками. Фактически султан потребовал только ключи от ранее взорванных ворот крепостной стены, гарантировав, что не только не нанесет вреда доблестному гарнизону, но даже не будет настаивать на том, чтобы он покинул крепость. Турки ограничились лишь размещением отрядов янычар у проломов стены в качестве арьергарда уходившей на север турецкой армии. Через несколько дней этот арьергард покинул крепость. Стойкое сопротивление гарнизона Кесега задержало продвижение турецкой армии до конца августа. А там пошли дожди, началась распутица, погода все ухудшалась, и Сулейман, опасаясь повторения катастрофы 1529 года, приказал отступить. Он любой ценой стремился избежать еще одного зимнего отступления, подобного тому, что происходило три года назад, когда было потеряно много людей и почти весь обоз.

Это турецкое вторжение опять было отражено австрийцами с минимальными потерями собственной армии, хотя от грабежей со стороны турок и татар изрядно пострадало население Венгрии и Штирии. Сулейман же опять потерял более трети своей армии, главным образом – от голода и болезней.

В момент отступления от Кесега отряды татарских всадников показались с тыла, наводя мосты через Дунай, чтобы пробиться к Сулейману. Часть из них стала жертвой австрийских сил, сосредоточенных под Веной. Но многие отряды татар смогли пробиться в Нижнюю Австрию, где армия Сулеймана шла горными долинами, захватывая небольшие селения, но обходя такие города, как Грац и Марбург. В дневнике Сулейман писал:

«Располагаемся лагерем под Грацем, большим городом, находящимся под властью короля Испании… капитуляция крепости Посега… сжигаем предместье крепости Кобаш… крепость Гуриани, принадлежащая сыну деспота, сдается… армия становится лагерем у крепости Алтакх на берегу реки Бозут. Капитуляция крепости Панкова, принадлежащей королю Фердинанду…»

Немецкая историческая хроника повествует: «Ярость захватчиков привела их к Линцу, городу, в котором в это время находился Фердинанд». Однако турки даже не сделали попытки осадить хорошо укрепленный город.

Турецкие войска растянулись по горным альпийским дорогам, форсировали бурную реку Мур, а потом ушли за Драву по спешно наведенному мосту. На пути Сулеймана вообще не было войск, но не было и достойной добычи, которая оправдала бы тяготы похода. То, что удавалось захватить по пути, всецело расходовалось на продовольствие и фураж уцелевшим воинам и животным. Да и рабов гнать на столь далекое расстояние не имело смысла, поэтому их и не захватывали.

Не ранее 23 сентября, когда турки, форсировав реку Драва, уже достаточно удалились от австрийской столицы, Карл появился на несколько дней в Вене. Но уже в начале октября он благополучно вернулся домой в Барселону через Италию, убедившись, что на этот раз турецкая угроза миновала.

К 9 октября, когда начались осенние ветры с дождем, султан уже был далеко за пределами Австрии. Он благополучно перебрался в район нижнего Дуная, а оттуда двинулся к Белграду.

Драгоценное время, не говоря уже о средствах и людских жизнях, было потрачено впустую, тем не менее, отступая от Гюнса, Сулейман все еще пытался выманить неприятеля из Вены на открытую местность. Он послал в Вену весть, что хочет не занимать города, а сразиться с императором, который, как он надеется, наконец выйдет со своей армией на поле брани. На самом деле Карл с основными силами находился более чем в 300 километрах от Вены вверх по Дунаю, в Ратисбоне, не имея намерения давать решительного сражения туркам. Султан, не имея достаточно тяжелой артиллерии и зная, что гарнизон Вены теперь гораздо сильнее, чем тот, который в 1529 году успешно выдержал осаду, начал отступать на юг, ограничившись разорением Штирии, где он, избегая осады крепостей, разрушал деревни и нещадно грабил крестьян, превращая в пустыни многие местности Нижней Австрии.

Так завершилась кампания 1532 года, в которой австрийцы, используя стратегию истощения, одержали победу, не проведя вообще ни одного сражения. Ее самым крупным событием стала осада Гюнса (Кесега), гарнизон которого составлял менее тысячи человек. В Европе такой исход очередного турецкого вторжения вызвал удивление. Не посвященные в тонкости военного дела обыватели и политики говорили, что, как и Вену в 1529 году, и на этот раз Австрию и всю Центральную Европу спасло от турок чудо, божий промысел. Ожидавшийся поединок между султаном

Востока и императором Запада так и не состоялся.

Двумя месяцами позже в Стамбуле, вернувшись из похода, султан записал в дневнике:

«13 ноября. Умер бывший великий визирь Пири-паша.

21 ноября. Султан вернулся в сераль в Константинополе. Пятидневный праздник с фейерверком в городе и его предместьях Аюб, Галата и Скутари. Базары по ночам остаются открытыми, и султан инкогнито посещает их».

Сулейман пытался понять, считают ли его подданные второй неудачный поход против Вены поражением или победой. Официальная версия, предназначавшаяся для внешнего мира, оставалась прежней. Султан вновь попытался дать бой своему врагу – императору христиан, который не рискнул встретиться с ним в открытом поле и предпочел трусливо убежать и спрятаться. Но в Европе таким объяснениям давно уже никто не верил. Европейские государи поняли, что Габсбурги Сулейману Великолепному не по зубам и что турецкий султан никак не может поставить под свой полный контроль даже Венгрию, где у него были влиятельные сторонники в лице партии Запольяи.

Австрийские полководцы уже выработали достаточно эффективную стратегию борьбы против Сулеймана Великолепного. Следовало по возможности избегать генеральных сражений в поле до тех пор, пока христианские армии не получат примерного численного равенства с османской армией и, что еще важнее, – существенного огневого превосходства над ней. Пока же ограничиваться обороной стратегически важных крепостей, позволяя турецкому султану растрачивать свои силы на их длительные осады. Австрийцы уже давно поняли, что ахиллесовой пятой османского общества является снабжение. При наличии одной только главной базы снабжения в Стамбуле, откуда поступали и пушки, и боеприпасы, и большая часть другой амуниции, турецкие армии оказывались в состоянии вести активные боевые действия, особенно на европейском театре, только весной и летом. Ведь осенняя распутица, а потом зимние холода не только лишали их возможности снабжаться за счет тех местностей, где происходили боевые действия, но и отрезали турок от тыловых баз снабжения и вынуждали к стремительному отступлению, чтобы избежать гибели. Противники же турок при этом несли только минимальные потери в рядах своих вооруженных сил, которые находились в своих базах снабжения и почти не совершали изнурительных походов и тем более не тратили сил на осады крепостей. Хотя при этом противники Сулеймана вынуждены были жертвовать имуществом, а порой и жизнью и свободой населения ряда пограничных территорий,

разоряемых османами. Однако ни для Австрии, ни для Германии, ни для Испании разорение этих территорий не имело критического значения и не подрывало их способность противостоять турецкому нашествию. Но Сулейман все еще не осознавал, что время тех громких успехов, вроде взятия Родоса или победы при Мохаче, проходит безвозвратно. Он не мог остановиться, потому что твердо усвоил несложную истину: без новых завоеваний и добычи власть султана будет слабеть, и он, а тем более его наследник легко могут стать жертвами заговора или очередного янычарского бунта. И Сулейман убеждал себя, что европейские властители, и тот же Фердинанд, все еще трепещут перед ним и несокрушимой мощью Османской империи.

По условиям мирного договора, заключенного в 1533 году, австрийские Габсбурги получали территорию Западной и Северо-Западной Венгрии, но должны были по-прежнему платить за это Сулейману I Великолепному ежегодную дань в 30 тыс. дукатов, которая уплачивалась до 1606 года.

А вот Карл V мирного договора с Сулейманом не заключил, и испанский и имперский флоты продолжали бороться с турецким на Средиземном море. Мир между ними был заключен только в июле 1537 года в Константинополе. Сулейман признал Карла «братом», т. е. равным себе, а Фердинанда – «сыном». Договор представлял собой констатацию статус-кво. За Фердинандом оставались западные земли Венгрии, тогда как восточная часть страны признавалась владением Запольяи, а южная – Оттоманской империи. Сулейман заверил послов Карла V, что Фердинанд может рассчитывать «не только на перемирие, но мир. И не на семь лет или сто лет, на все время, пока Фердинанд будет его соблюдать».

Продолжая войну с Габсбургами, в 1538 году Сулейман совершил поход против Молдавского княжества. Этому предшествовали следующие события.

Весной 1535 года господарь Молдавии Петр Рареш заключил с Фердинандом Габсбургским союзнический договор, направленный против Османской империи.

Поведение господаря давно не нравилось Сулейману. Причастность же его к убийству султанского уполномоченного в Трансильвании, военный конфликт с Польшей, которая в тот момент была фактической союзницей султана, заключение антитурецкого союза с Габсбургами и, наконец, отказ Рареша послать в распоряжение султана положенную согласно вассальным обязательствам тысячу всадников привели к тому, что Сулейман Великолепный решил низложить господаря и

окончательно покорить Молдавию. Свою помощь ему предлагал и польский король. К тому же против Рареша была сильная оппозиция со стороны молдавских бояр, недовольных попытками господаря ограничить феодальную вольницу.

Ранней осенью 1538 года во главе 200-тысячной армии султан вступил в пределы Молдавии. С востока в страну вторглись татары, а с севера – поляки. Татары были разбиты в битве у местечка Штефэкешты, а Хотинская крепость выдержала осаду со стороны польской армии.

Но главным противником были турки. Господарь Рареш решил дать генеральное сражение в районе Ботошан, где пересеченная местность затрудняла маневрирование турецкой конницы. Но бояре со своими дружинами покинули господаря. Без боя сдалась султану и столица княжества – крепость Сучава. Рарешу с остатками армии пришлось бежать в Трансильванию.

Так Габсбурги потеряли ценного союзника.

Турецкие и татарские войска заняли Молдавию. Султан отторг от Молдавии значительную часть южной и центральной территории Прутско-Днестровского междуречья – Буджак и Тигинский цинут. Город Тигина с тянувшейся к нему округой были превращены в турецкую райю (так называлась территория, отнятая у вассального правителя и переданная в прямое подчинение турецкой администрации). Молдавское название города и цинута Тигина было заменено на турецкое название Бендеры. Там была сооружена мощная Бендерская крепость.

Утверждаемые султаном господари Молдавии и Валахии должны были держать страну в повиновении туркам и обеспечивать регулярную уплату дани (при Сулеймане она определялась в 30 тыс. золотых дукатов с каждого княжества), различных налогов и повинностей. Контингент молдавского войска после похода Сулеймана был ограничен 10 тыс. воинов, и княжество лишилось собственных крепостей, перешедших под контроль османских гарнизонов. Турки систематически укрепляли Килийскую, Белгородскую и Бендерскую крепости.

В 1538 году, когда основные турецкие силы были отвлечены в Молдавию, между Фердинандом и Запольяи был заключен Варадский мир, по условиям которого власть во всем государстве после смерти Запольяи должна была перейти к Фердинанду или его потомкам. Но перспектива объединения Венгрии под скипетром Габсбургов не устраивала Сулеймана Великолепного. Он не признал Варадского мира и в 1540 году возобновил военные действия против австрийцев и их венгерских союзников.

В 1540–1547 годах Сулейман Великолепный вел войну против Священной Римской империи в союзе с Французским

королевством. Воспользовавшись тем, что основные силы императора Карла V были скованы военными действиями в Северной Италии и на восточной границе Франции, турки начали успешное наступление. Они вторглись в Западную Венгрию. В 1541 году турецкие войска в очередной раз взяли Буду, а все захваченные венгерские земли объявили частью Османской империи. Через два года в их руки перешел Эстергом. В сентябре 1543 года капитулировал гарнизон крепости Штульвейссенбург (Секешфехервар), получивший право свободного выхода вместе со всем имуществом. В 1543–1544 годах турки также заняли Печ, Фехервар, Вац, Ноград, Хатван и ряд других венгерских городов, но далеко не все из них смогли удержать.

Буда стала резиденцией наместника султана – паши, в руках которого была сосредоточена вся военная и административная власть. Позже на территории Венгрии было создано пять провинций – эялетов. Во главе их стояли назначаемые султаном бейлербеи, которые держали в своем подчинении всех военно-служилых людей, возглавляли феодальное ополчение и осуществляли на данной территории верховную военную и гражданскую власть. Правда, турецкое правление в Венгрии не отличалось стабильностью. За 145 лет турецкого владычества на посту паши (бейлербея) Буды сменилось 99 человек, многие из которых были казнены султанами либо за финансовые злоупотребления, либо за военные поражения.

Часть населения захваченной турками венгерской территории бежала на территорию габсбургской Венгрии или в Трансильванию. Многие крестьяне, спасаясь от турецких грабителей, бросали свои земли и переходили к полукочевому скотоводству, поскольку в этом качестве пользовались при турецком господстве большей свободой.

В июне 1547 года был подписан Адрианопольский мирный договор, подтвердивший раздел Венгрии между двумя империями. Западная и Северная Венгрия оставались под властью Габсбургов, а центральная часть становилась эялетом Османской империи. К Габсбургам по Адрианопольскому договору 1547 года отошли земли со смешанным венгерско-славянским населением, а к туркам – собственно венгерские и венгерорумынские области. Вдова и сын князя Яноша Запольяи, правившие Трансильванским княжеством, куда входила Восточная Венгрия, признавались турецкими вассалами.

Капитаны турецких кораблей не были связаны Адрианопольским договором. Сулейман планировал новый поход в Азию и надеялся при помощи флота предотвратить возможные атаки имперских и испанских войск на Балканах.

Однако Адрианопольский мир стал фактически лишь коротким перемирием. В 1551 году началась новая война с Австрией. В 1552 году турки взяли Темешвар и крепость Веспрем, а также города Сечень, Дьярмат и крепость Дрегей. Небольшой гарнизон последней, возглавляемый Дьердем Сонди, героически сражался с превосходящими силами врага и погиб полностью, так и не сдав крепость. Затем турецкие войска заняли Сольнок и осадили город-крепость Эгер, защитники которого оказали османам поистине героическое сопротивление. Турки с их многочисленной артиллерией так и не смогли в ходе нескольких штурмов овладеть Эгером.

Эгер прикрывал пути к горнорудным районам Чехии и Словакии. Когда 9 сентября вокруг города сжалось кольцо осады 80-тысячной турецкой армии, в крепости находилось около 2,1 тыс. солдат. В течение 38 дней осажденные во главе с капитаном крепости Иштваном Добо без какой-либо помощи извне с беспримерной храбростью отражали ожесточенные приступы врага и производили смелые вылазки. С мужчинами крепость защищали женщины и дети. Они восстанавливали разрушенные стены, а во время штурмов опрокидывали на головы турок камни, горящую смолу и наравне с солдатами с оружием в руках встречали рвущихся на стены янычар. Турки вынуждены были снять осаду из-за начавшихся холодов и больших потерь. Поход на Вену был сорван, равно как и возможный поход в Чехию.

В 1570 году сын Яноша Запольяи, Януш II Запольяи, передал свою ничего не значившую для него корону королей Венгрии Габсбургам, оставшись князем Трансильвании, и год спустя умер.

Европейцы хорошо усвоили, что сильной стороной османов было их численное превосходство и лучшая индивидуальная подготовка бойцов. Поэтому они старались избегать рукопашных схваток, предпочитая, чтобы турки тратили время и силы на осады небольших крепостей. В полевых же сражениях турецкие войска старались остановить и уничтожить с помощью артиллерии и мушкетного огня. Вскоре после смерти Сулеймана эта тактика принесла свои плоды, и началось постепенное отвоевание у Османской империи ее владений в Венгрии и на Балканах.

Побеждать в Европе после битвы на Мохаче Сулейману мешали также объективные географические факторы: слишком растянутые коммуникации (до Стамбула было более 1000 км) и суровый по османским меркам климат Центральной Европы, не позволявший турецкой армии вести успешные боевые действия поздней осенью и весной.

Турецкая армия в походе не везла с собой продовольственные припасы и фураж, чтобы сохранить быстроту перемещения. Поэтому приходилось заготавливать фураж для лошадей и вьючных животных, а это невозможно было сделать в зимнее время и в уже разоренных местностях. Сулейман понял, что Центральная Европа ему не по зубам. Вена и лежащие за ней города оказались вне досягаемости султана.

Победы на Средиземном море

Осознав, что на сухопутных фронтах в Европе он пока достиг пределов, до которых могла расширяться Османская империя, Сулейман Великолепный обратил свой взор на Средиземное море. Султан рассчитывал нанести решающие поражения европейским флотам. Это не только сулило богатую добычу за счет грабежа судов и прибрежных территорий, но и позволяло надеяться, что, побежденные на море, европейские государи будут более уступчивы и в определении турецких сухопутных границ.

Основной ударной силой османского флота в XVI веке являлись галеры. В конце XV – начале XVII века это были килевые суда с длинным и узким корпусом, имевшие небольшое возвышение над уровнем воды. Их длина достигала 40–50 м, ширина составляла около 6 м, а осадка – 1–1,5 м.

Античный таран у средневековой галеры превратился в длинный 6—7-метровый выступ, так называемый «клюв», или «гальюн». Поскольку он находился выше ватерлинии, во встречном бою нос против носа «клювом» можно было обломать несколько весел и покалечить гребцов, тем более что «клюв» заканчивался шпироном – надводным тараном, который мог вонзиться в борт неприятельского корабля. Главное же, когда галера наскакивала в бою всем своим длинным «клювом» на низкую палубу другой галеры, то он выполнял роль абордажного мостика, по которому солдаты и матросы переходили на вражеский корабль. Галеры были ориентированы прежде всего на то, чтобы сблизиться с противником и захватить его суда в абордажном бою. Хотя установленная на галерах артиллерия играла все более важную роль. На галерах пространство под палубой разделялось поперечными перегородками на несколько отделений, предназначенных под каюты и для хранения боеприпасов и провизии. Вдоль судна устанавливался помост, возвышавшийся над вершиной палубного свода на 60–70 см и обеспечивавший сообщение носа с кормой. Оконечности галеры были покрыты площадками во всю ее ширину, этот помост назывался куршея. Над кормовой площадкой находилась трельяжная беседка, в которой на возвышении ставилось кресло для капитана.

От куршеи к бортам тянулись банки для гребцов. Вдоль верхней части борта, возвышавшегося над водой на 0,9–1,2 м, на некотором расстоянии от него протягивался брус (аутригер, или гостица), в котором делались уключины. Вдоль бортов над гребцами устанавливался помост-крыша, а с боков пространство

между крышей и брусом с уключинами обшивалось досками, в которых делались порта для весел.

Ход галеры обеспечивали прежде всего весла, которых имелось 50—120 штук. До конца XVI века весла делались небольшими, около 6 м длиной, с расчетом, чтобы ими мог работать один гребец. Несколько весел выдвигались в один порт. Гребцы, работавшие этими веслами, сидели на одной банке, которая для этого ставилась наклонно к диаметральной плоскости. Чаще всего использовались трехрядные галеры, где на каждой банке сидели по три гребца.

Галеры имели и парусное оснащение. В большинстве случаев они оснащались двумя мачтами, но встречались и трехмачтовые. Обычно все мачты несли косые (латинские) паруса.

Гребцы в турецкий флот обычно набирались из невольников, пленных и преступников. На ноги гребцов часто надевали колодки, которые приковывали к упорным брусьям. Тогда в случае, если судно тонуло, шансы спастись у гребцов были практически равны нулю. Гребля представляла собой очень тяжелый труд, продолжавшийся без отдыха по 10–12 часов. Не случайно «каторга» – это далматинское название галеры, и от этого слова происходят каторжные работы – принудительные работы для преступников, которые первоначально представляли собой именно греблю на галерах. Впрочем, постепенно гребцы-невольники заменялись вольнонаемными гребцами, поскольку от профессионализма гребцов во многом зависел успех в бою.

Опытные гребцы делали до 25 взмахов в минуту, что позволяло развивать скорость до 6 узлов. Но такая скорость достигалась редко. Обычно максимальная скорость галер составляла 4,5–5 узлов, и в ветреную погоду они значительно уступали парусникам. Все гребцы гребли только во время сражений или маневра, а в остальное время гребли только одна или две трети гребцов, а остальные отдыхали.

Из-за своих конструктивных особенностей галеры не могли иметь мощное артиллерийское вооружение. Лишь на носу галеры на помосте устанавливались одна-три пушки среднего или крупного калибра.

Кроме того, иногда на помосте ставили и мортиры малого или среднего калибра. На помосте в средней части корпуса на галерах ставили 2—3-фунтовые пушки на вертлюжных установках.

Итальянские инженеры создали в 1530-е годы новый тип судна – галеас, одержавший победу в битве при Лепанто за счет своего мощного артиллерийского вооружения. Галеасы строились более широкими и высокобортными, чем галеры. Длина их

достигала до 80 м. Ход галеаса обеспечивался главным образом парусами. Галеас имел три мачты с косыми парусами.

В бою и в безветрие на галеасе использовались весла. Обычно на галеасе имелось 32 банки, на каждой из которых сидели 6–8 гребцов. Таким образом, общее число гребцов доходило до 500–600, а всего экипаж галеаса составлял до 1000–2000 человек.

Вооружение галеаса составляло до 60 пушек. Однако по скорости хода как под парусом, так и на веслах галеас проигрывал галерам.

В середине XVI века в испанском, французском и других европейских флотах на базе парусно-гребных галеасов были созданы чисто парусные суда – галеоны. От галеасов галеоны отличались более низкой кормовой надстройкой, а корма из круглой превратилась в прямоугольную. Галеоны несли от 3 до 5 мачт. Первые две-три мачты имели прямые паруса, а однадве последние – косые. На галеонах пушки устанавливали на специальных пушечных палубах. Огонь из орудий вели через порты – герметически закрывающиеся вырезы в бортах судов. На галеонах в XVI веке устанавливалось до 50–60 пушек, а по скорости в ветреную погоду они значительно превосходили галеры.

Эпоха галеры закатилась к концу XVI века. А производство хороших чисто парусных судов, господствовавших на морях и океанах уже в XVII веке, турецкие верфи так и не освоили.

Первый турецкий военно-морской флот в Малой Азии состоял всего лишь из 30 парусных судов. Тем не менее он рос и постепенно отвоевывал у венецианцев все новые острова в Эгейском море. Теперь Сулейман задумал перейти к более активным операциям флота в Западном Средиземноморье, чтобы нанести поражение испанскому и имперскому флоту. К тому времени турецкий флот насчитывал уже до 300 кораблей. Благодаря талантливому магрибскому флотоводцу Хайреддину Барбароссе он установил полный контроль над Средиземным морем, сломив сопротивление военно-морских сил Венеции и Генуи, Священной Римской империи и Испании. Союзная Франция, тоже имевшая военный флот в Средиземноморье, в эти войны на море не ввязывалась.

Команды кораблей Барбароссы, укомплектованные магрибскими пиратами, греками с островов Эгейского моря и турками, сражались яростно и умело. Их привлекала богатая военная добыча. Победоносный турецкий флот под предводительством самого Барбароссы и других капитанов-пиратов Магриба совершил немало грабительских рейдов против стран Южной Европы, нападая и на побережье Северной Африки.

При этом захватывались тысячи невольников и уничтожались неприятельские суда. Морские походы османов, больше напоминавшие собой пиратские набеги, продолжались в Средиземном море около двух десятилетий.

В 1532 году французский король Франциск I затянул с выплатой жалованья эскадре знаменитого генуэзского адмирала Андреа Дориа. Бравый военно-морской кондотьер обиделся и увел из Тулона свою эскадру в распоряжение императора Карла V – злейшего врага Франции.

Тогда же Карл V решил нанести удар Оттоманской империи в Греции, пытаясь отвлечь внимание султана Сулеймана I от сухопутных походов в габсбургские владения. Император попытался привлечь на свою сторону Венецию, но та заявила о своем полном нейтралитете. Однако, когда Андреа Дориа проходил мимо острова Занте, венецианский адмирал Винченцо Капелло самовольно присоединился к нему с 60 галерами. 21 сентября 1532 года флот подошел к Корону, крепости у входа в Патрасский залив, которой легко овладел вместе с близлежащими замками Рио и Антарио. Ограничившись этим, флотилия Дориа ретировалась в Геную.

В 1533 году Сулейман отправил к Корону флотилию из 60 галер и 30 мелких судов под командованием адмирала Люфти-паши Пасция. Император Карл V и папа Климент VII решили отстоять Корон, чего бы это ни стоило.

2 августа турецкий флот был обнаружен у юго-западной оконечности Пелопоннеса. Дориа построил вспомогательные суда с большими галеонами в одну линию, а галеры под своим командованием – в другую. Люфти вместо атаки обстрелял неприятеля с большой дистанции. Турки не рискнули брать на абордаж галеоны, а когда Дориа выдвинулся вперед с галерным флотом, турецкий адмирал предпочел отступить.

Сулейман I был в гневе на Люфти-пашу за проявленную нерешительность и приказал вызвать из Алжира Хайреддина Барбароссу.

В 1533 году тот по приглашению султана прибыл в Стамбул со своим флотом из 18 галер. Его корабли привезли подарки для султана, в том числе рабов. Среди подарков были золотые украшения и слитки, драгоценные камни и дорогие ткани, а также верблюды, львы и другие африканские животные и большая группа молодых христианских женщин. В ответ султан щедро одарил пирата и назначил его командующим всем турецким флотом в Северной Африке и одновременно бейлербеем Африки. С этого дня не только флот, но и все беи африканских провинций Османской империи подчинялись Барбароссе.

Сулейман также назначил Барбароссу капудан-пашой, то есть главным адмиралом, и предоставил в его полное распоряжение арсенал в Галатеи, верфи в Стамбуле и Измире. Капудан-паша (капудан-и дерья) из своей резиденции в арсенале Касим-паши в Стамбуле руководил всеми моряками и всеми начальниками и рабочими арсеналов, строившими корабли и орудия для них.

Получив задание султана «показать свое умение в строительстве кораблей», Барбаросса вместе со своими людьми направился на стамбульские верфи, чтобы осуществлять надзор, ускорить строительство и давать советы, какие именно корабли надо строить. Благодаря усилиям адмирала морская мощь Османской империи стала ощутимой во всем Средиземноморье, и под контр оль империи перешла большая часть североафриканского побережья.

Получив от султана почетное звание «Хранитель веры», Хайреддин Барбаросса стал весьма религиозным человеком, начал исполнять все мусульманские обряды и требовал того же от своих подчиненных, что отнюдь не вызывало у них энтузиазма. Барбаросса уверовал, что именно Аллах дарует ему победу в сражениях. К нему присоединялись и некоторые европейские моряки, устраивавшие бунт на своих судах из-за плохого питания и мизерного жалованья.

Между прочим, на зеленом флаге Барбароссы была изображена Звезда Давида. В исламе она была символом печати Соломона и означала мудрость, власть над джиннами, возможность разговаривать с животными и вообще власть над любыми стихиями, в том числе морской.

Барбаросса теперь строил корабли в Стамбуле и Измире. Он установил жесткие правила поведения на кораблях. Запретить морякам пить совсем было делом безнадежным. Адмирал потребовал лишь, чтобы матросы не напивались пьяными, а в бой непременно шли трезвыми. А вот играть в карты и кости на деньги на кораблях было абсолютно запрещено, поскольку это разлагало экипажи и нередко приводило к поножовщине. Нарушителей жестко карали. Хайреддин требовал содержать оружие в чистоте и порядке, иначе грозил лишить моряков их доли добычи.

На портрете Барбароссы, сохранившемся в турецких архивах, изображен человек с лохматыми бровями, густой бородой, толстым носом и толстой нижней губой, выступающей вперед. Что называется, раскатал губы! Капудан-паша был среднего роста, но при этом невероятно силен. По преданию, на вытянутой руке он выдерживал двухгодовалую овцу до тех пор, пока та не погибала.

Командующий христианским флотом и главный противник турецкого адмирала генуэзский адмирал Андреа Дориа, служивший императору Карлу V, пытался вызвать Барбароссу на бой, но тот умело уклонялся от сражения в невыгодных условиях.

По отношению к христианам Хайреддин проявлял необычайную жестокость, пленных безжалостно казнил, выставляя отрубленные головы на всеобщее обозрение.

В то же время Барбаросса был суеверен и носил на шее оберег в форме глаза, подаренный Сулейманом. Он никогда не брал на корабли женщин, но не только из суеверия, а еще и потому, что понимал: присутствие женщин на борту основательно подорвет дисциплину его не слишком добродетельного воинства.

В июле 1534 года флот Барбароссы, насчитывавший 84 галеры, вышел из Дарданелл. Барбаросса решил продвигаться в западном направлении, чтобы опустошить побережья и порты Италии вдоль Мессинского пролива и севернее, во владениях Неаполитанского королевства. С частью кораблей капудан-паша прошел Мессинский пролив, разграбил города области Реджоди-Калабрия, захватив в Четраро 18 венецианских галер и высадив турецкие десанты по итальянскому побережью вплоть до Фонди. Но итальянский поход был всего лишь отвлекающим маневром, поскольку главной целью Барбароссы был Тунис.

16 августа 1534 года флот Барбароссы вошел в гавань Туниса. Под предлогом восстановления власти претендента на тунисский престол капудан-паша высадил своих янычар в ЛаГолетте, в самом узком месте канала, который вел к озерной гавани Туниса. Местный правитель Мулай Хасан бежал, и после легкой перестрелки Тунис сдался туркам. Страна была провозглашена владением Османской империи.

Эта новость очень не понравилась императору, который имел на Тунис свои виды. Карл V приказал собрать все боевые суда Испании, Неаполя, Сицилии и Мальты. Всего набралось до 600 кораблей под командованием Андреа Дориа (по другим данным, судов у генуэзского адмирала было лишь 400). Противостоять столь превосходящим силам купудан-паша не мог. Через месяц Тунис был захвачен союзным флотом, но Барбароссе удалось уйти с частью своих кораблей.

Союзный флот подошел к Тунису в конце июня 1535 года. На борту находились отряды императорских войск, состоявшие из испанцев, немцев и итальянцев. Вскоре они высадились вблизи руин Карфагена. Прежде чем достичь собственно Туниса, они должны были захватить башни-близнецы крепости Ла-Голетты, которые охраняли «горловину потока», ведущую к городу. Войска императора осаждали крепость в течение целых двадцати четырех

дней, неся большие потери. Они долго не могли преодолеть отчаянное сопротивление турок. Крепость умело обороняли под руководством способного командира, корсара из Смирны (Измир), иудея по происхождению, с помощью артиллерии, взятой с находившихся в озерной гавани кораблей.

Но Ла-Голетта все-таки пала, в основном из-за проломов в стенах, появившихся в результате обстрела из орудий корабля рыцарей святого Иоанна – восьмипалубного галеона «Санта-Анна» огромных размеров, который, пожалуй, был самым вооруженным боевым кораблем из всех существовавших в то время.

Путь к Тунису для императорских войск был открыт. Овладев озером, они пленили основную часть флота Барбароссы. Однако капудан-паша, страхуясь от весьма вероятного поражения, направил эскадру своих галер в Бон, порт между Тунисом и Алжиром, спасая их таким образом от гибели. Он готовился встретить сухопутную армию императора, которая продвигалась по берегу озера в страшную жару. Потерпев неудачу в попытке блокировать ее продвижение к колодцам по маршруту следования, Барбаросса отошел под стены Туниса, где готовился дать сражение на следующий день во главе своей армии, состоявшей из турок и берберов.

Однако в Тунисе несколько тысяч пленных христиан под предводительством одного из мальтийских рыцарей вырвались на свободу, захватили арсенал и, вооружившись, атаковали турок. Император вошел в город, встретив лишь незначительное сопротивление. Но его солдаты устроили убийства, грабежи и насилия, продолжавшиеся три дня. На троне был восстановлен свергнутый Барбароссой прежний правитель Мулай Хасан, теперь уже в качестве вассала императора. Для охраны Ла-Голетты был оставлен испанский гарнизон.

Тем временем Барбаросса отплыл из Бона с галерами и войсками. Однако он пошел не в Стамбул, а атаковал испанские Балеарские острова. Испанцы такого поворота событий никак не ожидали. Турецкая эскадра под испанскими и итальянскими флагами была встречена с почестями, так как ее приняли за часть армады императора, возвращавшейся с победой. Корабли вошли в порт Маго (ныне Махон) на острове Минорка. Внезапно корабли открыли огонь и высадили десант. Город был сожжен, и войска Барбароссы, не встречая сопротивления, разграбили город, взяли в плен и в рабство 5700 христиан и увезли с собой в Алжир захваченные богатства и запасы.

В конце осени 1535 года Барбаросса с остатками флота вернулся в Стамбул. Султан приказал ему построить новый флот из 200 галер.

В 1536 году флот Андреа Дориа захватил у Мессины десять турецких торговых судов, а затем напал на турецкую эскадру у острова Панос в Ионическом море. В ответ весной 1537 года Барбаросса со своим новым флотом отплыл из Стамбула для нападения на юго-восточное побережье Италии. Оно должно было быть поддержано турецкой наземной армией под командованием султана, переброшенной морем из Албании.

Сулейман лично вел 20-тысячную армию через Фракию и вниз по Балканскому полуострову до порта Валлоны в Албании. А Барбаросса тем временем шел к Валлоне с флотилией из 100 кораблей. Там адмирал взял армию на борт, чтобы перевезти ее в Бриндизи. План также предполагал вторжение в Италию с севера войск французского короля Франциска I при поддержке турецких галер, присутствие которых на протяжении всей зимы в порту Марселя открыто демонстрировало франко-турецкий союз. В случае удачи Сулейман и Франциск надеялись изгнать Габсбургов из Италии. Турки подкупили губернатора Бриндизи, который обе щал открыть ворота города. Но заговор был раскрыт, и вариант с высадкой Бриндизи отпал. Тут еще выяснилось, что Франциск вступил с императором в переговоры о перемирии, раздумав вторгаться в Италию. Нужен был новый план военных действий. Сулейман и Барбаросса решили ограничиться разорением итальянского побережья. Адмирал высадил десанты в Отранто и, по свидетельству современников, «оставил пустынным побережье Апулии, подобно бубонной чуме».

Капудан-паша так напугал Андреа Дориа мощью своей армады, что тот не рискнул вывести свои корабли из порта Мессины.

Тем временем венецианские корабли захватили у Корфу турецкое судно, на котором находился губернатор Галлиполи, и убили весь экипаж и пассажиров. Лишь один моряк, держась за доску, доплыл до берега и сообщил о случившемся великому визирю. Сулейман приказал немедленно осадить Корфу. Его армия высадилась на острове с кораблей по понтонному мосту, составленному из лодок от албанского берега.

Турки бомбардировали венецианскую крепость из 30 осадных орудий, однако взять Корфу так и не смогли. Крепость стойко держалась, и, как всегда, с приближением зимы осаду пришлось прекратить. После трехнедельной осады турки погрузились на корабли и покинули Корфу. Барбаросса с флотом прошел по Ионическому и Эгейскому морям, грабя и опустошая венецианские острова и захватив в рабство множество местных жителей. Он разграбил Навплию и Мальвазию (Монемвасию) на восточном берегу Пелопоннеса, а также острова Скирос, Эгину,

Патмос, Иос, Парос и Астипалею.

Затем адмирал с триумфом вернулся в Стамбул, нагруженный, согласно турецкому историку Хаджи Халифу, «одеждами, деньгами, тысячью девушек и пятнадцатью сотнями мальчиков – с добычей стоимостью 400 тысяч золотых монет».

На следующий день Барбаросса нанес визит султану, чтобы засвидетельствовать почтение и преподнести обильные подарки из захваченной добычи. По свидетельству современника, он «нарядил в пурпур две сотни мальчиков, которые несли в руках фляги и кубки с золотом и серебром. За ними следовали тридцать других мальчиков, у каждого из которых был на плечах мешок золота. Далее шли две сотни мужчин, каждый с мешком денег. Замыкали шествие две сотни гяуров в ожерельях и с рулоном одежд на спине».

Карл V, папа Павел III и венецианский дож лихорадочно собирали флот, чтобы отомстить за разграбление венецианских владений и разбить наконец легендарного турецкого адмирала. На это благое дело сама Венеция выставила 81 корабль под командованием Винченцо Капелло, папа отрядил 36 галер под командованием другого венецианского адмирала Марка Гримани, а еще 30 судов прибыло из Испании.

Император Карл V выставил 99 кораблей, из которых 50 были многопушечными галеонами с прямыми парусами. Общее командование флотом император поручил Андреа Дориа.

Барбаросса, имевший к тому времени лишь 150 кораблей, занял позицию у порта Превеза в Эпире у входа в залив Алевракинос. Вход в залив был мелководный и извилистый, в ширину не превышая мили. А фарватер, по которому могли следовать суда, был еще уже.

Барбаросса занял позициию у мыса Акция.

22 сентября 1538 года ко входу в залив подошел флот Андреа Дориа. Постояв четыре дня, он не рискнул входить в залив и отступил к югу. Турки его преследовали. В ходе преследования, не потеряв ни одного корабля, Барбаросса захватил две галеры (папскую и венецианскую) и пять испанских парусников. Ну а армада Дориа, разделившись на несколько отрядов, ушла в Корфу.

Таким образом, в сентябре 1538 года Барбаросса одержал полную победу в битве при Превезе над соединенными флотами Венеции и Австрийской империи, хотя урон, понесенный противником, и был невелик.

После сражения у Превезы Венеция начала искать пути к соглашению с Османской империей и при посредстве Франции в 1540 году заключила мир со Стамбулом. В результате Венеция

потеряла свои последние анклавы на Пелопоннесе, Навплию и Мальвазию, и выплатила султану 300 тыс. дукатов.

Между тем отряд пиратских кораблей из Алжира совершил рейд на Гибралтар. Император Карл V решил наказать алжирцев, воспользовавшись тем, что Барбароссы не было в Стамбуле. Императорский флот под командованием Дориа 18 октября 1541 года вышел из Майорки и двинулся к Алжиру. Ультиматум испанцев о сдаче крепости жители Алжира отвергли. 23 октября на берег была высажена 25-тысячная армия под командованием герцога Альбы, позднее прославившегося жестоким подавлением восстания в Испанских Нидерландах. Но утром 24 октября разразился ураган. Этим воспользовались мусульмане, устроившие вылазку и нанесшие потери осаждающим. Император приказал начать отступление. В море в результате бури погибло более 40 кораблей.

Весной 1543 года флот Барбароссы в составе 110 кораблей вновь направился на запад, на этот раз в Тулон, чтобы снова воспользоваться союзническим гостеприимством «наихристианнейшего короля» Франциска I. По пути капудан-паша разграбил несколько городов Южной Италии, поддерживавших императора. В Реджо-ди-Калабрии турки захватили красавицу, 18-летнюю жену местного губернатора, и подарили ее 68-летнему Барбароссе. Тот оценил подарок и немедленно женился на девушке, а также, проявив несвойственный ему гуманизм, за родительское благословение отпустил с миром отца и мать своей невесты, у которых, естественно, выбора не было.

Затем Барбаросса повел свой флот на север и штурмом овладел крепостью Гаэта в 70 км к северу от Неаполя. Потом турецкие суда появились в устье Тибра и атаковали Чивитавеккью. В Риме возникла паника. Пришлось даже закрыть городские ворота, чтобы воспрепятствовать массовому бегству римлян.

Объединенный флот Франции и Османской империи вышел из Марселя 5 августа 1543 года. Барбаросса высадил десант янычар в Вильфранше в 6 км восточнее Ниццы, которую турки захватили в конце августа. После взятия Ниццы турецкий флот ушел на зимовку в Тулон.

В Марселе и Тулоне турецкие моряки вели себя не слишком деликатно, по привычке не гнушаясь грабежом, что весьма напрягало местных жителей. Франциск уже подумывал, каким образом избавиться от назойливых союзников. Весной 1544 года французский король наконец дал огромную взятку Барбароссе, и тот увел своих пиратов в Стамбул. Король внес значительные

платежи на содержание турецких войск и сделал дорогие подарки самому адмиралу. 4 июля 1546 года Хайреддин Барбаросса скончался в своем дворце в Стамбуле. Последние годы он больше не ходил в морские походы. Капудан-паша поселился на Босфоре в роскошном дворце, пожалованном ему султаном. Рядом Барбаросса возвел мечеть и мавзолей необычайной красоты.

В мае 1560 года султанский флот одержал еще одну большую морскую победу. Вблизи побережья Северной Африки, у острова Джерба, турецкая армада во главе с достойным учеником Барбароссы Пиале-пашой вступила в сражение с объединенными эскадрами Мальты, Венеции, Генуи и Флоренции, которыми командовал Джованни Дориа, внучатый племянник знаменитого адмирала. Целью союзников был захват Триполи, но они смогли овладеть лишь островом Джерба. В итоге мальтийские и итальянские моряки потерпели поражение, потеряв 30 галер из 54. Правда, при этом союзники сумели сохранить 17 фрегатов, 2 галеона, 28 торговых одно– или двухмачтовых кораблей и 12 малых судов. Турецкие потери составили 5 или 6 галиотов из 86 галер и галиотов. В плен к туркам попал и 5-тысячный гарнизон Джербы. После этой победы господство османского флота в Средиземноморье было упрочено.

Война с Персией (Ираном)

Положение на ирано-турецкой границе никогда не было спокойным. Восстания анатолийских шиитов, начавшиеся при Селиме Грозном, продолжались и при его сыне. В 1525–1526 годах восточные районы Малой Азии вплоть до Сиваса были вновь охвачены крестьянским восстанием, во главе которого встали шейхи Коджа Соглун-оглу и Зуннун-оглу. Но в сентябре 1526 года их разбил наместник Сиваса. Предводитель повстанцев Баба Зуннун погиб в сражении.

В конце 1526 года новое восстание охватило район Малатьи в Киликии. Земледельцы и скотоводы требовали не только сокращения повинностей и налогов, но и возврата земельных угодий и пастбищ, которые были присвоены султанской казной и розданы турецким феодалам. Повстанцев было до 30 тыс. человек – турок и курдских кочевников. Во главе восстания встал дервиш Календер Челеби. Он объявил о своем намерении бороться против Османской династии и о создании новой династии. Себя он стал именовать Календер-шахом. Летом 1527 года войско бейлербея Анатолии было наголову разгромлено повстанцами. Лишь внутренние разногласия в стане повстанцев и предательство ряда примкнувших к Календеру тимариотов помогли войскам султана одержать конечную победу. Армия Календера быстро поредела в результате тайного сговора анатолийского бейлербея с некоторыми из глав племен и тимариотов, участвовавших в восстании. Отряды Календера были разгромлены правительственными войсками, сам он был взят в плен и обезглавлен. Повстанцы были рассеяны, власть султана была полностью восстановлена.

Кроме восстания Календера, в этот период произошло еще одно заметное выступление против власти султана в районе Аданы, в котором участвовало около 5 тыс. человек. Оно было сравнительно быстро подавлено.

После восшествия на престол Сулейман тайно отправил в Тебриз посланников с разведывательной целью. Он хотел выяснить, собираются ли Сефевиды продолжать войну, но определенного ответа не получил. Занятый европейскими делами Сулейман никаких активных действий на иранском направлении пока что не предпринимал.

Границы Османской империи с Персией не были определены, а вассальные правители в приграничных районах меняли своих хозяев в зависимости от того, на чьей стороне была сила и с кем было выгоднее заключать союз.

В 1524 году шах Исмаил умер, его наследником стал десятилетний Тахмасп I. При малолетнем шахе разгорелась нешуточная борьба за власть между кызылбашскими эмирами, что турецкого султана вполне устраивало.

Сулейман Великолепный в 1525 году послал новому сефевидскому шаху Тахмаспу послание, в котором угрозы перемежались с насмешками. В заключение Сулейман предложил юному шаху Ирана снять с головы корону и, подобно предкам, одеться в дервишское рубище.

Однако, отвлеченный походом в Европу, а также походом в Венгрию, султан все еще не торопился воз обновлять полномасштабную войну с Персией.

В 1529 году в Центральном Ираке произошло крупное антишиитское восстание. Его возглавил выходец из лурской кочевой знати Зульфикар-бек. Он взял Багдад и заявил о полном разрыве с Сефевидами. Зульфикар отправил ключи от Багдада и посольство в Стамбул. Однако еще до прибытия турецких войск, в 1530 году, армия сефевидского шаха Тахмаспа вторглась в Ирак, разбила повстанцев и осадила Багдад. Зульфикар был убит, и кызылбаши взяли и разграбили Багдад.

Ирак вернулся под власть Сефевидов. Вскоре на сторону султана перешел сефевидский правитель провинции Азербайджан, а на сторону шаха – курдский эмир Битлиса, расположенного в турецком пограничном районе.

После того как был заключен мир в Венгрии, султан решил наконец всерьез заняться персидскими делами. В сентябре 1533 года Сулейман Великолепный начал свою первую персидскую кампанию. Он собрал большую армию, численностью до 140 тысяч человек. Ее возглавил великий визирь Ибрагим-паша.

В отместку за убийство Зульфикара Сулейман приказал казнить ряд персидских пленников, все еще содержавшихся в Галлиполи. Затем он выслал впереди себя великого визиря Ибрагима, чтобы тот проинструктировал его по поводу военных действий в Азии.

Ибрагим-паша зиму провел в Алеппо, а затем выступил в поход на Тебриз, из которого шах предпочел бежать. Город был занят османами 13 июля 1534 года. После четырех месяцев похода по засушливой и гористой местности войско султана соединилось с войском великого визиря под Тебризом, и в октябре их объединенные силы пошли в очень трудный поход на юг, к Багдаду, борясь с исключительно тяжелыми зимними условиями в гористых местностях.

Османы двинулись в Хамадан, но противника так и не встретили и решили уйти зимовать в Ирак. Однако из-за

проливных дождей в горах Загроса османская армия понесла большие потери, лишилась артиллерии и большей части обоза с вьючными животными, погибшими в бурных горных потоках. Чтобы облегчить переход, пушки пришлось закопать в землю.

Тем временем в Багдаде вспыхнуло восстание во главе с суннитским духовенством. Жители перебили большую часть гарнизона и многих шиитских проповедников, а сефевидский наместник Мухаммед-хан бежал из Багдада в Иран. В последних числах ноября 1534 года Сулейман торжественно въехал в Священный город Багдад, освободив его в качестве вождя правоверных от власти иранских шиитов. С населявшими город шиитами обошлись с подчеркнутый терпимостью, так же, как Ибрагим обошелся с жителями Тебриза. Сулейман приказал восстановить суннитские святыни – мавзолеи Абд аль-Кадера аль-Гайлани и Абу Ханифы. Сулейман произвел особо благоприятное впечатление на иракских суннитов, обнаружив останки великого суннитского имама Абу Ханифа, признанного юриста и богослова времен пророка Мухаммеда. Новая могила для святого стала местом поклонения паломников. Также после освобождения Багдада от шиитских еретиков, но уже в Стамбуле, произошло чудесное открытие мощей другого мусульманского святого, Эюба, соратника пророка, почитаемого суннитами.

В апреле 1535 года Сулейман Великолепный ушел из Ирака, оставив там 32-тысячную османскую армию, включая тысячу мушкетеров-янычар.

Между тем Сулеймана все больше беспокоил великий визирь Ибрагим-паша.

В Иране он, несомненно, превысил свои полномочия. После захвата Тебриза, но еще перед прибытием Сулеймана он позволил себе присвоить титул султана, добавив его к титулу сераскера, главнокомандующего. Он даже позволял обращаться к себе как к султану Ибрагиму.

В Иране подобное обращение было достаточно привычным и обычно использовалось по отношению к мелким племенным вождям курдов и тюрков. Но Сулейман, разумеется, смотрел на подобное поведение великого визиря совершенно иначе, рассматривая его как акт нелояльности.

А тут еще, на беду Ибрагима, во время персидской кампании сопровождал его старинный личный враг Искандер Челеби, дефтердар, или главный казначей, который возражал против использования Ибрагимом султанского титула и пытался убедить его отказаться от него.

Они поссорились и стали плести друг против друга интриги. В результате Искандер Челеби был обвинен в интригах против

султана и злоупотреблении казенными деньгами, после чего приговорен к смерти. Перед казнью он попросил перо и бумагу и в предсмертном письме обвинил Ибрагима-пашу в заговоре против Сулеймана.

Султан решил, что перед смертью не лгут. К тому же во сне ему явился мертвец с нимбом вокруг головы и попытался удушить его. Сулейман счел этот сон еще одним доказательством виновности Ибрагима. Весной 1536 года Ибрагим-паша был приглашен поужинать с султаном в его апартаментах в Большом серале и остаться после ужина, согласно его привычке, ночевать. На следующее утро его труп нашли у ворот сераля с явными следами удушения. Было видно, что он отчаянно боролся за жизнь. Тело Ибрагима-паши было сразу же захоронено в монастыре дервишей в Галате, без каких-либо почестей и даже без камня, отмечавшего могилу.

Ибрагима-пашу обвинили в слишком тесных конт актах с Францией, а также в слабости веры и неподобающем правоверному мусульманину образе жизни и казнили, задушив шелковым шнурком. Молва обвиняла в гибели Роксолану (наложницу султана), но так ли это было на самом деле, мы не знаем и по сей день.

В 1538 году в Стамбул прибыло посольство правителя (хакима) Басры Рашида ибн Мугамиса, который просил о принятии в османское подданство. Сулейман Великолепный осыпал хакима милостями и назначил пожизненным правителем Басры.

О переходе под власть Османской империи заявили также правители Луристана, Хузестана, Бахрейна, Эль-Катифа и других княжеств Неджда и Нижнего Евфрата.

Однако через несколько лет султан объявил Рашида ибн Мугамиса мятежником. Османские войска и речной флот под командованием багдадского наместника Айас-паши 15 декабря 1546 года взяли Басру, легко разбив местное ополчение. Они также сожгли стоявшие в гавани суда. Рашид ибн Мугамис бежал.

В 1547 году, после очередного перемирия с Габсбургами, султан Сулейман приступил к осуществлению новой кампании против Персии. Толчком на этот раз послужил переход на сторону Османской империи брата Тахмаспа Алкаса-мирзы, который был губернатором Ширвана. Когда Тахмасп направил войска, чтобы умиротворить своего непокорного брата, Алкасмирза бежал через Феодосию в Стамбул. Таким образом, в распоряжении Сулеймана теперь оказался потенциальный претендент на шахский престол. В 1548 году Сулейман заранее известил Алкаса-мирзу о том, что начинает военную кампанию против Персии, но хотя османская

армия во главе с султаном и подошла в очередной раз к Тебризу, из-за нехватки снабжения пришлось отказаться от осады города. К тому же стало ясно, что Алкас-мирза не пользуется поддержкой местного населения, да и не стремится отобрать власть у Тахмаспа, войска которого привычно уклонялись от сражений. Сулейман вернулся домой в 1549 году ни с чем, если не считать захвата приграничного города Ван и не слишком богатых трофеев.

В следующей иранской кампании 1553–1555 годов турецкие войска во главе с султаном нанесли новые поражения Сефевидам, но ни одна из побед не имела решающего значения. Основные сражения происходили на севере – в Закавказье и Центральной Персии.

Летом 1553 года Тахмасп выступил в поход, пытаясь вернуть недавно потерянные территории, и овладел Эрзурумом. В ответ Сулейман вновь лично возглавил армию и в 1554 году опять двинулся на восток, дойдя до Еревана и Нахичевани. Турецкие войска взяли Тебриз, опустошили Армению и Азербайджан. На этот раз турки, подражая персам, применяли тактику «выжженной земли» в тех приграничных районах, откуда кызылбаши начинали свои набеги. Тахмасп, как и прежде, избегал крупных сражений, изматывал силы противника в мелких стычках, лишал его продовольствия и фуража. Из-за отсутствия продовольствия и фуража Сулейман был вынужден оставить Нахичевань и отойти к Эрзуруму. С наступлением осени боеспособность оттоманской армии, как отмечает Х. Иналджик, начинала стремительно падать из-за проблем со снабжением и ухудшения погоды. И это давно заметили уже все противники Сулеймана.

Султану пришлось пойти на переговоры с Сефевидами. На обратном пути из Нахичевани он приказал визирю Мухамлу-паше начать переговоры о мире и произвести обмен высокопоставленными пленниками. Осенью 1554 года было заключено перемирие.

Граница между Османской империей и государством Сефевидов была установлена 29 мая 1555 года по Амасьинскому миру. Грузия и Армения были разделены по-братски между двумя странами. Имеретия, Мегрелия и Гурия переходили в сферу влияния Турции, а восточные области Грузии – Месхия, Картли и Кахетия – в сферу влияния Ирана. Западная Армения оказалась под властью Османской империи, а восточная – под властью Сефевидов. Сулейман получил Курдистан, основную часть арабского Ирака с Багдадом и доступ к Персидскому заливу, а персы сохранили свою бывшую столицу Тебриз и довоенные северо-западные границы и в том числе весь Азербайджан. Это

был первый в истории мирный договор между Ираном и Турцией.

Граница прошла примерно в 100 км от Тбилиси, на 150–180 км западнее Тебриза, а на юге проходила восточнее Басры, по берегу Персидского залива.

В 1578 году, уже после смерти Сулеймана, началась еще одна ирано-турецкая война. Она закончилась в 1590 году подписанием мирного договора в Стамбуле, по которому к Турции перешли Тебриз, Ширван, часть Луристана, Западная Грузия и некоторые другие районы Кавказа. Однако эти области, кроме побережья Грузии, Османская империя смогла удержать под своей властью только на протяжении 20 лет.

В целом Сулейману не удалось одержать победы над Сефевидами. Его успехи ограничились завоеванием некоторых пограничных провинций в Азербайджане, Армении, Грузии, Курдистане и Ираке. Сулейману даже не удалось выиграть ни одного крупного сражения в Иране. Его противники быстро поняли, что против турок надо применять стратегию истощения и тактику «выжженной земли», не ввязываясь в решительные бои. Неудовлетворительная система снабжения османской армии не позволяла ей длительное время удерживать большие территории. Приходилось ограничиваться завоеванием приграничных провинций. Однако даже там оставленные султаном гарнизоны нередко истреблялись войсками шаха после ухода основных турецких сил.

Войны в Персидском заливе и Индийском океане

Хотя сам Сулейман Великолепный, как мы уже отмечали, лично не участвовал ни в одной морской экспедиции, он прекрасно сознавал необходимость активных действий флота на всех морях для сохранения могущества Османской империи. Наряду со Средиземным и Черным морями в сферу действий турецкого флота с завоеванием Египта, Аравии и Ирака вошел Персидский залив и шире – Индийский океан. Турецкие эскадры базировались в портах Красного моря, Аравийского полуострова и Басры. Их главным противником в этом регионе оказался португальский флот, так как Иран своего флота практически не имел.

Сулейман Великолепный, завершив кампании в Европе и Иране, попытался укрепить османское влияние в бассейне Индийского океана. Он решил реализовать проект, задуманный еще его отцом Селимом I. Тот в 1519 году собирался покончить с владычеством Португалии, уничтожив ее базы на Малабарском побережье. Сулейман I приказал бейлербею Египта построить флот и подготовить поход на Индию. Главной базой турецкого флота в Индийском океане стал Суэц.

К маю 1538 года турецкий красноморский флот в основном был готов. Командование экспедицией султан доверил наместнику Египта Сулейману-паше аль-Хадиму, хотя этот 80-летний старец никогда не отличался талантом флотоводца. По всей вероятности, султан недооценивал противника, с которым туркам предстояло встретиться в Индийском океане. Турецкий флот, вышедший из Суэца 13 июня 1538 года, насчитывал более 70 боевых кораблей, около 100 транспортов и 20 тысяч человек, в том числе экспедиционный корпус из 7 тыс. янычар и других пехотинцев.

3 августа флот Сулеймана-паши прибыл в Аден. Тахиридский эмир Адена Амир ибн Дауд без боя сдал город и обещал туркам свою поддержку. Но Сулейман-паша ему не доверял, зная о давних связях эмира с португальцами. Подозревая Амира ибн Дауда в двойной игре, Сулейман-паша на всякий случай решил его убить. Сказано – сделано. Амира ибн Дауда пригласили на борт флагманского корабля, арестовали и без суда и следствия повесили у ворот Баб ас-Сахель. Вместе с эмиром казнили и двух его приближенных.

4 сентября 1538 года османский флот достиг индийских

берегов. Но тут начались неудачи. Сулейман-паша поссорился с местными мусульманскими правителями, которые заподозрили его в намерении оккупировать Гуджарат.

Португальский флот отошел далеко на юг и оказался вне пределов досягаемости турецкой эскадры. Сулейман-паша начал осаду Диу в Кмибейском заливе – самой сильной португальской крепости в Индийском океане.

Осада длилась 20 дней, но турецкие осадные пушки так и не смогли разрушить укреплений, а защитники крепости держались стойко. У турок кончались боеприпасы, и осаду пришлось снять. 5 ноября 1538 года турецкий флот отплыл из Индии.

На обратном пути Сулейман-паша зашел в гавань Эш-Шихра, где присягу султану принесли правители Хадрамаута, потом зашел в Аден и в декабре 1538 года прибыл в Моху. Часть флота пошла на север, захватив Джизан и другие прибрежные селения. Не встречая сопротивления, турки двинулись в глубь страны и заняли столицу Йемена Забид, включив эту страну в состав Османской империи. Сулейман-паша вызвал в Моху мамлюкского эмира Йемена ан-Нахузу Ахмеда и по своему обыкновению приказал на всякий случай казнить его вместе с братьями. Провинции мамлюкского эмирата были преобразованы в османские санджаки.

Португальцы тем временем вступили в переговоры с Сулейманом Великолепным, отправив в 1544 году посольство в Стамбул. Они добивались признания своей гегемонии в Индийском океане. Послы предложили султану заключить перемирие на 10 лет, обязуясь при этом доставлять в Басру ежегодно 127 тонн перца, а турки в обмен должны были поставлять 250 тонн пшеницы. Еще португальцы настаивали, чтобы турки не перепродавали португальский перец и не закупали перец в других странах. Чтобы пресечь свободную торговлю пряностями, португальцы настаивали на своем праве контролировать Баб-эль-Мандебский пролив и досматривать все проходящие через него суда. Португальская сторона требовала разоружения турецкого флота на Красном море и замораживания численности турецких войск в Адене. Кроме того, Османская империя должна была признать за португальцами свободу мореплавания у берегов Аравии, в том числе в Адене, Забиде и Джидде. А вот турецкие торговые суда должны были получать у португальцев лицензии на право плавания в Индийском океане и платить за них пошлины, иначе находящиеся на них грузы могли быть конфискованы.

Турецкому султану португальцы хотели запретить строить новые военные корабли и производить вооружения, которые

могли бы создать опасность для португальского судоходства в Индийском океане.

Подобные мирные предложения были для султана неприемлемы. Война в Индийском океане возобновилась. К середине XVI века португальцы укрепили свои позиции в Эфиопии, куда стали приезжать миссионеры и переселенцы из Европы. Негус Эфиопии Клавдий разрешил своим подданным переходить в католичество.

В ответ Сулейман решил занять Судан, воспользовавшись предложением бывшего наместника Йемена Оздемира-паши, хорошо знавшего ситуацию в бассейне Красного моря. В 1555 году султан назначил Оздемира-пашу бейлербеем нового эйалета Хабеш (Абиссиния).

Оздемир-паша сформировал в Египте 30-тысячную армию, в которую вошли как мамлюки, так и боснийские войска и другие отряды из Румелии и азиатских провинций. В 1556 году эта армия двинулась в поход вверх по Нилу. Оздемир-паша захватил Асуан, Ибрим и дошел до Суакина. Но перейти Нубийскую пустыню не смог и вернулся в Египет, откуда на следующий год морем все-таки достиг Суакина. Затем при поддержке флота Оздемир-паша захватил Массауа и Зейлу, таким образом поставив под турецкий контроль все красноморское побережье Африки. К 1557 году власть османского султана была признана почти по всей Северо-Восточной Африке.

Столицей нового эялета стал город Массауа. Положение христиан в этом регионе значительно ухудшилось. Установив свой контроль над Баб-эль-Мандебским проливом, турки фактически закрыли его для португальцев. В 1556 году португальцы в последний раз напали на Суакин и Суэц, но потерпели неудачу.

В 1554–1564 годах Османская империя через свои красноморские порты ввозила в Европу по 2–4 тыс. тонн пряностей ежегодно. В 1554 году одна только Венеция закупила в Александрии 6 тыс. центнеров пряностей, а в 1560–1564 годах увеличила закупки до 12 тыс. центнеров в год. Только в 70-е годы XVI века, уже после смерти Сулеймана Великолепного, португальцы смогли с помощью флота добиться прохода своих судов через Баб-эль-Мандебский пролив и подорвать османскую монополию на торговлю пряностями.

А вот в Персидском заливе португальцы полностью удержали свои позиции. Утвердившись во внутренних районах эялета Эль-Хасы, турки с суши блокировали португальские прибрежные крепости на Аравийском полуострове и начали их постепенный захват. Так, в 1550 году они овладели Эль-Катифом, имевшим

важное значение для контроля над Персидским заливом. Восставшие по призыву османов горожане вырезали португальский гарнизон и впустили в город войска султана. Однако вскоре перед крепостью появился грозный португальский флот под командованием адмирала Антонио де Нороньи. Не выдержав бомбардировки тяжелых корабельных орудий, турки и большинство повстанцев покинули крепость. Но португальцы не стали удерживать Эль-Катиф, а только взорвали цитадель, разрушили другие укрепления и удалились в открытое море.

Сулейману и Хайреддину Барбароссе стало ясно, что Османской империи необходим сильный флот в Персидском заливе и Индийском океане. В недавно захваченной Басре в ускоренном порядке стали возводиться арсеналы и верфи. Все османские суда и прибрежные гарнизоны в бассейне Индийского океана были подчинены адмиралу (капудан-паше) Красного моря.

Еще в 1547 году Сулейман назначил на эту должность известного мореплавателя и картографа Пири Рейса, а в 1552 году поручил ему борьбу с португальцами в Персидском заливе.

30 судов с 16-тысячной армией вышли из Суэца под командованием Пири Рейса. Этому флоту удалось уничтожить несколько небольших португальских баз, а потом после 18-дневной бомбардировки овладеть главной португальской крепостью на подступах к Ормузу Маскатом. Турецкие корабли вошли в Ормузский пролив. Но сильно укрепленный Ормуз взять не удалось, хотя во время осады турки понесли большие потери. Флоту Пири Рейса пришлось уйти в Басру, где его блокировал португальский флот. Турецкому адмиралу удалось вырваться лишь с 3 кораблями и уйти в Суэц. Сулейман вызвал его в Стамбул и казнил за самовольное нападение на Ормуз и потерю флота.

Следующим командующим флотом Индийского океана стал бывший пират Мурад-паша. В августе 1553 года он вышел из Басры в Красное море, но в Ормузском проливе был атакован португальской эскадрой Диего де Нороньи. У мыса Мусандам произошла битва, в которой погиб почти весь турецкий флот. Мурад-паша с несколькими уцелевшими кораблями отступил в Басру.

За год турки построили новый флот, и в июле 1554 года он отправился в Индийский океан. На этот раз им командовал «адмирал-писатель» Сиди Али (или Кятиби Руми), который, однако, оказался не более удачлив, чем его предшественники. Раньше он служил под началом Хайреддина Барбароссы, и султан надеялся, что он будет действовать столь же успешно.

Сиди Али захватил Бахрейн и оставил там турецкий

гарнизон. Но 25 августа 1554 года в сражении у Маската португальцы опять уничтожили турецкую эскадру. Лишь с несколькими кораблями Сиди Али ушел в Индию, откуда с немногими людьми после многочисленных приключений вернулся в Стамбул через три года.

К тому времени Сулейман наконец понял, что португальский флот в Индийском океане османам не по зубам. Поэтому незадачливого адмирала не только не казнили, но даже выплатили ему и его уцелевшим подчиненным жалованье за три года. Султан смирился с тем, что португальцев в Персидском заливе ему не одолеть.

Для того чтобы усилить турецкий флот в Индийском океане, турецкие адмиралы неоднократно предлагали построить канал между Средиземным и Красным морями. Так, в 1556 году после поражений Пири Рейса и Сиди Али один из преемников Барбароссы капудан-паша Ульдж Али вновь поднял этот вопрос о строительстве канала. Его поддерживал последний великий визирь Сулеймана Тавил Мехмед-паша Соколлу. Он даже добился, что строительство канала было начато, но из-за технических и финансовых проблем (империя уже начала ощущать оскудение потока военной добычи) работы вскоре пришлось остановить.

Фактически произошел раздел сфер влияния в бассейне Индийского океана между Османской империей и Португалией. Португальцы сохранили свой контроль над Персидским заливом и большей частью Индийского океана, а османы утвердились на Красном море и в Баб-эль-Мандебском проливе. Турецкому флоту, не располагавшему крупными океанскими судами, трудно было бороться с португальцами, и Сулейман Великолепный вынужден был это признать, отказавшись от дальнейшей экспансии в бассейне Индийского океана.

Турецкий красноморский флот в конце XVI века еще несколько раз пытался оспаривать господство португальцев в Индийском океане и в регионе Персидского залива. Так, в 1581 году турки напали на занятый португальцами порт Маскат на Аравийском полуострове, южнее входа в Персидский залив. А в 1585 году турецкая эскадра захватила город-порт Момбаса (Занзибар). Однако через четыре года португальский флот разгромил турецкий и отбил Момбасу. И после 1589 года турки окончательно смирились с существующим положением вещей и больше не пытались оспаривать португальское господство в Индийском океане, однако удерживали контроль над Красным морем.

Сулейман Законодатель

В царствование Сулеймана была произведена кодификация османского права. В этом отношении он подобен византийскому императору Юстиниану и французскому императору Наполеону I, в честь которых названы соответствующие кодексы.

У султана не было полномочий изменить или проигнорировать принципы шариата, священного закона, данного от Бога и посланного через пророка, который тем самым ограничивал божественную власть султана. Но, как у правоверного мусульманина, у Сулеймана никогда и не возникало намерений реформировать шариат.

Сулейман повелел кодифицировать те законы и указы, которые не относились к шариату. Первым законодателем Османской империи был Мехмед Завоеватель. Именно на заложенном Завоевателем фундаменте развернул свою законодательную деятельность Сулейман.

Все население было разделено на неподатные и податные сословия (райя), со своими правами и обязанностями, а внутри райя было еще произведено разделение на мусульман и немусульман. По повелению султана были созданы соответствовавшие шариату законы, которые действовали еще много веков спустя после его смерти. Сулейман упорядочил Канун – свод законов, не относящихся к шариату, т. е. кораническому праву. Канун состоял из законов, изданных всеми османскими султанами. После Сулеймана в свод законов не было внесено изменений. Он был назван Кануни Османи, или Османскими законами. Тем самым Сулейман как бы законсервировал турецкое общество, по крайней мере в юридическом смысле. С одной стороны, он сохранил реалии эпохи расцвета Османской империи. Ведь многое из его свода законов благополучно дожило вплоть до начала XX века. Но, с другой стороны, уже в период царствования Сулеймана Великолепного Османская империя во многом отставала от Европы. Кануни Османи также консервировал эту отсталость. И действительно, в течение трех с половиной веков после смерти Сулеймана, прозванного турками Кануни, т. е. Законодатель, в Османской империи мало что изменилось. И феодализм остался почти таким же, как в XVI веке, и рыночная экономика если и развивалась, то стараниями иностранцев, и армия и флот недалеко ушли от тех, кто побеждал под знаменами Сулеймана, тогда как уже через полтора-два века после его смерти османским воинам о победах пришлось забыть.

Сулейман был не только выдающимся полководцем, как говорят турки, мужем меча, какими до него были его отец и дед. Сулейман был еще и человеком пера, великим законодателем, ставшим в глазах собственного народа высокомудрым правителем и судьей. Правосудие он часто отправлял лично, сидя верхом на коне во время своих многочисленных военных походов. Правоверный мусульманин, с годами он только укреплялся в своей приверженности идеям и институтам ислама. Султан старался показать себя мудрым, гуманным отправителем правосудия. Вот только с гуманизмом не всегда получалось.

В консервативной Османской империи, уже обладавшей не только шариатом, но и большим количеством законов, изданных его предшественниками, Сулейману нельзя было быть радикальным реформатором или новатором. Он стремился не ломать существующую правовую структуру, а только слегка подправить ее и устранить имеющиеся противоречия между различными законами.

Сулейман, как и любой другой правитель обширного государства, нуждался в достаточно развитом аппарате управления. На вершине управленческой пирамиды находились сам султан со своей семьей. Далее шли султанские фавориты, затем чиновники султанского двора и члены правительства (дивана).

Далее в иерархии стояли высшие командиры постоянной армии и флота. Еще ниже находились янычары и другие молодые люди, которые еще только готовились к государственной службе. Подавляющее большинство этих людей было христианского происхождения, и, таким образом, их благополучие всецело зависело от милости султана.

Как отзывался о них венецианец Морозини, эти люди «были очень горды тем, что могли сказать: «Я являюсь рабом Великого господина», – потому что они знали, что это есть владения господина или республика рабов, где именно им будет предоставлена возможность командовать».

А другой венецианский дипломат Маркантонио Барбаро утверждал: «Это действительно заслуживающий отдельного внимания факт, что самые богатые люди, армия, правительство и, в общем, все государство Османской империи со времен основания передано в руки лиц, всех до единого рожденных в христианской вере, тогда как выполнение юридических обязанностей взяли на себя лица турецкого происхождения».

Параллельно этой управленческой структуре, конечно, оставались исламские институты и учреждения, состоявшие только из тех, кто был рожден мусульманином. Судьи, юристы,

богословы, муллы, улемы оставались хранителями традиций и исполнителями священного закона ислама. Шариатские судьи обучались в медресе и занимались толкованием Корана.

Султанские подданные должны были оставаться добрыми мусульманами в мире. Но, учитывая быстро меняющийся мир, Сулейман считал необходимым вносить изменения в порядок применения закона. Ведь Османская империя, в начале своего существования захватив территории, которые прежде были преимущественно христианскими, с тех пор необычайно расширила свои владения благодаря завоеваниям в Азии, включив в себя такие города бывшего исламского халифата, как Дамаск, Багдад, Каир, наряду с протекторатом над священными городами Меккой и Мединой. Не случайно Сулейман в 1538 году, после завоевания Багдада и других арабских земель, принял титул халифа, т. е. не только светского, но и духовного главы всех мусульман. Четыре пятых всего населения империи, которое к концу правления Сулеймана насчитывало пятнадцать миллионов человек и состояло из представителей двадцати одной национальности, жили в азиатских провинциях. В то же время экономически более развитыми были балканские провинции империи.

Сулейман был покровителем исламского мира, защитником веры и истолкователем и исполнителем исламских законов. Он поручил подготовку свода законов обладавшему глубокими знаниями судье мулле Ибрагиму из Алеппо. Получившийся в результате его трудов кодекс был назван «Мултека-уль-усер», т. е. «Слияние морей», и стал Кануни Османи. Он, как мы уже отмечали, реально действовал вплоть до законодательных реформ начала XX века. Одновременно новый законодательный кодекс, по своей значимости равносильный новой Конституции, был составлен для администрации Египта. Сулейман всегда работал в тесном взаимодействии с мусульманскими правоведами и богословами.

И в ходе преобразования законодательства Сулейман разработал новое положение относительно райятов, тех христиан, которые обрабатывали земли солдат сипахов. Его Канун Райя, или «Кодекс Райя», регулировал их налогообложение, причем крепостное право сочеталось со статусом, близким к статусу европейского арендатора с фиксированными правами.

В действительности участь райи под «турецким игом» была даже лучше, чем участь крепостных в ряде христианских стран. Как свидетельствует один современник Сулеймана, «я видел множество венгерских крестьян, предававших огню свои жилища и бежавших со своими женами и детьми, скотом и рабочим

инвентарем на турецкие территории, где, как они знали, кроме сдачи одной десятой урожая, они не подвергнутся никаким другим налогам или притеснениям».

Наказания в виде смертной казни и нанесения увечий в правление Сулеймана стали менее частыми, хотя лжесвидетельства, подделка документов и изготовление фальшивых денег по-прежнему карались отсечением кисти правой руки, а мужеложество наказывалось кастрацией. Заметим, что Сулейман никогда не предавал мучительной казни ни пленных, ни впавших в немилость вельмож. Ни тех, ни других не мучали перед смертью, а либо удавливали с помощью шелкового шнурка, либо отрубали голову. Особо жестокими казнями прославились лишь преемники Сулеймана.

Султан издавал законы, опираясь на советы лишь очень узкого круга высших чиновников и юристов. Находясь в столице или в походах, не зная жизни основной массы своих подданных, он при всем желании не мог учитывать их мнение при разработке законодательства, даже если бы хотел. Социологические опросы тогда, в XVI веке, как известно, еще не проводились. Редко когда мог он предвидеть и последствия издаваемых им законов.

Сулейман укреплял государственную власть по всей стране, одновременно поддерживая и исламские институты. Он подтвердил и расширил полномочия и привилегии главы улемы, великого муфтия, или шейх-уль-ислама, сделав его фактически равным в духовной сфере великому визирю. Вместе с тем Сулейман расширил систему светского образования, созданную Мехмедом Завоевателем, основав немало школ. Во время его правления число начальных школ, или мектебов, в Стамбуле возросло до 14. Там детей учили чтению, письму и фундаментальным принципам ислама.

В дальнейшем дети могли продолжить учебу в одной из восьми религиозных школ (медресе), построенных в приделах восьми главных мечетей и известных как «восемь раев знаний». Здесь, помимо исламских дисциплин, учили грамматике, синтаксису, логике, метафизике, философии, географии, стилистике, геометрии, астрономии и астрологии.

Турецкая армия во времена Султана Великолепного была довольно демократичной. В ней не было сословных барьеров. Полевой командир в ходе сражения мог вполне занять место генерала и, что важно, впоследствии сохранить приобретенное на поле сражения высокое звание.

Огир Бусбек свидетельствовал: «Турки очень радуются каждому человеку исключительных способностей. Относятся к нему как к найденной драгоценности. Не жалеют сил для того,

чтобы выпестовать его, особенно если он проявляет способности в военной сфере. Мы в таких случаях поступаем иначе. Когда находим хорошего пса, ястреба или коня, то не жалеем средств, чтобы довести их способности до совершенства. Но если попадается способный человек – не обращаем на него внимания, не считаем необходимым дать ему образование. Мы получаем удовольствие от использования хорошо обученных лошадей, собак и соколов, турки же – от хорошо обученных людей».

Поскольку командный состав, включая султана, жил среди войск, ему приходилось быть на переднем крае сражений. Сам Сулейман попадал под артиллерийский огонь на Родосе, у Мохача и под Веной. Потери в командном составе были велики, поскольку в бою командиры шли впереди войска. Старый османский обы чай заставлял офицеров делить опасности и награды с солдатами. В результате между ними существовали прочные узы боевого братства. Офицерские должности приобретались не в силу знатного происхождения, а либо благодаря султанской милости, либо благодаря боевому отличию. И офицерскую, равно как и чиновничью, должность в тогдашней Османской империи никоим образом нельзя было купить.

Со времени Мехмета Завоевателя обеспечение прав частных лиц являлось довольно сложной проблемой, которая ложилась прежде всего на плечи султана. Ему приходилось заботиться о соблюдении прав крестьянина, лавочника, кочевника, моряка, адвоката или врача. После смерти все имущество лица, состоявшего на государственной службе, возвращалось в казну. Семейное наследование отсутствовало. В империи не было наследственного класса богачей или могущественных сановников. Даже если они умирали своей смертью, а не от рук палача, завещать детям они ничего не могли.

Так, когда Пири-паша, великий визирь при Селиме I, ушел в отставку, он превратился в обыкновенного старца, жившего своей жизнью. После смерти его имущество было описано секретарями-казначеями и возвращено в казну. Детям имущих приходилось заново зарабатывать себе на жизнь службой. Таким образом, не допускалось ослабления зависимости от султана ни для одного из подданных.

Однако Сулейман постоянно сталкивался с необходимостью заботиться о малоимущих и бедняках. В пенсиях нуждались вдовы. Часть имущества своего отца порой все-таки получали его дети, но и здесь решение всецело зависело от воли султана, не будучи освящено ни одним законом. Постепенно Сулейман разрешил малоимущим детям пользоваться большей частью имущества своих отцов.

Государственный строй, административная структура и военная организация Османской империи отразились в законах Сулеймана. В распоряжение султана поступали все доходы империи. Он также единолично распоряжался ее вооруженными силами. С помощью великого визиря и главы мусульманского духовенства – шейх-уль-ислама, которые совместно с другими высшими светскими и духовными сановниками составляли диван (совет сановников, обладавший совещательными функциями), султан управлял страной. Великий визирь возглавлял диван, но никакое решение визиря не проводилось в жизнь без одобрения султана, во всяком случае – в царствование Сулеймана Великолепного. Канцелярия великого визиря называлась Высокая Порта (этими словами европейские дипломаты нередко именовали и всю Османскую империю). Туда стекались сведения обо всех доходах империи.

После полудня, когда заканчивалось обсуждение государственных дел, султан удалялся в свою приватную комнату. Там члены дивана лично докладывали ему свои соображения, командиры янычар и сипахи представляли на его рассмотрение свои прошения. Часто последний посетитель дивана задерживался в нем до заката.

С середины XVI века, то есть со времен Сулеймана Великолепного, диван заседал четыре раза в неделю (в субботу, воскресенье, понедельник и вторник), но иногда, в виде исключения, дополнительное заседание дивана проводилось в среду.

Великий визирь во время военных походов, в отсутствие султана, имел право издавать фирманы (указы) от его имени, назначать сановников и раздавать военные лены. Другим важным членом дивана был дефтердар, который заведовал сбором податей и финансами, а нишанджи-баши подготовлял указы от имени султана и вычерчивал на них тугру – шифр с монограммой государя. Большую же государственную печать к указам прикладывал великий визирь. Как ни казалась велика власть великого визиря, его действия требовали одобрения султана, который в любой момент мог сместить и казнить визиря, что в царствование Сулеймана Великолепного случалось неоднократно.

Вся территория Османской империи была разделена на провинции, или наместничества (эялеты). Во главе эялетов стояли назначаемые султаном наместники – бейлербеи, которые держали в своем подчинении всех ленных владетелей данной провинции, а также кочевые общины. На войну бейлербеи обязаны были выступать лично, возглавляя войска, выставляемые провинцией.

Каждый эялет делился на области – санджаки. Во главе санджака назначался санджак-бей, в пределах санджака обладавший теми же правами, что и бейлер-бей в провинции, и подчинялся бейлербею.

Главными представителями гражданской администрации в провинции были кадии, которые ведали всеми гражданскими и судебными делами в подведомственных им округах, именовавшихся «каза». Его границы совпадали с границами санджака. Поэтому кадии и санджак-беи должны были взаимодействовать. Однако кадии назначались по султанскому указу и подчинялись непосредственно Стамбулу. В то же время бейлербеи обладали высшей судебной и гражданской властью в пределах провинции.

Кадии судили, руководствуясь мусульманским суннитским правом ханефитского толка, а также обычным правом кочевников-турок.

Два кади-аскера (один для Румелии, другой для Анатолии), первоначально бывшие войсковыми духовными судьями, ведали делами мусульманского духовенства и его вакуфным имуществом.

Сулейман был первым из турецких султанов, принявшим звание халифа, то есть духовного главы всех мусульман в мире. И до Сулеймана законы, изданные султанами, в Турции считались священными, а когда их стал издавать халиф, они стали священными вдвойне.

Сулейман желал порядка и справедливости в своих владениях, разумеется, так, как он их понимал. Его первые законы касались землепользования, зимних и летних пастбищ, взимания с содержателей ульев десятины полученного меда. Во всех таких случаях высказанное им слово (урф) становилось законом (кануном), который все должны были соблюдать.

С детства Сулейман помнил старую песню о четырех жизненно важных принципах:

Чтобы владеть страной, необходимы воины.

Чтобы содержать воинов, нужно имущество.

Чтобы располагать имуществом, нужен богатый народ.

Богатым народ можно сделать только при помощи законов. Если бездействует хоть один из этих принципов, рушатся все. Когда рушатся все принципы, теряется власть над страной.

Французский путешественник уже после смерти Сулеймана писал:

«Турки во всем такие любители порядка, что соблюдают его даже в мелочах. Поскольку экономика и распределение продуктов составляют одну из основ поддержания порядка, они уделяют

этому особое внимание и следят за тем, чтобы продуктов было много и распределялись они между подданными в разумной пропорции. Они никогда не станут продавать вишню или фрукты первого сбора на вес золота, как это делается во Франции… Если надзиратели, которые совершают ежедневные обходы, обнаружат торговца, обвешивающего покупателей или продающего свой товар по завышенной цене, то он будет примерно наказан на месте или доставлен в суд. Поэтому там даже ребенка можно послать на рынок, не опасаясь, что его обманут. Нередко надзиратели за рынком, встречая ребенка, расспрашивают его, за какую цену он приобрел товар. Даже взвешивают его, чтобы убедиться, не обманули ли дитя. Я видел торговца, который получил удары по пяткам за то, что продал лед по пять динаров за фунт… Торговца, обвесившего покупателя, могут опозорить тем, что просунут его голову в отверстие доски, увешанной колокольчиками, которую он обязан носить».

Замечу, что ислам запрещал правоверным заниматься ростовщичеством, и Сулейман строго следил за этим. Однако султан позволял заниматься ростовщичеством и другими финансовыми операциями христианам и иудеям. Поэтому уже в XVI–XVII веках ряд греческих, армянских, итальянских и иудейских кланов составили себе огромные состояния.

По данным Юнис-бея, главного переводчика сераля, годовые доходы казны составляли 4 100 000 дукатов, а по оценкам купца Зено – 6 000 000. При Сулеймане доходов было больше, чем расходов, возможно, в соотношении 6 000 000 к 4 000 000 дукатов, что давало громадный профицит в одну треть от размера бюджета. Неизрасходованные средства откладывались в качестве сокровищ султана. Доходы складывались, помимо налогов, из военной добычи и торговых пошлин, особенно на торговлю пряностями. Огромный профицит сам по себе свидетельствовал о низком уровне развития рыночных отношений в Османской империи. Сулейману даже в голову не приходило, что избыточными доходами казны можно было бы кредитовать европейские государства. Ведь Коран фактически запрещал правоверным мусульманам ведение каких-либо финансовых операций, связанных с получением прибыли.

Все накопленное Сулейманом Великолепным было без остатка растрачено уже его сыном в конце XVI века, когда из-за прекращения новых завоеваний доходы казны упали, а расходы возросли вследствие начавшейся в Европе «революции цен», связанной с резким падением цен на драгоценные металлы. Впрочем, как мы увидим далее, бюджетный дефицит возник уже в последние годы царствования Сулеймана, прежде всего из-за

оскудевшего потока военной добычи.

Государственные посты в Османской империи получали не благодаря титулам, а благодаря заслугам и уму.

Султан Сулейман Великолепный требовал от своих пашей «обращаться с нашими подданными так, чтобы крестьяне соседних княжеств завидовали их судьбе», и безжалостно расправлялся с мародерами, грабившими османских подданных. Его отец Селим Грозный в завоеванном Египте раздавал бедноте мясо, освободил феллахов и бедных горожан от трудовой повинности в пользу армии, возложив ее на зажиточную часть населения.

После султана наиболее значимой фигурой в системе власти Османской импери был великий визирь (Visir Azem), т. е. главный министр, а в буквальном переводе «глава совета или первый советник». При вступлении нового великого визиря в должность ему вручали печать Великого Господина, на которой было выгравировано имя правящего султана. Эту печать визирь должен был всегда носить с собой на груди за пазухой. Обладание этой печатью означало, что визирь может действовать от имени султана.

Султан, приняв решение о назначении нового великого визиря, лично передавал ему заветную печать.

Двор великого визиря представлял собой уменьшенную копию двора султана. В распоряжении визиря были свой казначей, свой начальник стражи, свой муфтий. В состав двора великого визиря также входили главный повар, слуги, пажи, музыканты. На содержание двора шли как личные доходы великого визиря, так и субсидия из имперской казны, размер которой определялся султаном. В начале XVI века великий визирь получал от султана субсидию в 1 миллион 200 тысяч акче, при Сулеймане Великолепном ее размер вырос до 1 миллиона 800 тысяч акче, и эта сумма мало изменялась вплоть до конца XVII века. Великий визирь получал также «права номинации» (джаизе), которые ему платили должностные лица при вступлении на новый пост (но это ни в коем случае не было покупкой должностей, так как эта выплата следовала уже после назначения и имела фиксированный размер, само же назначение проводилось без учета способности назначаемого уплатить требуемую сумму; прямо покупаться должности стали позднее, уже в XVII веке). Кроме того, визирю делались подарки теми, кто добивался новой должности или какого-либо покровительства. Фактически эти подарки были замаскированными взятками. Некоторые великие визири сумели сколотить немалые состояния, но далеко не все из них смогли их использовать, поскольку были казнены. Но в

любом случае все имущество великого визиря после его смерти или смещения с должности возвращалось в султанскую казну.

Пост великого визиря отнюдь не был синекурой. Наоборот, чаще всего именно на визире лежали основные заботы по управлению государством и командованию армией. В то же время Сулейман Великолепный предпочитал сам вести государственные дела и командовать армией, так что великие визири играли при нем подчиненную роль.

Ответственность за ведение финансовых дел Османской империи нес главный казначей, но все финансовые документы проходили через калем, центральную канцелярию. Секретари канцелярии вели учет документов с беспощадной точностью.

Османы держались древнего правила всеобщего тюркского ополчения, согласно которому все население должно быть готово к войне. Все чиновники имели соответствующие воинские звания, за исключением небольшого числа секретарей, занимавшихся ведением учетных книг в домашних хозяйствах. Офицеры регулярной армии, например ага сипахи, имели в подчинении свой штат казначейства и учета.

Помимо органов центральной власти в Стамбуле, существовало восемь бейлербеев, ответственных за управление крупнейшими административными округами империи. Каждый из них имел казначейство и канцелярию. Подчинявшиеся бейлербеям санджак-беи со своими небольшими штатами чиновников управляли ограниченными районами по всем провинциям. Естественно, все эти правители руководили набором армии на своих территориях в случае войны. Бейлербей Анатолии руководил набором рекрутов в азиатской части империи, а бейлербей Румелии – в европейской части.

Обязанности были закреплены за определенными должностями. Так, бейлербей Анатолии, получая каждый год фиксированную сумму дохода от налогов, должен был сформировать определенное число полностью экипированных и обученных воинов, готовых явиться по первому требованию Стамбула. Чиновники такого уровня получали жалованье из государственной казны и не имели права заниматься какой-либо коммерческой деятельностью.

Британский историк сэр Чарльз Омен довольно точно написал о Сулеймане: «Он закрепил форму Османской империи. Ее длительное существование после его смерти в большой степени стало результатом его деятельности. Понадобилось несколько поколений бездарных правителей, чтобы разрушить империю».

Дело, однако, боюсь, было не в бездарных правителях, а в

самой сущности Османской империи как военно-пиратского, грабительского государства, чье благополучие всецело зависело от новых завоеваний и новой военной добычи. Фактически Османская империя функционировала по принципу гигантской финансовой пирамиды. Все растущие расходы государственного бюджета финансировались за счет новых завоеваний. Чтобы Османская империя благополучно существовала если не вечно, то хотя бы тысячу лет, непрерывные завоевания должны были продолжаться не менее тысячи лет. Но таких огромных сроков история не отпустила ни одной империи. Даже не за тысячу, а за пятьсот лет, если бы завоевания были действительно непрерывными, любая империя завоевала бы всю обитаемую сушу на планете. На практике же серьезные завоевания Османская империя прекратила уже через пару десятков лет после смерти Сулеймана Великолепного, и ее крах в обозримом будущем стал неизбежен.

Сулейман стал бы действительно величайшим реформатором в мире, если бы сумел изменить строй Османской империи с паразитического на производительный. Но у таких перемен было слишком много противников. Это и высшие сановники империи, и командиры и солдаты и матросы армии и флота, для которых военная добыча была главным источником дохода. Это и иностранные купцы, державшие в своих руках торговлю Османской империи. Это, наконец, мусульманское духовенство, проповедовавшее джихад против неверных. Сулейман даже не собирался бороться со всеми этими могущественными силами. Наоборот, он нередко шел им на уступки, в частности, введя в отношениях с европейцами режим капитуляций. Султан лишь упорядочил и законсервировал существующее положение вещей.

Сулейман имел талантливых советников, которых умел держать в повиновении и мудро использовать их для своих нужд. Он показывал примеры веротерпимости. Правда, закон о веротерпимости был принят еще Мехмедом II Завоевателем в 1478 году. В 1557 году по просьбе сербского духовенства Сулейман восстановил православную патриархию в Пече (город прежде входил в состав Венгерского королевства). В нее вошла Православная церковь Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Северной Македонии и Западной Болгарии.

По меркам своего не слишком сентиментального века Сулейман Великолепный человеком был добрым и терпимым, лишенным фанатизма своего отца. Его завоеваниям в Европе сильно помогало то, что он не заставлял христиан насильно принимать мусульманскую веру, позволяя им существовать в пределах Османской империи в качестве религиозного

меньшинства, пусть и несколько ограниченного в правах, но в чисто бытовом отношении способного безбедно существовать. Отдельные христиане могли богатеть настолько, что их богатства соперничали с богатствами султанских фаворитов из числа мусульман. Такая же терпимость проявлялась и по отношению к иудеям.

Но у Сулеймана не было никакой терпимости к «еретикам ислама» – шиитам, игравшим немаловажную роль в войнах двух империй Азии – Османской и Персидской (Иранской). Тем более что войны Сулеймана и его отца против Ирана фактически были не только войнами мусульман против мусульман, но и войнами тюрок против тюрок, поскольку в Иране правила тюркская династия Сефевидов, а основу иранской армии составляли принявшие ислам шиитские племена.

После смерти Сулеймана Великолепного терпимость к национальным меньшинствам и разным религиям довольно быстро сошла на нет. Ее сменила хищная корысть. Патриархи христианских церквей, от которых требовали все больше денег, были вынуждены увеличить сборы средств со своей паствы. Их положение стало безвыходным и невыносимым. В условиях показной свободы вероисповедания их обязывали служить сборщиками налогов для турок. Уже в правление внука Сулеймана Мурада католические церкви в Константинополе были захвачены и превращены в мечети.

Сулейман окружил себя множеством способных сановников. Большинство из них были набраны по системе девширме или захвачены во время армейских походов и пиратских рейдов, и к 1566 году, когда Сулейман I скончался, эти «новые турки», или «новые османы», уже крепко держали в своих руках власть над всей империей. Они составляли костяк государственной администрации, тогда как высшие мусульманские учреждения возглавлялись коренными тюрками. Из их среды рекрутировались богословы и правоведы, в обязанности которых входило трактовать законы и исполнять судебные функции.

Первое место в исламской иерархии принадлежало муфтию Стамбула, который носил титул шейх-уль-ислам. Именно он, подтверждая соответствие указов, продиктованных султаном, положениям Корана, придавал им законную силу. Но в истории Османской империи не было случая, чтобы между султаном и шейх-уль-исламом возникали острые конфликты по поводу тех или иных законов. С другой стороны, к муфтию Стамбула, как к высшему религиозному авторитету, направляли на рассмотрение спорные вопросы, возникающие в самых различных областях общественной жизни. Вот здесь он реально мог проявить свою

власть. Суждения муфтия по отдельным вопросам называется фетва. Нередко издание фетвы не имеет другой цели, кроме обоснования того или иного правительственного постановления. К примеру, одна из фетв запретила употребление табака.

Ступенью ниже муфтия находились два кадиаскера – «армейских судьи». Один из них предназначался для Румелии, то есть для европейской части империи, другой – для Анатолии, или, шире, для ее азиатской части. Они распространяли свою юрисдикцию не только на армию, но и на упомянутые в их титуле территории, назначая в их границах судей. Оба кадиаскера заседали в диване, но столичный кади им не был подчинен, зато он был зависим от султана, великого визиря и шейхуль-ислама. Кади Стамбула был выше прочих кади (судей) во всей империи, но ниже кадиаскеров. Пост столичного кади – предмет честолюбивых вожделений. С этого поста открывался прямой путь в кадиаскеры, а там, если будет угодно Аллаху, можно стать и шейх-уль-исламом, который среди прочего утверждал или отвергал административные акты, касающиеся Стамбула.

Сулейман первым из турецких султанов установил режим капитуляций, то есть предоставил иностранцам пользоваться привилегиями собственной юрисдикции в пределах империи.

Когда в 1535 (или, по мнению некоторых историков, в 1536) году Османская империя заключила союзный договор с Францией, которая была заинтересована в том, чтобы с помощью турок ослабить империю Габсбургов, султан Сулейман Великолепный впервые подписал так называемые капитуляции (т. е. главы, статьи) – торговое соглашение с Францией, на основе которого французские купцы получили как особую милость султана право свободно вести торговлю во всех его владениях. Союзный и торговый договоры с Францией усиливали позиции Османской империи в борьбе против Габсбургов, поэтому султан не скупился на льготы французам. Французские купцы и вообще французские подданные в Османской империи на основе капитуляций пользовались особо привилегированными условиями.

Предоставление первых капитуляций Франции стало результатом дипломатических миссий Жана Франжипани и Антуана Ринкона. Честь их формального заключения выпала на долю первого официального французского посла Жана де ла Форе, направленного в Стамбул Франциском I в сопровождении ученого Гийома Постеля, который должен был собрать античные и мусульманские рукописи для Королевской библиотеки Франции. Капитуляции не только определяли условия существования французских подданных на территории

Османской империи, они предоставляли Франции привилегию права флага (которой до этого пользовались только венецианцы). Теперь купец из какой бы то ни было европейской страны (за исключением Венеции), желающий торговать в Османской империи, мог это делать лишь «под знаменем и покровительством Франции». До 1580 года только французы пользовались такой привилегией; основываясь на ней, они обеспечили себе торговоэкономическое преобладание во владениях султана. Но в 1580 году англичане получили точно такие же капитуляции, а в 1612 году ее обладателями стали и голландцы. С этого времени и примерно до 1685 года британцы стали преобладать в Стамбуле, а голландцы в Измире (Смирне). Мало-помалу в течение XVII века и другие европейские державы одна за другой получили капитуляции, и в конечном итоге непривилегированных наций не осталось.

Посол и консул делали соответствующие представления османскому правительству и прямо великому визирю всякий раз, как личная или имущественная неприкосновенность кого-либо из его соотечественников пострадает. Если выходец из его страны умирал в Стамбуле, посол заботился о передаче имущества покойного законным наследникам, несмотря на все препятствия, которые в подобных случаях выстраивались османскими чиновниками. Ведь сами турки все еще не имели определенного законодательно права на наследство. Посол должен был также следить за тем, чтобы экономические и торговые права коммерсантов его страны, предоставляемые капитуляциями, никаким образом не нарушались турецкими чиновниками. Посол защищал налоговый иммунитет, предоставленный подданным его державы. Он всякий раз заявлял великому визирю протест, если кто-либо из его подопечных подвергался давлению с целью вынудить уплатить харадж (государственный поземельный налог, возлагаемый на всех подданных Османской империи) или джизью (налог на немусульманских подданных султана).

Если в квартале, где проживают иностранцы, происходило убийство, то они не только не несли коллективной ответственности за розыск убийцы (такая ответственность была предусмотрена для стамбульских подданных Сулеймана), но даже не должны были подвергаться допросу и вызываться или насильно доставляться к кади. Если же иностранцы привлекались к судебной ответственности за какое-либо преступление, они могли предстать перед судом только в присутствии официального представителя своего государства. Иностранцы также имели право отправлять все обряды и предписания своей религии. Католические епископы, священники и монахи не должны

испытывать каких-либо утеснений в своей религиозной деятельности, но при этом они не могли каким-либо образом ущемлять интересы мусульманского духовенства и вести прозелитическую деятельность.

При этом контакты между турками и иностранцами были очень ограниченны, тем более что в XVI веке очень мало «франков» (так турки называли всех выходцев из Западной Европы) жило в собственно Стамбуле, а в XVII веке их вообще там уже не было, так как все переселились в столичные пригороды Галату и Перу.

Интересно, что во времена Сулеймана и его непосредственных преемников иностранцы, за исключением дипломатов, были обязаны одеваться по-турецки – во всяком случае, носить кафтан, скрывающий прочее одеяние.

Франция держала в своих руках почти всю торговлю Османской империи с европейскими странами вплоть до начала XVII века, когда Голландии и Англии удалось добиться подобных же прав и для своих подданных. До той поры английским и голландским купцам приходилось торговать в турецких владениях на судах под французским флагом.

Еще при жизни Сулеймана Великолепного режим капитуляций распространился также на венецианцев, а затем и на подданных императора Священной Римской империи. Но в торговле все-таки преобладали французские купцы, хотя венецианцы и имперцы, среди которых тоже было немало итальянцев, составляли им все большую конкуренцию. Собственно, для того, чтобы вызвать конкуренцию среди иностранных купцов и снизить цены на импортируемые Османской империей из Европы товары.

Первоначально привилегии предоставлялись торговым компаниям, позднее они расширились и вышли на государственный уровень. Привилегии стали предоставлять уже властям любой страны, подданные которой имели достаточно важные интересы во владениях Османской империи. Благодаря привилегиям иностранцы, главным образом иностранные купцы, не подпадали под действие турецких законов и не платили налогов. Их дома и торговые предприятия на территории империи пользовались иммунитетом, а арест имущества и арест и высылка самих этих иностранцев могли производиться лишь с ведения и согласия послов соответствующих государств. Споры и конфликты между иностранцами разрешались их собственными консульскими судами по законам соответствующих стран и без вмешательства османских властей. Немусульманские подданные Турции на службе у иностранцев могли получить аналогичный

статус на основании специально выданных консульских дипломов. Поскольку торговлей занимались главным образом христианские и иудейские подданные султана, обладателей подобных дипломов было немало. В годы правления Сулеймана нарушения капитуляций встречались крайне редко, поскольку землячества собственно иностранцев были малочисленны и состояли главным образом из торговцев. Султан фактически отдавал иностранцам и близким к ним немусульманским подданным империи торговлю страны, поскольку мусульмане все равно торговлей почти не занимались. Однако уже в XVIII веке число иностранных подданных на территории Османской империи стало стремительно расти. А к середине XIX столетия режим капитуляций стал восприниматься как символ зависимости Турции от великих европейских держав и серьезное препятствие для развития зародившейся к тому времени мусульманской буржуазии.

В эпоху Сулеймана Великолепного практически все проживающие в Стамбуле иностранцы были торговцами, хотя с установлением нормальных дипломатических отношений с рядом европейских держав в Стамбуле оседало все больше членов иностранных посольств. С изданием капитуляций, определивших привилегированный статус иностранных подданных в пределах Османской империи, кроме торговцев и дипломатов в турецкую столицу стало прибывать все больше представителей свободных профессий и миссионеров.

Один итальянец свидетельствовал, что в Стамбуле «среди турок живет много евреев, или «маррани» (испанские и португальские евреи, принявшие христианство, но изгнанные с Пиренейского полуострова из-за подозрений, что они тайно исповедуют иудаизм. – *Авт.*), изгнанных из Испании. Они научили или учат турок полезным ремеслам, торговле, так как владеют большинством торговых лавок. На базарах маррани продают и покупают различные виды тканей и такие турецкие товары, как шелк, полотно, серебро, изделия из золота, луки, рабов и лошадей. Короче говоря, на рынке можно обнаружить все, что имеется в Константинополе».

Точно так же поощрялось занятие традиционными ремеслами островитян на Родосе. В Морее, южной провинции Греции, земледельцы предпочитали жить под властью турок, нежели страдать от поборов венецианских синьоров. В руках армян, другой народности, находилась большая часть торговли.

В завоеванных турками странах имелись многочисленные города, являвшиеся крупными торгово-ремесленными центрами. Ремесленное производство, регламентируемое османским

государством, в первую очередь обслуживало потребности армии, двора и феодалов. Наибольшее развитие получили те его отрасли, которые вырабатывали ткани, одежду, обувь, вооружение и снаряжение для турецкой армии.

Городские ремесленники в Турции, как и в Европе, были объединены в цеховые корпорации. Турецкое правительство и турецкая армия были заинтересованы в развитии городских ремесел и торговли. Появились некоторые новые виды ремесла, в первую очередь связанные с горным делом и строительством. Цеховые корпорации ремесленников, широко распространившиеся на Балканах и в прибрежных районах Малой Азии, были цехами восточного типа (эснафами, или руфетами), т. е. замкнутыми корпорациями, отдельными для мусульман, христиан и иудеев. Деятельность эснафов строго регламентировалась государством. Права и привилегии членов цехов фиксировались специальными султанскими указами (фирманами). В цехи были объединены не только ремесленники, но и торговцы. Ремесленники не имели права работать вне цеха и не могли производить изделия, которые не предусматривались цеховым уставом. В частности, в Бурсе, старой столице империи, где было развито ткацкое производство, по цеховому уставу для каждого сорта материи можно было употреблять только определенные сорта ниток, указывалось, какими должны быть ширина и длина кусков, цвет и качество ткани. Ремесленникам были строго предписаны места продажи изделий и покупки сырья. Им не позволялось покупать нитки и другие материалы более установленной нормы. В цех никто не мог вступить без особого испытания и без специального поручительства. Регламентировались и цены на ремесленные изделия, которые никак не зависели от реального спроса и предложения.

Торговля тоже была строго регламентирована. Законы устанавливали число лавок на каждом рынке, количество и качество товаров и цены на них. Регламентация, равно как высокие государственные и местные налоги, тормозила развитие свободного внутреннего товарообмена. Преимущественно натуральный характер крестьянского хозяйства, в свою очередь, ограничивал возможности развития ремесла и торговли из-за ограниченности платежеспособного спроса основной массы населения. На местах существовали рынки, на которых ремесленные товары обменивались на сельскохозяйственную продукцию. Но эти рынки функционировали только раз в неделю или два раза в месяц, а порой и реже. Внутренние области Малой Азии почти не торговали с внешним миром. Ведь турки мало занимались торговлей. Во внешней, а отчасти и во внутренней

торговле большую роль играли жившие за пределами Османской империи дубровницкие, венецианские, генуэзские, немецкие купцы. Турецкое правительство поощряло ввоз промышленных товаров из-за границы, предназначенных прежде всего для нужд султана и его двора, армии и флота, крупных феодалов, богатых купцов и других жителей городов. Оно предоставляло иностранным купцам торговые привилегии, снижало для них пошлины на ввоз и вывоз товаров. Все это значительно затрудняло деятельность местного купечества из иудеев, армян и представителей других христианских народов и наносило ущерб развитию ремесел внутри Османской империи. Но Сулеймана Великолепного такое положение вполне устраивало. Его интересовали лишь те ремесла и мануфактуры, которые были непосредственно связаны со снабжением армии и флота. Для султана было удобнее закупать предметы роскоши и другие необходимые товары в Европе, чем поощрять их производство внутри империи. Сулейман стремился сохранить военно-ленную систему, которая, как он понимал, в значительной мере подрывалась развитием товарно-денежных отношений в самой Османской империи. Он хотел сохранить Турцию аграрной страной, где развиваться должно лишь военное производство. В результате складывалась парадоксальная ситуация. То, что Сулейман захватывал в Европе в виде военной добычи и дани, он потом вынужден был с избытком возвращать в Европу в виде платы за европейские товары. При этом и ремесло, и мануфактуры в Турции значительно отставали от европейских мануфактур как по уровню технической оснащенности, так и по уровню социального развития. Применительно к XVI веку о мануфактурах в Турции можно говорить лишь чисто условно. Производства, аналогичные европейским мануфактурам, существовали для производства пушек и мушкетов и строительства кораблей. Но все они находились в полной собственности султана, а их работники были теми же ремесленниками, подпадавшими под все цеховые ограничения. Суконные мануфактуры в Турции при Сулеймане не развивались, так как не могли выдержать конкуренцию с европейскими. Сукно для пошива формы солдатам и матросам приходилось закупать за границей.

В Турции сохранялись и весьма архаические формы экономики. В Стамбуле, Эдирне, в анатолийских городах и в Египте существовали невольничьи рынки, где торговали рабами. Оттуда поставляли и женщин в гаремы султана и крупных сановников, и домашних слуг в дома состоятельных турок. Впрочем, рабов в империи почти не было. Ведь для того, чтобы

освободиться из рабства, христианам достаточно было перейти в ислам. А мусульман обращать в рабство запрещал Коран, поэтому их не привозили на невольничьи рынки империи. Эти рынки имели значение лишь для пополнения гарема крупных вельмож и других более или менее состоятельных мусульман. Кроме того, иностранцы-христиане нередко выкупали своих соотечественников и соотечественниц.

Главным на невольничьих рынках была торговля невольницами. Спрос на рабынь был велик, причем не со стороны султанского сераля, который располагал собственной системой пополнения за пределами Стамбула, а со стороны крупных правительственных чиновников и богатых горожан.

Большим гаремом располагал любвеобильный Аяс-паша. Барбаросса тоже брал в жены женщин в каждом порту. Но руководители государства, такие как Ибрагим, Рустам, Соколлу, Пьяли и другие, взяв себе в жены женщину из семьи султана, были вынуждены оставаться моногамными.

Подавляющее большинство мусульманских жителей Османской империи просто не располагали средствами, чтобы содержать больше одной жены. Французский автор Жан Палерн писал: «Мало мужчин, имеющих более одной жены, если они не богаты». В самом деле, турки в подавляющем большинстве были моногамны, и их семейная жизнь, если не считать некоторых обыч аев, мало отличалась от европейской.

Как сообщал французский путешественник Белон, «мужчины ведают домашним хозяйством, не подпуская к этому занятию своих жен, которые обязаны заботиться только о детях, да еще жить в мире. Это прямо противоположно порядкам, принятым у латинян, чьи жены или матери не только распоряжаются по своему усмотрению всем, что имеет отношение к домашнему хозяйству, но командуют и слугами, а это делает их подлинными хозяйками и госпожами в доме».

О том, чтобы девушка обучалась в школе или иных учебных заведениях, в XVI веке не могло быть и речи. Было лишь несколько образованных женщин, вышедших из знатных семей и приобретших образование благодаря частным урокам. В некоторых случаях речь также могла идти о невольницах европейского происхождения, которые, приняв мусульманство и став женами османских вельмож, сохранили знания, приобретенные в юности на Западе.

Торговля невольницами контролировалась еврейскими купцами. По свидетельству современника, «евреи, которые торгуют невольницами, выращивают их в собственных домах с тем большим старанием, что они принесут со временем своим

первым хозяевам наибольшую прибыль. Евреи обучают девушек множеству профессий – таким, к примеру, как пение, игра на музыкальных инструментах, танцы, вышивание. Все это – для того, чтобы товар соответствовал самому изысканному вкусу покупателя…».

По своему происхождению рабыни были уроженками Руси, Польши, Кавказа. Они доставлялись в Стамбул вассалами султана крымскими татарами.

Невольничий рынок, эсирпазары, располагался неподалеку от Бедестана. Это была большая площадь, окруженная маленькими каморками, в которых мужчины и женщины размещались раздельно. Покупатели заходили в каморки, чтобы осмотреть товар и сторговаться о цене. Рабов и рабынь тщательно осматривали (последних в специально предназначенном для этого помещении) и экзаменовали, чтобы узнать, чему они обучены и что умеют делать. Эта одна из самых прибыльных отраслей торговли контролировалась стамбульским интендантом, который взимал и с продавца, и с покупателя по десятой части от цены проданной невольницы или невольника. Рабов обоих полов вплоть до начала XVII века нельзя было продать в собственность христианину или иудею, что, однако, не мешало еврейским купцам участвовать в торговле невольниками.

Особый регламент предписывал: «Торговцы невольницами не должны использовать ни румяна, ни белую краску, ни другие притирания, дабы приукрасить их лицо. Они должны продавать их в той одежде, в которой выставили их на продажу, и не должны оставлять ее себе. Если они нарушат предписание, то будут наказаны». Цена на невольниц в начале XVII века, по словам английского путешественника Лисгоу, варьировалась от 100 дукатов за молодую женщину до 36 дукатов за 60-летнюю вдову.

Османская империя в XVI веке импортировала из Европы прежде всего свинец и олово. В турецком экспорте видную роль играли кожи и шерсть самых разных сортов, что отражало преобладание в империи кочевого и полукочевого скотоводства. Более скромное место по стоимости в турецком экспорте занимали воск, хлопок, шелк, конопля, лен, строительный лес и пряности. Из Османской империи вывозились, пусть и в небольшом количестве, такие экзотические товары, как икра тунца и кефали, копченый язык, жемчуг и фарфор.

Импортные товары были гораздо разнообразнее. В Османскую империю ввозили дамские шапочки, сахар-сырец и сахарные головы, тонкие сукна, разные сорта бархата, атласа, бумагу, скобяные товары, императорскую саржу, кошениль, бразильское

дерево, разнообразные пряности: перец, корицу, имбирь, гвоздику; изделия из стекла и оконное стекло, зеркала, лекарства, не говоря уже об олове, свинце, железе и многом другом.

В XVI веке иностранная торговля в Стамбуле была еще не так заметна, как в следующем столетии, а европейские купцы не слишком стремились продемонстрировать свое богатство и предприимчивость, чтобы не раздражать турецких вельмож.

Но без них Османская империя уже не могла существовать.

Частная жизнь и интриги

Сулеймана Великолепного уже при его жизни признавали самой выдающейся личностью турецкой истории XVI века. И народная любовь к Сулейману, во всяком случае со стороны турок, не вызывала сомнений у иностранных наблюдателей.

В частной жизни Сулейман Великолепный был скромен и благочестив, а его жестокость по меркам его века была достаточно умеренной. Он никогда не испытывал наслаждения от убийств в отличие от некоторых других султанов и никогда не мучил своих жертв. Он отдавал приказ об убийстве только тогда, когда считал его политически целесообразным, в этом случае полностью абстрагируясь от родственных чувств.

За ним не замечали ни разврата, ни пьянства. А после сближения с Роксоланой Сулейман даже никогда не прибегал к услугам своих многочисленных наложниц, что было совсем необычно для османского султана.

Добродетельный фламандец Огир Гизелин де Бусбек, человек с философским и естественно-научным складом ума, находился при турецком дворе в качестве посла императора в 1555–1563 годах и фактически содержался в почетном плену. У него была редкая возможность изучать Сулеймана вблизи, которой были лишены другие иностранцы.

Бусбек, который в качестве посланника германского императора Фердинанда имел у султана аудиенции, нарисовал такой портрет Сулеймана Великолепного: «Не сомневаюсь, вам любопытно узнать, что за человек этот султан. Этот государь преклонного возраста внешне, своим лицом и фигурой, вполне отвечает достоинству столь великой империи. О нем говорят, что он всегда был благоразумен и мудр, и даже в юности, когда туркам позволено кое в чем грешить, не навлекал на себя серьезных порицаний. Его молодые годы не были запятнаны ни пьянством, ни любовью к мальчикам, хотя турки на оба эти порока смотрят как на обычн ые, даже простительные развлечения. Самые злые его враги могут поставить ему в упрек разве только слишком большую привязанность к своей жене. Поэтому нередко становится жертвой ее хитростей и притворства: так, якобы по ее наговору он велел умертвить своего старшего сына Мустафу. Итак, самую большую его ошибку молва приписывает чарам султанши. Всем известно, что после законного брака с ней он ни разу не делил ложа ни с одной из своих наложниц, хотя это вовсе и не возбраняется законом, которому он следует, надо сказать, без малейших отступлений.

Точно так же он с не меньшей страстью, чем к расширению своей империи, относится ко всем тонкостям придворного церемониала. Его здоровью в его годы можно было бы позавидовать, если бы не болезненный цвет лица, который выдает тайный недуг – опасную язву на его бедре, как многие считают (современники полагали, что Сулейман Великолепный страдал подагрой. – *Авт.*). Этот государь стремится свою нездоровую бледность скрыть под слоем румян – по крайней мере тогда, когда иностранный посол является к нему на прощальную аудиенцию, прежде чем покинуть страну. Его Величество, как видно, полагает, что для его репутации весьма важно, чтобы о его здоровье составилось хорошее мнение, иначе иностранцы не будут его бояться. Вот почему, когда я прибыл к нему с прощальным визитом, он выглядел гораздо лучше, чем в первую нашу встречу…

Султан был строг в соблюдении религиозных предписаний и следил за тем, чтобы так было по всей территории империи…

В палате для аудиенции султана толпились люди, но это отнюдь не выглядело как столпотворение приближенных вокруг одного человека, отличающегося доблестью и заслугами. У турок не принято отличать соотечественников по происхождению. Конфликтов на этой почве не возникало…

Турки полагают, что способности переходят от отца к сыну или наследнику таким же образом, как талант к музыке или математике. Такие способности являются даром Божьим, и только отчасти это результат тренировок и усердия… В этом секрет успешных предприятий турок.

Представьте, что вы стоите рядом со мной и обозреваете море голов в тюрбанах, каждый из которых состоит из свернутых полос белейшего шелка. А эти экзотические одежды! Самое впечатляющее зрелище, какое я когда-либо видел!.. Меня поражали тишина и порядок в толпе. Ни криков, ни гомона, ни сутолоки… Поодаль выстроена длинная шеренга янычар. Понадобилось некоторое время, чтобы разобраться, были это статуи или человеческие существа. Наконец мне подсказали, что надо поприветствовать их, и я увидел, как в ответ на мой поклон склонились их головы… Уходя с аудиенции, мы снова имели удовольствие наблюдать султанскую кавалерию, возвращавшуюся в места своей дислокации. Всадники сидели на великолепных лошадях, хорошо ухоженных и снаряженных.

Посол Персии прибыл с набором замечательных подарков – ковров, сотканных на знаменитых станках, шатров с покрытием из декоративной ткани. Но основным подарком была копия Корана. С послом немедленно был заключен мир на приемлемых

для Персии условиях. Имела место церемония, призванная произвести на нас впечатление. Нас, кажется, приняли за сторону, менее всего заинтересованную в происходившем. Чтобы убедить нас в реальности двустороннего мира, представителю шаха оказывались непомерные почести. Турки придерживаются крайностей в почитании друзей и презрении к врагам. Второй визирь Али-паша дал в честь персов обед в своем саду, который мы наблюдали из своих покоев. Должен отметить, что Али-паша происходит из Далмации. Он настоящий джентльмен и склонен к доброте и сочувствию (что в турках редко встретишь).

Мир с персами был заключен, нам же добиться от турок приличных условий мира было невозможно. Все, чего нам удалось достигнуть, – это шестимесячное перемирие. Получив письмо от султана, зачехленное в сверток из тисненой золотой ткани, я отбыл в наше посольство с минимальными надеждами на конечный успех моей миссии…

Моя поездка была омрачена неприятным происшествием. Я встретил несколько фургонов, в которых везли молодых мужчин и женщин из Венгрии на рынок рабов в Константинополе. Это распространенный у турок вид торговли. Мужчины либо были связаны партиями, либо прикованы цепями к длинной жерди. Мы проводили вереницу фургонов до самого рынка».

Этот портрет может быть дополнен описанием другого путешественника, Антуана Жефруа: «…Упомянутый король Сулейман в настоящее время выглядит лет на пятьдесят или около того. Он – высокого роста, мелкокостный, худой и непропорционально сложенный; лицо – сильно загоревшее; голова – обрита так, как это делают все турки, то есть оставлен лишь чуб, свисающий с макушки; делается же это для того, чтобы на голове лучше сидел тюрбан, обычно белого цвета и изготовленный из полотняной ткани. У него высокий и широкий лоб, большие черные глаза, большой орлиный нос, длинные рыжие усы, подбородок, постриженный ножницами, но не выбритый. Он меланхоличен и желчен, молчалив и мало смеется. Он – довольно грузен и неловок, не склонен к телесным упражнениям. Впрочем, султан имеет репутацию человека добродетельного, доброго по отношению к своим близким, чтящего свой закон, умеренного в своих потребностях, любящего мир и тишину более, чем кто-либо из его предшественников (что турки ставят ему в вину, подозревая его в малодушии). Его считают мягким и человечным, дорожащим своим словом и всегда исполняющим обещания, легко прощающим тех, кто его обидел. Его любимое времяпрепровождение – чтение книг по философии и праву. В законах он знает толк, да так, что его

муфтий ничему больше не может его научить. Он не слишком щедр, а по сравнению с его предшественниками скорее скуп. Он позволяет руководить собою тем, кого любит и кому верит, хотя порой бывает и упрямым, и упорным. Три раза в неделю ему читают истории из жизни его предков и предшественников, в сочинениях такого рода он не терпит ни лжи, ни лести, но требует, чтобы там была одна незамутненная правда».

В султанском гареме содержалось от 300 до 1200 наложниц, а также их слуги, евнухи, чтецы Корана и повара. Девушки в гарем отбирались только по своим физическим и умственным качествам. Часто рабынь покупали в возрасте 5–7 лет и воспитывали до полового созревания. Обитательниц гарема обучали танцам, музыке, этикету и искусству любви.

Гарем размещался в нескольких трех– и четырехэтажных зданиях, населенных женами и наложницами султана. Во главе гарема стояла мать государя. Далее следовали законные наложницы султана (хасеки), которым посчастливилось подарить султану сына. Их число не должно было превышать четырех. Временные наложницы (икбаль) периодически выбирались султаном, чтобы разделить с ним ложе. Наложницы, еще не удостоенные этой чести, стояли на самой нижней ступеньке иерархии гарема.

Были еще рабыни (джарийе), которые прислуживали наложницам, но иной раз могли удостоиться внимания и со стороны самого султана.

После представления султану родивших ему ребенка наложниц именовали «хасеки» («любимая наложница»). Получившая это звание наложница целовала полу султанского кафтана, султан же жаловал ей соболью накидку и отдельную комнату во дворце. Это означало, что отныне она будет в подчинении только султана. Самым высоким титулом, которого могла удостоиться наложница, был «мать султана» (valide sultan). Наложница могла получить это звание в случае вступления ее сына на престол. В гареме после залы султана самая большая площадь отводилась матери султана. В ее подчинении было множество наложниц. Помимо управления гаремом, она нередко влияла и на управление государством. В случае если султаном становился кто-то другой, прежнюю «мать султана» отправляли в Старый дворец, где она вела тихую затворническую жизнь, уже ни во что не вмешиваясь.

Первой женой, или, можно сказать, законной наложницей Сулеймана была Фюлане, которая, однако, никогда не признавалась законной супругой. Еще до восшествия мужа на престол она родила ему сына Махмуда, который умер во время

эпидемии оспы 29 ноября 1521 года. Через четыре года скончалась и сама Фюлане.

Следующей наложницей была Гюльфем Султан. В 1513 году она родила сына Мурада, который, однако, тоже не пережил эпидемию 1521 года и умер 10 ноября. С тех пор султан покинул ее, но оставался с Гюльфем во внешне дружеских отношениях. Она прожила долгую жизнь и была на всякий случай задушена по приказу Сулеймана только в 1562 году.

Третьей женой-наложницей стала черкешенка Махидевран Султан, по прозвищу Гюльбахар («Весенний цветок»). В 1515 году она родила султану сына Мустафу, который с 1521 года считался наследником престола. С 1533 года он был наместником провинции Маниса, но позднее впал в немилость и был казнен отцом. После этого Сулейман оставил Гюльбахар, которой повезло умереть своей смертью в 1581 году.

Четвертой наложницей и первой и единственной женой Сулеймана Великолепного стала Хюррем Султан («хюррем» потурецки значит «смеющаяся»). Европейцы называли ее Роксоланой, а ее происхождение не выяснено до сих пор. Достоверно известно только, что она не турчанка. По поводу ее этнического происхождения существует множество версий, одна романтичнее другой. Так, в Польше и на Украине популярна версия, что Роксолана – это Александра (другой вариант – Анастасия) Лисовская. Ее будто бы подарил султану его друг, великий визирь Ибрагим-паша. Роксолана стала баш-кадуной, т. е. главной женой. Польские авторы считают, что она была полькой из украинского города Рогатин недалеко от Львова. Украинские авторы считают Роксолану украинкой, уверяя, что она знала древнерусское наречие. Также в качестве возможного места рождения Роксоланы называют окрестности города Стрый в Восточной Галиции и городок Чемеривцы в Подолии, хотя ни в каких документах XVI века эти населенные пункты в качестве родины супруги Сулеймана Великолепного не фигурируют. Очевидно, исследователи шли по простейшему пути. Находили в источниках данные о похищении татарами той или иной конкретной женщины из конкретного селения или городка в начале XVI века, а потом объявляли, что эта женщина и есть Роксолана. Очевидно, идя по такому пути, можно подобрать не одну сотню кандидаток в Роксоланы. Среди возможных мест ее рождения называют также Кавказ, Грецию, Италию, славянские страны Балканского полуострова и Персию. Очевидно, что тайна происхождения Роксоланы так никогда и не будет раскрыта.

Согласно строгой иерархии турецкого гарема, мать султана осуществляла верховную власть над женской половиной.

Гюльбахар была на втором месте как первая кадын – мать Мустафы, сына, родившегося первым, наследника. Роксолана занимала третье место, как вторая кадын.

Гюльбахар и Роксолана вели между собой молчаливую, но беспощадную борьбу. По сообщениям иностранцев, однажды они даже подрались. В 1526 году венецианский посланник Пьетро Брагадино доносил сенату о бурной ссоре между двумя женами султана, в ходе которой Гюльбахар таскала Роксолану за волосы и сильно расцарапала ей лицо. При этом более хрупкая Роксолана пострадала больше. Несколько дней после этого она под разными предлогами уклонялась от встреч с Сулейманом, но ни разу затем не пожаловалась, благодаря чему султан еще больше к ней привязался.

Когда Мустафу отправили в одну из провинций овладевать военным искусством, Гюльбахар тоже покинула сераль, чтобы его сопровождать, и тем самым отдалилась от Сулеймана. Брагадино писал относительно Гюльбахар, что «ее господин перестал обращать на нее внимание».

Ни один османский султан еще не нарушал издревле сложившихся правил наследования власти и не вступал в законный брак ни с одной своей наложницей. Но Роксолану Сулейман полюбил настолько, что порвал с традицией.

Во дворце был совершен брачный обряд. В присутствии шариатского судьи Сулейман коснулся руки Роксоланы, лицо которой скрывала чадра, и произнес:

«Я освобождаю эту женщину Хюррем от рабства и беру ее в жены. Все, что ей принадлежит, становится ее собственностью». Это произошло в 1530 году.

После бракосочетания султан устроил праздник. Формально это был праздник обрезания всех пяти султанских сыновей. Он затянулся на три недели. Один генуэзец, присутствовавший на нем, свидетельствовал: «На этой неделе в городе произошло событие, беспрецедентное в истории султанского правления. Султан взял в жены рабыню по имени Роксолана. В честь этого последовал праздник… Ночью светились фейерверки, играла музыка, с балконов свешивались венки цветов. На древнем ипподроме был установлен постамент, закрытый золоченой решеткой, из-за которой жена султана и ее фрейлины наблюдали, как состязаются мусульманские и христианские всадники, показывают свое искусство жонглеры и дрессированные звери, включая жирафов, чьи длинные шеи достают почти до неба».

Англичанин Джордж Янг писал в связи с бракосочетанием султана: «На этой неделе здесь произошло событие, какого не знает вся история здешних султанов. Великий повелитель

Сулейман в качестве императрицы взял рабыню из Руси по имени Роксолана, что было отмечено празднеством великим. Церемония бракосочетания проходила во дворце, чему посвящались пиршества размаха невиданного. Улицы города по ночам залиты светом, и всюду веселятся люди. Дома увешаны гирляндами цветов, всюду установлены качели, и народ качается на них часами. На старом ипподроме построили большие трибуны с местами позолоченной решеткой для императрицы и ее придворных. Роксолана с приближенными дамами наблюдала оттуда за турниром, в котором участвовали христианские и мусульманские рыцари; пред трибуной проходили выступления музыкантов, проводили диких зверей, включая диковинных жирафов с такими длинными шеями, что они доставали до неба… Об этой свадьбе много ходит разных толков, но никто не может объяснить, что все это может значить».

Роксолана, как и султан, была не чужда поэзии. Когда Сулейман был в походах, они с Роксоланой обменивались стихотворными посланиями на турецком и персидском языках. В стихотворении Сулеймана «Райские деревья», посвященном Роксолане, есть такие строки: «Внезапно мой взгляд упал на нее: / Она стояла стройная, как кипарис».

Роксолана родила Сулейману больше детей, чем все другие жены. В 1521 году появился на свет сын Мехмед, в 1522-м – дочь Михримах, в 1523-м – сын Абдалла, а в 1524 году – сын Селим. В 1526 году родился сын Баязид, но в том же году скончался Абдалла. В 1532 году Роксолана родила султану сына Джахангира. Последний обладал блестящим умом, но был хром и страдал эпилепсией.

Хюррем, которая получала от Сулеймана огромные средства, тратила их не только на украшение женской половины сераля, но и на сооружение мечетей и больниц.

Роксолану Сулейман по-настоящему полюбил. Австрийский посол в Стамбуле Да Зара отмечал в своих донесениях, что «единственным изъяном в характере Сулеймана является его чрезмерная преданность жене». Султан, дескать, находится под сильным влиянием Роксоланы, которая «вертит им, как ей вздумается». Да Зара утверждал: «Он так ее любит и так ей верен, что все только диву даются и твердят, что она его заворожила, за что и зовут ее не иначе, как жади, или ведьма. По этой причине военные и судьи ненавидят ее саму и ее детей, но, видя любовь к ней султана, роптать не смеют. Я сам много раз слышал, как кругом клянут ее и ее детей, а вот о первой жене и ее детях отзываются добрым словом».

Мустафа был очень умным и способным молодым человеком,

которого в народе и в армии очень любили. Любил его и сам Сулейман. Иностранные наблюдатели утверждали, что Роксолана настроила отца против сына, чтобы освободить дорогу к престолу своим детям. Якобы она сфабриковала письмо, которое будто бы было написано Мустафой, к иранскому шаху с просьбой о поддержке в его намерениях свергнуть отца. Письмо восстановило отца против сына и привело их к сражению на равнине Эрегли. Говорят, что отец и сын несколько раз поворачивали обратно по пути к полю, но судьба влекла их вперед. Желая помириться, Мустафа один и без оружия бросился к шатру отца и миновал четыре его комнаты, но когда вступил в пятую, то был убит.

Честно говоря, версия, что Роксолана своими интригами вынудила Сулеймана убить сначала Ибрагима-пашу, а потом Мустафу, не кажется мне убедительной. Сулейман Великолепный не выглядит человеком, на которого кто-либо мог повлиять в таких судьбоносных вопросах, как казнь лучшего друга или любимого сына. И тот, кто пытался бы настроить султана против его сыновей, рисковал в первую очередь сам лишиться головы. Ведь позднее, уже после смерти своей любимой Хюррем, он столь же безжалостно казнил их сына Баязида, а на эту казнь она уж точно никак не могла повлиять. В случае с Мустафой и Баязидом были налицо открытые мятежи. Да и письмо Мустафы иранскому шаху наверняка было подлинным, ибо Роксолана не обладала возможностями его подделать. В случае же с Ибрагимом-пашой налицо был не вооруженный мятеж, но явное и незаконное присвоение султанского титула. Кроме того, Сулейман наверняка располагал собственной тайной полицией, которая могла доставить ему какие-то дополнительные доказательства нелояльности лучшего друга. Разумеется, ни о каком гласном и состязательном судопроизводстве в Османской империи XVI века нельзя было даже мечтать. Единственным судьей над великим визирем и своими сыновьями мог быть только сам Сулейман. И мы в точности никогда не узнаем, как именно он сформулировал обвинения против них. Эту тайну он унес с собой в могилу.

Как писал германский историк Георг Вебер, Сулейман «завоевал расположение народа добрыми делами, отпускал насильно выведенных ремесленников, строил школы, но был безжалостный тиран: ни родство, ни заслуги не спасали от его подозрительности и жестокости».

Но точно такими же тиранами были и другие османские султаны, располагавшие ничем не ограниченной властью. Сулейман был, безусловно, далеко не самым жестоким из них, зато он был одним из наиболее толковых правителей Османской

империи. Хорошо разбираясь в людях, Сулейман собрал трех талантливых великих визирей – Ибрагима, Рустема и Соколлу, с помощью которых было завершено строительство империи.

Существует предание, что, прежде чем казнить своего сына Мустафу, Сулейман попытался получить беспристрастный приговор от муфтия, шейх-уль-ислама. По свидетельству Бусбека, султан рассказал шейх-уль-исламу историю о том, что «в Константинополе жил торговец, чье имя произносилось с уважением. Когда ему потребовалось на некоторое время покинуть дом, он поручил присматривать за своей собственностью и хозяйством рабу, пользовавшемуся его наибольшим расположением, и доверил его верности своих жену и детей. Не успел хозяин уехать, как этот раб начал растаскивать собственность своего хозяина и замышлять нехорошее против жизни его жены и детей: мало того, замыслил гибель своего господина. Вопрос, на который султан попросил дать ответ, был следующим: «Какой приговор мог бы быть на законных основаниях вынесен этому рабу?» Муфтий, не знавший, что речь идет о наследнике престола, ответил, что, по его мнению, он заслуживал быть замученным до смерти».

После этого судьба наследника престола решилась самым печальным образом. Султан вызвал Мустафу в свой лагерь в Ерегли. Окружение Мустафы в Амасье в один голос советовали не ехать, предрекая, что он будет убит. Но Мустафа ответил, что, если ему суждено потерять жизнь, он не смог бы поступить лучше, чем вернуться обратно к тому, кто ему когда-то ее дал. По словам Бусбека, сын султана «стоял перед трудным выбором: если он предстанет перед разгневанным на него и настроенным против него отцом, то подвергнется большому риску погибнуть. Но если он откажется, то ясно продемонстрирует, что замышлял измену. Сын избрал более смелый и опасный путь». Мустафа отправился в лагерь отца.

Его прибытие вызвало сильное волнение. Мустафа поставил свои шатры прямо позади шатров отца. Члены дивана выразили Мустафе свое почтение, а затем он поехал на богато украшенном боевом коне, сопровождаемый визирями и под возгласы толпившихся вокруг янычар, к шатру султана. Он хотел побеседовать с отцом с глазу на глаз и убедить его в своей невиновности.

Внутри, по утверждению Бусбека, «все казалось мирным: не было солдат, телохранителей или сопровождающих лиц. Присутствовали, однако, несколько немых (категория слуг, особенно ценимая турками) сильных, здоровых мужчин – предназначенных для него убийц. Как только Мустафа вошел во

внутренний шатер, немые решительно набросились на него, пытаясь набросить петлю на шею. Будучи человеком крепкого телосложения, Мустафа отчаянно защищался. Ведь он боролся не только за свою жизнь, но и за трон; ибо не было сомнения, что, сумей он вырваться и соединиться с янычарами, они были бы настолько возмущены поведением султана и прониклись бы чувством жалости по отношению к своему любимцу, что могли бы не только защитить Мустафу, но и провозгласить его султаном.

Опасаясь этого, Сулейман, который был отгорожен от происходившего всего лишь льняными занавесями шатра… просунул голову за занавес, за которым находился его сын, и бросил на немых свирепый и грозный взгляд, угрожающими жестами пресекая их колебания. После этого слуги, подгоняемые страхом, умножили усилия, опрокинули несчастного Мустафу на землю и, набросив шнурок на шею, наконец удушили его».

Тело Мустафы положили перед шатром на ковер и продемонстрировали всей армии. Янычары были потрясены и напуганы, опасаясь, что на них тоже могут пасть подозрение и обрушиться репрессии. Их возможный вождь был мертв и лежал бездыханным, а не имея во главе мятежа законного наследника престола, они были бессильны и не могли бунтовать.

Чтобы немного успокоить янычар, Сулейман отнял командование у Рустема-паши и отправил его в Стамбул, назначив новым великим визирем Ахмеда-пашу. Но того он казнил уже через два года, и Рустем-паша вернулся на прежний пост.

Действительно, Рустем-паша Мекри был ставленником Роксоланы. Он был великим визирем в 1544–1553 и 1555–1561 годах, до самой своей смерти. Рустем-паша был одним из наиболее выдающихся великих визирей правления Сулеймана Великолепного. Он был мужем его дочери Михримах. Ходили слухи, что именно Рустем-паша помог Роксолане избавиться от наследника престола Мустафы. Его обвинили в заговоре против отца в союзе с сербами. Споры о том, был ли это действительный или мнимый заговор, продолжаются по сей день. Тем не менее для Мустафы все это кончилось очень плохо. В 1553 году Сулейман велел задушить Мустафу шелковым шнуром у себя на глазах, а также казнить его сыновей, чтобы не зарились на трон.

И на это были основания. Когда Рустем-паша предложил Мустафе, бейлербею Амасьи, вступить в армию своего отца для войны против шаха Ирана, Мустафа, собрав свое войско, отказался это сделать. Неподчинение великому визирю, действовавшему от имени султана, в условиях войны было открытым мятежом и не могло караться иначе как смертью,

потому что такой мятеж неминуемо вел к попытке свергнуть отца с трона и самому занять его место. Как писал османский историк Ибрагим Печеви, «причиной казни Мустафы было то, что он планировал узурпировать трон, но, как и в случае с казнью султанского фаворита, Ибрагима-паши, вина была возложена на Хюррем Султан, которая была иноземкой, находившейся подле султана».

Бусбек нам оставил любопытный портрет Рустема-паши: «Рустем, чья судьба неотделима от судьбы этой женщины, султанши Роксаланы, на дочери которой он женат, и от судьбы, конечно, самого Сулеймана, служил ему и советом, и помощью, оставаясь на должности первого министра могучей опорой для султана во всех его начинаниях и замыслах. Среди прочих пашей он пользовался наибольшим доверием своего господина, а потому и сосредоточивал в своих руках наибольшую власть. И для этого имелись все основания, так как он отличался великолепным умом, проницательным и тонким, что и сделало его орудием славы своего господина. Что касается его происхождения, то он был сыном погонщика быков и сам в отрочестве помогал в этом занятии отцу. Столь низкое происхождение не было бы поставлено ему в упрек на той высокой ступени почета, на которую он поднялся, если бы не его неимоверная скупость, которая, безусловно, наносила ущерб его репутации, основанной на действительных достоинствах. Император знал этот недостаток, но все же испытывал к нему благоволение и уважение. Вообще говоря, Сулейман умел извлекать пользу и из недостатков своих подданных и слуг. Султан, имея большую нужду в деньгах, назначил его на пост министра финансов, и Рустем нашел способы наполнить серебром доверху сундуки своего господина, оставив после себя государственную казну в наилучшем состоянии. Выполняя это поручение, он не упускал ни малейшей возможности ее пополнить, не останавливаясь даже перед взиманием налога на фиалки, розы и другие садовые цветы или перед продажей с молотка оружия и лошадей военнопленных. Вообще никакой мелочью в финансовых делах государства он не пренебрегал, чем, помимо прочего, заслужил любовь своего господина».

Сулейман не стал увеличивать налоги на большинство населения. Однако разрешил Рустему собирать их с чиновников, заступающих на новую должность. Очень скоро такие сборы превратились в крупные выплаты визирю и чиновничеству, то есть попросту во взятки. Должность стал получать тот, кто платил больше. В свою очередь, вступив в должность, чиновник стремился нажиться за счет подчиненных. Пока вы не принесете

подарок (бакшиш), говорили иностранцы, бесполезно добиваться, чтобы эти люди вас выслушали.

Имущество Рустема-паши, исчисленное после его смерти, состояло из 1700 рабов, 2900 лошадей, 1106 верблюдов, 700 тысяч золотых монет, 5 тысяч кафтанов, множества драгоценных камней, а также изделий из серебра и золота.

В описи имущества Рустема обнаружились странные вещи. Кроме привычных земельных угодий, скота, водяных мельниц, рабов и золотых монет, визирь каким-то образом собрал 800 Коранов, переплеты многих из которых были украшены драгоценными камнями, 1110 шапок золота, 600 седел, отделанных серебряным орнаментом. Хотя в отличие от Ибрагима и Искандера Челеби Рустем не располагал личными вооруженными формированиями, у него был довольно приличный склад оружия, 2900 обученных для военной службы лошадей и столько же кольчуг, масса золотых шлемов и огромное количество золотых стремян. Эти ценности было легко продать. Только каждый из 32 принадлежащих ему крупных бриллиантов, лунных камней и изумрудов стоил целого состояния.

В 1541 году в Старом дворце (Eski saray), где размещался гарем, случился пожар, и Роксолана вместе со всем своим окружением перебралась в Новый дворец (Yeni saray), куда до этого женщинам ходу не было. Здесь она уже была постоянно возле Сулеймана. Они разлучались только на время походов.

В 1549 году Сулейман объявил о своем желании построить для нее отдельный дворец. Однако Роксолана не выразила по этому поводу особого восторга, ведь это означало, что она будет реже видеться со своим любимым супругом. Хюррем выступила с встречным предложением – пусть величайший архитектор всех времен и народов Синан построит мечеть имени Сулеймана.

Когда в 1558 году Роксолана умерла в своем дворце после тяжелой болезни, Сулейман был очень опечален, но старался не показывать подданным своей скорби.

После смерти матери обострилась вражда между ее сыновьями, наследником престола Селимом и его младшим братом Баязидом. Чтобы уменьшить ее, Сулейман направил их в качестве наместников в разные провинции. Баязид был любимцем отца и янычар, тогда как Селима все порицали за беспробудное пьянство, но по праву старшинства он являлся наследником престола. В письмах Сулейман убеждал сына бросить пить вино, «эту дурманящую красную жидкость». Потеряв надежду, что Селим когда-нибудь прекратит кутежи, однажды султан велел казнить одного из его собутыльников. Тогда Селим, чтобы не подводить друзей, принялся пьянствовать тайком и по большей

части в одиночку.

Бусбек свидетельствовал: «Сулейман рассматривал военные приготовления младшего сына (против Селима) как угрозу своей власти, тем не менее большей частью обходил их молчанием. Этот осторожный старик не хотел раздражать Баязида, но тем самым подтолкнул его к мятежу».

Вскоре между братьями вспыхнула гражданская война, в которой султан встал на сторону Селима.

Чтобы предотвратить вооруженный конфликт между братьями, султан направил сурового арбитра Соколлу, который схватил в свое время самозванца Мустафу, с отрядом янычар и сипахов в военный лагерь Селима. Соколлу прихватил с собой сорок пушек. Узнав об этом, Баязид открыто пригрозил сералю: «Я подчиняюсь моему отцу, султану, во всем, кроме того, что разделяет меня и Селима».

В южном городе Конья сторонники Баязида напали на войска Селима, в составе которых находился и отряд султана. Раскаявшись, Баязид написал отцу письмо, в котором признал свою вину и заверял, что больше не предпримет односторонних действий, но будет полностью полагаться на суд султана.

Не дождавшись ответа, Баязид взял в долг денег у богатых купцов сколько смог и объявил, что собирает войска под собственным штандартом.

Баязида тревожило не столько назначение в Амасию, сколько то, что Селиму дали в управление Магнизию, где когда-то до провозглашения его султаном правил сам Сулейман.

Селим с помощью присланных отцом войск в 1559 году разгромил Баязида под Коньей.

В короткий летний период с мятежом в пограничных провинциях было покончено. Неумолимый Соколлу настиг мятежные войска. Баязиду удалось оторваться от преследователей. Вместе с четырьмя сыновьями, женщинами, караваном груженых верблюдов и преданными всадниками он перебрался в Персию. В горных перевалах Баязид со своими сторонниками отбил атаки кавалерии султана и направился ко двору шаха Тахмаспа, который воздал младшему сыну султана самые высокие почести и поклялся, что гость будет в полной безопасности на персидской земле.

Когда после поражения Баязид с четырьмя сыновьями и остатками армии стал искать убежища при дворе шаха Ирана Тахмаспа, Сулейман стал опасаться, что мятежный сын может получить поддержку Ирана и возобновить борьбу за престол.

Тахмасп предложил Сулейману назначить Баязида наместником в Эрзурум, контролирующий горные перевалы на

восточной границе Турции, или в Багдад, в междуречье Тигра и Евфрата (оба города к этому времени вновь перешли под контроль персов).

В ответ султан заключил союз с узбекским ханством в Самарканде, угрожая Ирану новой войной.

Сулейман дал ясно понять Тахмаспу: если шах хочет сохранить мир, он должен выдать Баязида. За это шаху было обещано еще и денежное вознаграждение. Представители Тахмаспа начали торговаться: сын Сулеймана – гость их повелителя, невозможно отдавать его в неволю, а тем более на верную смерть.

Баязида шах сначала принял как дорогого гостя, с почестями и дорогими подарками. Баязид не остался в долгу, подарив шаху 50 туркменских скакунов в богатой сбруе, на которых продемонстрировали чудеса джигитовки его кавалеристы, приведя в восторг Тахмаспа и его приближенных.

Однако шах в тот момент не был готов воевать с султаном. К тому же он опасался, что, взойдя на престол, Баязид забудет об иранской помощи и продолжит давнюю османскую политику войн с Ираном. Но главным все-таки было осознание того, что иранских войск для того, чтобы дойти до Стамбула, явно не хватит, а надежд на то, что турецкая армия взбунтуется против Сулеймана и перейдет на сторону его мятежного сына, практически не было. Сулейман до самой своей смерти так и не утратил своей популярности ни у войска, ни у остальных подданных.

Далее последовал обмен дипломатическими письмами между послами султана, требовавшими выдачи или казни Баязида, и шахом, который для вида сопротивлялся, ссылаясь на законы мусульманского гостеприимства. Сначала Тахмасп рассчитывал даже использовать своего гостя-заложника для того, чтобы как следует поторговаться, потребовав возвращения завоеванных османами земель в Месопотамии. Но очень скоро он убедился в тщетности надежд на столь высокую цену за возвращение беглого принца. Баязида пришлось взять под стражу под угрозой немедленного возобновления султаном войны, к которой шах не был готов. В конечном итоге шах Тахмасп был вынужден пойти на довольно подлый компромисс, позволивший ему до некоторой степени сохранить лицо. Сулейман прислал шаху 400 тыс. золотых. Сторонников Баязида люди шаха убили, обвинив в заговоре, а самого Баязида схватили, когда он пировал вместе с шахом, и отправили в Турцию с эскортом под тем предлогом, что его передадут брату, а не султану. Но беглый принц недалеко отъехал от Тебриза. Согласно достигнутой договоренности,

Баязид должен был быть казнен на иранской земле, но людьми своего отца. Таким образом Сулейман хотел убедиться, что его сын действительно убит и что шах не прячет его где-нибудь в глубине Ирана, лишь заявив о его убийстве. В обмен на 400 тыс. золотых дукатов шах передал Баязида палачу, прибывшему из Стамбула.

Турецкий палач убил Баязида вместе с детьми. Говорят, перед этим Баязиду обрили голову, чтобы опознать его как бывшего правителя Амасии. Одет он был в грязную овчину, опоясанную веревкой. Это еще в Тебризе сделали хитрые персы, чтобы Баязид не выглядел турецким принцем, пользующимся защитой шаха. Когда Баязид попросил дать ему возможность увидеть и обнять перед смертью своих четырех сыновей, ему посоветовали не суетиться и не мешать палачу. После этого ему на шею набросили шнурок и задушили.

Султан оставил Селима правителем Кутахьи в Анатолии и больше не вызывал его к себе.

Кроме Баязида, были задушены четыре его сына. Пятого сына, которому было всего три года, задушили несколько позже в Бурсе.

Сулейман избавил своего единственного наследника от конкурентов.

В 1561 году, когда был казнен Баязид, умер и Рустем. Незадолго до смерти мрачный визирь передал основную часть своего огромного имущества в вакуф. Дар был велик, ибо Рустем ежегодно имел лишь со своих вложений в религиозные учреждения доход в двести тысяч цехинов.

Наследником престола стал будущий султан Селим II, горький пьяница, скончавшийся от цирроза печени, как, впрочем, и основатель современной Турции Ататюрк. Иногда говорят, что с него начался упадок Османской империи, но это утверждение кажется преувеличением. Упадку империи способствовали объективные причины, а личности султанов большой роли в этом процессе не играли. Тем более что в царствование Селима II фактическая власть принадлежала бессменному великому визирю Мехмеду-паше Соколлу, который был столь же энергичным и талантливым государственным деятелем и военачальником, как и Сулейман Великолепный.

Сулейман не щадил не только сыновей, но и других близких родственников, если чувствовал угрозу своей власти. Здесь поучителен пример Фархада-паши. Славянин из Далмации был одним из отважных турецких военачальников. Будучи третьим визирем, он сокрушил восстание в Сирии, прислав султану голову лидера мятежников Газали. Фархад-паша отличился при осаде

Белграда и Родоса и был женат на сестре Сулеймана. Однако он узурпировал власть в отдаленных провинциях и по собственному произволу казнил своих личных врагов, как врагов султана. Тогда Фархад был лишен звания паши и отозван со службы.

Сулейман назначил ему испытательный срок, отправив его служить в пограничную местность на Дунае. Однако вскоре ему стало известно, что его зять злоупотребляет властью, как и прежде. Фархад был снова вызван к султану и в течение нескольких минут приговорен к смерти. Приговор был немедленно приведен в исполнение – осужденного удушили тетивой от лука.

Бейлербеи вдали от контроля со стороны центра старались обложить феодальной данью своих служащих. Сулейман пытался бороться со взяточничеством, требуя, чтобы бейлербеи спрашивали у визиря разрешение назначать на должность. Однако канцелярия визиря в Константинополе сочла невозможным установить, сколько людей совершали злоупотребления на обширной территории падишахства. Кроме того, при помощи взяток в канцелярии визиря покупались необходимые разрешения для назначения на должность.

Последним великим визирем Сулеймана Великолепного стал Мехмед-паша Соколлу, занимавший этот пост в 1565–1579 годах и убитый фанатиком-дервишем. Чувствуя, что ему недолго осталось жить, султан позвал в Стамбул двух дочерей наследника престола Селима и выдал их замуж за Соколлу и Пиале, капутан-пашу. Хладнокровного боснийского хорвата Соколлу султан наделил властью, которой после смерти Ибрагима не обладал еще никто в империи. К должности великого визиря он пожаловал Соколлу звание сераскера. Породнившись с семьей Османов, Мехмед-паша Соколлу располагал теперь всеми полномочиями султана, за исключением самого звания. Если бы он захотел организовать заговор с целью приобретения этого звания, то, быть может, добился бы своего. Но Соколлу не замышлял этого. Он не придавал значения титулам. Твердый, как гранит, он больше любил реальную власть, чем почести. Эти качества он проявил еще в школе, и Сулейман заметил их. Султан никогда не сомневался в лояльности Мехмеда-паши.

В 1546–1551 годах Соколлу руководил турецким флотом, а в 1551–1555 годах был бейлербеем Румелии.

Назначенный в июне 1565 года великим визирем, Соколлу при сыне Сулеймана Селиме II сосредоточил в своих руках все нити управления империей, поскольку Селим мало занимался делами и не покидал Стамбула. Он назначил Мехмеда-пашу пожизненным визирем.

Селим Пьяница правил восемь лет. Соколлу же управлял Османской империей еще пять лет при султане Мураде III, сыне Селима.

Контакты Сулеймана с европейцами активизировались с прибытием в Стамбул новых иностранных миссий, в составе которых были французы, венгры, хорваты, представители короля Фердинанда и императора Карла V. Благодаря все возраставшему числу иностранных путешественников и писателей Европа, в свою очередь, все больше узнавала о султане Сулеймане, которого иногда называли Великим Турком, о его образе жизни, об институтах, с помощью которых он правил, о его дворе с его изощренным церемониалом, жизни подданных, османских традициях и обычаях. Образ Сулеймана казался Западу, сравнивавшему его с предшественниками, образом цивилизованного монарха, по крайней мере в восточном понимании этого слова. Полагали, что он поднял восточную цивилизацию до ее пика, не лишенного внешнего великолепия, хотя бы в монументальных сооружениях Стамбула. Поэтому в Европе, и прежде всего во Франции, фактически являвшейся турецким союзником, Сулеймана прозвали Великолепным.

Султаны, от Мехмета Завоевателя до Сулеймана Великолепного, заселяли Стамбул турками – уроженцами различных областей Анатолии в такой мере, что, несмотря на присутствие греков, армян и евреев, именно турки составили самую большую этническую общину. Да и многие христиане обращались в ислам.

Город был переполнен иноземцами, добивавшимися права торговать на большом крытом рынке и поставлять товары самому сералю. Им необходимо было заручиться покровительством султанской власти.

Все иноземные сообщества имели самоуправление и сохраняли право отправлять свои собственные религиозные обряды, а выходцы из Европы к тому же находились под защитой режима капитуляций. Иностранцы платили годовой налог – десятину – в турецкую казну, налог в абсолютном большинстве случаев меньший, чем тот, который они платили у себя на родине – на Востоке или Западе. Своих преступников они тоже судили сами, за исключением тех случаев, когда в преступлениях были замешаны турки. Но даже от судебного процесса, проходившего в турецком суде, европейцы вполне могли ожидать более справедливого и быстрого решения, поскольку суд проходил в присутствии их консулов. А большинство иностранцев обладали, подобно венецианцам, многими привилегиями. Евреи и армяне, даже будучи подданными Османской империи, были

освобождены от набора их сыновей в школу и призыва на военную службу. Свободными от этих повинностей были также арабы и берберы. С другой стороны, на нетурецкое население накладывались и определенные ограничения. Так, иноземцы не имели права владеть оружием или устанавливать пушки на своих кораблях.

В целом Сулейман обладал лишь номинальной властью над десятками народностей, которые имели свое вероисповедание, говорили на своих языках и соблюдали свои обычаи. Османы никогда не принуждали инородцев ассимилироваться с турками, не навязывали им своего языка и своей религии. Последствия такой национальной пестроты давали о себе знать медленно, но неуклонно.

Восточная Фракия и другие балканские провинции были не в состоянии обеспечить столицу продуктами питания и прочими товарами, поэтому Стамбул все больше зависел от поставок из Малой Азии и других стран Средиземноморья. Как пишет французский историк Робер Мантран, «турки так и не стали морским народом. Они располагали большим количеством мелких судов, однако преимущественно каботажного плавания. Для перевозки значительных грузов издалека нужно было обращаться за помощью к крупным иностранным судам, которые играли главную роль в международном обмене товарами – обмене, участником которого Турция практически никогда не была».

Суровость зимы и капризы погоды провоцировали большой спрос в Стамбуле на меха. Уже в XVI веке торговля мехами, ввозимыми из Московской Руси в Турцию, достигала больших объемов. Почти постоянная влажность воздуха в Стамбуле вызывала эпидемии, в том числе чумы, которые стоили десятков тысяч жертв и порождали бунты.

Все важные решения принимались либо самим султаном, либо великим визирем, основные правительственные службы располагались внутри единого дворцового комплекса – сераля. Этот комплекс разросся вокруг султанского дворца, возведенного Мехмедом Завоевателем в 1457 году на месте древнего акрополя Византия, а впоследствии перестроенного и значительно расширенного Сулейманом Великолепным. Именно этот дворец на самой вершине холма служит как бы фокусом всего архитектурного комплекса столицы.

Первый двор сераля вмещал ведомства финансов и архивов, казначейство, управление благотворительными фондами и арсенал, помещавшийся в бывшей церкви Святой Ирины. Во втором дворе находилось здание, поделенное между диваном,

канцелярией и государственной казной. В третьем дворе располагалась личная казна султана. Во дворце частично был размещен гарем султана и вся его семья. В серале проживали множество пажей, охрана, янычары и даже некоторые чиновники. От остального города он был отделен тщательно охраняемыми крепостными стенами.

Султанский дворец в XVI веке был одним из главных потребителей всего того, что привозили в Стамбул со всех концов империи и из-за границы. Он казался подобен бездонной бочке, поглощая огромное количество продуктов. Конечно, обитателей сераля и их бесчисленных слуг надо было регулярно, сытно и вкусно кормить. А поскольку все султану поставлялось даром (ведь ему принадлежало все в империи), аппетиты дворцовых обитателей постоянно росли. Вот, например, как описывает одно из султанских пиршеств французский писатель и путешественник XVII века Франсуа Пети де ла Круа, знавший толк в кулинарии: «Салаты – из маслин, из каперсов, из редиса, из свеклы, из молодого чеснока, огурцов, лепестков розы и многого еще, соответственно времени года. Мясо приносят в больших глиняных тазах, называемых здесь мартабанами. Здесь и мясо ягнят, и жареные цыплята, разрезанные на части, и баранина, тушенная с маслом и луком, и голуби, сначала обжаренные, а затем поставленные в печь тушиться в сливках с сахаром и розовой водой. Рыба – жареная и в желе (заливная), разных видов. Цыплята – фаршированные рисом и луком, подаваемые в бульоне с распущенным яйцом. Фрикадельки – из мяса, нарубленного с луком и рисом, и завернутые в листья орешника летом и в листья мальвы зимой, гусиная печень – нарубленная с яйцом, петрушкой, миндалем, луком, мускатным орехом, гвоздикой и политая сверху соусом из красного лука. Слоеные пирожки с бараньим мясом. Круглый пирог с голубятиной. Плов из риса с миндалем и корицей. Супы из пюре зеленого горошка на курином бульоне и вместо хлебных супов жаренные в масле и яичных желтках ломтики хлеба, обмакиваемые в бульон. Еще одно блюдо – салат-латук с курицей и густым насыщенным бульоном. И еще одно – куриный бульон с разными нарезанными очень мелко травами, отбеленный яйцом, разведенным в лимонном соке.

Затем следует деликатес, который собой представляет бланманже, приготовленный из белого мяса каплуна, сахара, молока из рисовой муки, амбры и мускуса. Другой деликатес готовится из фиников, варенных в молоке, крахмала, сахара, мускуса и амбры. Рецепт третьего – смешать сок вишни с крахмалом, сахаром, розовой водой, прокипятить все это вместе, процедить полученную жидкость сквозь сито и добавить мускуса

и амбры. Необходимо также упомянуть мармелады, сваренные из различных фруктов в сахарном растворе с мускусом и амброй; пирожные с миндалем, компоты из различных фруктов; яблоки, груши, жаренные в сахаре; розовую воду, сваренный в сахаре миндаль.

Наступает очередь напитков, разносимых в небольших, но глубоких вазах; они готовятся из абрикосов, груш, яблок, фисташек, дамасского винограда, персиков, причем каждый сорт варится отдельно, а фрукты, не потерявшие своего естественного вида, остаются на дне вазы, откуда их достают ложкой на длинном черенке».

Можно не сомневаться, что примерно такими же яствами лакомился и Сулейман Великолепный тогда, когда он находился в Стамбуле (хотя в походах, разумеется, его меню было гораздо более скромным). В регистре за май 1528 года содержатся сведения о закупках кухней сераля продуктов на месяц. Султан, его жены, наложницы, придворные и слуги потребили кур – 544, гусей – 61 (очевидно, слугам гуси не полагались), шафрана – 19 окк (окка = 1,280 кг), устриц – 116, креветок – 87, рыбы – 400 штук, мускуса – 12 мискалей, перца – 10 окк, оливкового масла – 11 окк, пекмеза (род вина) – 3 шиника (шиник = 6 кг), соли из Валахии – 84 окк, крахмала – 13 окк, бузы (род пива из ячменя или проса) – 51 бутыль, бараньи головы – 616, требухи – 180 наборов, яиц – 649, водяных кур (куликов) – 229 459. Это не считая овощей, хлеба, сливок, йогурта, кондитерских изделий и фруктов.

Однажды Бусбек стал свидетелем бурного праздника Байрам, следующего за мусульманским постом. Он таким образом описал этот праздник с участием Сулеймана:

«Я дал указание слугам предложить одному солдату деньги за место в его палатке, расположенной на возвышении, откуда были видны шатры Сулеймана и знати. Я пришел туда во время восхода солнца. Увидел, как на равнине собралось большое число людей в тюрбанах, в глухом молчании следивших за муллой, который произносил молитвы. Каждый занимал положенное ему место. Ряды молящихся, подобно многочисленным заборам, расположились на различном расстоянии от султана.

Это была очаровательная сцена – роскошные одежды под белыми, как снег, чалмами. Никто не кашлянул, не шевельнул головой. Потому что турки говорят: «Если вам приходилось говорить с пашами, вы вели себя почтительно. С каким же благоговением вы должны относиться к Аллаху?!»

Когда молитва закончилась, ряды молящихся расстроились, и вся равнина покрылась бесформенной массой людей. Появились

слуги с завтраком для султана. Когда их заметили янычары, они взяли блюда в свои руки и стали важно пробовать пищу в обстановке общего веселья. Такая вольность позволяется обычаем».

Находясь рядом с лагерем янычар, любопытный Бусбек, рискуя, тайно пробрался в него. Он сравнивал свои наблюдения с виденным в военном лагере европейцев и не мог не признать, что турецкие войска ему нравятся больше:

«Я оделся так, как обычно одеваются в этих местах христиане, и вышел с одним-двумя спутниками. Первое, что меня поразило, – это то, что каждое воинское подразделение располагалось в отведенном ему месте. Покидать расположение части солдатам не разрешалось. Везде поддерживался строгий порядок: тишина, никаких ссор и конфликтов. Кроме того, в расположении части чисто, никаких экскрементов и отбросов. Для отправления солдатами естественных надобностей вырываются ямы, которые по мере наполнения засыпаются землей.

Я не заметил ни пьянства, ни азартных игр, чем сильно грешат наши солдаты. Туркам незнакомо искусство проигрывания денег в карты (на самом деле это искусство уже тогда туркам было хорошо знакомо, но в корпусе янычар азартные игры были запрещены под страхом смерти. – *Авт.*).

Меня провели также в место, где режут овец. Я видел четыре-пять освежеванных туш, полагаю, не менее чем для четырех тысяч янычар. Мне показали обедающего на деревянном бруствере янычара – он ел месиво из репы, лука, чеснока и огурцов, приправленное солью и уксусом. По всей видимости, ему нравилась его овощная пища. Он ел ее так, словно это были фазаны. Пьют они только воду. Я побывал в их лагере как раз перед говением, или Великим постом, как мы это называем, и был удивлен поведением солдат еще больше. В христианских странах в это время даже самые спокойные города оглашаются криками участников игр или возгласами пьяных. Однако эти люди не позволяют себе даже перед постом излишеств в потреблении еды и напитков. Наоборот, сокращая свой рацион, они готовятся к посту, поскольку опасаются, что не смогут перенести резкую перемену в питании.

Таков результат военной дисциплины и строгих законов, завещанных предками современных турок. Они не оставляют безнаказанным ни одного преступления. Наказания включают снятие с должности, понижение в чине, конфискацию имущества, палочные удары по пяткам, смерть. Даже янычары не избегают палочных ударов. Более мелкие проступки наказываются поркой, более серьезные – увольнением или переводом в другую часть,

что провинившийся считает хуже смерти».

Ранее, когда Бусбек встретил янычар в Буде, он отметил, что они «одевают платье, доходящее им до пят. На голове у них чалма, в передней части которой установлен драгоценный камень». Это как будто указывало, что совсем уж бессребрениками воины Аллаха не были и от военной добычи им порой перепадало и нечто существенное.

Однажды янычары зашли в шатер Бусбека с тем, чтобы выразить свое почтение новому имперскому послу. Вот как Бусбек описал этот визит:

«Они приходили ко мне по двое. Вначале они кланялись, а затем быстро подбегали и, еще раз низко кланяясь, подносили мне букет цветов. Затем они столь же стремительно отдалялись от меня, склонив в почтении голову и уставившись в одну точку. Выходили они из шатра, не поворачиваясь ко мне спиной, что было очевидным проявлением почтения. Было поразительно видеть в такой ипостаси янычар, сеющих повсюду ужас…»

Бусбек также обратил внимание на то, что «турки в своей повседневной жизни и в своих домах избегают парадности и излишеств. Они отдают предпочтение непреходящим ценностям, а не суетному. Дома оборудованы так, чтобы предохраниться от жары и дождя, а также от воров. Дом для турок – то же самое, что и караван-сарай для путешественников. В силу этого, путешествуя по Турции, вы нигде не встретите роскошных домов. Отличие богатых людей от бедных в том, что первые имеют большие дома с садами и банями. Но и эти дома далеки от вычурности».

С целью упорядочить строительство Сулейман в 1558 году издал указы, запрещающие домостроительство в непосредственной близости от крепостных стен в Стамбуле и других городах империи.

На османских дорогах встречалось мало экипажей и повозок, зато обычным зрелищем были караваны верблюдов и мулов, чаще всего представлявшие собой обозы султанской армии, причем число животных в караванах варьируется от 300 до 2000. А к Стамбулу постоянно гнали стада. На европейской территории империи главный, «султанский» путь связывал Стамбул с Адрианополем. По нему султан переезжал из новой столицы в старую, а затем возвращался на берега Золотого Рога. «Султанская дорога» была главной артерией снабжения Стамбула зерном и мясом. Она же была и главной стратегической магистралью, так как по ней войска перебрасывались с востока на запад или с запада на восток в зависимости от того, где вспыхивала очередная война и куда направлял султан янычарскую пехоту и сипахскую конницу.

В том, что касается напитков, стамбулец, как всякий добрый мусульманин, должен был довольствоваться водой и безалкогольными фруктовыми соками и компотами, но часто нарушал запрет пророка и употреблял вино или турецкую водку ракию, а также бузу, которая мало отличалась от пива, но под коранический запрет не попадала.

Буза (боза) изготавливается из ячменя или проса и доступна по цене и бедным людям. В Стамбуле была государственная фабрика по производству бузы, но и частных лавочек, торгующих этим напитком, по словам Эвлийи Челеби, было более 300.

Следующим по популярности напитком был мюселес, или род «вареного вина», добытого прямо из сусла (отпрессованного сока винограда) посредством его тепловой обработки. Еще один напиток такого рода – пекмез. Употребляли турки и балсую – напиток из меда, сиропа и хмеля. А вот оржад (миндальное молоко) был распространен меньше других напитков. Шербеты изготовляли двух сортов – напитки и твердые сладости.

Единственным полуразрешенным для мусульман спиртным напитком в Стамбуле, да и по всей империи, была турецкая водка ракия, или арак. Она получается посредством возгонки спирта из мастики мастикового дерева, растущего на Хиосе. Ракия по вкусу напоминает анис. Эта жидкость может служить и прохладительным напитком, если ее сильно разбавить холодной водой, и алкогольным напитком, если пить ее в неразбавленном или слабо разбавленном виде. В Стамбуле производство и потребление ракии в принципе было запрещено, но армяне, большие специалисты в этой области, производили ее в соседнем Чорлу, во Фракии. Ракия пользовалась большим спросом в кабачках Галаты и в районе арсенала Касима-паши. Поскольку в Стамбуле имелось многочисленное христианское население, продажа водки и вина в тавернах никогда не была запрещена и на практике ничто не мешало мусульманам предаваться пьянству.

Употребление вина мусульманам, как известно, запрещается Кораном, но еще султан Мурад IV, а потом Мехмед IV сочли необходимым еще раз утвердить этот запрет своими фирманами. Тем не менее вин в Стамбуле было всегда с большим избытком, причем не только в тавернах и кабачках, но и в дворцах таких важных персон, как султаны Селим II Пьяница и тот же Мурад IV, который обоснованно считал, что собственный указ на него не распространяется. Большим любителем выпить был и знаменитый поэт Баки, называвший Сулеймана «беспощадным, как судьба». Поскольку представители религиозных меньшинств и иностранцы имели неограниченное право продавать и покупать вино, соблюдать запрет на его употребление мусульманами было очень

трудно, особенно в Стамбуле. Правда, на вино налагались высокие ввозные пошлины, но их можно было легко обойти, утверждая, что вино предназначено для нужд посольства (поставляемое туда вино никакими пошлинами не облагалось). Неплохие вина производились и в самой Османской империи – в частности, во Фракии, в области Смирны, на Греческом архипелаге, хотя иностранные вина, особенно французские, итальянские, венгерские, немецкие и испанские, все же оставались более популярны как среди турок, так и среди христианских подданных султана.

Кофе в Турцию впервые ввезли в царствование Сулеймана Великолепного, в середине XVI века, два сирийца из Алеппо и Дамаска. Первое кафе (кахвехане) в Стамбуле, первоначально предназначенное исключительно для дегустации этого редкого напитка, открылось в 1554 году. Вскоре кофе вошел в моду, и кафе стали самыми популярными заведениями, тем более что там также играли в триктрак и в шахматы и звучала музыка.

Султан Мурад III приказал закрыть кафе, опираясь на уверения улемы в том, что употребление кофе нарушает положения Корана, поскольку влияет на состояние ума. Но запрет не продержался и нескольких дней, так как кафе было уже так много, что закрыть их все не было никакой возможности, к тому же христианам, а тем более иностранцам пить кофе запретить никто не мог.

Кофе ввозился в Стамбул из Йемена через Египет. Именно в Стамбуле европейцы впервые попробовали кофе и принесли его в Европу.

Кафе Стамбула стали местом встречи поэтов, литераторов и вообще представителей мира искусства. Как с удивлением отмечал один европеец, «здесь могут общаться люди различных религий и общественного положения без ущерба для своей репутации. Вне помещения кахвехане, на свежем воздухе, нередко устанавливаются каменные скамьи, устланные циновками. На них именитые посетители любят посидеть, посмотреть на уличных прохожих и себя им показать. Обычно в кахвехане выступают скрипачи, флейтисты, другие музыканты – их нанимают владельцы заведений, чтобы они играли и пели для привлечения публики».

Можно сказать, что именно в царствование Сулеймана сложился тот бытовой облик Стамбула, который с небольшими изменениями просуществовал вплоть до XIX века.

Самым большим по площади зданием Стамбула до сих пор остается султанский дворец, Топкапысарай, занимающий весь главный холм – холм древнего акрополя. Окруженный высокими

крепостными стенами, дворцовый комплекс простирается от Бахчекапы на Золотом Роге до Ахыркапы на Мраморном море. Дворец представляет собой комплекс зданий, различающихся по размерам и архитектурному стилю, поскольку строили его разные архитекторы при разных султанах, начиная с Мехмеда Завоевателя. Дворец господствует над Стамбулом, так что на нем сразу же останавливается взгляд путешественников, прибывающих в город как по Мраморному морю, так и по Босфору.

Муфтий посоветовал Сулейману, следуя завету Корана, взять средства из казны на строительство дорог, колодцев, караван-сараев и мечетей для бедняков. Султан этим не ограничился. Он приказал построить новый акведук, взяв за образцы византийские акведуки. А для себя султан построил летний дворец у азиатского побережья.

При Сулеймане Великолепном в Стамбуле построили множество акведуков и фонтанов, снабженных кранами, дабы вода не пропадала даром, смешиваясь с почвой и образуя грязь. Это также надежно обеспечило столицу империи пресной водой. А вот типичная зарисовка, сделанная одним иностранным путешественником XVII века: «Несколько янычар в одной из портовых таверн за чертой города, приведя с собой женщин и мальчиков, после того как изрядно, по обы чаю, напились и пресытились всеми видами разврата, принялись курить и заснули со своими трубками, не вынимая их изо рта. Горящий табак посыпался из трубок на циновки – они загорелись, и вскоре вся таверна заполыхала».

Во времена Сулеймана Великолепного такой открытый разврат и нарушение исламских норм были еще вряд ли возможны.

Проституция Стамбула в царствование Сулеймана Великолепного, равно как при его предшественнике и преемнике, вполне процветала, но не выставляла себя напоказ. Существовали тайные публичные дома, куда рекрутировались гречанки, еврейки, армянки, черкешенки и другие немусульманские женщины, хотя изредка встречались сирийки, персиянки и даже турчанки. Большинство проституток работали в тавернах, а некоторые выступали в роли продавщиц каймака в лавках каймакчи. В конце XVI века проститутки концентрировались в Галате, Топхане и Эюбе и обслуживали прежде всего моряков и паломников. Когда султан Мурад IV начал преследование проституток и изгнал их из Эюба, места паломничества к могиле святого, и закрыл лавки каймакчи, публичные дома стали маскироваться под прачечные.

Повседневная жизнь Сулеймана во дворце – от утреннего выхода до вечернего приема – была подчинена строгому ритуалу.

Когда султан утром вставал с кушетки, его одевали ближайшие придворные. На султане был кафтан, надеваемый лишь однажды, с двадцатью золотыми дукатами в одном кармане и с тысячью серебряных монет в другом. И кафтан, и нерозданные за день в качестве милостыни монеты в конце дня становились наградой для постельничего.

Еда состояла из трех трапез в течение дня. Она подносилась длинной процессией пажей. Но питался султан всегда в одиночестве. Еда выкладывалась на фарфоровые и серебряные блюда, расставленные на низком серебряном столике, с подслащенной и ароматизированной водой (изредка вином) для питья, в присутствии стоящего рядом доктора в качестве меры предосторожности от возможного отравления.

Спал султан, словно известная прицесса на горошине из сказки Андерсена, на трех малинового цвета бархатных матрацах – один из пуха и два из хлопка, – покрытых простынями из дорогой тонкой ткани, а в зимнее время – завернувшись в мягчайший соболий мех или мех черной лисицы с головой, покоящейся на двух зеленого цвета подушках с витым орнаментом. Над его кушеткой возвышался золоченый балдахин, а вокруг – четыре высокие восковые свечи на серебряных подсвечниках. Возле них всю ночь находились четыре вооруженных стража, тушивших свечи с той стороны, в которую мог повернуться султан.

Каждую ночь Сулейман из предосторожности спал в новой спальне. День же состоял из аудиенций и совещаний с чиновниками. Когда не было заседаний дивана, он мог читать книги или слушать музыку.

Во второй половине дня, после сиесты на двух матрацах – одном, парчовом, шитом серебром, и другом, шитом золотом, султан порой переправлялся на азиатский берег Босфора, чтобы отдохнуть в местных садах. Мог он отдыхать и в саду своего дворца, засаженного пальмами, кипарисами и лавровыми деревьями. Здесь был павильон со стеклянным верхом, над которым струились каскады сверкающей воды.

Ипподром был превращен в город шатров с величественным павильоном в центре, в котором султан восседал перед народом на троне с колоннами из лазурита. Над ним сиял палантин из золота, инкрустированный драгоценными камнями.

Между официальными церемониями и роскошными банкетами на ипподроме веселился простой народ. К его услугам были различные игры, турниры по борьбе, верховая езда, танцы,

концерты, театр теней, цирковые представления с клоунами, фокусниками, акробатами. Популярностью пользовались постановки батальных сцен и великих осад, с шипением, разрывами и каскадами фейерверков в ночном небе.

Потребности султанского сераля обслуживали специальные ремесленные мастерские. Мебельное производство, работавшее исключительно на дворцовые нужды, возглавлял глава всех стамбульских мебельщиков-краснодеревщиков. В специальной мастерской изготавливали изразцы, существовали бронзовая плавильня, художественная мастерская. Фаянсовые мастерские на берегу Золотого Рога для нужд сераля, которые произвели множество замечательных изделий, были основаны Селимом I и самим Сулейманом Великолепным.

Для пошива одежды для служителей сералей были созданы особые швейные мастерские. Огромное значение придавалось придворным тюрбанам. Ведь размер, форма, цвет и ткань тюрбана являлись показателем социального статуса и должности. Тюрбаны, чтобы отвечать всем правилам придворного этикета, должны были быть весьма разнообразными. Тюрбаны делала узкоспециализированная корпорация сарикджи, выполнявшая заказы двора и столичной знати. А еще одна корпорация специализировалась на пошиве халатов – почетного одеяния, которым султан одаривал приближенных и слуг в знак особой благодарности. Турецкий халат – это род кафтана, сшитого из очень ценной ткани или нередко меха.

Порядок в Стамбуле поддерживали несколько высокопоставленых янычарских офицеров. Мухзир-ага выступал в качестве представителя янычар перед великим визирем и одновременно являлся его телохранителем. Вместе с визирем он разрешал споры, касающиеся янычар. Главное же, мухзир-ага и его подчиненные задерживали и наказывали янычар в случае правонарушений и преступлений. Наказание производилось, как правило, немедленно на месте преступления подчиненными мухзир-аги, вооруженными фалаками (специальными колодками для наказания битьем розгами по босым подошвам) и обычными палками.

Субаши обеспечивал порядок в Стамбуле в светлое время суток. Вместе с мухтасибом (чиновником, наблюдающим за соблюдением исламских моральных норм) он следил за тем, чтобы регламенты, касающиеся деятельности ремесленников и торговцев, соблюдались должным образом. Кроме того, субаши задерживал пьяных, злоумышленников, бродяг и вообще всех подозрительных лиц и при необходимости наказывал задержанных. Как свидетельствовал один из современников-

иностранцев, «с участниками пьяных ссор, драк и другими нарушителями общественного порядка поступают сурово. Наименее виновных избивают палками по заду, но не только по нему… Обычно их укладывают на землю и дают две-три сотни ударов тростью по животу и по подошвам ног. Тех, кто при торговле обвешивает и обмеривает покупателей или продает свой товар по чрезмерно высоким ценам, прибивают гвоздями сквозь уши к двери или к стене и оставляют в таком беспомощном состоянии на целый день, чтобы обманутые ими могли высказать им свое негодование и презрение…». Иногда виновным в обвешивании надевали на шею колодку и водили в ней по городу. Субаши также накладывал на провинившихся штрафы, частично идущие ему в карман. Агенты же субаши пользовались репутацией людей, не знающих жалости, а сам субаши, по отзывам современников, был «очень злой человек, который стремится обогатиться за счет любого». Впрочем, полицию обычно ни в одной стране мира не любят.

В век Сулеймана Великолепного, когда в столицу стекались несметные богатства, преступность в Стамбуле оставалась на довольно высоком уровне, но, как правило, дело ограничивалось грабежом. По сведениям иностранных наблюдателей, убийства происходили редко, вероятно, потому, что за убийство полагалась смертная казнь: «Если такое случается, то – по причине вспышки гнева или во время грабежа на большой дороге».

Число убийств было также невелико из-за закона, согласно которому, если убийца не был найден, жители того стамбульского квартала, где было совершено преступление, должны были заплатить большой штраф, «цену крови», равный 40 тыс. акче. Сумма была слишком велика даже для состоятельных стамбульских обывателей, и убийцу обычно быстро ловили сами горожане. Помимо обывателей, действовавших под руководством полицейских офицеров, имелись еще и специальные агенты, выполнявшие особые задания. Так, беджекбаши специализировался на розыске воров; и его «агенты в штатском», среди которых были и женщины, проникали в преступную среду и выявляли тех, кто совершил конкретные преступления. Агенты-осведомители в прошлом нередко сами принадлежали к преступному миру.

Другой полицейский чин, салмабаш чукадар, также имел в своем распоряжении переодетых агентов, которые наблюдали за публичными местами: рынками, базарами, кафе, тавернами, банями и т. п. Агенты следили за тем, чтобы янычары не учиняли драк и пьяных бесчинств, пресекали занятие проституцией в людных местах и на кладбищах. Кроме того, они фиксировали

состояние умов столичного общества. Ежедневно салмабаш чукадар представлял полицейскому начальству сводный доклад, в котором, помимо прочего, обозревал и настроения столичной публики, прежде всего в плане отношения лично к султану и к действиям власти.

Благодаря разветвленному полицейскому аппарату и развитой системе агентурного наблюдения Стамбул был относительно благополучным городом, и криминальные элементы в основном находились под полицейским контролем. Гораздо большая опасность исходила от тех, кто сам поддерживал порядок. Особое беспокойство Сулейману доставляли янычары, которые, особенно в случае серьезных задержек жалованья или длительного отсутствия успешных военных походов, имели склонность бунтовать.

В XVI веке произошел стремительный рост численности населения Стамбула благодаря последовательной политике по переселению в столицу турок и других султанских подданных из провинции, проводимой Баязидом II и особенно Селимом I и Сулейманом Великолепным. Баязид расселил в Стамбуле валахов. Селим, завоевав Тебриз и часть Кавказа, переселил оттуда ремесленников, известных своим искусством в производстве керамических изделий. То же самое он сделал после завоевания Сирии и Египта. Сулейман Великолепный, следуя примеру отца, взяв Белград, переселил в столицу сербских ремесленников. В итоге сирийцы, египтяне и сербы пополнили население Стамбула. Сюда также переселились изгнанные из Испании мавры и иудеи, греки и славяне с Балканского полуострова и мусульмане из арабских стран Магриба. Всех их притягивало богатство Стамбула, многократно умноженное благодаря завоеваниям Сулеймана Великолепного. Город нуждался в притоке рабочей силы. Ведь Стамбул переживал настоящий строительный бум. Растущие армия и флот требовали новых пушек, фальконетов, кораблей. Государственный оборонный заказ создавал новые рабочие места в арсеналах и в государственных оружейных мастерских. А новых ремесленников надо было кормить, одевать, обувать, им надо было где-то жить. За счет этого создавался гигантский спрос на услуги и товары широкого потребления.

Численность населения Стамбула продолжала увеличиваться, однако новые иммигранты прибывали теперь главным образом из внутренних районов Анатолии, что способствовало увеличению в столице доли турецкого населения.

В турецких документах 1520–1535 годов, то есть относящихся к началу правления Сулеймана Великолепного, содержится информация о наличии в Стамбуле 46 635 мусульманских дворов,

25 232 христианских и 857 еврейских. Всего в городе было около 73 тыс. дворов и около 400 тыс. жителей. Хотя мусульмане и преобладали, но и доля христиан была значительна, достигая 42 %. Около 1550 года врач Синана-паши Лагуна оценивал жилищный фонд Стамбула в 104 тыс. домов, из которых 60 тыс. принадлежало туркам, 40 тыс. – христианам и 4 тыс. – евреям. Скорее всего к тому времени численность населения столицы перевалила за полмиллиона.

Мусульмане, христиане и иудеи довольно тесно общались друг с другом на стамбульских улицах. Но жить они предпочитали порознь. Религиозные меньшинства жили в отдельных кварталах, образовавшихся вокруг церкви или синагоги. Мусульмане, христиане и иудеи Стамбула не питали друг к другу больших симпатий. Однако погромов против меньшинств в городе не случалось. Сказывалась как эффективность местной полиции, так и политика веротерпимости, проводимая Сулейманом Великолепным.

Обособление населения Стамбула по религиозному и языковому признаку поддерживалось османскими властями, так как это уменьшало вероятность столкновений с меньшинствами и облегчало полицейский контроль.

Греки, представлявшие следующую после турок по численности этническую группу столичного населения, по большей части не были потомками византийских уроженцев Константинополя, получивших от Мехмеда II Завоевателя разрешение остаться в родном городе после осады 1453 года. Большинство стамбульских греков было переселено из Адрианополя, Галлиполи, Филиппополя (Пловдива), из Мореи и Архипелага Смирны, Синопа, Самсуна, Трапезунда. В XVI веке в Стамбул были привезены греки и из других частей континентальной Греции, а также из Фракии и Анатолии. Большинство же константинопольских греков сразу после взятия города были депортированы на Балканы.

При Сулеймане Великолепном Стамбул не знал ни перебоев в снабжении продовольствием, ни уличных беспорядков, тогда как в XVII веке при Ибрагиме I или Мехмеде IV подобное стало обычным делом. Частая смена великих визирей, возглавляющих как имперскую, так и столичную администрацию, дезорганизовала систему управления как Османской империи в целом, так и Стамбула.

То, что принято называть золотым веком Османской империи или веком Сулеймана, совпадает не только с пиком политического величия и военных побед, который приходится на царствование Селима Грозного и Сулеймана Великолепного, но

также и со временем необычайного расцвета литературы и в особенности искусств. Этот расцвет в значительной степени обусловлен личной политикой в области культуры султана, который щедрой рукой давал награды поэтам, архитекторам и артистам. Щедрость Сулеймана была обус ловлена тем, что денег в казне почти всегда было в избытке. Пополнялась же казна за счет добычи, захваченной в ходе османских завоеваний в Персии, Сирии, Ираке и Центральной Европе. Завоевания сказочно обогащали также высших государственных сановников, которые тоже выступали в роли меценатов. В эпоху Сулеймана Великолепного появились талантливые поэты, были опубликованы капитальные труды по истории и географии. Именно тогда в Стамбуле были возведены мечети и дворцы, которые и поныне определяют его облик. Тогда творил великий зодчий Синан.

Но даже в период интеллектуального и художественного подъема XVI–XVII веков в Османской империи не было подлинного возрождения, подобного европейскому. Турецкий Ренессанс не состоялся, и не только потому, что никто не собирался возрождать античные образцы. Настоящему Возрождению мешала преимущественно религиозная система образования. Сказывалась и вторичность турецкой литературы и искусства, зависящих от литературных традиций, унаследованных от арабов и персов.

В Европе эпоха Ренессанса прежде всего эмансипировала свободную личность от религии, сформировала действительно светскую культуру, открывшую широкие возможности для развития науки и техники, изобретения и внедрения новых технологий. В Османской империи подобной эмансипации не произошло не только в XVI, но еще и в начале XX века, поскольку исламское влияние оставалось преобладающим. Лишь при Ататюрке в Турции произошли те же изменения, которые в Европе называли Ренессансом.

Среди прочих прикладных искусств нужно выделить каллиграфию в качестве традиционного искусства мусульман. В нем турки дошли до высот совершенства, причем лучшие их каллиграфы пользовались репутацией великих художников – приблизительно такой, какую имели на Западе выдающиеся живописцы. Миниатюра также знала период своего расцвета, хотя поле проявления творческого начала в ней было стеснено подражанием персидским образцам, которые считались каноническими.

По мере того как множились завоевания Сулеймана и росли его доходы, расцветал тот архитектурный стиль, который первым

из византийской школы сумел извлечь Мехмед Завоеватель и который, воплотившись в Айя-Софии, оказался связан с распространением исламской цивилизации по миру. Являясь связующим звеном между исламской и христианской цивилизациями, этот новый восточный архитектурный стиль благодаря таланту выдающихся архитекторов достиг своего пика. Среди них был архитектор Мимар Синан, согласно ряду версий, сын христианского мастера по камню, в юности рекрутированный в ряды янычар и во время военных кампаний служивший в качестве военного инженера. В Стамбуле более десятка мечетей было построено под руководством и по проектам архитектора Мимара Коджи Синана. Шедевром стала мечеть Селимие в Эдирне, посвященная Селиму II. Синан также возвел стамбульские мечети Шехзаде (1543–1548) и Сулеймание (1550–1557). Последняя мечеть стала величайшей по размерам мечетью, когда-либо построенной в Османской империи.

По поводу этнического происхождения Синана не утихают споры. Его называют то греком, то турком, то армянином. Согласно греческой версии, Синан отуречился еще в юности, чтобы получить хорошее образование. По этой версии, Синан был по рождению православным греком Иосифом, его отец был каменщиком и плотником, но в 1512 году в возрасте 23 лет Синан был взят в корпус янычар и обращен в ислам. Сначала он строил мосты и крепости, а потом дослужился до начальника артиллерии. Армянская версия практически совпадает с греческой, только утверждается, что Синан родился не в греческой, а в армянской семье. Турецкая версия, наиболее подробная, гласит, что он родился в турецкой семье неподалеку от города Кайсери и еще в молодости перебрался в Стамбул, где некоторое время был строительным рабочим, потом поступил в армию, где организовывал строительные работы; проявил себя с самой лучшей стороны, так что ему поручали выполнение все более важных заданий. Он строил мосты, мечети, медресе в Румелии. Вызванный в Стамбул Сулейманом Великолепным, он приступил к сооружению больших мечетей; сам он говорил, что строительство Шехзаде – дело ученика, строительство Сулеймание – дело подмастерья (рабочего), а вот строительство мечети Селимийе в Адрианополе – это уже дело мастера.

Думаю, что определение этнического происхождения архитектора Синана – задача столь же неразрешимая, как и определение места рождения жены султана Роксоланы.

Во внутреннем убранстве религиозных или гражданских зданий той эпохи стены украшались керамической плиткой с растительным орнаментом ярких цветов. Этот способ украшения

храмов был заимствован османами из Персии, но теперь керамическая плитка изготавливалась в мастерских Изника и Стамбула пленными иранскими ремесленниками. Влияние Персии преобладало и в сфере литературы, как это было со времен Мехмеда Завоевателя. Сулейман особо поощрял поэзию, и вокруг двора роились выдающиеся турецкие поэты. Классическая османская поэзия в персидских традициях достигла наивысшей степени совершенства. Сулейман даже учредил официальный пост имперского ритмического хроникера, который должен был отражать деяния царствования в стихотворной форме.

Господство мусульманского богословия не оставляло места никакому новшеству ни в преподавании, ни в философии. В итоге турки не смогли развить собственную интеллектуальную традицию, а довольствовались знанием старинных текстов и весьма старых комментариев к этим текстам. Нового осмысления не произошло. Турки эпохи Сулеймана Великолепного не чувствовали потребности сойти с пути, проторенного великими авторами прошлых веков, и поискать новых путей. Традиции критики авторитетов так и не появилось. На великих авторов прошлого смотрели лишь с благоговением. Им подражали, но их достижения не развивали и не переосмысливали. Турецкая культура XVI века – это все-таки лишь подражание великим образцам прошлого. Она включает в себя, помимо прочего, довольно обширный запас арабской и персидской лексики и прочие заимствования из тех же культур.

В этот период был создан искусственный литературный язык, насыщенный арабизмами и иранизмами, значительно отличающийся от того турецкого языка, на котором говорит «турок с улицы».

Но турецким литераторам XVI–XVII веков удалось овладеть этим языком почти в совершенстве и создать на нем целый ряд шедевров. Вклад был колоссален в области формы, но минимален в области содержания, поскольку темы и сюжеты произведений были целиком заимствованы у творцов прошлого, и это касается не только литературы.

Не случайно посол Франции де ла Ай, признававшийся в нелюбви к туркам, писал кардиналу Мазарини: «Что касается турецкой и персидской литературы, то я должен сообщить Вашему первосвященству, что на этих двух языках имеются только плохие романы да еще комментарии к Корану, которые хуже романов, но именно они получают у турок очень завышенную цену».

Стамбул стал интеллектуальным и художественным центром империи. Сюда стекались поэты, писатели, художники со всех

концов османского и мусульманского мира. Во времена Сулеймана Великолепного они легко находят меценатов и предаются творчеству, ведя вполне безбедную жизнь в османской столице.

Сам Сулейман был образованным человеком, любившим музыку, поэзию, природу, а также философские дискуссии. Он увлекался искусством и ювелирным делом, писал стихи и занимался кузнечным делом, владел несколькими языками.

XVI век был периодом расцвета турецкой классической поэзии. Его называли золотым веком. На турецкую поэзию сильно влияла персидская (иранская) поэзия. Оттуда были заимствованы основные поэтические жанры, такие как касыда (хвалебная ода), газель (лирический стих), а также сюжеты и образы: традиционные соловей, роза, воспевание вина, любви, весны и т. п.

Поэты Исхак Челеби (умер в 1537 г.), Лями (умер в 1531 г.) и Бакы (1526–1599) писали главным образом лирические стихотворения. А вот следующий, XVII век не случайно называли веком сатиры. Сказалось падение нравов, предоставившее богатейший материал для сатиры.

Стамбул превратился в главный культурный центр исламского мира. Артисты, писатели, поэты, историки, миниатюристы, каллиграфы получали моральную и материальную поддержку султанов и их фаворитов.

Османская империя, достигнув вершины своего могущества, территориального и финансового, собирала ко двору султана архитекторов и писателей. Стамбул утопал в роскоши, а меценаты соревновались друг с другом в возведении мечетей. Архитекторы и художники, которым была доверена эта важная и почетная миссия, были людьми действительно талантливыми, столица империи удостоилась великих памятников, которые и в наши дни напоминают об эпохе Сулеймана Великолепного.

Турецкая архитектура вобрала в себя традиции архитектуры покоренных стран Балканского полуострова и Передней Азии. Архитекторы империи стремились создать некий целостный стиль. Наиболее важным элементом турецкого синтеза была византийская архитектурная схема, во многом копировавшая в мечетях константинопольский храм Святой Софии.

Запрет ислама на изображение живых существ привел к тому, что живопись в Османской империи имела главным образом прикладной и декоративный характер. В XVI веке развивались стенная роспись в виде растительного и геометрического орнамента, резьба по дереву, металлу и камню, рельефные работы по гипсу, мрамору, мозаики из камня, стекла и т. п., а

также каллиграфия. Здесь отличались как насильно переселенные, так и турецкие мастера. Турецкие ремесленники достигли выдающихся достижений в области украшения оружия инкрустацией, резьбой, насечкой по золоту, серебру, слоновой кости и т. п. Запрет на изображение живых существ порой нарушался; в частности, для украшения рукописей, когда создавались миниатюры, на которых изображались и люди, и животные.

Неудача на Мальте

Адмиралы Сулеймана так и не смогли в 1565 году захватить Мальту. Этот остров господствовал над проливами между Востоком и Западом и мешал установлению полного контроля турецкого флота над Средиземным морем. Как решил Сулейман, после победы у Джербы настало время, как выражался турецкий адмирал, победитель при Джербе и ближайший соратник Барбароссы Драгут (Тургут-реис), «выкурить это гнездо гадюк». Захват Мальты укреплял господство османского флота в Средиземном море и открывал хорошие перспективы для высадки в богатейшей Сицилии. А потом можно было попытать счастья в Италии и постараться сокрушить там господство Габсбургов.

Эскадра мальтийских рыцарей, которые на семи галерах под красными парусами бороздили воды Эгейского моря и наводили ужас на мусульманские суда, захватила несколько торговых кораблей турок. В это время Драгут Анатолийский и Пиале-паша находились в Западном Средиземноморье. Сулейман особо разгневался из-за захвата рыцарями большого корабля, следовавшего в Стамбул из Венеции с грузом предметов роскоши для обитателей сераля.

Семидесятилетний и больной Сулейман не чувствовал себя в состоянии возглавить экспедицию против Мальты, как это было при захвате Родоса. Султан над еялся, что Мальта – орешек полегче Родоса, и с этой задачей успешно справятся его полководцы. Он разделил командование поровну между своими лучшими военачальниками. Главным адмиралом был назначен молодой Пиале-паша, возглавивший флот после смерти Барбароссы. А старый полководец Мустафа-паша возглавил сухопутные войска, которым предстояло захватить мальтийскую цитадель.

Над кораблями мальтийской экспедиции развевалось личное знамя султана с диском с золотым шаром и полумесяцем, увенчанным конскими хвостами. Султан хорошо знал, что его полководцы, мягко говоря, недолюбливали друг друга. Поэтому перед отплытием он еще раз призвал их к тесному сотрудничеству. Сулейман приказал Пиале-паше относиться к Мустафе-паше как к уважаемому отцу, а Мустафу-пашу призвал относиться к Пиале-паше как к любимому сыну.

Однако на этот раз Сулейман все же сомневался в успехе и хотел максимально усилить отправляемые к Мальте войска и флот. Он поручил Драгуту и корсару Улудж-Али присоединиться к экспедиции и помочь ее руководителям как своими советами,

так и своими кораблями.

Великий магистр мальтийских рыцарей Жан де ла Валетт был бескомпромиссным, фанатичным борцом за христианскую веру. Ровесник Сулеймана, он сражался против него еще на Родосе. С той поры он посвятил свою жизнь подготовке к новой войне с мусульманами. Ла Валетт был опытным, умелым, закаленным в боях воином, безгранично преданным христианскому идеалу и готовым повести за него на смерть тысячи людей. Когда стало ясно, что осада неминуема, он обратился к своим рыцарям с вдохновенной проповедью: «Сегодня на карту поставлена наша вера и решается, должно ли Евангелие уступить Корану. Бог просит наши жизни, которые мы обещали ему согласно делу, которому мы служим. Счастливы будут те, кто сможет пожертвовать своей жизнью».

В распоряжении Великого магистра были 500 рыцарей, 1300 наемных солдат, 4000 моряков и мобилизованные жители Мальты. Против защитников Мальты турки выставили 4500 янычар, 7500 спешенных сипахов, 18 тысяч матросов, артиллеристов, саперов и прочих бойцов.

Османский флот, насчитывавший более 200 судов, включая 130 галер, 30 галеасов и 11 парусных торговых судов, подошел к острову 18 мая. Понимая, что Великая гавань слишком хорошо защищена, Пиале-паша выбрал для высадки гавань Марсаширокко на юго-восточном конце острова. Рыцари не препятствовали высадке, экономя свои скромные силы.

Оборона Мальты имела некоторые слабые места. В береговой линии широкой бухты было много углублений. Малочисленный гарнизон концентрировался в оборонительных сооружениях вокруг города Борго с бухтой, где находились галеры. Сзади город окружали горные цепи. Если установить там батареи, как советовал Драгут, то можно было бы обстреливать все внутреннее пространство крепости.

Но командующий турецкими силами сераскер Мустафа-паша не стал забираться в горы, а сначала приступил к осаде изолированного в бухте форта Сент-Эльмо, расположенного у входа в бухту. Он господствовал над двумя узкими заливами и представлял угрозу османскому флоту. После захвата этого форта можно было бы ввести свою эскадру в бухту и приблизиться к основным укреплениям у Борго. Но Пиале-паша не согласился ни с командующим, ни с Драгутом, а предложил свой план действий. Он считал, что хотя форт Сент-Эльмо мешает ближе подойти к городу, но если начать атаку сразу же на Борго, то после его падения оборона форта утратит смысл и его защитники все равно капитулируют. Поэтому адмирал предлагал не отвлекаться на

осаду форта, чтобы не тратить сил и средств, а сразу же приступить к осаде и штурму главного укрепления. Ведь сколько пороха и людей придется угробить на взятие Сент-Эльмо, а времени на осаду Борго может уже не остаться. Управиться надо было до холодов. Да и вообще осада Мальты представлялась более опасным делом. Укрепления на Мальте были не слабее родосских, но сам остров находился совсем рядом с Сицилией, где в любой момент мог быть собран испано-имперский флот и двинуться на помощь мальтийским рыцарям. Поэтому с захватом Мальты следовало торопиться.

В итоге Мустафа-паша, как формально старший по должности и по возрасту, настоял на том, что начать надо с осады и последующего штурма форта Сент-Эльмо. 23 мая началась его бомбардировка.

Но вскоре турки глубоко увязли в осаде форта. Однако уже потраченные на нее людские и материальные ресурсы побуждали постараться довести ее до конца. Необходимо было во что бы то ни стало взять этот проклятый форт, а потом и весь остров. Сулейман приказал обязательно добиться победы. Сераскер, равно как и Драгут с Пиале-пашой, знали, что поражение может стоить им головы.

Драгут прибыл на Мальту 2 июня и принял на себя руководство осадой форта Сент-Эльмо. А уже 22 июня, когда он руководил атаками через наведенные мосты к проломам в укреплениях форта, ему в голову попал обломок камня, и он умер от раны через два дня. По другой версии, в голову Драгуту попало ядро, причем «дружественное», турецкое, и сразило его наповал. Пиале-паша был ранен железным осколком, но рана оказалась не смертельной.

23 июня форт Сент-Эльмо наконец пал, когда у оборонявших его рыцарей не хватило сил закрыть все бреши. Понимая, что защитники форта способны продержаться лишь ограниченное время, магистр за пару дней до падения послал к ним под покровом ночи трех гонцов-рыцарей – англичанина, итальянца и француза. Когда они вернулись, то двое сказали магистру, что форт обречен и падет в ближайшие часы. Третий же настаивал, что защитники форта еще продержатся.

Великий магистр тогда решил, что все рыцари должны держаться и умереть на своих местах, поклявшись друг другу, что не сдадутся. А защитники форта Сент-Эльмо должны держаться до последнего, чтобы выиграть хотя бы лишний день.

Ворвавшиеся 23 июня в Сент-Эльмо турки обнаружили лишь 60 раненых воинов из гарнизона в 600 человек, сидевших на табуретках с мечами в руках. Турки не пощадили их, озлобленные

длительным сопротивлением. Взбешенные также большими потерями, османские воины раздели трупы рыцарей, вырезали на них кресты и сбросили их в воды залива. Форт продержался месяц. Турки при его осаде потеряли 8 тыс. человек. По преданию, Мустафа-паша, глядя на руины форта Сент-Эльмо, произнес: «Если такой маленький сын так дорого обошелся нам, то какую цену мы должны заплатить за отца?»

Всем пленным, кроме девяти, турки немедленно отрубили головы, а тела прибили к деревянным крестам и пустили вплавь через вход в гавань к форту Сант-Анджело. В ответ на это ла Валетт распорядился немедленно казнить всех турецких пленных, затем их головами зарядили пушки и выстрелили по руинам форта Святого Эльма. После этого обе стороны пленных больше не брали.

В конце июня на Мальте причалила галера с 1000 солдат и 24 добровольцами-рыцарями из Сицилии. Небольшой отряд пробился ночью через боевые порядки турок и явился к де ла Вал етту в Борго. Прибывшие сообщили магистру, что папа Пий IV уже выделил деньги на операцию по деблокаде Мальты, что испанцы обещали прислать флот, а в Мессине собрались добровольцы. Но вице-король Испании в Сицилии боится выходить в море без сопровождения военной эскадры, более мощной, чем турецкая. Вице-король обещал отправиться к Мальте «в один из июльских дней».

Семьдесят три дня крепость де ла Валетта выдерживала артиллерийскую бомбардировку. С высот позади города орудия стреляли прямой наводкой по улицам. Строители прокладывали пути подхода к стенам крепости. На острове, целиком состоявшем из известняка, подкопы были невозможны. Оставалось только пытаться разрушить стены крепости, а потом пускать солдат по открытой местности на штурм проломов, не считаясь с огромными потерями. Ведь невозможно было даже вырыть окопы, подходящие к стенам крепости. Как писал Ноллес, «бомбардировки производились с четырнадцати позиций. По городу били семьдесят больших орудий, включая три особенно мощных василиска. Турки окружили город линиями бастионов, фашин и искусственно возведенных возвышенностей, с которых день и ночь беспрерывно обстреливали городские кварталы и замки Сен-Мишель и Сант-Анджело. Они разрушили стены города и другие фортификационные сооружения, а жилые дома довели до такого ужасного состояния, что внутри них вряд ли осталась хоть одна живая душа».

Военные строители Мустафы-паши провели дорогу к одному из оставшихся фортов. Хасан, сын Барбароссы, унаследовавший

от отца титул бейлербея Алжира, предложил перетащить галеры по суше в бухту позади фортов и атаковать их с моря. Однако эта операция привела к полной потере экипажей галер. Суда были потоплены или оставлены дрейфовать, а их команды были перебиты огнем из фортов и цитадели.

Салих Раис, сын капитана, помогавшего в свое время Барбароссе, ночью совершил внезапный налет с небольшим отрядом на один из бастионов. Но пять его защитников успели проснуться и отбить атаку до подхода подкрепления.

Турецкие боевые пловцы, прихватив с собой острые топоры из дамасской стали, попытались подобраться к цепи, перекрывавшей вход во внутреннюю бухту, и перерубить ее. Однако их встретили мальтийские пловцы с ножами в зубах и всех перебили.

Поскольку рыть подкопы не было возможности, Мустафапаша приказал у стены одного из бастионов выдолбить шахту для закладки пороха. Но взрыв лишь слегка повредил стену. Немедленная атака турок на этом участке была сорвана защитниками бастиона, устроившими засаду. Бурение шурфов производило много шума, и их нельзя было сделать незаметно.

7 августа состоялся генеральный штурм, который длился девять часов, но тем не менее был отбит. И все же Мустафапаша, не считаясь с потерями, предпринимал штурмы один за одним, зная, что каждый бой понемногу изматывает рыцарей и наносит им потери, которые невозможно восполнить.

В конце августа в турецком лагере распространилась дизентерия. Тогда же была произведена серия взрывов, повредивших стены крепости, и сераскер в золоченых доспехах сам возглавил штурмующие колонны. Однако атакующие не смогли пробиться через проломы. Мустафа-паша с янычарами был отброшен в воронку от взорванного боезаряда. Там им пришлось до наступления темноты отбивать вылазки рыцарей. Только ночью остатки атакующих отползли к своим позициям.

Поскольку у рыцарей не было сил, чтобы держать оборону по всему периметру крепости, некоторые из них предлагали сосредоточить священные реликвии, личные ценности рыцарей и остатки запасов продовольствия в замке Сант-Анджело, чтобы в случае необходимости можно было все это оттуда эвакуировать.

Великий магистр это предложение отверг, сказав, что понимает мотивы, но не может с ними согласиться. Рыцари, мальтийцы и немецкие и испанские наемники сражались самоотверженно, но если станет известно, что вожди обороны готовятся к эвакуации из крепости, то это деморализует защитников. Солдаты не будут сражаться, узнав, что командиры собираются бежать с поля боя. Поэтому Жан Паризо де ла Валетт

приказал, чтобы на защиту проломов были брошены все силы, кроме артиллеристов, ведущих огонь из пушек.

К концу августа турки усилили атаки на проломы. Потеряв половину своих людей убитыми, ранеными или больными, Мустафа-паша тем не менее понимал, что нельзя ослаблять натиск и что отпущенное ему время истекает. Как писал Ричард Ноллес, «Мустафа-паша верил, что нет человека, столь сильного и выносливого, которого нельзя было бы сломать, и решил не давать осажденным передышки. Он приказал своим солдатам вновь атаковать проломы форта Сен-Мишель».

В эти несколько последних дней штурма фанатичная ярость атакующих не смогла сломить фанатизм защитников.

Сераскер готов был провести зиму на острове, над еясь уморить осажденных голодом, но Пиале-паша заявил, что в связи с тем, что турецкий флот не имеет подходящей стоянки на острове и средств технического обслуживания кораблей, он отплывет с Мальты не позднее середины сентября, а армия, как издевательски добавил адмирал, если пожелает, может остаться на острове на свой страх и риск.

Мустафа-паша все надеялся, что удастся повторить успех с фортом Сент-Эльмо. Он решил подготовить еще один общий штурм города по всему периметру стен. В этом случае у рыцарей не хватило бы сил для отражения атак, поскольку какието участки стен не были бы заняты защитниками. Штурм был назначен на 7 сентября.

Но уже 5 сентября сераскер узнал, что к северному побережью острова подошла эскадра христиан из Сицилии под командованием испанского вице-короля. Паруса его эскадры заметили и защитники Мальты.

В тылу турок началась высадка 9 тыс. солдат испанских и имперских войск.

Мустафа-паша спешно прекратил осаду, сжег осадные механизмы, 24 тяжелых орудия и лагерь. Затем переправил легкие пушки на корабли, сжег 40 кораблей, на которых уже не было команд, и отплыл от Мальты.

Однако турки еще раз попытались добиться успеха. Выйдя из зоны видимости со стороны города, турецкие корабли повернули к восточному берегу Мальты и высадили там 700 боеспособных солдат. Мустафа-паша повел их на перехват колонны сил поддержки, двигавшейся в направлении города.

Это была авантюра, заранее обреченная на провал. Атака на многократно превосходившие силы неприятеля не удалась. Турки были отброшены с острова на свои галеры, понеся большие потери. После этого турецкие корабли отправились на восток к

острову Гоцо.

Вице-король Сицилии Гарсиа де Толедо привел свою армаду в 70 галер в скалистую бухту Мальты. Стяги ее кораблей гордо реяли на флагштоках. Все оставшиеся у рыцарей пушки салютовали флоту, избавившему остров от осады. Корабли дона Гарсиа, ответив на салют двумя залпами из всех орудий, отбыли из бухты. Вице-король сообщил, что отбывает за подкреплением. Эскадра Гарсиа не стала преследовать потрепанных турок. Из 48-тысячной турецкой армии уцелело лишь 12 тыс. человек. Потери защитников Мальты составили 250 рыцарей из 580, не менее 750 пехотинцев и около 1500 ополченцев-мальтийцев.

После неудачной осады турецкая эскадра отплыла на восток, взяв курс на Босфор. Во время более чем тысячемильного перехода уцелела лишь четверть турецких кораблей.

Не без оснований опасаясь приема, который им приготовил султан, оба незадачливых полководца, Мустафа-паша и Пиале-паша, приняли меры предосторожности, выслав впереди себя с депешами быстроходную галеру, чтобы сообщить новость и дать Сулейману время ее переварить. Они надеялись, что, пока они доплывут до Стамбула, гнев султана успеет остыть. Когда они вошли в Мраморное море, то получили приказ, чтобы флот ни в коем случае не заходил в гавань Стамбула до наступления темноты. Сулейман действительно был взбешен новостью о бесславном поражении. Он понял, что неудача на Мальте – это начало конца попыток Османской империи установить полное господство над Средиземным морем.

Когда на горизонте показался дворцовый мыс в бухте Золотой Рог, эскадра Мустафы-паши легла в дрейф. Сераскеру было запрещено швартоваться при дневном свете. Только дождавшись темноты, он высадил поредевшие после боев на Мальте команды так, чтобы никто их не видел. Вернувшиеся воины незаметно рассеялись по своим домам и казармам, чтобы жители Стамбула не узнали о постигшей империю катастрофе. Но все равно вскоре тайное стало явным.

По поводу неудачной осады Мальты Сулейман в сердцах заметил: «Только со мной мои воины добиваются триумфа!» Это было недалеко от истины. Поражение на Мальте действительно было в значительной мере следствием разногласий между несколькими полководцами, среди которых не нашлось ни одного с твердой волей и безусловным авторитетом, способного объединить действия турецких сил, многократно превосходивших противника. Напротив, во время осады Родоса тех же рыцарей удалось победить благодаря железной воле Сулеймана, не прекратившего осады до капитуляции крепости и сумевшего

сосредоточить усилия всех турецких отрядов для достижения победы.

Только сам султан, имевший безусловную власть над своими войсками и их командирами, мог достигать желанной цели. Но жить ему оставалось совсем недолго.

Гибель Драгута и военное поражение сильно встревожили сераль и население Константинополя. На Мальте произошло нечто неожиданное. Захвата острова требовал не только больной султан. Эскадра, посланная на Мальту, была самой мощной из всех, когда-либо выходивших в море. Однако небольшой изолированный гарнизон христиан одержал верх над турками, которым было не занимать храбрости.

Последний поход

Одинокий в личной жизни после смерти Роксоланы, султан замкнулся в себе, становясь все более молчаливым, с более меланхоличным выражением лица и глаз, более отдаленным от людей.

Когда при более благоприятных обстоятельствах Пиале-паша вернулся с флотом в Стамбул после своих исторических побед на Джербе и в Триполи, которые утвердили исламское господство над Центральным Средиземноморьем, Бусбек писал, что «те, кто видел лицо Сулеймана в этот час триумфа, не могли обнаружить на нем и малейших следов радости… Выражение его лица оставалось неизменным, его жесткие черты не утратили ничего из их привычной мрачности… все торжества и аплодисменты этого дня не вызвали у него ни единого признака удовлетворения».

Бусбек утверждал, что с возрастом Сулейман стал очень набожным и суеверным, поскольку все больше думал о том, как бы после смерти понадежнее попасть в рай:

«День ото дня султан становится все более скрупулезным в соблюдении религиозных правил и обычаев, можно сказать, стал более суеверным. Раньше он обычно наслаждался тем, что слушал хор мальчиков, которые ему пели и играли; однако после вмешательства какой-то гадалки, которая объявила, что в будущей жизни его ожидают страшные наказания, если он не откажется от этого развлечения, султан положил этому конец. Он был настолько запуган, что приказал сломать и предать огню все музыкальные инструменты, даже несмотря на то, что они были разрисованы тонкой золотой вязью и усеяны драгоценными камнями. Обычно ему подавали яства в посуде из серебра, однако кто-то обнаружил в этом грех, и теперь он ест из глиняной посуды».

Султан запретил ввоз в Стамбул любого вина, потребление которого запрещал Коран. Тут взбунтовались немусульманские общины. Они пытались доказать, что столь резкая перемена диеты может вызвать болезни или даже смерть среди христианского населения. Диван, возможно, с ведома султана, несколько смягчил запрет и разрешил немусульманским общинам раз в неделю получать недельную порцию вина, выгружаемую специально для них на берег у Морских Ворот столицы.

А вот как описывает внешность Сулеймана в последний год жизни секретарь венецианского посла:

«В течение многих месяцев этого года Его Величество был очень немощен телом и находился на краю смерти. От водянки у

него распухли ноги, пропал аппетит, а в лице появилась отечность, и оно приобрело очень дурной цвет. В прошлом месяце марте он четыре или пять раз терял сознание, и с тех пор у него случился еще один приступ. Во время таких приступов ухаживавшие за ним слуги не могли определить, жив он или мертв, и думали, что он вряд ли оправится от них. По общему мнению, его смерти осталось ждать недолго, несмотря на сильные лекарства, к которым прибегает его врач».

Судя по этому описанию, Сулейман страдал общей сердечной недостаточностью.

Но больше всего угнетало султана унижение, испытываемое после провала экспедиции на Мальту. Тут не могли помочь никакие посты или иное умерщвление плоти. Хотя Сулейман чувствовал себя очень неважно, он рвался в новый поход, чтобы одержать новые громкие победы и спасти свою уязвленную гордость. И последнюю победоносную кампанию, призванную еще раз доказать непобедимость османского оружия, Сулейман собирался провести в Европе. Сначала он поклялся лично попытаться захватить Мальту будущей весной. Однако, осознав слабость своего флота, решил провести сухопутную кампанию в Венгрии и Австрии, где преемник Фердинанда, Максимилиан II, не только не собирался платить дань, но и периодически предпринимал набеги на Венгрию, захватывая небольшие крепости. Сулейман также хотел отомстить за неудачи своих войск под Сигетваром и Эгером.

У султана были планы на будущее. Пустынные степи Украины не привлекали внимание Сулеймана. Здесь он не видел серьезного объекта для завоевания. В этих степях нельзя было рассчитывать на богатую добычу. Но султан сожалел, что не удалось отбить у московитов Астрахань. О том, чтобы дойти до Казанского ханства, Сулейман никогда не думал.

Турецкие суда могли входить в Дон, впадающий в море за Азовом. В районе, где Дон ближе всего подходит к Волге, можно было построить канал. Турецкие инженеры считали проект осуществимым. Тогда турецкие османские суда из Азовского моря могли бы пройти в полноводную Волгу и овладеть Казанью на севере и Астраханью на юге, а то и установить турецкое господство в самом Каспийском море и нанести смертельный удар Сефевидской империи. Но проект Волго-Донского канала не был реализован, в том числе из-за огромной стоимости и отсутствия необходимых людских и материальных ресурсов в Черноморском регионе империи. Да и вряд ли тогда столь сложное сооружение могло быть построено.

В конце жизни Сулейман Великолепный титуловал себя

«Правитель тридцати семи королевств, повелитель государств римлян, персов и арабов, владыка моря Средиземного и Черного, достославной Каабы и пресветлой Медины, великого Иерусалима и трона Египетского, Йемена, Адена, Саны, Багдата, Басры Аль-Ахсы и городов Нуширивана, Азербайджана, Алжира, земель татарских и степей кыпчакских, Луристана, Курдистана, Анатолии, Румелии, Карамана, Валахии, Молдавии, Венгрии и многих других земель и царств. Султан и падишах».

Трудно сказать, хотел ли он в последнем походе в Венгрию присоединить к империи новые австрийские или венгерские земли, или дело должно было ограничиться взятием нескольких крепостей с последующим возвращением армии в Стамбул до зимних холодов.

Австро-турецкая война 1566–1568 годов велась за обладание Трансильванским княжеством, являвшимся в то время вассалом Османской империи.

Сам султан к тому времени уже 11 лет непосредственно не командовал войсками, но находился при них главным образом для поднятия морального духа солдат. Выступая в свой последний поход, Сулейман уже был тяжело болен, страдал сердечной недостаточностью и подагрой. Когда войска вышли из Стамбула 1 мая 1566 года, Сулейман был не в состоянии сидеть на лошади, и его везли в крытой конной повозке, куда султан уже не мог сесть без посторонней помощи. Сулейман страдал от жестокой подагры. Во время осады султан получал все донесения от великого визиря и принимал окончательные решения.

Турецкое войско насчитывало, по некоторым, возможно, преувеличенным оценкам, до 100 тыс. человек, в том числе до 80 тыс. турок-османов, 12–15 тыс. крымских татар и 7 тыс. молдаван.

Поход к Сигетвару, благодаря несвоевременному усердию квартирмейстера, был завершен вопреки приказам за один день вместо двух, что совершенно измотало султана, находившегося в плохом физическом состоянии. Он так разозлился, что приказал обезглавить квартирмейстера. Но великий визирь Мехмед-паша Соколлу убедил его этого не делать, поскольку враг будет устрашен одним фактом того, что султан, несмотря на преклонный возраст, все еще может вынести тяготы форсированного дневного перехода, как и в дни его молодости. Тогда Сулейман немного помягчел и распорядился казнить губернатора Буды за некомпетентность в своей сфере деятельности.

Первоначальной целью похода был захват города-крепости Сигетвар в южной части Венгрии, где находился гарнизон в 2300

венгерских и хорватских пехотинцев под командованием банна (правителя) Хорватии графа Миклоша Зриньи.

Крепость Сигетвар турки осаждали с 6 августа. Зриньи со своими соратниками закрылся в цитадели и поднял черный флаг, заявляя тем самым о решимости сражаться до последнего человека. Восхищенный подобным героизмом, но тем не менее расстроенный задержкой с захватом столь незначительной крепости, Сулейман предложил щедрые условия сдачи, стремясь соблазнить Зриньи перспективой службы в турецкой армии в качестве фактического правителя Хорватии, но теперь уже будучи вассалом султана Османской империи, а не Габсбургов. Зриньи и его товарищи столь щедрое предложение с презрением отвергли.

Руководил осадой великий визирь. Под его началом из состава армии для осады было задействовано около 50 тыс. человек при 17 тяжелых стенобитных и 280 обычн ых орудиях. После этого в ходе подготовки к решающему штурму турецкие саперы за две недели подвели мощную мину под главный бастион. 5 сентября мина была взорвана, вызвав опустошительные разрушения и пожар, сильно повредившие цитадель. Но вопреки ожиданиям защитники крепости не сдались.

За несколько часов до смерти, находясь в своем шатре на горе Симильхоф, Сулейман сказал великому визирю Мехмедупаше Соколлу, который реально командовал осадной армией: «Великий барабан победы еще не должен быть слышен». Сулейман Великолепный скончался в ночь с 5 на 6 сентября 1566 года от сердечного приступа в лагере вблизи осажденного Сигетвара.

Турецкие батареи продолжали обстрел крепости, пока цитадель не была полностью разрушена, за исключением одной башни, а из гарнизона в живых осталось только 600 человек во главе с Зриньи. 8 сентября у стен Сигетвара состоялась решающая битва. На последний бой граф вывел их, роскошно одетых и украшенных драгоценностями, словно на праздник, чтобы показать туркам, как умеют умирать христиане. Когда янычары вклинились в их ряды с целью захватить Зриньи, он выстрелил из большой мортиры таким мощным зарядом, что сотни турок полегли замертво; затем с саблей в руках Зриньи и его товарищи героически бились до тех пор, пока все не погибли. Зриньи успел заложить фугас под склад боеприпасов, который взорвался, унеся жизни примерно до 3 тыс. турок.

Всего же турки при осаде Сигетвара потеряли около половины осадного корпуса, т. е. до 25 тыс. человек.

Лишь семь человек из числа осажденных пробились через турецкие линии. А из пленных только четверо были впоследствии

выкуплены у турок. Среди них был Гашпар Алапич, племянник Миклоша Зриньи, ставший новым банном Хорватии, и бывший камергер Зриньи Франьо Чрнко, оставивший описание осады Сигетвара. Смерть султана исключила поход на Вену, да и нет достоверных данных, что такой поход в тот момент действительно планировался Сулейманом. В любом случае, даже если бы Сулейман остался жив, у турецкой армии уже не хватило бы времени на то, чтобы до наступления осенней распутицы и зимних холодов провести осаду хотя бы еще одной крепости.

Смерть Сулеймана скрывали от войска.

Великий визирь Соколлу хотел, чтобы наследование трона Селимом, которому он послал известие о смерти его отца со срочным курьером в Кютахью, в Анатолии, было мирным. Он не раскрывал свой секрет еще несколько недель. Правительство продолжало вершить свои дела так, как если бы султан был по-прежнему жив. Приказы выходили из его шатра как бы за его подписью. Производились назначения на вакантные должности, продвижения по службе, и награды распределялись в привычном порядке. Был созван диван, и традиционные победные реляции направлены от имени султана губернаторам провинций империи. После падения Сигетвара кампания продолжалась так, как будто войсками по-прежнему командовал султан, причем армия постепенно отходила к турецкой границе, осуществив по пути небольшую осаду, приказ о которой якобы отдал все еще живой Сулейман.

Забегая вперед, скажем, что по условиям мирного договора, заключенного в конце 1568 года, австрийские императоры по-прежнему должны были выплачивать Стамбулу ежегодную дань, но изменений в границах не произошло.

Все распоряжения делались от имени покойного монарха в письменном виде. Соколлу открыл тайну только своему секретарю Феридан-бею и оруженосцу покойного султана Джаферу-аге. Хорошо знавший султанскую канцелярию Джаферага легко подделал почерк Сулеймана. Тем более что кроме перечисленных лиц и принца Селима вряд ли кто-то еще имел отчетливое представление о почерке султана. Внутренние органы Сулеймана были захоронены, а его тело забальзамировано. Теперь оно следовало домой в его закрытом паланкине, сопровождаемое, как и тогда, когда он шел в поход, его охраной. За паланкином неотлучно следовал верхом на коне сам Мехмедпаша. На каждом привале тело Сулеймана переносили в паланкине в султанский шатер и усаживали там на трон, после чего в шатер заходил великий визирь будто бы для доклада и получения распоряжений.

Соколлу советовал Селиму встретить войско на обратном пути. Только когда великий визирь получил известие, что принц Селим уже официально занял трон в Стамбуле, а сейчас уже прибыл в Белград, он сообщил солдатам, что султан Сулейман умер. Армия остановилась на ночь на опушке леса недалеко от Белграда. Великий визирь вызвал к себе чтецов Корана, чтобы встали вокруг паланкина султана, славя имя Бога, и прочли молитву об усопшем. Армия была разбужена призывом муэдзинов, торжественно поющих вокруг шатра султана. Это и было извещение о смерти султана.

Всего великому визирю удавалось скрывать смерть султана 54 дня. Когда принц Селим II прибыл из Манисы, его главной задачей было соорудить монументальную могилу на том месте, где его отец умер. Это было сооружение с колоннами из монолитного мрамора, а его крыша была сделана из чистого золота. Этот монумент позже пострадал дважды от австрийцев. Его мраморные элементы были отправлены в музей в Италии, золото с крыши было распродано в Вене. Но больнее всего то, что этим монументом, символизирующим величие империи и великолепие в самом центре Европы, пренебрегли последующие поколения. Сегодня здесь стоит лишь крохотная церковь, сделанная из того, что осталось от монумента, и стена от церкви с мраморной табличкой, на которой написаны годы правления султана Сулеймана I.

После прибытия в Стамбул янычары привычно пригрозили бунтом и потребовали от нового султана прибавки к жалованью и других привилегий. Селим по совету великого визиря выполнил все эти требования. На следующий день после возвращения во дворец Топкапы Селим похоронил своего отца у мечети Сулеймание.

Последним пристанищем Сулеймана Великолепного стал огромный восьмигранный мавзолей, построенный Синаном для него рядом с усыпальницей Роксоланы.

Сулейман был похоронен в мавзолее стамбульской мечети Сулеймание вместе со своей любимой женой, в тени кипарисов.

Поэт Бакы написал элегию на смерть султана, где были такие строки:

> Ты показал всем, что такое справедливость,
> С востока на запад ее переносили
> твои вооруженные соратники,
> Как взмах меча…

Через пятьдесят лет после смерти Сулеймана в

протестантской Англии добропорядочный Ричард Ноллес написал о султане следующее: «Магомет-паша, после того как назначил в Сигетвар турецкого губернатора, созвал разбредшихся солдат и отступил к Белграду. Он держал мертвое тело Сулеймана сидящим в паланкине, создавая видимость, что султан болен подагрой. Янычары легко поверили этому, зная, что султана возил и таким образом уже много лет. Они все еще считали присутствие его залогом успеха, хотя теперь он был ни на что не способен. (Есть какая-то ирония в этом последнем марше мертвого султана во главе армии, которую он приучил к дисциплине и порядку.)

Он был высок, как статуя, худощав, с длинной шеей, цвет лица имел бледный, нос длинный, крючковатый, характер – амбициозный и щедрый. Сулейман был верен своему слову и обещанию более, чем кто-либо другой из магометанских королей, его предшественников. Он не желал ничего более достойного, чем овладеть огромной империей, но такой империей, которая счастлива верой в Христа».

Наследие. Кризис Османской империи

Еще при жизни Сулеймана Великолепного роковое влияние на Османскую империю стали оказывать великие географические открытия. Был открыт морской путь в Индию, что подорвало турецкую монополию на транзитную торговлю между Европой и Индией. Также и образование европейских колоний в Америке и развитие трансатлантической торговли и падение в связи с этим значения средиземноморской торговли. Результат – огромный дефицит бюджета не мог быть покрыт ни порчей монеты, ни увеличением более чем в 5 раз налогов. Распад же военно-ленной системы был исторически неизбежным вследствие несовершенства данной формы военной организации. Ускорение процесса заключается в том, что платежи крестьян тимариотам были фиксированными. В итоге военные расходы, которые несли на себе сипахи, перестали окупаться сборами с тимаров, и феодалы все больше стали терять интерес к своим владениям и службе.

Пока османы совершенствовали свою традиционную военную машину, в самой Европе военное дело не стояло на месте, и об этом уже говорилось выше.

Крестьяне платили землевладельцам три вида ренты: отработочную, продуктовую и денежную. Наиболее распространенной была натуральная рента продуктами крестьянского хозяйства. Райя-мусульмане были обязаны платить десятину с урожая зерновых, садовых и огородных культур, налог со всех видов скота, а также выполнять фуражную повинность. Землевладельцы имели право наказывать и штрафовать провинившихся. В некоторых санджаках империи крестьянам приходилось также отрабатывать несколько дней в году у землевладельца на винограднике, на постройке дома, доставлять дрова, солому, сено, приносить ему всевозможные подарки и т. п. По мере развития товарно-денежных отношений все чаще землевладельцы требовали от крестьян ренту деньгами.

Все перечисленные выше повинности обязаны были выполнять и райя-немусульмане. Но сверх того они платили в казну особый подушный налог – джизью – с мужского населения, а в некоторых областях Балканского полуострова были также обязаны поставлять через каждые 3–5 лет мальчиков для янычарской армии. Последняя повинность (так называемое девширме) способствовала ассимиляции жителей Балкан. Кроме того, много «потурченных» давали взятые в плен и проданные в рабство христиане, для которых переход в ислам был

единственным способом вернуть свободу (по исламским законам мусульмане не могли быть рабами). Стремясь сохранить свое имущество и привилегии, многие балканские феодалы, в первую очередь мелкие и средние, а также городские ремесленники и купцы принимали ислам. Значительная часть балканских христиан постепенно теряла связь со своим народом, усваивала турецкий язык и культуру. Все это вело к росту численности турок и укрепляло их власть в империи. Принявшие мусульманство сербы, греки, албанцы достигали порой высоких постов, становились крупными военачальниками и даже великими визирями.

Среди сельского населения широкий характер исламизация приняла в Боснии, некоторых районах Македонии и Албании, но перемена религии не всегда вела к потере родного языка, родных обычаев и культуры. Мусульманами стали албанцы и славяне-боснийцы, сохранившие родные языки.

Крестьяне должны были выполнять ряд государственных повинностей (авариз). Эти налоги взимались как в виде отработок и натуральных поставок, так и в денежной форме и предназначались для военных нужд, так что многочисленные войны Сулеймана были разорительны для податного населения империи, но в тот момент это бремя еще не было для райя непосильным.

В Малой Азии значительная часть населения, как османов, так и других тюрков, а также курдов, оставалась кочевниками, объединенными в племенные союзы. Главными местами расселения кочевников были юго-восточные и южные области Анатолии, а также некоторые районы Македонии и Южной Болгарии. Кочевники преобладали также в Крымском ханстве. Они обязаны были беспрекословно подчиняться главе племени, который, в свою очередь, был вассалом султана. Кочевники несли военную службу. Во время войны их конные отряды должны были являться по первому зову султана, формируя иррегулярную легкую кавалерию. У кочевников каждые 25 мужчин составляли «очаг», который должен был в каждый военный поход выставлять пять рекрутов, обеспечивая их конями, оружием и продовольствием. За эту повинность кочевники освобождались от всех остальных налогов. Поскольку кочевая конница в XVI веке уже значительно уступала регулярной коннице тимариотов, не говоря уже о постоянной коннице султанского корпуса, конные отряды кочевников привлекали лишь для выполнения вспомогательных функций: разведки, фуражирования, службы в обозе и т. п.

В законах Сулеймана Великолепного осталось

неограниченным право кочевников передвигаться со своими стадами в любом направлении, что было частью их обычного права: «Пастбищным землям нет границ. С древних времен установлено так, куда скот направляется, в том месте пусть он и бродит… С древних времен нарушением закона является установленные пастбища продавать и возделывать. Если кто-либо обработает их насильно, землю следует снова превратить в пастбища. Жители деревень не имеют касательства к пастбищам и потому не могут запрещать кому-либо кочевать на них».

Обширные пространства Малой Азии и Балканского полуострова, не говоря уже о пустынях Аравии и Северной Африки, оставляли достаточно районов для перемещений кочевых и полукочевых племен, не ущемляя прав земледельцев.

Пастбища, как и прочие земли Османской империи, находились в собственности государства, духовенства или частного лица. Владели ими также феодалы, к числу которых принадлежали и вожди кочевых племен. В пользу владельца поступали с кочевников, прошедших через его земли, соответствующие налоги и сборы. Но кочевники не приписывались к владельцам земли, не включались ни в какие реестры и не имели индивидуальных наделов. Они пользовались пастбищной землей сообща, общинами. Если владелец или собственник пастбищных земель не являлся одновременно главой племени или рода, он не имел права вмешиваться во внутренние дела кочевых общин, которые подчинялись только своим родовым или племенным вождям. Вожди также платили все налоги и сборы, если кочевники проходили через не принадлежащие им земли. Каждый член кочевой общины экономически и юридически зависел полностью от своей общины, которая была связана круговой порукой и подчинялась только своему вождю.

Процесс оседания кочевников на землю происходил чрезвычайно медленно, так как они стремились сохранить общину как средство самозащиты от притеснений со стороны феодалов. К тому же османское государство, нуждаясь в кочевниках как в военной силе, не форсировало их переход к оседлому образу жизни.

Щедрый поток военной добычи, дани и налоговых поступлений тек с завоеванных территорий. Самые богатые вельможи находились в Стамбуле при султанском дворе. Сулейман и его приближенные тратили баснословные суммы на монументальное строительство и предметы роскоши.

В Стамбуле постепенно оседали купцы, прибывшие в поисках рынков сбыта европейских товаров и скупки произведенного в странах Азии для перепродажи в Европе.

Население Стамбула испытывает бурный рост, а в связи с этим растет и импорт.

Но в конце XVI века завоевания прекращаются, что провоцирует финансовый кризис. Начинается упадок Османской империи, первые признаки которого становятся ощутимы еще в правление Сулеймана Великолепного. Он выразился в постепенном ослаблении центральной власти и росте сепаратистских тенденций местных бейлербеев и санджакбеев, в кризисе государственных финансов, в прогрессирующем ослаблении военных и военно-морских сил Османской империи. Все это стало следствием экономически неизбежного разложения военно-ленной системы. Изменения в общественно-политической ситуации и балансе сил в Европе во второй половине XVI и в XVII веке сделали победоносные войны против европейских государств все более трудным, а потом и практически невозможным делом. Да и в Азии и Северо-Западной Африке уже не удавалось надолго закрепить за собой завоеванные территории. Постепенно исчез один из основных источников дохода турецких феодалов и султанской казны – военная добыча и налоги с вновь завоеванных территорий. Под влиянием военных неудач разлагались и теряли свою боеспособность военные силы османов, которые больше не могли противостоять европейским армиям и флотам. Янычары начали заниматься ремеслом и торговлей, приобретали земельные владения, все меньше времени уделяя военным занятиям. Сипахи все больше старались увильнуть от исполнения военных обязанностей, зато стремились превратить свои лены в наследственную феодальную собственность. Среди разорившихся турецких феодалов усилилась борьба за землю. Часть ленников теряла свои владения и становилась питательной средой для разного рода восстаний и мятежей, поскольку теперь рассчитывать на богатую добычу в военных походах уже не приходилось. Нередко лены попадали в руки торговцев и ростовщиков, которые вообще никак не помогали турецкой армии, а старались сделать свои владения безусловной частной собственностью. Обычно это легко удавалось сделать с помощью подкупа чиновников, благо коррупция в царствование Сулеймана Великолепного расцвела пышным цветом. Султан из 46 лет своего правления почти 15 лет провел в военных походах. К тому же он слабо контролировал отдаленные провинции, правители которых, равно как и члены дивана, имели немало возможностей для злоупотреблений.

Уже с начала XVII века почти прекращается строительство больших мечетей в Стамбуле, а завершение строительства уже заложенных растягивается на долгие десятилетия. Прекратился

поток добычи, а становящиеся все более самостоятельными наместники провинций все больше налоговых поступлений оставляют у себя. Все чаще они восстают против султана, а в столице бунтуют янычары и в XVII веке четырежды свергают султанов с престола.

Внутренние экономические и политические связи в Османской империи ослабли уже к концу правления Сулеймана Великолепного. Росла торговля с Европой, турецкие феодалы больше стремились не к войне и к военной добыче, которой и так становилось все меньше, а к тому, чтобы повысить доходность и товарность своих поместий, что им, однако, не слишком удавалось из-за архаичности социальных отношений и низкого агротехнического уровня. Центр основной концентрации турокосманов – Анатолия оставалась одним из наиболее экономически отсталых регионов империи с преобладанием натурального хозяйства, в том числе кочевого, и не могла быть центром торгово-экономического притяжения для других регионов. А политическим центром оставался многонациональный Стамбул.

Военные ленники проявляли все меньше стремления содержать для султана отряды и участвовать с ними в военных походах. Тимариоты и турецкое законодательство строго регламентировали величину ренты феодалов, их отношения с крестьянами. Феодалы не пользовались, например, таким важным правом, как феодальная юрисдикция; их роль в управлении ленами была невелика. Феодалы стали присваивать доходы от ленных владений и стремились максимально увеличить свои земельные владения. Как писал современник, «между ними есть люди, имеющие по 20–30 и даже по 40–50 зеаметов и тимаров, плоды которых они пожирают». Это привело к тому, что государственная собственность на землю стала ослабевать и постепенно утрачивать свое значение основы для формирования большой и боеспособной армии. Военно-ленная система начала разлагаться еще в царствование Сулеймана Великолепного, а никакой альтернативы ей, могущей укрепить турецкую армию, так и не появилось. Современную армию европейского типа не создали ни Сулейман, ни его преемники. Ослабление султанской власти проявилось уже при сыне Сулеймана Селиме II.

Зато пришлось увеличивать численность янычар, которых уже в начале XVII века было 90 тыс. человек, тогда как максимальная численность сипахов не превышала 40 тыс. человек. Рост численности постоянной армии был вызван тем, что численность ополченцев-сипахов постоянно падала. Однако при таком росте численности упал уровень подготовки постоянного войска,

которое по боеспособности не превосходило прежнее феодальное ополчение. Расточительность султанов и их фаворитов поглощала все растущие средства. Непрерывно росли и расходы на бюрократию, умножавшуюся по закону Паркинсона. Приходилось повышать налоги. Налог на немусульманское население джизья, в начале XVI века взимавшийся в размере 20–25 акче в год с человека, к началу XVII века достиг 140 акче, а корыстные сборщики налогов иной раз вышибали из налогоплательщиков до 400–500 акче, значительную часть разницы присваивая себе. Казначейство стало отдавать право сбора налогов с государственных земель откупщикам, которые представляли немусульманскую часть населения империи и предпочитали вкладывать свои доходы в земельные владения, поскольку частная промышленность на стадии мануфактуры в Османской империи не развивалась. В качестве откупщиков часто выступали придворные и провинциальные сановники-мусульмане, действовавшие через посредничество немусульманских купцов. Также с помощью системы откупов много государственных земель в конечном счете попало в собственность янычар и сипахов.

Произвол чиновников, откупщиков, всевозможные повинности и отработки, связанные с необходимостью обслуживать султанскую армию во время постоев, привели к многочисленным крестьянским восстаниям в Малой Азии в 1590-е годы.

Авторы XVII века отмечали упадок Стамбула в сравнении с эпохой Сулеймана Великолепного. Как пишет Пьетро делла Валле, «ныне в отличие от прошлых времен, когда улицы поддерживались в состоянии чистоты и порядка, об этом больше не заботятся, и вследствие нерадения жителей улицы стали грязными и неудобными…». С ним был вполне согласен Д'Арвье: «Улицы плохо вымощены, некоторые вовсе не вымощены, и все они вообще весьма неопрятны».

Закономерными становятся и тяжелые неудачи османов в Европе. В 1664 году большая турецкая армия потерпела при Сен-Готарде в Западной Венгрии тяжелое поражение от австрийцев и их венгерских союзников, к которым на этот раз присоединился впервые в истории и отряд французов. После этого последовало несколько вторжений турецко-татарских войск в польские и русские владения на Украине, которые, однако, не приводят к каким-либо новым завоеваниям, исключая Подолию с Каменец-Подольским, которую турки удерживали в 1672–1699 годах.

А к началу XVIII века, после последней и столь же неудачной, как и во времена Сулеймана Великолепного, осады Вены Османская империя перестает быть великой державой.

Чересчур амбициозный великий визирь Кара Мустафа в 1683 году предпринял последнюю осаду Вены, от которой после неудачи 1529 года неизменно воздерживался Сулейман. Провал осады ознаменовал ослабление османской военной мощи в условиях, когда совершенствовалось вооружение, возрастал боевой дух и повышалось искусство фортификационных работ европейцев. Престиж боевого искусства османов держался еще довольно высоко, пока не была предпринята реальная осада Вены.

В 1683 году турки предприняли вторжение в Австрию совместно со своим союзником трансильванским князем Эмериком Текели. Более чем 100-тысячная турецкая армия во главе с великим визирем Кара Мустафой разбила и оттеснила немногочисленные австро-венгерские отряды из Западной Венгрии и затем вторглась в Австрию. 14 июля турки подошли к Вене. Император Леопольд, его двор и министры покинули осажденную столицу, за ними последовали многие состоятельные горожане. На этот раз осада Вены длилась два месяца. 10-тысячный гарнизон, состоявший из немецких наемников и усиленный городским ополчением, стойко оборонялся. В ночь на 12 сентября к Вене подошел польский король Ян Собеский с 25-тысячным войском из польско-украинской конницы и наемной немецкой пехоты. Под стенами Вены к нему также присоединились отряды саксонского курфюрста. В сражении 12 сентября турки, вдвое превосходившие союзников по численности, были разбиты наголову. Они потеряли 20 тыс. убитыми, десятки тысяч пленными и всю артиллерию и обоз. Еще около 10 тыс. турок погибли при отступлении при переправе через Дунай. Султан казнил Кара Мустафу, но армию вернуть не мог.

Последняя успешная война Османской империи в Европе – это война против России в 1711 году, когда император Петр Великий предпринимает неудачный Прутский поход.

XVI век был эпохой поистине лихорадочного строительства в Стамбуле. Военная добыча материализовывалась в великолепие дворцов и мечетей. Всего между 1500 и 1600 годами было сооружено около 30 мечетей; но уже в следующем столетии строительная лихорадка сходит на нет за счет того, что прекращается поток военной добычи. За весь XVII век было построено лишь две большие мечети – мечеть султана Ахмета и Ени Валиде (строительство последней велось с 1596 по 1663 год), а всего – только пять или шесть мечетей.

Арсенал Касима-паши был создан еще Мехмедом Завоевателем и предназначался прежде всего для строительства кораблей. По мере того как османский флот, становясь все более

мощным, требовал все больше боевых кораблей, арсеналу требовалось все больше рабочих. Поэтому Сулейман Великолепный построил вокруг арсенала посад, где поселил опытных судостроителей – греков и грузин. Первое принудительное переселение рабочих было проведено Касимом-пашой, в честь которого и был назван арсенал и прилегающие к нему поселения военных, лоцманов, плотников, столяров, конопатчиков, кузнецов, торговцев, садовников и прочих ремесленников.

На верфях арсенала трудилось много рабов из христианских стран Востока и Запада. При Сулеймане Великолепном их число достигало 30 тыс., а к концу XVII века – 46 тыс. Рабы жили в каторжной тюрьме, не имея шансов к бегству. Пол тюрьмы был составлен из мраморных блоков, чтобы исключить подкоп. Рабов могли освободить только соотечественники за выкуп.

Арсенал Касима-паши обладал одними из крупнейших верфей того времени. Иностранные путешественники поражались их размерами. Здесь было до 150 «арк», «аркад» и «навесов», предназначенных для строительства султанских галер.

Османский флот во времена Сулеймана Великолепного и Селима II находился на пике своего могущества и боеготовности, но в XVII веке быстро деградировал. Согласно армянскому автору Еремии Челеби, половина корабельных «форм» на верфях обветшала или вообще превратилась в обломки. В отдельные годы на воду спускалось не более 10 судов. Остро не хватало финансовых средств, строительных материалов и рабочей силы. В XVI же веке, согласно регламенту, арсенал ежегодно спускал на воду не менее 40 галер.

В арсенал привозили лес с берегов Черного моря и из района Измира, битум, гудрон, смолу из Албании и Митилены, железо из Салоник и придунайских областей, жир из Кафы, Варны и с острова Хиос, коноплю из Египта и западной Анатолии, снасти и канаты из Трапезунда (Трабзона), парусину из Анатолии, Египта и Мингрелии, медь из анатолийских рудников, железо и олово из стран Запада, главным образом из Англии. Но в XVII веке недостаточно было иметь порт, арсенал, строительные материалы и рабочую силу. Требовалась творческая работа и умение координировать многочисленные операции. Равно как и финансовые ресурсы. Ничего этого в Оттоманской империи не было. Поэтому упадок османского флота прогрессировал. Империя утратила господство на Средиземном море. Теперь иностранные флоты господствовали на всех морских торговых путях. Это ощущалось даже в Стамбуле, которому вроде бы не грозила военно-морская блокада. Все больше иностранных

торговых судов появлялось в стамбульском порту. Европейские товары вытеснили турецкие во всех сферах уже в XVIII веке.

Как писал французский историк Робер Монтран, «если принять во внимание огромную территорию, могущество и богатство Османской империи, особенно в XVI веке, пристани столицы отражали эпоху самой лихорадочной, самой кипучей деятельности, обусловливаемой всевозраставшим притоком населения, которое нужно было кормить, и огромным объемом строительных работ, предпринятых султанами и высшими сановниками, требовавшими постоянного подвоза в соответствующих количествах строительных материалов. Само богатство правителей стало призывом к расширению потребления как товаров широкого спроса (продовольствия в первую очередь), так и предметов роскоши. Все эти факторы благоприятствовали развитию торговли лишь в одном направлении – в направлении роста импорта продовольствия, других товаров конечного потребления, а также сырья для обрабатывающей ремесленной промышленности, частной и государственной. Эта активность порта сохраняла, как кажется, свой прежний ритм и в следующем, XVII веке, поскольку население столицы продолжало еще увеличиваться, но уже не было прежнего подъема, прежнего ускорения. Наступила, по-видимому, эпоха стагнации – впрочем, при сохранении весьма высокого уровня развития.

Да, торговля Стамбула была однобокой, так как этот великий город ничего не производил на экспорт. Практически все произведенное государственными мастерскими и ремесленниками-частниками в столице же и потреблялось, а вывозимые на Запад товары производились вне Стамбула».

Заметим, что не только Стамбул, но и вся Османская империя все меньше экспортировала товаров, что увеличивало дефицит бюджета.

Еще Филипп дю Фресне-Канэй в 1572 году утверждал, что «у турок хватает прекрасных мастеров и ремесленников во всех отраслях». А Пьер Белон полагал, что «турки обожают белоснежное кружевное, вышитое белье… Европейское белье по сравнению с турецким – грубой выработки».

Век спустя брабантские кружева и другие произведения европейских мануфактур вытеснили с внутриосманского рынка продукцию турецких мастеров.

Стамбул стал всего лишь центром транзитной торговли, через него на Запад шел поток восточных экзотических товаров – из стран черноморского бассейна, с севера Анатолии или из более отдаленных Армении и Ирана. Хотя Турция и обладала торговым флотом, который находился в собственности у частных

владельцев (государственного не существовало), он не осмеливался выходить за пределы вод Османской империи. Турецкие судовладельцы (независимо от национальности) не рисковали вести торговлю в западных портах Средиземного моря, не говоря уже о том, чтобы торговать в Англии или Голландии. Поэтому купцам с Запада без большого труда удалось завоевать турецкий рынок. Это произошло во второй половине XVII века, когда начавшийся упадок Османской империи стал очевиден всему миру.

Брошенный турками вызов был принят, и уже в середине XVI века наметились первые признаки кризиса османской военной системы. Стремительное развитие огнестрельного оружия и растущая насыщенность разными его видами европейских армий делали борьбу с ними для султанских ратей все более и более тяжелой. Победы доставались все более и более дорогой ценой, и об этом свидетельствовали тяжелые бои с переменным успехом в Северной Африке с испанцами, неудачная осада Мальты в 1565 году и особенно поражение при Лепанто в 1571 году. После этого поражения турецкий флот навсегда утратил гегемонию на Средиземном море.

Битва при Лепанто состоялась 7 октября 1571 года в Патрасском заливе у мыса Скрофа между флотами Священной лиги, в которую входили папа Пий V, Венеция, Мальтийский орден, Испания и зависимые от нее итальянские государства, и Османской империи.

25 мая 1571 года в Риме был заключен официальный союз между папой Пием V, испанским королем Филиппом II и Венецианской республикой. Союзники обязались выставить флот из 200 галер и 100 более крупных транспортных судов и армию из 50 тыс. человек пехоты (испанских, итальянских и немецких наемников) и 4,5 тыс. кавалерии с сильной артиллерией.

В состав союзного флота, одержавшего победу в битве при Лепанто, входили: 81 галера и 12 боевых кораблей Испании под командованием генуэзца Джованни Андреа Дориа, внучатого племянника знаменитого адмирала Андреа Дориа, который много раз громил турок и алжирских пиратов; 12 папских гал ер во главе с адмиралом Марком Антонио Колонной; 108 галер, 6 галеасов и 2 боевых корабля венецианского адмирала Себастьяна Веньеры; 3 мальтийские галеры; 3 галеры герцога Савойского и ряд других мелких судов. Кроме моряков, в состав флота входили абордажные команды из 12 тыс. итальянцев, 5 тыс. испанцев (среди них был будущий автор «Дон Кихота» Мигель Сервантес), 3 тыс. немцев и 3 тыс. добровольцев разных национальностей.

Силы турок насчитывали около 220 галер и 66 галиотов.

Общая численность команд и абордажных отрядов могла достигать 88 тыс. человек (из них около 16 тыс. в абордажных командах).

Главнокомандующим флота и армии Священной лиги был назначен дон Хуан Австрийский, внебрачный сын императора Карла V. Дону Хуану было только 26 лет, но он уже имел репутацию опытного военачальника.

Турецким флотом командовал Али-паша Муэдзинзаде, муж одной из дочерей султана Селима II.

В середине мая 1571 года к берегам Кипра подошел турецкий флот из 188 судов с 80-тысячным десантом. Флотом командовал Али-паша, а десантом – Нала Мустафа-паша. Высадка произошла 3 июля. Летом 1571 года турки осадили кипрский город Фамагусту, который 1 августа сдался, оказав упорное сопротивление. Турки, разозленные большими потерями, нарушили условия капитуляции и устроили резню в Фамагусте.

С начальника гарнизона капитана Маркантонио Брагидино с живого содрали кожу. Ее набили соломой и хлопком, взвалили на корову и торжественно провезли по городу. Говорят, несчастный капитан был жив еще три дня.

Отплывая 22 сентября с Кипра, Мустафа-паша в качестве трофея прихватил с собой и кожу Маркантонио Брагидино и подарил ее Селиму II. А 10 лет спустя некий Джироламо Полидоро, один из немногих уцелевших жителей Фамагусты, выкрал кожу из стамбульского арсенала и передал ее сыновьям Брагидино.

Случай Фамагусты доказывает, что преемники Сулеймана Великолепного вели войну менее рыцарски, чем он, и не гнушались нарушать условия сдачи. Подобное поведение наносило Османской империи лишь вред, поскольку заставляло гарнизоны других осажденных крепостей сражаться до последнего человека, с сознанием, что в случае сдачи пощады не будет. Это хорошо понимал Сулейман Великолепный, но не его преемники.

В связи с подходом основных сил союзного флота турецкий флот отступил в Лепанто, где за узким проливом чувствовал себя в полной безопасности, ожидая подкреплений. Через месяц начинался сезон бурь, и союзникам пришлось бы укрыться в портах. В рамках подготовки к кампании будущего года Алипаша Муэдзин-заде, заменивший Пиале-пашу на посту командующего флотом, отправил отряд из 60 галер в Эгейское море за подкреплением и припасами. Дон Хуан только 24 августа прибыл в Мессину и вышел оттуда 15 сентября, когда Али-паша уже ждал его в Лепанто.

На рассвете 7 октября 1571 года союзный флот подходил к острову Петала. Одновременно в бухте Калидон снялись с якоря и турки, не подозревавшие о близости противника, и двинулись к выходу в открытое море. Наблюдатели союзного флота обнаружили паруса турецкого флота раньше противника, поскольку союзники шли на веслах. Дон Хуан тотчас вошел в пролив между островом Оксия и мысом Скрофа и дал сигнал «выстроить линию баталии». Турки увидели передовые суда союзников только тогда, когда те уже выходили из пролива. Флот Али-паши начал строиться в боевой порядок. Для обоих противников столкновение оказалось неожиданным. Дон Хуан полагал, что турецкий флот стоит в Лепанто, а Али-паша думал, что христианский флот стоит на якоре у острова Кефалония.

Турки, казалось, были в более выгодном положении, поскольку находились на широком плесе и могли развернуться. А флоту дона Хуана перед построением боевого порядка надо было по частям выйти из узкого прохода.

К началу боя у турок было 210 галер и 66 галиотов против 201 галеры и 6 галиотов у союзников. Но галиоты из-за своей маневренности не могли вести бой в одном строю с галерами. На турецких кораблях было только 2,5 тыс. янычар, вооруженных аркебузами, а остальные солдаты были вооружены только луками. Кроме того, на турецких галерах не было никаких приспособлений для ведения ружейного и артиллерийского огня. Через возвышенные носы галер трудно было стрелять прямо вперед. Солдаты союзников были защищены железными шлемами и кирасами, а рыцари были закованы в латы с головы до пят. Неприятельские стрелы могли угрожать им только с очень близкого расстояния. Дон Хуан приказал срезать носы галер, и на них были сделаны приспособления для устройства траверсов и щитов.

По плану боя, разработанному союзными адмиралами, боевой порядок должен был состоять из центра и двух крыльев. Флагманская галера дона Хуана находилась в середине центра, а рядом с ней стояли галеры адмирала Веньера и венецианского адмирала Марка Антонио Колонны. Сзади них должны были находиться несколько галер, предназначенных для поддержки адмиралов. Позади центра располагался резерв из 30 галер под началом маркиза Круца. Правым крылом из 58 галер командовал генуэзец Андреа Дориа, а левым из 53 галер – венецианский адмирал Барбариго. Галеасы планировали выдвинуть вперед. Обладая сильной артиллерией и большим количеством солдат, они должны были выдержать первый натиск противника и нарушить его строй, подготовив условия для атаки галер.

Центром турецкого флота командовал сам главный адмирал Али-паша, окруженный галерами своих ближайших помощников. За центром находился турецкий резерв под началом губернатора острова Хиос. Левым крылом командовал самый опытный из мусульманских адмиралов алжирский вице-король Улудж-Али, а правым крылом предводительствовал вице-король Александрии Мехмет-Сирокко.

Обнаружив противника, турки быстро убрали паруса и стали строиться в боевой порядок. Особенно сильным было левое крыло. Пользуясь его длиной, Улудж-Али надеялся охватить линию противника и, когда центр и правое крыло уже выстроились, собирался продолжить медленное движение на юг.

Союзный флот в это время выходил из пролива между островом Оксия и мысом Скрофа, по очереди, начиная с правого крыла. Дориа, шедший в авангарде, так увлекся соревнованием с Улудж-Али, что в какой-то момент оказался даже впереди него, и между правым крылом и центром обозначился опасный разрыв. При этом восемь галер из отряда Дориа под началом сицилийского капитана Кардона, бывшего перед этим в разведке, сильно отстали из-за утомления гребцов. Спешно выходило из пролива левое крыло союзного флота, а резерв был еще далеко. Отстали также более тихоходные галеасы.

В 11 часов дня, когда уже заняло свое место левое крыло, из пролива показался резерв Круца. Дон Хуан на шлюпке с поднятым в руке крестом прошел вдоль линии своих судов, воодушевляя экипажи и обещая им от имени папы отпущение всех грехов.

На союзных галерах отковывали гребцов-христиан из числа преступников и выдавали им оружие, обещая свободу в случае победы. У турок же все гребцы были христианами, и их нельзя было освобождать, поскольку они могли перейти на сторону союзников. Галеасы центра и левого крыла выходили вперед. В это время наступил полный штиль. Волнение на море улеглось.

Вернувшись на свою галеру, дон Хуан поднял сигнал о начале боя. Противники быстро шли навстречу друг другу. Огонь галеасов вызвал в турецких рядах некоторое замешательство, но Али-паша вышел вперед на своей галере, и турецкие суда устремились за ним, так что тяжелые галеасы остались далеко позади и уже не могли принять участия в первой фазе боя.

Первыми столкнулись крылья, ближайшие к берегу. Из-за незнания местности Барбариго недостаточно близко держался к отмелям. Этим воспользовался Сирокко, и галеры правого фланга полным ходом обошли христиан и напали на них с тыла. Другие турецкие галеры прорвались в промежуток между левым крылом и центром союзного флота. Барбариго оказался окруженным со

всех сторон.

Когда начался абордажный бой, преимущество христиан в численности и вооружении обеспечило им победу на левом фланге уже к началу первого. Но в этом бою был смертельно ранен Барбариго.

В центре же к этому времени бой еще был в полном разгаре. Он кипел вокруг галер главнокомандующих и их соседей, где у турок были лучшие галеры и основная часть янычар. Абордажные партии то врывались на галеру дона Хуана, то на галеру Али-паши. Столпившиеся вокруг них галеры образовали как бы один помост, по которому подходили подкрепления. В итоге христиане одержали верх.

Али-паша был убит. Сопротивление турок слабело, и одна за другой их галеры сдавались союзникам.

Однако победа христиан еще не была полной. Около полудня Улудж-Али, внезапно повернув с большей частью своего крыла, обрушился на правый фланг центра союзников и смял его. Но как раз в это время христиане захватили галеру Алипаши, и дон Хуан бросился на помощь к атакованному флангу. Туда же поспешил и маркиз Круц с резервом, а с тыла к галерам Улудж-Али приближался Дориа.

Улудж-Али, поняв безнадежность своего положения, вынужден был бежать. Всего с 13 судами он ушел в море. Еще 35 турецких судов сумели прорваться к Лепанто.

Победа союзников была полной. 15 мусульманских галер было потоплено, 190 взято в плен (по другим данным – 107 потоплено, 117 захвачено), 12 тыс. христианских невольниковгребцов освобождено. Турки потеряли около 15 тыс. солдат и матросов убитыми. Около 5 тыс. турок попали в плен. Еще около 10 тыс. гребцов-христиан потонули вместе с турецкими кораблями. Потери союзников составили около 7,5 тыс. человек убитыми, около 8 тыс. ранеными, не считая большого количества убитых гребцов.

После победы у Лепанто вся Европа возликовала. Повсюду звонили колокола и сверкали фейерверки.

Победа была достигнута за счет превосходства европейцев в огнестрельном оружии и в уровне подготовки пехоты.

Поражению турок способствовало то, что большое количество турецких кораблей скопилось в тесном устье залива недалеко от города Лепанто, где они не могли маневрировать. В этих условиях особенно очевидным был перевес более крупных галер, лучшего вооружения и более эффективного огня европейцев. Турецкий флот был плохо оснащен, а солдаты не имели достаточной подготовки для морского похода. Да и второго

Барбароссы среди турецких адмиралов не нашлось, а гибель опытных капитанов и экипажей оказалась невосполнима, в отличие от потерянных галер, которых уже на следующий год построили столько же, сколько было потеряно в сражении.

Тот факт, что союзники не реализовали плоды победы у Лепанто, принципиально ничего не менял в судьбах Османской империи. В сражении при Лепанто и в последующих войнах все ощутимее давал о себе знать перевес европейцев в вооружении и технике. В XVII веке на морях господствовали уже крупные артиллерийские корабли, которых турки строили гораздо меньше и хуже, чем их европейские противники. Османские армия и флот все больше уступали европейским армиям и флотам в уровне подготовки личного состава.

Индивидуальному бойцу-профессионалу, мастерски владеющему холодным и огнестрельным оружием, были противопоставлены слаженные действия десятков и сотен солдат и офицеров, сражавшихся как одно целое. Именно об этом и писал Р. Монтекуколи, когда подчеркивал, что «…варварские народы всю свою силу и надежду ставят в великом числе и свирепстве людей; а христианская регулярная армия уповает на храбрость и добрый порядок войск своих».

Турецкие порты на африканском побережье уже к середине XVII века превратились в захолустные владения турецких бейлербеев, которых периодически сменяли по приказам из Стамбула. Но основную роль здесь играли местные рейсы – предводители пиратов, контролировавшие прибрежное судоходство. Они строили роскошные дворцы в портах и жили в свое удовольствие, без какого-либо реального контроля со стороны центральных властей.

Демографический взрыв в Турции совпал по времени с европейской «революцией цен», одной из причин которой был массированный приток драгоценных металлов из испанских и португальских колоний. Рост военных расходов и не слишком удачные войны, добыча от которых не покрывала, как ранее, затраты, вкупе с «революцией цен» способствовал возникновению ранее практически неизвестного османским властям бюджетного дефицита. Его рост наглядно характеризуют следующие цифры: в 1564 году он составил 66 юков акче (6,6 млн акче), в 1591–1592 годах – уже 700 юков, а в 1596–1597 годах – ни много ни мало 6 тыс. юков акче. И это при том, что доходы казны не стояли на месте, а постоянно росли – с 1830 юков акче в 1564 году до 3 тыс. юков в 1596–1597 годах.

Как писал российский историк М. С. Мейер, «расширение масштабов денежного обращения оказало серьезное влияние и на

господствующий класс страны, изменив сферу его материальных интересов и сам образ жизни. Во второй половине XVI в. в империи сложилось такое положение, когда потребности феодалов в деньгах стали быстро возрастать, а возможности поступлений начали сокращаться…». Стремительно пустеющая казна была уже не в силах регулярно выплачивать жалованье чиновникам, и они пустились во все тяжкие, компенсируя недостачу поборами с населения. Центральные власти были вынуждены смотреть на это сквозь пальцы, хотя самоуправство и злоупотребления чиновников на местах наносили огромный вред интересам короны.

В казну поступала в лучшем случае треть от всех собираемых налогов.

Без контроля со стороны Сулеймана и его визирей доходы от торговли стали прилипать к рукам более не связанных никакими ограничениями чиновников всех уровней, начиная от самих великих визирей, и они более не возвращались уже в султанскую казну. Значительно возросли налоги, а пошлины стали взиматься со всякой коммерческой сделки. Зачатки этого процесса были уже во времена Сулеймана Великолепного, но тогда, по крайней мере, гигантские состояния великих визирей не уходили из казны. В начале XVII века годовые доходы Османской империи выросли до более чем 8 млн золотых дукатов, а в середине того же века они составляли около 11 млн дукатов. Распродавались ленные владения, падала мощь армии, обесценивались деньги.

Верфи из места создания сильнейшего в Средиземноморье флота превратились в синекуры для фаворитов, источник коррупции и незаконного обогащения. Из казны на флот по-прежнему выделялись огромные средства, только вот судов строили все меньше и худшего качества. Корабли, экипажи которых состояли на жалованье и довольствии государства, почти не выходили в море, а их капитаны давно уже забыли о военной добыче, которая при Сулеймане Великолепном позволяла держать флот на самоокупаемости. И великие адмиралы в Турции перевелись, равно как и военные полководцы. После 1640 года в составе флота числилось 460 галер, из которых не более 150 действительно выходили в море.

Пришлось формировать команды кораблей из дисциплинированных янычар, которые к морской службе были не приспособлены и ее не любили, считая чем-то унизительным для себя. Как утверждал французский писатель XVII века Мельхиседек Тевено, турки «укомплектовывают экипажи кораблей в основном солдатами и даже янычарами, но те, кого не радует расставание с берегом, идут в море против своей воли. И если у них появляется

возможность откупиться от службы или сбежать, они это делают. Тех, кто отбывает сезон судоходства на кораблях, называют сафарли, то есть путешественниками. Три дня перед отходом кораблей они слоняются по улицам с тесаками в руках, выбивая асперы из повстречавшихся на пути христиан и евреев, а иногда и турок».

Конечно, с такими экипажами трудно было рассчитывать на успех в сражении.

На коррупцию чиновников верфей указал британский консул XVII века Пол Рюкот: «Из-за большой себестоимости строительства галер и судов… оказалась истощенной казна империи. Из-за хищений чиновников и бездарного руководства верфи были сданы в аренду на три года вперед. Лишь благодаря мудрости знаменитого визиря Купрюлу все удалось выкупить и восстановить».

Он выявил еще один канал утечки доходов Османской империи, отметив, что «мы почувствовали пользу и преимущество свободной торговли и дружеских связей с турками… это началось во время правления благословенной памяти королевы Елизаветы… и, будучи усовершенствованным под блестящим руководством той самой уважаемой купеческой компании Леванта, принесло Британскому королевству большую выгоду, а также благосостояние многим тысячам англичан. Только благодаря свободной торговле его величество получает большие доходы от пошлин без малейших затрат».

То, что в «Датском королевстве» что-то неладно, было замечено наиболее прозорливыми государственными деятелями и мыслителями Турции еще во времена Сулеймана Великолепного, когда, казалось, империя находилась в зените своей славы и ничто не угрожало основам ее процветания. Еще Лютфи-паша, великий визирь Сулеймана, в своем сочинении «Асаф-наме», как писал М. С. Мейер, «прозорливо изложил круг вопросов, ставших узловыми для османских общественных деятелей конца XVI–XVII в.: рост дефицита государственного бюджета, кризис тимарной системы, укрепление позиций чиновно-бюрократической знати и торгово-ростовщических элементов, ухудшение положения райя в результате роста налогового бремени и произвола землевладельцев…».

Турция XVI века была типичным традиционным обществом, в хозяйстве которого главную роль играл аграрный сектор. От процветания турецкой деревни зависело процветание империи. Турция в XVI веке переживала подлинный демографический взрыв, но развивавшееся по экстенсивному пути сельское хозяйство, равно как и городская экономика, оказалось не

способным поглотить растущее число рабочих рук, и это неизбежно вело к усилению социальной напряженности. Но завоевания практически прекратились уже в последние десятилетия царствования Сулеймана Великолепного. Тогда Османская империя если чем и прирастала, то только отдаленными территориями в Северной Африке и на территории Иранской империи Сефевидов, которые из-за наличия обширного мусульманского неосманского и даже нетюркского населения не могли стать зоной османской колонизации. А только османское или отуреченное население империи, располагавшееся почти исключительно в Малой Азии и на Балканах, составляло основу турецкой военной мощи.

Новые походы требовали изъятия из деревни все новых и новых ресурсов – людских, материальных и финансовых, – что подрывало сельское хозяйство империи.

Главное же, завоевания турок в Европе прекратились потому, что возросло сопротивление их противников. Завоевания же в Азии и Африке практически не увеличивали военную мощь Османской империи, поскольку армии покоряемых народов стояли на гораздо более низкой ступени развития, чем турецкая армия, и в турецком войске могли играть лишь вспомогательную роль. К тому же они неохотно сражались за пределами своих территорий. Таким образом, азиатско-африканская часть империи все больше превращалась в обузу, выкачивающую силы и средства из Малой Азии и Балкан.

В Алжире, в частности, существовавшем за счет торговли и пиратства, местная община моряков пополнялась и выходцами из Европы, разбойниками и авантюристами: сицилийцами, генуэзцами, неаполитанцами, испанцами и даже англичанами. Позднее, в конце XVII и в XVIII веке, это космополитическое братство стало известно в Европе под именем пиратов с Варварского берега.

Османская империя уже не контролировала ни Средиземное море, ни свои африканские владения.

Между тем в середине XVII века в Европе были построены громадные океанские парусные корабли с мощным артиллерийским вооружением. Ни турецкие, ни алжирские верфи таких кораблей не строили. Османская империя отставала от Европы уже на целый век. Когда эти морские гиганты – британские, французские и голландские – появились в Средиземном море, худо стало и османскому флоту, и магрибским пиратам. К 1700 году военные эскадры Османской империи полностью исчезли из прибрежных вод Алжира, Туниса и Триполи. Здесь господствовали пираты, но их активность шла

на спад, и они больше не имели никакого отношения к Турции, разве что иногда добровольно помогали турецким султанам из чувства исламской солидарности.

Ко времени этих радикальных перемен в Западном Средиземноморье турецкий флот перестали бояться и в Восточном Средиземноморье. В Турции уже не умели и не могли строить корабли, способные на равных бороться с новыми кораблями и артиллерией европейцев. Сами турки грустно шутили: «Морские капитаны попрятались в женские корзинки для рукоделия».

Пол Рюкот зафиксировал этот перелом османского духа: «Турки, обеспокоенные ныне тем, что христиане противопоставляют им равную военно-морскую мощь и что с ними трудно вступать в открытые сражения, построили легкие суда с тем, чтобы им было удобно грабить, жечь и разорять побережье христианских стран и затем спасаться бегством. Они также наладили доставку солдат, снаряжение и продовольствие на Кандию (Крит) и другие завоеванные земли при помощи транспортных судов… Турки неохотно занимаются морскими делами, утверждая, что Аллах отдал море христианам, а им (туркам) – сушу».

Таким образом, уже в XVII веке турки вынуждены были на море обороняться от европейцев и постепенно переходить к тактике булавочных уколов по принципу «ударил (ограбил) – убежал».

Наверное, можно сказать, что Сулейман Великолепный сыграл в истории Османской империи примерно такую же роль, какую в истории Российской империи сыграл император Петр Великий. Петр приобщил Московскую Русь к достижениям европейской цивилизации, прежде всего в военной и военно-морской сфере. Он не только создал российскую армию и флот по европейским образцам, но и заставил правящий класс приобщиться к европейским культурным традициям. При Петре в России были созданы мануфактуры, государство поощряло развитие торговли и промышленности. Многие иностранные специалисты, приглашенные в Россию Петром для развития армии, флота и мануфактур, остались в России, стали основателями новых дворянских родов и вошли в состав российского правящего класса, причем для этого им даже не пришлось переходить из западного христианства в православие. Российская империя со времен царствования Петра начала играть важную роль в европейской политике, хотя действительно великой державой стала в середине XVIII века, в период Семилетней войны, а своего наибольшего могущества достигла в

первой четверти XIX века. Петр положил начало созданию в России европейской бюрократии, увеличил налоговое бремя, заставил дворян в обязательном порядке служить государству.

Сулейман, как и Петр, многое заимствовал из Европы, преимущественно в области вооружений, больше, чем его предшественники. Он не только воевал, но и торговал с Европой больше, чем прежние султаны. Сулейман, как и первый российский император, вел успешные завоевательные войны. Но при этом турецкий султан никаких военных или военно-морских реформ не осуществил, ничего из европейской тактики не заимствовал. Армия и флот достались ему в наследство от предшественников. Импорт из Европы при Сулеймане Великолепном возрос, но касался он почти исключительно предметов потребления.

Иностранцы играли важную роль в Османской империи в мореплавании, литье пушек и торговле. Но в правящий класс империи они так и не интегрировались, оставшись чужеродным элементом. Те же из них, кто принял ислам и превратился в чиновников и флотоводцев, переставали выполнять прежние функции. Поэтому застой в экономическом развитии Османской империи обозначился еще при Сулеймане Великолепном. С именем Сулеймана в отличие от Петра не связано никаких заметных реформ. Он лишь провел кодификацию османского права, чем упорядочил судебную систему, но новых законов, революционных по отношению к уже существующим, не ввел. Если Петр начинал путь вхождения России в европейскую политику, то Сулейман уже во многом завершал эпоху сильного влияния Османской империи на европейские дела. Именно при нем турецкие войска совершили наибольшие завоевания в Европе, и турок всерьез боялись в европейских столицах. Но если Россия после Петра Великого еще долго наращивала свое могущество и влияние на европейские дела, то Турция, достигнув максимального могущества при Сулеймане Великолепном, в дальнейшем постепенно клонилась к упадку. Если Петр создал в России условия для дальнейшего развития, в том числе и для территориального расширения империи, то Сулейман, доведя расширение Османской империи до ее естественных пределов, обусловленных не столько географическими рубежами, сколько уровнем сопротивления противостоявших империи государств, практически законсервировал и вооруженные силы, и социальную структуру империи. Профессиональную бюрократию европейского образца он так и не создал, и эта задача не была решена вплоть до краха Османской империи. Конечно, надо учитывать, что Петр Великий действовал на 150–200 лет позднее,

чем Сулейман. Европа за это время сильно изменилась, и российский самодержец имел перед собой более передовые европейские образцы, чем те, что существовали в эпоху Сулеймана. Та бюрократия, которую заимствовал Петр в начале XVIII века, во времена Сулеймана еще не сложилась. Но гораздо замечательнее было то, что за время, прошедшее от времен Сулеймана до времен Петра, Османская империя почти не изменилась. А если и изменилась, то только в худшую сторону. Аппетиты чиновников возросли, размеры взяток многократно умножились. Крестьяне стали жить еще беднее. Прежние тиариоты и займы или разорились, или разбогатели, но ни, те ни другие больше не желали нести тяготы военной службы. В результате турецкая конница, с которой столкнулась русская армия в Прутском походе 1711 года, была лишь бледной тенью той, с которой Сулейман Великолепный ходил походами в Венгрию и Молдавию. Янычары, краса и гордость армии Сулеймана, уже познали вкус власти и стремились стать «делателями султанов», больше заботясь о том, чтобы подольше побыть в Стамбуле и получить награды от повелителя правоверных, которого в случае чего можно было и сместить с престола. Именно угроза янычарского бунта заставила великого визиря Мехмеда-пашу согласиться на относительно умеренные условия мира с Петром, находившимся вместе с армией в безнадежном положении. О том же, чтобы завоевывать Украину и Польшу, турки в начале XVIII века даже не думали, стремясь лишь удержать под своим контролем побережье Черного и Азовского морей. Сил для дальнейшего расширения у Османской империи уже не было.

И расплата не замедлила последовать. Австрийская империя с конца XVII века, а Российская империя с 1730-х годов повели непрерывный натиск на позиции турок, шаг за шагом отвоевывая территории Османской империи. В результате уже к концу XVIII века на Балканах были полностью потеряны Венгрия, Хорватия, Воеводина и Трансильвания, отошедшие Австрии, а на востоке – вся территория Крымского ханства, в результате чего граница Османской и Российской империй отодвинулась к Днестру. В XIX и в начале XX века к дележке наследства «больного человека Европы» подключились другие европейские державы. Англия подчинила себе Египет и Судан, а заодно и Кипр и добилась независимости Греции. Франция захватила Алжир и Тунис, Италия – Киренаику и Триполитанию, а также Додеканесские острова. Не остались внакладе и прежние враги Османской империи. Австро-Венгрия захватила Боснию и Герцеговину, а Россия – Молдавию, Грузию и часть Западной Армении. Кроме

того, Австро-Венгерская и Российская империи добились независимости Сербии, Болгарии и Дунайских княжеств, образовавших Румынию. А новообразованные балканские государства в ходе Балканских войн 1912–1913 годов отвоевали у одряхлевшей Османской империи Албанию, Македонию и Северную и Западную Фракию. Надо отметить, что основной вклад в сокрушение Турецкой империи внесли две другие империи – Российская и Австро-Венгерская.

В результате к началу Первой мировой войны под контролем турок остались только восточная Фракия со Стамбулом, Малая Азия, Курдистан, Ирак, Аравия, Сирия, Ливан и Палестина, причем арабские провинции только и думали о том, как бы отложиться от империи.

Как известно, после Первой мировой войны Османская империя перестала существовать, и вместо нее родилась современная Турецкая республика, где султана Сулеймана Великолепного продолжают чтить как величайшего турецкого правителя, правившего до Ататюрка.

По иронии судьбы, в Первой мировой войне погибла не только Османская империя, но и два ее злейших противника – Российская и Австро-Венгерская империи. Но в данном случае никак нельзя сказать, что давние враги погубили друг друга в последней смертельной схватке. Хотя Россия и в Первой мировой войне традиционно сражалась против Турции, Австро-Венгрия на этот раз выступала в непривычной для себя роли союзника Османской империи. И борьба против русских армий на Кавказском фронте не была главной причиной общего поражения Турции. Напротив, после Брестского мира Кавказский фронт вообще исчез, и поражение турок стало следствием наступления британских войск на Палестинском фронте и капитуляции Болгарии после краха Салоникского фронта, что открыло союзным войскам дорогу на Стамбул. Точно так же и для России Кавказский фронт был сугубо второстепенным и сам по себе не мог стать причиной краха Российской империи.

Но все-таки можно сказать, что в конечном счете Османская империя сыграла в крахе Российской империи не последнюю роль, просто в силу своего географического положения. Дело в том, что Османская империя, владея черноморскими проливами, закрывала кратчайший путь снабжения России вооружением и стратегическими материалами из других стран Антанты. Дарданелльская операция 1915 года была предпринята Англией и Францией прежде всего для того, чтобы открыть черноморский путь снабжения России. После неудачи этой операции Россия значительно раньше истощила свои силы, чем это было бы в том

случае, если бы Англия и Франция имели возможность снабжать Россию через Черное море. А истощение сил привело к революции, крушению Российской империи, приходу к власти большевиков и выходу России из войны. Правда, Османскую империю это уже не могло спасти, равно как и Австро-Венгрию и Германию.

Сулейман Великолепный привел Османскую империю на вершину могущества. Турки его за это почитают великим. Но был ли он великим с точки зрения вечности? Как нам представляется, все-таки нет. Сулейман ведь сам не создал ничего, что способствовало бы его успехам. Турецкую армию главным образом создал его отец, и он же привлек на турецкую службу магрибского пирата Хайреддина Барбароссу, что обеспечило туркам господство в Средиземном море. В сущности, Сулейман продолжал плыть по течению событий. А ряд мер, предпринятых им, в частности введение режима капитуляций, лишь способствовал консервации социально-экономической отсталости Турции. Не был Сулейман, как кажется, и по-настоящему великим полководцем. Он не оставил нам никаких трактатов о военном искусстве, не изобрел никаких новых тактических приемов или стратегических концепций. Фактически Сулейман Великолепный одержал лишь одну победу в большой битве – в сражении с венграми при Мохаче в 1526 году. Однако победу обеспечили двухкратное превосходство турок в численности войск и почти четырехкратное – в артиллерии, а также фактическое отсутствие единого командования у венгров и ошибки, совершенные венгерской стороной. Вместе с тем Мохачская битва была единственным генеральным сражением, выигранным Сулейманом Великолепным, которое привело к решающим результатам. А вот ни одна из его многочисленных побед в Персии не привела к окончательному разгрому армии Сефевидов и полной победе.

В чем наш герой был действительно искусен, так это в дипломатии. Правильно выбранная тактика ведения переговоров позволяла успешно закреплять в мирных договорах турецкие завоевания. Но великий дипломат – это не всегда великий правитель. Тем более что во внутренней политике Сулейман так и не предпринял никаких значительных реформ. Вероятно, турки чтут Сулеймана Кануни прежде всего за то, что при нем были стабильность и порядок и никто не мог покуситься на турецкие владения, что резко контрастировало с ситуацией, сложившейся при его преемниках. Память о Сулеймане – это память о былом величии османов, о безвозвратно канувшем золотом веке.

Библиография

Кинросс, Лорд П. Расцвет и упадок Османской империи. М.: КРОНПРЕСС, 1999.

Лэмб Г. Сулейман Великолепный. Величайший султан Османской империи. 1520–1566. Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2010.

Мантран Р. Повседневная жизнь Стамбула в эпоху Сулеймана Великолепного. Пер. с франц. М.: Молодая гвардия, 2006.

Широкорад А. Б. Взлет и падение Османской империи. М.: Вече, 2012.

Ahmed, Syed Z. The Zenith of an Empire: The Glory of the Suleiman the Magnificent and the Law Giver. A. E. R. Publications, 2001.

Alum Bati. Harem Secrets. Trafford, 2008.

Atıl, Esin. The Age of Sultan Süleyman the Magnificent. Washington, D.C.: National Gallery of Art, 1987.

Barber, Noel. Lords of the Golden Horn: From Suleiman the Magnificent to Kamal Ataturk. London: Pan Books, 1976.

Bridge, Anthony. Suleiman the Magnificent, Scourge of Heaven. New York: F. Watts, 1983.

Clot, André. Suleiman the Magnificent: The Man, His Life, His Epoch. London: Saqi Books. 1992.

Downey, Fairfax. The Grande Turk: Suleyman the Magnificent, Sultan of the Ottomans. (New York: Minton, Balch, & Co., 1929.

Garnier, Edith L'Alliance Impie. Paris: Editions du Felin, 2008.

Greenblatt, Miriam. Süleyman the Magnificent and the Ottoman Empire. New York: Benchmark Books, 2003.

Imber, Colin. The Ottoman Empire, 1300–1650: The Structure of Power.

New York: Palgrave Macmillan, 2002.

Levey, Michael. The World of Ottoman Art. Thames & Hudson, 1975.

Mansel, Phillip. Constantinople: City of the World's Desire, 1453–1924. New York: St. Martin's Griffin, 1998.

Merriman, Roger Bigelow. Suleiman the Magnificent, 1520–1566. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1944.

Peirce, Leslie P. The imperial harem: women and sovereignty in the Ottoman Empire. Oxford Univ. Press, 1993.

Sicker, Martin. The Islamic World In Ascendancy: From the Arab Conquests to the Siege of Vienna. Westport, Connecticut: Praeger, 2000.